

ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

СЕРИЯ
ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

J. A. S.

ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
Г. П. МЯГКОВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Л. П. РЕПИНОЙ и Н. И. НЕДАШКОВСКОЙ

А К В И Л О Н

ББК 63.3
УДК 9/94
И 90

Рецензенты

д. и. н., профессор Казанского федерального университета *О. В. Сеницын*
д. и. н., профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского *А. А. Кузнецов*

ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ. К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
Г. П. МЯГКОВА / Под общ. ред. Л. П. Репиной, Н. И. Недашковской.
М.: Аквилон, 2022. — 432 с., с илл. (серия: Образы истории).

Сборник статей членов Российского общества интеллектуальной истории посвящен рассмотрению саморефлексии исторической науки в рамках антропологического подхода в историографии. Выход сборника связан с юбилейной датой руководителя Казанского отделения РОИИ, профессора Германа Пантелеймоновича Мягкова. Работы, вошедшие в сборник, объединяет антропологическая оптика, позволяющая найти органичные ракурсы изучения главного актора историографического дискурса – человека, интеллектуала и творца, писать «историю истории в человеческом измерении».

HISTORIANS ABOUT HISTORIANS. TO THE ANNIVERSARY
OF PROFESSOR GERMAN MYAGKOV / Ed. by L. P. Repina and
N. I. Nedashkovskaya. Moscow: Aquilo, 2022. — 432 p., with plates
(Images of History).

The collection of articles by members of the Russian Society for Intellectual History is devoted to the consideration of self-reflection of historical science in context of the anthropological approach in historiography. The release of the collection is connected with the anniversary date of the head of the Kazan branch of the RSIH, Professor German Panteleimonovich Myagkov. The papers are united by anthropological optics, which makes it possible to find organic perspectives for studying the main actor of historiographical discourse – a person, an intellectual and a creator, to write “the history of history in the human dimension”.

Научное издание

- © Л. П. Репина, Н. И. Недашковская,
общая редакция, составление, 2022
- © Коллектив авторов, 2022
- © Общество интеллектуальной истории, 2022
- © Издательство «Аквилон», 2022

ISBN 978–5–906578–83–9

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Г.П. МЯГКОВ

ИСТОРИК В «СВОЕЙ» НАУЧНОЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМА «ВНУТРИШКОЛЬНОЙ» КОММУНИКАЦИИ¹

Автор связывает присущую современной историографии тенденцию к созданию синтезированных, объемных историко-научных образов научных сообществ с освоением исследователями антропологической парадигмы. Однако антропологическая деконструкция жизнедеятельности научного сообщества и его отдельных членов не только открывает дополнительные возможности для изучения внутренних коммуникаций, но и порождает новые трудности, связанные с размыванием представлений о «схолярном» строе науки. Автор полагает, что преодолению последних служит выход за рамки «сетей общения» и осмысление научной школы как общности, сплачиваемой наличием элементов внутренней дисциплины и институционализации. Делается вывод, что особенности школы в исторической науке проистекают из того, что данная школа структурируется по «образцу и подобию» самой этой науки с ее индивидуализирующим методом познания.

Ключевые слова: научная школа, науковедение, антропологический поворот, межличностные коммуникации

В потоке историко-научной литературы обращают на себя внимание, по меньшей мере, две тенденции. Первая развивается под влиянием науковедения и выражается в представлении строя науки с точки зрения происходящих в ней процессов возникновения, формирования, развития и смены научных школ, направлений, течений. Так излагается история исторической науки в общих трудах по историографии; в них, как правило, нет места для выяснения отношений между учеными, не ставятся задачи анализа внутри- и межшкольных связей и отношений в научном сообществе. Вторая тенденция является, в известном смысле, реакцией на экспансионизм «школоискательства». Прежде всего, были высказаны сомнения «гносеологического» плана. Так, С.Н. Погодин, подчеркивая ценность такого явления как научная школа, подметил, что «вопрос о классификации историков несколько деликатен» – «чем значительнее фигура ученого, богаче его индивидуальность, шире кругозор, тем больше возражений против любой классификационной логики»². Симптоматично, что в своей монографии о «русской школе» ученый широко использовал биографический метод.

¹ Опубликовано: Мягков 2002. С. 115-118.

² Погодин 1997. С. 13.

«Проблему индивидуальности» как особенно важной и актуальной в современной российской историографии актуализировала М.Г. Вандалковская: «ставка на коллективизм» и, соответственно, преувеличение роли «школьности» в оценке деятельности ученого лишь уравнивает и усредняет творческое начало, ведет к обезличиванию³. Исследователь, разумеется, признает важность влияния на научную деятельность ученого таких компонентов как господствующие теории, общественный климат, мировоззрение, политическая ориентация, научная школа и т.д., но при этом акценты в предлагаемой ею модели историко-научного познания сделаны на проявление личностного начала, творческой индивидуальности ученого.

Между тем опыт развития исторического познания скорее говорит о том, что «школьность» и «индивидуализм» в творчестве историка соотносятся не как некие антиномии, а – скорее – представляют из себя базовые «классификаторы», соотношение между которыми и определяет главную «траекторию» научного движения исследователя – и как личности, профессионала, и как человека определенной эпохи. Соответственно и науковедческие практики, сориентированные – согласно избранной историком науки парадигмы – либо на «коллективистское», либо же «индивидуализированное» начала в деятельности ученого – навевают образ берегов, между которыми лавирует в своем движении историографическое познание.

Стремление к созданию синтезированных, объемных историко-научных образов проявилось в последнее время, в частности, в том, что ряд исследователей активно осваивают антропологическую парадигму историографического описания⁴. Понятие «историографический быт», которое мобилизуется в русле антропологической историографии, позволяет усматривать подспудные проявления «школьных образцов» в неявно выраженных правилах и процедурах научной жизнедеятельности. Эти нормы/процедуры, являясь важными атрибутирующими элементами общности ученых, будучи модифицируемыми в рамках «мини-сообществ» (внешне, по известным критериям, вовсе не выглядящих в качестве научных школ), тем не менее позволяют говорить о «школьном» влиянии там, где традиционная методология такового вовсе не усматривает. Более того. Антропологическая деконструкция

³ См.: Вандалковская 2000. С. 8.

⁴ См.: Зверева 1999; Корзун 2000 (б); Бычков, Корзун 2001.

жизнедеятельности научного сообщества и его отдельных членов открывает дополнительные возможности для осмысления внутренних коммуникаций, в частности, – согласимся с В.П. Корзун – «предоставляет более широкие возможности преодолеть детерминистские излишества в науковедческом анализе, вскрыть психологические механизмы функционирования науки...»⁵.

Но обращение к изучению межличностных коммуникаций – «наиболее интимной части рефлексивного пласта науки» (В.П. Корзун), в свою очередь, порождает новые трудности, ведет, в частности, к размыванию представлений о «схоларном» строе науки. Это происходит, по-видимому, когда историки науки, уходя от «засилья» принципа «школьной» организации творческого сообщества, *volens-nolens* гипертрофируют возможности «индивидуализированной» парадигмы. На основе результатов деконструкции «экзистенциальных пластов» взаимоотношений между видными учеными второй половины XIX – начала XX в. (В.И. Ключевский – П.Н. Миллюков, В.И. Герье – Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский – С.Ф. Платонов и др.) иные историографы фактически «отказывают» В.О. Ключевскому быть основателем научной школы, В.И. Герье и Н.И. Кареев оказываются в разных «школах».

Подобные примеры можно умножить. Приведем все же еще один. Ценным источником «историографического быта» историко-филологического факультета Московского университета конца 1880-х – начала 1890-х гг. являются записные книжки М.С. Корелина, с дневниковыми записями⁶. Из них можно вынести самые негативные оценки характера взаимоотношений в профессорской среде. Судя по картине, нарисованной учеником В.И. Герье, В.О. Ключевского и В.Г. Виноградова, соучеником Р.Ю. Виппера и П.Н. Миллюкова, говорить о каком-либо научном сообществе, именуемом в историографии «исторической школой Московского университета» (тем более единой) весьма проблематично.

На деле же науковедение «преодолевают» подобную «скандальную» ситуацию, выходя за рамки «сетей общения». Во-первых, придавая большое, подчас решающее значение коммуникативным основаниям школ, оно все же предлагает исходить из того, что научная школа – совокупность лиц, связанных генетически, т.е. формальным или неформальным ученичеством, и объединенных общей научной идеологией, т.е. совокупности

⁵ Корзун (а) С. 16.

⁶ См.: Макушин, Трибунский

идей. Последние во многом определяют подход ученого к выбору проблемы исследования, ориентируют на те или иные способы постановки задач и их решения и т.д. Научная школа, как подчеркивал П.Г. Виноградов, – «живой организм, а не простая совокупность отвлеченных мыслителей», и для нее, как и для всякой общности, характерно – вне зависимости от оценок ситуации самими ее представителями – наличие элементов внутренней дисциплины и институционализации. Какими бы ни были личностные отношения, они, как правило, не разрушают того, что В.С. Библер определил как «всемогущество совместного труда и всемогущество мегаколлектива»⁷.

Во-вторых, эволюция школы, ее программы выражаются через динамику деятельности субъектов школы. Движущей же силой эволюции научной школы является взаимное соревнование ее представителей за более полное и глубокое решение поставленных проблем. В свою очередь это соревнование приводит к тому, что внутри школы формируются относительно независимые группы исследователей, что влечет за собой рождение дочерних школ и разложение прежних.

Наконец, школа в исторической науке, в гуманитарных науках в целом, вообще отличается от более компактных и внутренне спаянных школ в естествознании. «Конкуренция» в школах историков оказывается столь же относительным феноменом, как и «консолидация» отдельно взятой школы. Вместо «конкуренции» вполне возможна «интерференция» (т.е. взаимное пересечение) научных школ, следствием чего оказывается пребывание тех или иных ученых или групп их в двух-трех школах сразу. Отсюда же проистекает и большая легкость миграции индивидов из одной школы в другую.

Эти особенности школы в исторической науке принципиально проистекают из того, что данная школа структурируется по «образцу и подобию» самой этой науки с ее индивидуализирующим методом познания. «Индивидуализм» предмета порождает «индивидуализм» метода и «индивидуализм» познавательной деятельности. При этом схолярные признаки не исчезают, они только обретают «гуманитарное» своеобразие. Собственно, последнее и получает отражение в эго-документах, повествующих о жизнедеятельности российских ученых XIX – начала XX веков.

⁷ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991. С. 170.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.
- Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001.
- Вандалковская М.Г. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда / Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век. Омск, 2000.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание национальной историографии в конце XX века // Диалог со временем. М., 1999. № 1.
- Корзун В.П. (а) Межличностные коммуникации историков как отражение интеллектуальной напряженности (к характеристике познавательной ситуации на рубеже XIX – XX вв.) // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда / Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век. Омск, 2000.
- Корзун В.П. (б) Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000.
- Макушин А.В., Трибунский П.А. Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милюкове. URL: <http://www.main.vsu.ru/~hfcl/CdH/Articles/02-07a.htm>
- Мягков Г.П. Историк в «своей» научной школе: проблема «внутришкольной» коммуникации // Историк на пути к открытому обществу. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск: ОмГУ, 2002. С. 115-118.
- Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.

Г.П. МЯГКОВ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XIX В.: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ¹

В основу статьи положен текст выступления на научной конференции «Историческое знание и интеллектуальная культура» (РОИИ, Москва, 4–6 декабря 2001 г.). Продолжая исследование проблемы научного сообщества в исторической науке, автор ставит вопрос о возможности формирования научной школы всеобщей истории в Казанском университете в XIX – начале XX в., когда произошло складывание таковых в других университета Российской империи. Анализ объективных и субъективных условий и факторов развития университета приводит автора к выдвиганию гипотезы о том, что реальные условия для формирования персональных научных школ в области всеобщей истории в Казанском университете сложились только в начале XX в., и они могли возникать как «дочерние школы» по отношению к сложившимся в других университетах (московской, киевской и др. школ).

Ключевые слова: Казанский университет, научная школа, всеобщая история, славяноведение, В.И. Григорович, Н.А. Осокин, М.М. Хвостов, В.К. Пискорский

Для современного этапа развития историографии характерно возрождение интереса к феномену «региональных» научных школ во внутрисосийском научном пространстве. В трудах А.Н. Цамутали, Д.А. Гутнова, Б.С. Кагановича, Р.А. Киреевой, В.П. Корзун, С.И. Михайличенко, В.М. Панеяха, С.В. Чиркова, А.Е. Шикло, Б.М. Ягудина и др. конкретно поставлен вопрос о критериях их выделения, предложены результаты эмпирических и теоретических разработок проблемы.

Науковедение рассматривает научную школу как *локальное сообщество*. Научные школы формировались в XIX – начале XX в., как правило, на базе университетов. Каждый университет жил в условиях своей духовной атмосферы, присущего ему типа коммуникативных научных связей. Здесь складывались вокруг выдающихся ученых научные школы, осуществлялась передача научных традиций, что являлось одной из важнейших функций

¹ Опубликовано: Мягков 2001. С. 242–246. *От редакции:* статья открыла цикл работ автора, выполненных с учениками, в которых на широком источниковом материале представлен процесс развития науки всеобщей истории в Казанском университете. См.: Макарова (Недашковская), Мягков 2006а; Мягков, Макарова (Недашковская) 2006б; Мягков, Хамматов 2007; Мягков, Недашковская 2011; Мягков, Недашковская 2016; Мягков, Хамматов 2019.

научной школы. Но, выдвигая положение об университете как институциональной форме бытия научного сообщества с характерными типами научной культуры, исследователи, соотнося такие феномены, как «университет» и «научная школа», редко ставят вопрос о факторах, ускоряющих / препятствующих формированию последних в одно и то же время. Между тем проследить закономерности такого соотношения, а тем более в контексте внутри- и межуниверситетских связей было бы чрезвычайно актуально и важно.

Среди российских университетов Казанский университет занимает особое место. Второй – после Московского – по времени основания (1804 г.), он относился к числу провинциальных университетов. Но работа в нем ряда крупных, с мировым именем ученых, создание научных школ, прежде всего в области естественных наук, доставили университету широкую известность. «У него, – писал в 1885 г. В.И. Модестов, – была своя школа математиков, воспитанная знаменитым Лобачевским, у него была и до сих пор существует школа химиков, созданная Зининым и Бутлеровым и распространившаяся по другим русским университетам; в нем процветало преподавание славянских наречий в лице Григоровича...; он всегда имел крупных деятелей также и на медицинском факультете и иногда на юридическом (напр., Мейер). ...учреждения ценятся не по одному моменту их деятельности, а по всей ее совокупности. Если приложить к Казанскому университету такую именно мерку, то смело можно сказать, что ни один из русских провинциальных университетов не выдержит с ним сравнения»².

Вместе с тем обращает на себя внимание, что среди российских региональных (как правило, связанных с местным университетом) школ в области всеобщей истории – московской, петербургской, киевской – не фигурирует как таковая казанская историческая школа или школа(-ы), связанная(-ые) с именем(-ми) кого-либо из казанских «всеобщих историков», хотя среди последних имена Н.А. Осокина, М.М. Хвостова, И.Н. Смирнова, Э.Д. Гримма, В.К. Пискорского, чьи труды доставили российской науке европейскую известность. Возможно, в Казанском университете, давшем начало многим научным школам, отсутствовали предпосылки, которые бы могли обеспечить становление региональной научной школы в означенной области?

² Модестов С. 332.

Историографы предлагали следующие ответы. А.С. Шофман говорил о выдвинутой Казанским университетом «целой плеяде историков-античников, занявших важное место в исторической науке»³. Для исследователей казанского востоковедения XIX – начала XX в. Г.Ф. Шамова, Н.А. Мазитовой, С.М. Михайловой, Р.М. Валеева востоковедение выступало в виде особой казанской школы⁴. Филологи фиксируют Казанскую школу славистов и «прославленную Казанскую лингвистическую школу». Исследователь творчества казанских всеобщих историков Б.М. Ягудин, напротив, полагает, что говорить о существовании «казанской школы» последних оправдано только «с точки зрения географической». «Подходя же [к творчеству казанских всеобщих историков] с точки зрения принадлежности к какой-то единой, разделяемой большинством ученых историко-философской и теоретико-методологической концепции, мы вынуждены дать отрицательный ответ. Все историки, занимавшиеся в Казани всеобщей историей, были очень разными и непохожими. В их работах мы не обнаружили какой-либо преемственности по отношению друг к другу, хотя какое-то взаимное влияние, безусловно, было»⁵.

В.Д. Жигунин, попытавшийся доказать существование «казанской школы антиковедов», опираясь на комплексную интерпретацию формирования ее, выдвинул гипотезу о возможности такой научной школы. Его отправной тезис следующий: «Казань и в далеком прошлом, и в последующую – более близкую к нашему времени – эпоху находилась на стыке цивилизаций, поэтому интерес к древней истории в Казани и, в первую очередь, в Казанском университете, духовной академии был далеко не только научно-познавательным». В.Д. Жигунин обнаруживает у казанских антиковедов сходство тематики (история эллинизма), близость политических взглядов («колебания между консерватизмом и либерализмом»), определенные особенности познавательного метода⁶.

Действительно, хотя Казань и Казанский университет в целом жили в том же поле и ритме политических, общественных и духовных процессов, что и другие российские университетские города и университеты, но здесь были своеобразные условия, накладывавшие свою печать на развитие общественных наук.

³ Шофман 1956. С. 28.

⁴ См.: Мазитова 1972. С. 217; Валеев 1998. С. 3, 20 и др.

⁵ Ягудин 1998. С. 57.

⁶ Жигунин 1996. С. 82-84.

Прежде всего, они задавались тем, что Среднее Поволжье было «контактной зоной» цивилизаций, взаимодействия этносов, религий. Далеко не случайным, следовательно, становился повышенный интерес к ориенталистике, изучению культур проживающих в регионе народов, теоретической и практической работе в области языкознания. Вместе с тем Казань, как университетский центр, обнаруживала прочные традиции участия студенчества в общественно-политической борьбе.

Всеобщая история вошла в число предметов преподавания в Казанском университете с 1804 г. Первым профессором университета на кафедре всеобщей истории был приглашен воспитанник Ростовского и Геттингенского университетов П.А. Цеплин (читал всеобщую историю в 1805–1806; в 1813–1819 – дипломатику и политическую экономику). В 1807 г. его заменил П.С. Кондырев (1807–1823), ставший в 1820 г. первым профессором из числа выпускников университета. Но «внеакадемические» интриги, в т.ч. связанные с борьбой университетских «партий», ревизией университета М.Л. Магницким и его попечительством (1819–1826), властно влияли на содержание преподавания, приводили на кафедру людей, далеких от науки. В их числе выходцы из Германии – И.Е. Миллер (1808–1809), человек, по словам И.Ф. Яковкина, «без характера, ...без достаточных знаний», И.Г. Томас (1810–1819), хотя и читавший лекции на русском языке, но, по сообщению Н.П. Загоскина, совершенно не следивший за развитием науки. Имена сменивших их преподавателей В.Я. Баженова (1820–1831) и Г.С. Суровцева (1831–1839) стали, наряду с именем петербургского проф. А.А. Дегурова, нарицательными. Они не были специалистами по всеобщей истории, но их «творчество» запомнилось ученикам, по воспоминаниям которых один (Баженов), читая курс по программе, составленной в соответствии с указаниями Магницкого, «насиловал события, стараясь доказать, что источники последних скрываются в преданиях патриархов, даже апостолов», другой (Суровцев) – ввел такую систему «преподавания», когда студенты переводили труды иностранных историков, а профессор «критически разбирал не историю, а ...слог» этих переводов⁷. В 1839–1847 гг. преподавание всеобщей истории было поручено профессору кафедры русской истории Н.А. Иванову, который проделал эволюцию от преподавателя, оцениваемого как «истинный сеятель знаний» (И.И. Михайлов),

⁷ Мамаев 1901. С. 65.

к образу человека, который относился к слушателям, как к «заклятым врагам» (В. Назарьев). По воспоминаниям студентов, он «читал много дребедени», «разливал яд», придирался к каждой мелочи⁸. Бесцветным было преподавание и сменившего Иванова адъюнкта М.И. Славянского (1847–1857)⁹.

Подобную практику мы называем провинциализмом; она доминировала до конца 60-х гг. XIX в. На кафедре фактически не работали специалисты в области всеобщей истории, зачастую преподавание осуществлялось учеными, привлекаемыми с других кафедр (в их числе – востоковеды Ф.И. Эрדман (1833–1835), О.М. Ковалевский). Незначительной была исследовательская работа в области всеобщей истории.

Избежать или преодолеть означенную тенденцию (особенно при негативном влиянии на научное творчество социально-политических и идеологических условий России рассматриваемого времени) можно было только с появлением ученого (или ученых) особого рода, персоны, по определению М.Г. Вандалковской, которая была бы носителем некоего генетического кода, индивидуальности, позволяющей противостоять нивелирующим личность началам¹⁰. До конца 1860-х гг. среди казанских всеобщих историков таких не выявилось. Как звезды, мелькнули на небосклоне казанской всеобщей истории имена упомянутого П.С. Кондырева и Яна Верниковского, приступившего, по предложению Н.И. Лобачевского, с ноября 1830 г. к чтению курса древней истории. По утверждению его учеников, он для Казанского университета «был тем же, чем впоследствии Грановский для Московского, т.е. светилом науки; но Я. Верниковский имеет за собой первенство»¹¹. В сентябре 1833 г. от попечителя учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина последовал запрет «за преступные связи его с лицами, уличенными в злонамеренности против правительства» продолжать преподавание в университете. В результате, по словам А.С. Шофмана, Казанский университет потерял настоящего ученого¹².

⁸ Соколовский 1863. С. 20.

⁹ М.И. Славянский имел степень магистра русской истории, но он не согласился на предложение С.В. Ешевского передать ему чтение всеобщей истории, а самому взять преподавание русской истории. Ш.С. Хамматов справедливо связывает это с тем, что Славянский не желал работать над новым курсом и отстал от науки.

¹⁰ См.: Вандалковская 2000. С. 8-9.

¹¹ Мамаев 1901. С. 66.

¹² Шофман 1956. С. 5-6.

Вряд ли есть основания связывать развитие всеобщей истории в Казанском университете как предмета преподавания в 50-е гг. XIX в. с деятельностью «представителей школы Грановского в Казанском университете» (определение А.С. Шофмана) – магистра всеобщей истории И.К. Бабста и магистра всеобщей истории С.В. Ешевского. И.К. Бабст в 1851–1857 гг. преподавал политическую экономику и статистику на юридическом факультете, хотя и написал в Казани ряд трудов по античной истории, отличавшихся новаторскими началами, новизной вводимого фактического материала. С.В. Ешевский в 1855–1857 гг. читал русскую историю. Не оставили заметного следа в рассматриваемой предметной области ни защитивший магистерскую степень в Петербургском университете В.М. Ведров (1857–1859), ни выпускник Киевского университета Ф.М. Левандовский (1859/1860 уч.г.), интересы которого лежали в области педагогики, ни Н.А. Фирсов (1859–1867), ставший известным специалистом в области русской истории.

Но все же в рассматриваемый период 1810–1860-х гг. прорыв в деле формирования научной школы, к обретению известности за пределами университета и города в области истории, обращенной на Запад, удалось осуществить. Он был осуществлен В.И. Григоровичем (1815–1876).

Выпускник Харьковского университета, завершивший в Казани начатую в Дерптском университете, где обнаружил интерес к славянистической проблематике, свою научную подготовку и получивший в 1839 г. кафедру истории и литературы славянских наречий, В.И. Григорович стал одним из первых *университетских славистов*, что и открывало путь к созданию научной школы. В начале 40-х годов В.И. Григорович создает оригинальный план научного путешествия по зарубежным славянским землям, осуществленный им в 1844–1847 гг. Наукой признано большое значение этого путешествия для развития мировой славистики. Его результатами стало открытие и введение в научный оборот огромного комплекса источников, постановка и исследование целого ряда научных проблем, установление непосредственных научных связей с зарубежными учеными, общественными деятелями славянских стран. Но главным было то – здесь следует согласиться с А.С. Мыльниковым, – что в заграничная командировка формировала «достойного преподавателя»¹³.

¹³ Славяноведение 1988. С. 89.

Все знавшие В.И. Григоровича, как показал А.В. Сергеев на основе изучения архивных и мемуарных документов, находили, что он – человек сильной воли, твердого характера, большого гражданского мужества, высоких нравственных достоинств¹⁴. Эти личные качества, очевидно, и позволили Григоровичу преодолеть многообразные и многочисленные препятствия: «неблагоприятные условия, – подчеркивает его биограф А.И. Александров, – не воспрепятствовали ему выступить глашатаем крупных мыслей». Они же привлекали к нему студенческую молодежь как университета, так и Казанской духовной академии, где его преподавание «сделало эпоху». Потому у него было много учеников, в их числе известные ученые М.П. Петровский, А.П. Шапов, Н.Я. Аристов, А.И. Лилов, В.В. Лавровский, И.А. Худяков, П.А. Ровинский и др. К сожалению, В.И. Григорович покинул Казань в 1864 г.¹⁵

Исследованиями Григоровича по языковедению и истории славянских литератур, его смелыми опытами сравнительно-исторического осмысления последних было положено начало Казанской школы славяноведения, предметной областью исследования которой стали *славянские литературы и языки*. Она получила развитие усилиями его казанских учеников, прежде всего М.П. Петровского. В.И. Григорович стоял и у истоков *исторического славяноведения* в Казани, создавая такие работы, как «О Сербии в ее отношении к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» (1858), и ориентируя на исторические темы своих учеников, в частности, П.А. Ровинского. Но продолжения не последовало и возрождение этой отрасли в Казанском университете оказалось связано с трудами И.Н. Смирнова в 70–80-е гг. XIX в. Во вновь же образованном в Одессе Новороссийском университете В.И. Григорович преподавал в 1865–1876 гг.; он здесь также имел много учеников и последователей (Г.Е. Афанасьев, А.А. Кочубинский, А.И. Маркевич и др.).

Первым по-настоящему крупным всеобщим историком, воспитанным в Казанском университете, стал профессор Н.А. Осокин (1843–1895). Он проявил себя самобытным и талантливым

¹⁴ Сергеев 1978.

¹⁵ Объясняя свое отношение к городу и университету, В.И. Григорович писал: «Если часто было мне в Казани горько, тем не менее не перестану заявлять, что в Казани мне было теплее. Это следствие испытанных злых отношений (не университета)...» (цит. по: Сергеев 1978. С. 122). Ученый надеялся, что близость Одессы к славянскому миру даст новые возможности для научной работы.

историком, обнаружил потенциал ученого, способного встать в ряд с ведущими российскими медиевистами. Н.А. Осокин возглавлял кафедру всеобщей истории почти 30 лет (1867–1895). Его труды приобрели российскую и европейскую известность¹⁶. Но он, как свидетельствуют документы, пошел по пути, на котором успехи в науке и преподавательской сфере должны были обеспечить карьеру в общественной деятельности. Очевидно, в этой плоскости лежит причина того, что 1895 г. после смерти ученого не нашлось его учеников, кроме проф. И.Н. Смирнова, читавшего с 1881 г. историю древней Греции и Рима, готовых заместить его.

Уже тогда руководство историко-филологического факультета поставило вопрос о приглашении в Казань ученого, который бы «прошел научную школу у профессора П.Г. Виноградова или академика В.Г. Васильевского». Этот же вопрос о приглашении молодого преподавателя поднимался в 1900 г. проф. Ф.Г. Мищенко, думавшим о своем преемнике, затем в 1904 и в 1910 гг. после смерти проф. И.Н. Смирнова и проф. В.К. Пискорского. И ни в одном из этих случаев достойного кандидата из выпускников Казанского университета не находилось. Потому в 1896 году в Казань был переведен приказом по Министерству ученик В.Г. Васильевского и Н.И. Кареева, приват-доцент Петербургского университета Э.Д. Гримм (вернулся в Санкт-Петербург в 1898 г.), в декабре 1900 г. был «перемещен» в Казанский университет рекомендованный ему проф. П.Г. Виноградовым приват-доцент Московского университета М.М. Хвостов (1901–1918), в 1906 г. был приглашен известный специалист в области средневековой и новой истории, питомец Киевского университета, ученик И.В. Лучицкого проф. В.К. Пискорский (1906–1910), наконец, в 1913 г. штат кафедры пополнил ученик А.Н. Ясинского, магистр всеобщей истории, приват-доцент Юрьевского университета М.В. Бречкевич (1913–1918).

Только в начале XX в. в Казанском университете сложились условия для формирования научной школы в области всеобщей истории. Плеяда учеников В.М. Хвостова и В.К. Пискорского, пройдя созданную ими «кузницу ученых-историков», внесла значительный вклад в развитие отечественной науки. Среди них – Н.П. Грацианский, Г.П. Денике, В.Т. Дитякин, И.В. Миротворцев, А.Г. Муравьев, С.П. Сингалевич, В.Ф. Смолин и др.

¹⁶ См.: Ягудин 1998. С. 84.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в деле формирования научной школы (применительно к Казанскому университету) субъективный фактор играл решающую роль, без организующей роли личности в науке не могла проявиться и сила коллективного духа. Изначально школа, охватывающая изучение всей всеобщей истории в Казани, формироваться не могла, поскольку не было корней, из которых такая школа могла бы вырасти (подобно московской школе Т.Н. Грановского, который был «всеобщим историком» по своему духу). Но в Казани начали формироваться персональные научные школы, возглавляемые часто представителями различных научных школ, сложившихся в других городах (московской, киевской и т.д.). В перспективе это могло привести к дальнейшей консолидации (интерференции) этих «дочерних школ». Отчасти подобное развитие было характерно для антиковедов. Но этот процесс так и не завершился в силу субъективных причин (своеобразие личных судеб тех или иных историков, например, Н.А. Осокина), так и в силу причин объективных (резкий перелом в развитии исторической науки после Октябрьской революции). Следовательно, если говорить о формировании школы всеобщих историков в Казанском университете в XIX – начале XX в., то мы имеем дело с не завершившимися процессами, а лишь со *становящейся* школой со всеми особенностями этого становления.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.
- Вандалковская М.Г. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. Омск, 2000. С. 8-9.
- Жигунин В.Д. Антиковедение в Казани: специфика и основные тенденции развития // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996. С. 82-84.
- Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972.
- Макарова Н.И. (Недашковская), Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 430-440.
- Мамаев Н.И. Записки // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. LXXXIV. 1901. Апрель. С. 46-83.
- Модестов В.И. В Казани и в Киеве (1867–1877). (Отрывок из воспоминаний) // Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. Т. XXII. 1885. Октябрь. С. 321-343.

- Мягков Г.П. Всеобщая история в Казанском университете в XIX – начале XX в.: проблема формирования научной школы // Историческое знание и интеллектуальная культура / Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 242-246.
- Мягков Г.П., Макарова Н.И. (Недашковская). Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. Кн. 4. Казань, 2006. С. 62-76.
- Мягков Г.П., Недашковская Н.И. «Профессор славянских наречий» В.И. Григорович: Ученый vs Учитель (к проблеме реконструкции этических аспектов идентичности ученого) // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце 19 – начале XX в.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 6-14.
- Мягков Г.П., Недашковская Н.И. Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 292-311.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. В.К. Пискорский в Казани // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей. Казань, 2019. С. 86-115.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 259-289.
- Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
- Соколовский Н. Студенческие воспоминания // Русское слово. 1863.
- Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956.
- Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление Казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998.

Г.П. МЯГКОВ

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЗИТИВИСТСКИХ ИДЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Статья написана для сборника статей, посвященного 70-летию заслуженного деятеля науки России, профессора Б.Г. Могильницкого. Показано, что в сложившемся спектре и истории реакций на «вызов постмодернизма» в отечественном историознании приоритет в исследовании конкретных феноменов постмодернизма, его адресного изучения и критики принадлежал исследователям томской историографической школы. Эта критика была существенным моментом того движения к синтезу, которому положили начало основатели школы А.И. Данилов и Б.Г. Могильницкий. Анализ монографии Б.Г. Могильницкого «Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов» позволил сделать вывод, что новая отечественная историография должна в процессе своего становления с особым вниманием относиться к научным традициям «старого» позитивизма. Это не только возвращение к его опыту прочтения тех или иных источников, к опыту применения тех или иных исследовательских приемов, но и вместе с тем возвращение к теоретическим идеям и схемам, а особенно к методам их построений, которыми «старый» позитивизм может обогатить современную теоретико-историческую мысль.

Ключевые слова: постмодернизм, позитивизм, «русская историческая школа», томская историографическая школа, Б.Г. Могильницкий

Сложно определить природу того, что обозначается термином «постмодернизм». Неспроста И. Ильин ставит вопрос: «А существует ли сам феномен постмодернизма? Не очередная ли это фикция, результат искусственного теоретического построения, бытующего скорее в воображении некоторых западных теоретиков искусства, нежели в реальности современного художественного процесса?»². Однако, если применительно к сфере художественного творчества, явление постмодернизма действительно нередко оспаривается или, во всяком случае, ставится под сомнение, то несколько яснее и, можно сказать, интереснее обстоит дело в историографии, о чем выразительно свидетельствует дискуссия по вопросам гносеологии и методологии исторического исследования, проведенная в 1996 г. редколлекцией альманаха «Одиссей».

¹ Опубликовано: Мягков 1999. С. 89-98.

² Ильин 1996. С. 200.

М.А. Барг одним из первых определил феномен постмодернизма как «историографическую революцию»³, что соответствует оценке его как некоего синтеза «старых» и «новых» путей в исторической мысли. Осторожнее в оценках процесса А.Я. Гуревич, он отмечает: «Провозглашают коренную “смену парадигм” и даже новую “революцию в исторической науке”. Течение в историографии, которое связано с ревизией установившихся взглядов на профессию историков и которое приобрело определенное влияние, в особенности в США, – постмодернизм». Ученый не склонен безоговорочно соглашаться с присвоением постмодернизму парадигмального статуса и считает, что речь должна скорее идти о кризисе исторической науки: «Но, судя по многим симптомам, кризис в той или иной мере и, разумеется, в иных формах охватил историческое знание далеко за пределами нашей страны»⁴.

Истоки постмодернизма А.Я. Гуревич усматривает в ситуации влияния лингвистики и литературоведения на историческую науку, которая была уже готова воспринять эту идею: так среагировала на марксизм и структурализм та часть интеллектуалов, которые ставили перед собой цель освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее различными глобальными детерминизмами. Естественно, что с позиций постмодернизма привычное понимание исторической истины вызвало сомнение, а некоторые представители этого направления историознания вообще отрицают возможность обсуждения подобного вопроса. И неспроста. Историк столь же суверенно творит исторический текст, как создают его поэт или писатель. Согласно логике рассуждений постмодернистов, текст историка – это повествовательный дискурс, нарратив, подпадающий под те же правила риторики, которые характерны для художественной лингвы. А.Я. Гуревич риторически вопрошает о роли истины в историческом познании постмодернистского толка: «Если последовательно стоять на подобной точке зрения, то не окажется ли, что любая версия истории в равной мере имеет право на существование и безразлична к истине: она способна выразить, собственно, лишь взгляды и оценки автора исторического сочинения, взгляды, по сути своей субъективные»⁵.

Разумеется, в этом случае девальвируется ценность «теоретической истории». Метод, по замечанию адепта постмодернизма

³ Барг 1989. С. 45.

⁴ Гуревич 1996. С. 6.

⁵ Гуревич 1996. С. 6-7.

Р. Барта, «ни в коем случае не может быть эвристическим, имеющим целью расшифровку и получение известных результатов»⁶. Оценивая эту сторону концепций постмодернизма, Г.И. Зверева акцентирует внимание на ее крайнем субъективизме: «...там, где объективисты усматривают *реальность*, поборники новой эпистемологии констатируют *текст, текст без определяющих значений и грани*, бесконечную игру означающих... *Реальность* есть не что иное, как *культурный акт творения*, совершаемый автором... *Текст* автора предстает не как конечный результат творческой деятельности, а как открытие, изменчивое, текучее *пространство культурного... со-общения*»⁷.

А.Я. Гуревич и его коллеги беспокоятся о судьбе научной истории, расшатываемой постмодернистами. Если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смешивать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности. В результате произвольного распространения приемов и принципов деструкционизма на ремесло историка из истории испаряется вместе с истиной и время, образующее «фактуру» исторического процесса. Доведенные до предела, постмодернистские критические построения грозят разрушить основы исторической науки⁸. По словам Л.П. Репиной, главный вызов постмодернизма истории направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Именно в этом вызове Л.П. Репина видит причину, почему многие историки встретили «наступление постмодернистов» буквально в штыки. То поколение историков, которое завоевало ведущее положение в «невидимом колледже» на рубеже 60–70-х гг. и ранее, «тяжело переживает крушение привычного мира, устоявшихся корпоративных норм»⁹.

Позитивный момент постмодернизма А.Я. Гуревич и его единомышленники видят в том, что постмодернистская критика историографии обнаружила действительные слабости в методологии историков. «Она как бы разбередила раны, на которые ис-

⁶ Барт 1989. С. 566.

⁷ Зверева 1996. С. 13.

⁸ Гуревич 1996. С. 7.

⁹ Репина 1996. С. 25-26.

торики до недавнего времени не обращали должного внимания. Исторический источник вовсе не обладает той “прозрачностью”, которая дала бы исследователю без особых затруднений приблизиться к постижению прошлого. Сочинение историка действительно подчиняются требованиям логики и риторики...»¹⁰. Однако это вовсе не дает А.Я. Гуревичу оснований полагать, здесь *прямо* и *непосредственно* открывается путь к новой научности, ибо отказ от генерализирующего, структурного подхода – вовсе не гарантия движения вперед. Нарратив, описательная история, а также все, что с этим связано, столь же относительны, как и генерализация. Совершенно справедливо отмечает И.Н. Ионов: «Но сторонники этого пути решения проблемы (постмодернисты. – Г.М.) не всегда осознают, что и основа индивидуализирующего подхода – классическая герменевтика, построенная на идее субъект–объектного диалога историка и человека в истории – переживает столь же глубокий кризис»¹¹.

Следует отметить, что, по существу, приоритет в анализе этих сложных методологических вопросов принадлежит исследователям томской историографической школы. Еще в начале 90-х гг. томские историки и их коллеги, объединенные редакцией периодически выходящих сборников трудов «Методологические и историографические вопросы исторической науки»¹², обратились к исследованиям конкретных феноменов постмодернизма и к его адресному изучению и критике. Итогом этой работы стало появление в 1994 г. коллективной монографии «К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли». В этой монографии В.М. Мучник и И.Ю. Николаева писали: «Парадигмальная ломка современной исторической науки – обстоятельство достаточно очевидное и не раз зафиксированное... Доминанта процессов, происходивших в 70-х – начале 90-х годов в западной исторической мысли, гуманитарии в целом, – стремление преодолеть односторонний сциентизм в интерпретации дел человеческих, сохранив вместе с тем, по возможности, наработанное предшествующей традицией теоретико-методологическое наследие»¹³. В.М. Мучник и И.Ю. Николаева пытаются определить основную тенденцию постмодерна в историографии: «Сообщество историков от резкой конфронтации

¹⁰ Гуревич 1996. С. 7.

¹¹ Ионов 1996. С. 62.

¹² См.: Методологические и историографические вопросы 1990–1996.

¹³ К новому пониманию человека 1994. С. 5.

“старых” и “новых” путей историописания, характерной для 50–60-х гг., пришло к осознанию необходимости их диалога, выработки методологического инструментария, который мог бы сблизить гуманитарную и науку (тем паче, что наука компьютерной эпохи “в значительно большей степени гуманитарна, нежели наука предшествующего времени”), индивидуализацию и генерализацию, понимание и объяснение»¹⁴. Эта позиция, на наш взгляд, более синтетична и универсальна, нежели односторонняя критика постмодернизма с позиций традиционной структуралистской/марксистской методологий. Именно поиск синтеза представлял всегда наибольший интерес для томских историков и историографов. Поэтому возврат к нарративу, ставший символом нового «постмодернистского переворота», для томской историографической школы был всего лишь существенным моментом того движения к синтезу, которое было заложено основателями школы А.И. Даниловым и Б.Г. Могильницким.

В 60-х гг. Б.Г. Могильницкий выступил с фундаментальной монографией «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов». Уже здесь он отмечал, что «весь путь ее [исторической науки] развития свидетельствует о неразрывной связи исторического исследования с живой жизнью, с запросами современности. Изучение взаимодействия исторической науки и современности является одной из ин-тереснейших историографических проблем. Только через раскрытие многообразных влияний современности на историческую науку возможно подлинное понимание ее действительного развития»¹⁵. Историк в контексте эпохи! Эта весьма актуальная с точки зрения постмодернизма задача осознавалась томским исследователем тридцать лет назад. Б.Г. Могильницкий видел также, что «в известной мере можно даже утверждать, что сама действительность вооружает историка современными методами исследования прошлого»¹⁶.

Отметим, что Б.Г. Могильницкий, ставя проблему вписанности историка в контекст эпохи, отнюдь не превращался в антипозитивиста. Позитивизм (как, впрочем, и марксизм) феномен чрезвычайно сложный. И здесь, и там мы имеем дело с традицией, уходящей корнями в XIX век. Признавая в своей монографии большинство русских ученых конца XIX – начала XX в. позити-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Могильницкий 1969. С. 3.

¹⁶ Могильницкий 1969. С. 4.

вистами, Б.Г. Могильницкий критикует позитивизм за упрощенное понимание методологии познания¹⁷, но вместе с тем оправдывает в главном тогдашний позитивизм, указывая в первую очередь на характерный признак этой позитивистской историографии: «В полном смысле слова, они [представители «русской медиевистики» П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, В.К. Писковский и др. – Г.М.] являлись всеобщими историками... Вследствие этого всякая локализация научной специализации ученых такого масштаба всегда будет носить в известной степени условный характер»¹⁸. Это – одно из первых указаний отечественного историографа на приоритет русских историков-позитивистов в постановке проблемы исторического синтеза. Мы в наших публикациях попытались углубить этот тезис¹⁹, но развит он впервые в работах Б.Г. Могильницкого.

Для монографии Б.Г. Могильницкого характерен и ряд других блестящих догадок и находок относительно русской позитивистской историографической традиции. Так, весьма злободневна его оценка вклада русских ученых в медиевистику и роли этого вклада для политики и истории России. «Научная деятельность русских медиевистов, – пишет историк, – находилась в неразрывной связи с потребностью времени, являясь в определенном смысле отражением этой потребности. Изучение средних веков было показателем не ухода ученого от жизни, а, напротив, его стремления научно осмыслить ее, познать ее существенные связи. История Западной Европы вообще и средневекового Запада в частности является для русского либерализма школой политического опыта, уроки которого имели самое непосредственное значение для выработки его практической линии поведения по целому ряду актуальных вопросов русской жизни последней четверти XIX века, в особенности по важнейшему из них – аграрному»²⁰. Звучит очень современно, как будто это написано не в 60-х, а в

¹⁷ Ученый пишет: «Совершенно справедливо Виппер отвергает характерный для позитивизма гносеологический нигилизм, коренившийся в наивном убеждении в полной адекватности научных понятий реальной исторической действительности. Заслуживает внимания его постановка вопроса о своеобразии общественного познания. Он подчеркивает невозможность достижения в общественной науке беспристрастия, подобно тому, какое имеет место в естествознании» (Могильницкий 1969. С. 302).

¹⁸ Могильницкий 1969. С. 7.

¹⁹ См.: Мягков 1988.

²⁰ Могильницкий 1969. С. 53.

90-х гг. Но есть мысли о феноменах, на которые наши историографы пока еще не обратили особого внимания, а Б.Г. Могильницкий уже 30 лет назад дал анализ этим феноменам. Например, ниже следует совершенно блестящая оценка неполной значимости западноевропейского политического опыта для России и специфики понимания этого опыта русскими либералами: «Слишком большие трудности стояли на этом пути, слишком очевидным был разрыв между политической установкой (русского. – Г.М.) либерализма и действительным характером общественного процесса на Западе, чтобы можно было серьезному исследователю оперировать западноевропейским материалом для утверждения идеи о том, что существование общины совместимо с общественным и экономическим прогрессом в новое время»²¹. Б.Г. Могильницкий имеет в виду исследования средневекового общинного строя в Западной Европе как пути понимания совместимости общины и капитализма. Стоит и теперь приглядеться к этой мысли нашим современным либералам, которые готовы проводить прямые параллели между Западом и Россией.

Традиционный интерес Б.Г. Могильницкого (и всей томской историографической школы) к позитивистской историографии весьма симптоматичен. В «старом» российском позитивизме было, видимо, нечто такое, чего не знал даже западный позитивизм и до чего западная гуманитаристика в ряде случаев смогла добраться лишь через ряд десятилетий, – а именно до признания проблемы исторического синтеза как **проблемы**. Ярчайший пример – судьба Школы «Анналов»²².

Междисциплинарные подходы (в системе современных понятий), которые нащупывали представители «русской исторической школы» М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, и, в частности, кареевские «синтезы» исследуются рядом современных специалистов. В поисках новой российской историософии они признаны достойными внимательного изучения «не только по части выявления их источников, но и по части имеющегося в них рационального звена, связанного с преодолением абсолютизации социологии марксизма как якобы единственно допустимой трактовки социальных процессов и приемов их изучения»²³. Думается, впрочем, что дискурсы «русской историче-

²¹ Могильницкий 1969. С. 61.

²² См.: Афанасьев 1993.

²³ Сафронов 1995. С. 41.

ской школы» заслуживают внимания вовсе не только в связи с переоценкой марксизма; новая русская историография и историософия и должны, и будут сотворятся на основе отечественной научной традиции именно потому, что она – эта традиция – несет в себе идеи и подходы более внятно и удовлетворительно учитывающие особенности исторического пути России, нежели западноевропейские «исторические синтезы»; разумеется, это ничуть не умаляет научные потенции последних.

Следует иметь в виду, что дискуссия между сторонниками индивидуализирующего и генерализирующего методов, развернувшаяся в условиях конца XX века, имела место еще сто лет назад. Тогда она отражала поиск путей совершенствования методов исторических исследований. Сегодня – та же самая, точнее, подобная картина²⁴. Объект исследования историка начинает включать все более сложные компоненты. Кому могло прийти в голову в конце прошлого столетия рассматривать, как воспринимали цвет древние греки, или каковы особенности ментальности отдельных этнографических групп?

Речь в данном случае идет, повторяем, о прямой постановке вопроса о совершенствовании методов познания историком, на что, в сущности, и направляется внимание постмодернистов. И здесь на помощь приходит изучение историографического опыта, которое показывает, что многие идеи, познавательные формы и даже сам абрис исторического процесса в российской позитивистской историографии предвосхищал последующие решения, найденные в рамках западного позитивизма (школа Э. Дюркгейма, Школа «Анналов» и др.).

Эта способность к предвосхищению, очевидно, достаточно объяснима уже тем, что у российских позитивистов на рубеже XIX–XX вв. был более мощный, более активный идейный соперник, чем у западных их коллег. На Западе – это различные направления философского иррационализма, в России – прежде всего, ленинский марксизм, стремившийся к овладению сознанием и практикой жизни общества. Поэтому русские позитивисты вынуждены были торопиться, и в этой торопливости, более опираясь на интуицию, но основанную на фундаментальных историко-сравнительных, типологических исследованиях, проговаривались вплоть до прозрений, высказанных неторопливой западной историографией лишь через 30–40 лет.

²⁴ См.: Гуревич 1993. С. 16.

Поэтому прав Б.Г. Могильницкий, высоко оценивший теоретические размышления русских сторонников позитивизма (Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и др.). Возвращение к опыту «старого» позитивизма – это не только возвращение к опыту прочтения им тех или иных источников, к опыту применения тех или иных исследовательских приемов, но и вместе с тем возвращение к теоретическим идеям и схемам, а особенно к методам их построений, которыми «старый» позитивизм может обогатить современную теоретико-историческую мысль.

Примечательно, что в программной статье «Историческая наука на пороге XXI века» А.А. Искендеров, фактически считая позитивизм своего рода обочиной российского исторического сознания²⁵, ссылается на позитивиста Н.И. Кареева в формулировке теории прогресса и антропологической природы человеческой истории²⁶. Это вполне естественно: было бы мудрено не хвалить в современных условиях Кареева за это, коль скоро такое понимание истории становится наиболее авторитетным в современных условиях. Этот представитель «русской исторической школы», разрабатывая теорию исторического процесса, определял главной проблемой вопросы о роли личности в истории, формах человеческой активности, индивидуального и коллективного поведения. С изменением природы человека как главного объекта и субъекта истории, с улучшением «людской природы в умственном, нравственном и общественном отношении» он связывал исторический прогресс²⁷.

«Вся новая история, – писал ученый, – может служить самым лучшим опровержением социологической теории, которая принижает личность как деятеля истории, видя в последней одну безличную эволюцию, одно саморазвитие... культурных и социальных форм, не усматривая в ней стороны прагматической, т.е. деятельного участия человеческой мысли, человеческих желаний, человеческой воли в изменениях духовного и общественного быта, даже отрицая существование личного творчества, исходящего из индивидуальной инициативы, и сознательно, однако,

²⁵ Это следует из критики автором С.П. Рамазанова, который якобы «явно переоценивает влияние позитивизма на российскую историческую мысль и в то же время недооценивает присущих российской дореволюционной историографии оригинальности и самобытности» (Искендеров 1996. С. 30).

²⁶ Искендеров 1996. С. 22.

²⁷ Кареев 1879. С. 6.

ставящей себе цели общего значения»²⁸. Он заговорил об исторической психологии и ментальности²⁹.

Важно отметить сам факт органической связи теоретических и конкретно-исторических работ историка. Особенно нагляден в этом отношении оцененный Б.Г. Могильницким как «единственный в своем роде в русской историографии» и по замыслу, и по исполнению труд Н.И. Кареева «История Западной Европы в новое время». Широкий охват исторической жизни базируется на плюралистическом синтезе. Рассмотрению были подвергнуты все стороны социальной системы: и политическая, и социальная, и экономическая, и культурная. В этом и сказался позитивистский плюралистический синтез³⁰, позволявший практически преодолевать недооценку социальными историками прагматических фактов и роль индивидуальности, о которых в теоретическом плане речь шла в его социологических трактатах. Важное достижение Кареева – преодоление однобокости материальной и духовной истории, равное внимание к той и другой и «выход» на теорию взаимодействия, теорию взаимной дополнительности, которая обрела жизнь в отечественном обществознании под воздействием методик современного естествознания только на склоне XX века.

Другой представитель «русской исторической школы» М.М. Ковалевский требовал учитывать при исследовании общественной жизни наличие множества фактов (не факторов!) и функциональных связей между ними. Возможность воспринять эти «новации», сознательно включить их в «работу» отечественное обществознание получает, пожалуй, только ныне. Импульсы к такой работе историческая наука получает от наиболее продвинувшихся в XX в. научных школ и направлений, прежде всего школы «Анналов».

Значение наследия «русской исторической школы» для новой отечественной историографии наглядно видно, когда сталкиваешься с попытками наметить линии выхода исторической науки из кризиса³¹. Вклад исследователей томской историогра-

²⁸ Кареев 1893. С. 15-16.

²⁹ См.: Кареев 1919. С. 11-18. См.: Золотарев 1988. С. 66-76.

³⁰ См.: Сафронов 1995. С. 80.

³¹ Так, С.И. Луцицкая пишет: «Историческая наука устала от поиска метода, хочется опереться на эрудицию... соединить старый добрый позитивизм с новыми историко-антропологическими методами» (цит. по: Ляпустина 1999. С. 170). По мнению Д.Э. Харитоновича, «наступает поворот от общего

фической школы и особенно Б.Г. Могильницкого в разработку этих, казалось бы, частных вопросов о судьбах российской исторической науки трудно переоценить.

На фоне современных методологических поисков исследователей-гуманитариев работа томских ученых производит впечатление «острова» устойчивости, которой современникам так не хватает в наше релятивистски ориентированное время.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. М., 1980.
- Барг М.А. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45-56.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 5-10.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 11-24.
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева. Л., 1988.
- Ильин И. Постмодернизм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- Ионов И.Н. Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 60-80.
- Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4.
- К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994.
- Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.
- Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени. СПб., 1893.
- Кареев Н.И. Формула прогресса в изучении истории. Варшава, 1879.
- Ляпустина Е.В. Усталость от поисков метода? // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 169-173.
- Методологические и историографические вопросы исторической науки / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Вып. 19–22. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990–1996.
- Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969.

к частному в исторических исследованиях. Не отказываясь от всего, наработанного “историей структур”, – а как иначе выявить детерминированность того или иного феномена? – следует вернуться к точке на оси времени – единичному человеку, единичному событию» (Харитонович 1966. С. 175).

- Мягков Г.П. Современная дискуссия о постмодернизме и проблема преемственности позитивистских идей в отечественной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 25. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 89-98.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988.
- Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 25-38.
- Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
- Харитонович Д.Э. // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 173-175.

Т.Н. ИВАНОВА

НАСТАВНИЧЕСТВО И НАУЧНАЯ ШКОЛА Г.П. МЯГКОВА

В современной историографии развивается схолярное направление, занимающееся изучением феномена научных школ в развитии исторического знания. В статье констатируется успешное функционирование научной школы Г.П. Мягкова. По формальным признакам (количество защищенных под его научным руководством диссертаций, единство методологических установок, методических приемов и проблематики учеников в духе интеллектуальной истории) эту школу можно назвать «Казанской историографической школой», в которой четко выявляется роль её лидера. Однако, автор считает, что границы научного сообщества, консолидирующегося вокруг Г.П. Мягкова, значительно шире. Надо принимать во внимание принцип интерференции научных школ, активную деятельность Германа Пантелеймоновича по организации научных обществ, конференций, оппонированию диссертаций, редактированию монографий, журналов и сборников статей, его бескорыстную наставническую деятельность по консультированию молодых ученых. Деятельность Г.П. Мягкова по развитию системы научных коммуникаций, опеки молодых ученых, помощи и консультирования всех страждущих позволяет говорить о его наставнической научной школе. Ее рамки очень неформальны и определяются самосознанием ученых и их стремлением причислить себя к этому творческому сообществу.

Ключевые слова: Г.П. Мягков, «Казанская историографическая школа», наставничество в науке, наставническая научная школа Г.П. Мягкова.

Возросший интерес на рубеже XX – XXI вв. к изучению роли научных школ в развитии науки способствовал выделению особого схолярного направления в отечественной историографии. К достижениям этого направления можно отнести появление нескольких определений дефиниции «научная школа»; нескольких типологий этих сообществ / групп; выделение основных признаков, по которым можно определить само существование той или иной школы; выявление как роли научных школ в становлении науки, так и движущих сил их развития / распада. Глубокий анализ и историографическое осмысление феномена научных школ приведен в подробном очерке В.П. Корзун и Г.П. Мягкова¹. В конце упомянутой статьи высказывается сожаление о том, что в центре внимания исследователей находится, в основном, схолярная проблематика применительно к XIX – началу XX века².

¹ Корзун, Мягков 2017.

² Там же. С. 409.

Закономерность данного явления в русле известного выражения С. Есенина «большое видится на расстоянии» делает сомнительным объективный анализ ныне существующих научных школ. Однако это не мешает администрации российских вузов требовать от профессоров заполнения в отчетах графы о существующих в том или ином учебном заведении научных школах. При этом «власть предрешающие» не задумываются о сложных дискуссиях схолярной историографии. Как оценить научную школу, еще развивающуюся и эволюционирующую; классифицировать ныне живущего и творящего ученого, который, возможно, еще не раз меняет проблематику своих научных интересов, чьи ученики, возможно, еще не раз причислят себя к иным, еще только зарождающимся научным школам? Но административный разум дает нам точный критерий: если у ученого защитили диссертации определенное количество аспирантов, докторантов, соискателей, — значит, надо отчитаться: «научная школа существует».

В схолярной историографии все намного сложнее. Не секрет, что порою имя научного руководителя на обложке автореферата диссертации может не совпадать с тем именем, которое молодой ученый ассоциирует со словом «Учитель». Количество защищенных диссертаций не является показателем не просто качества, а иногда самого факта существования научной школы. К тому же, на мой взгляд, объективный исторический анализ требует повествования в прошедшем, а не в настоящем времени.

Так существует ли научная школа Г.П. Мягкова? Попробуем разобраться в этом вопросе, несмотря на все высказанные выше сомнения о сложности четкого определения границ и специфики ныне функционирующих школ.

Герман Пантелеймонович Мягков родился 10 июля 1946 г. в Ярославле, проведя детство и школьные годы в небольшом городке Данилове, что в 70 км от Ярославля. В связи с уже существующими о нем статьями и очерками в энциклопедиях и научных журналах отсылаем читателя к ним за подробностями его биографии³. Принципиально важным для нас являются не столько ступени карьерной лестницы, сколько факты формирования научного мировоззрения Германа Пантелеймоновича. С 1964 г. его жизнь связана с Казанским университетом и его учеными-историками. Своими учителями Г.П. Мягков считает известного

³ Историки России 2004: 123-124; Татарская энциклопедия 2008. Т. 4: 325; «Как он дышит так и пишет...» 2016; Бухараев, Гуревич 2016 и др.

антиковеда и историографа Аркадия Семеновича Шофмана; учителя «всех учителей истории» Казани и Поволжья Василия Ивановича Адо; американиста Петра Борисовича Уманского, под руководством которого были написаны первые труды Г.П. Мягкова; Григория Наумовича Вульфсона⁴. Вместе с тем Герман Пантелеймонович с особым чувством говорит, что особое влияние на него оказало общение, реальное ученичество у таких ученых, как классики советской медиевистики Борис Георгиевич Могильницкий и Евгения Владимировна Гутнова; крупнейший специалист по истории Великой французской революции, продолжатель дела «русской школы» Анатолий Васильевич Адо; известный историк социологической и исторической мысли Борис Григорьевич Сафонов. Герман Пантелеймонович подчеркивает, что отношения ученичества складываются не только по линии взаимоотношений представителей разных поколений, только между «отцами и детьми», а потому в числе формировавших его интересы, помогавших в реализации научных замыслов должны быть названы и его коллеги, ближайшие друзья, о чем можно прочитать в ряде его статей и воспоминаний⁵. Широта научных интересов наставников Германа Мягкова отразилась и в проблематике его трудов. Однако тяготение к историографическим исследованиям можно считать соединяющим началом творчества его учителей. Так, в одной из энциклопедий в качестве области интересов Г.П. Мягкова последовательно перечисляются: «историография, медиевистика, методология истории, история исторической науки в России, науковедение». Заметим, что анализ списка научных трудов ученого дает нам еще большую широту проблематики его исследований.

Широкое признание Г.П. Мягкова связано с его исследованиями, посвященными «русской исторической школе» и феномену научной школы⁶. Две его монографии, посвященные этим сюжетам, имеют очень высокий уровень цитирования. В современной историографии эти книги признаны вехой в конкретно-исторических и теоретических поисках в scholarly проблематике⁷. Отметим значимость исследований Г.П. Мягкова, посвященных анализу научного творчества М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, В.И. Герье и др.⁸

⁴ Королев, Мягков 2000; Мягков 2009: 72–98.

⁵ Мягков 2003; Бухараев, Мягков 2020; Мягков 2018.

⁶ Мягков 1984; Мягков автореф. 2000; Мягков 2000; 1988 и др.

⁷ Чапкевич 1990; Зверева, Репина 2001; Золотарев 2005; Иванов 2003 и др.

⁸ Иванова, Мягков 2013 и др.

Какими же чертами должна обладать научная школа, по мнению специалистов схолярной проблематики? Г.П. Мягков выделяет единство конкретно-исторической тематики, методики и методологии как стержень существования научной школы. Важное значение имеет идейно-методологическая ориентация. Наряду с традиционными чертами научной школы (единство методологических установок, методических приемов и проблематики) Г.П. Мягков особое внимание уделяет «феномену общения», механизму научных коммуникаций, выделяя как одну из форм научной школы «незримый колледж», который обладает, «ее коммуникативными и даже психологическими характеристиками»⁹. При этом «научные школы являются открытыми системами, им присущи разнообразие внутришкольных ориентаций и даже парадигм, что приводит к явлению интерференции, взаимопересечению границ научных школ»¹⁰.

А.В. Свешников считает, что научная школа появляется и функционирует «в рамках каких-либо формальных структур», занимающихся профессиональной научной деятельностью, в рамках «общей для них академической дисциплины», у которой «есть устойчивый набор социальных ролей и социальных связей», когда есть ученые, считающие себя ее представителями, когда существует не только «сходство проблематики», но и набор школообразующих практик¹¹. Н.В. Гришина фокусирует внимание на роль лидера школы, саморефлексии ученых по поводу своей принадлежности к данной школе, проявляющейся, в том числе, в общественно-политической деятельности, системе преподавания и воспитания»¹². Т.Н. Иванова обращает особое внимание на существование особого алгоритма, вырабатываемого лидером школы для подготовки молодых ученых, на роль неявного, личностного знания в процессе передачи навыков и умений¹³. Типология научных школ различается критериями дифференцирования, например, географией размещения, проблематикой, дисциплинарной принадлежностью, ролью лидера и т.д.¹⁴

У меня, как ученого, относящего себя к школе Г.П. Мягкова, сомнений в ее существовании не возникает. При этом можно го-

⁹ Мягков 2000. С. 124-125.

¹⁰ Корзун, Мягков 2017. С. 386.

¹¹ Свешников 2010.

¹² Гришина 2010. С. 44-56.

¹³ Иванова 2010. С. 34-35.

¹⁴ Корзун, Мягков 2017. С. 382; Алеврас 2006.

ворить о достаточно широких границах данного научного сообщества, не ограниченного теми административно-официальными критериями, о которых я писала выше. Более того, специфика научной школы Г.П. Мягкова позволяет выделить в типологии научных сообществ особый вид школы. Но обо всем по порядку.

Под научным руководством Г.П. Мягкова подготовлены восемь кандидатских и одна докторская диссертация. Все они защищены в Казанском университете (ныне КФУ), т.е., с точки зрения формальных и институционально / географических критериев, можно говорить о «Казанской историографической школе». Темы всех этих диссертаций посвящены тем или иным аспектам историографии и истории исторической науки и защищены по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Защита первого аспиранта А.Г. Суприянович состоялась еще в 1995 г. Ее диссертация «Христианизация Западной Европы в отечественной историографии середины XIX – начала XX в.» посвящена практически неисследованной тогда теме – анализу трудов как светских ученых, так и церковных деятелей о христианизации Западной Европы¹⁵.

Как известно, одной из центральных фигур в «русской исторической школе» был Николай Иванович Кареев. В русле этих интересов учителя написана диссертация «Н.И. Кареев как историк античности» В.А. Филимонова¹⁶.

Долгие годы Г.П. Мягков преподавал в Казанском университете историю средних веков. Его ученик Ш.С. Хаматов в своей диссертации исследовал историю изучения и преподавания медиэвистики в учебных заведениях Казани в XIX – начале XX века¹⁷. С проблемами исторического образования связана и тема диссертации Н.Г. Федоровой, исследовавшей содержание школьных учебников по истории средних веков и их место в дискурсивном пространстве российского общества¹⁸.

Антропологический подход к историографическим исследованиям представлен в диссертации «Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России (40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)» Л.М. Шмелевой¹⁹. Пробле-

¹⁵ Суприянович 1995.

¹⁶ Филимонов 2000.

¹⁷ Хамматов 2003.

¹⁸ Федорова 2008.

¹⁹ Шмелева 2005.

мы рецепции стоического наследия в России в середине XIX – начала XX века рассмотрены в диссертации М.В. Салимгареева²⁰.

Развитие зарубежной историографии и исторической антропологии анализируются в диссертациях Т.Ф. Хайдарова «Средневековый Данциг в немецкой историографии (XIX – 30-е годы XX в.)» и Г.Д. Саetzяновой «Жан-Клод Шмитт как исследователь западноевропейского средневековья: теория и практика исторической антропологии»²¹

Самым тесным образом с темой докторской диссертации Г.П. Мягкова связана проблематика докторской диссертации Т.Н. Ивановой «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века)»²².

Несмотря на кажущуюся широту проблематики диссертаций учеников Г.П. Мягкова, отметим определенное единство конкретно-исторической тематики и их пересеченность с широтой проблематики научных исследований лидера школы. Наверное, общим направлением этих исследований можно назвать интеллектуальную историю в ее разнообразных проявлениях.

Нельзя не отметить талант Г.П. Мягкова как учителя и преподавателя. Подавляющее большинство его диссертантов были его студентами, слушали его лекции, занимались в его семинарах, поэтому уместно, на наш взгляд, привести несколько, к сожалению, анонимных отзывов о Г.П. Мягкове как университетском преподавателе, размещенные на неформальном сайте, созданном самими студентами «ПроПрепода.Сom». Орфографию и стиль последующих цитат пришлось подправить:

- «...Его лекции интересные и понятные, преподносятся не как сухая наука, зазубренная в книгах, а по-творчески, к концу которых у студентов формируется свое мнение [...]. И после его лекций на некоторые исторические факты, сформировавшиеся у тебя в голове до Мягкова, ты уже смотришь совсем с другой точки зрения»;
- «...Его задача не десятый раз рассказывать о том, что происходило, а, на основе уже имеющихся знаний студента, строить какие-то умозаключения, искать мотивы и закономерности в историческом процессе»;
- «...Одно из ярких воспоминаний об истфаке – это Лекции и Семинары (я не по ошибке пишу их с большой буквы!) Германа Пантелеймоновича. Самое главное, он дал понять мне, что такое этика историка – а это неоценимо. Если бы судьба сложилась иначе, я бы

²⁰ Салимгареев 2004.

²¹ Саetzянова 2016; Хайдаров 2008.

²² Иванова 2011.

обязательно стала историком и обязательно – медиевистом. Помимо того, что он первоклассный специалист в своей области, эрудированный человек, он очень мягкий и обаятельный – это подкупало и подкупает студентов»²³.

Наверное, подобные впечатления и предопределяли выбор научного руководителя. Преподавательский талант Г.П. Мягкова отмечен и в ходе публичных мероприятий. Он неоднократно становился лауреатом организуемых студентами 2010-х гг. факультетских фестивалей «Учитель года» имени Д.А. Корсакова: «за проведение на высоком теоретическом уровне лекционных и семинарских занятий по истории средних веков, за большой вклад в формирование навыков историографического и источниковедческого анализа и методологическую подготовку студентов-историков»; «за разработку учебно-методического пособия «*Historia mediaevi* = История средних веков», способствующего эффективной организации самостоятельной работы студентов, содержащего ценный методологический комментарий и уникальный по своей тщательности подбор рекомендуемой литературы».

К сожалению, мне не пришлось слушать лекции, работать на семинарах Германа Пантелеймоновича, поэтому я, возможно, не знакома со всеми школообразующими практиками, к каковым обычно относят привитие первых навыков научного анализа текста, совместную работу на спецсеминарах, написание курсовых и дипломных работ. Но, несомненно, к таким практикам в школе Мягкова относится личный патронаж учителя над учеником, создание особой психолого-эмоциональной атмосферы, побуждающей к творчеству и достижению цели. И кто из учеников Германа Пантелеймоновича не сидел в его домашнем кабинете, получая в руки стопку редких книг; не беседовал о жизни с его обаятельной супругой Ларисой Агдасовной за чашкой чая!

Как несомненный лидер школы Герман Пантелеймонович обладает высоким научным авторитетом, способностью к широким теоретическим обобщениям и генерации оригинальных идей, разносторонностью научных интересов и необыкновенной работоспособностью. Вместе с тем нельзя не отметить высокую требовательность учителя к ученикам, его способность к критическому осмыслению плодов труда его аспирантов. Общая парадигма его школы, несомненно, существует и как единство теории интел-

²³ ПроПрепода.Сom.

лектуальной истории, и как набор методологических практик и методических приемов, которые он передает ученикам.

Мое заочное знакомство с Г.П. Мягковым началось с чтения его книг и статей. Именно единство конкретно-исторической тематики наших научных интересов привело меня в Казань. И, далее, соглашусь с предыдущим отзывом – «первоклассный специалист своей области, эрудированный человек, очень мягкий и обаятельный». Но только на первый взгляд. Герман Пантелеймонович прекрасно владеет приемами «мягкой силы», которая меня захватила. Он не требует, не угрожает, не «школит». Он мягко, но настойчиво побуждает к движению вперед. Во время нашей первой встречи у меня еще не было четко сформировавшегося желания писать докторскую диссертацию. Продолжать исследования по теме моей кандидатской диссертации о В.И. Герье мне было интересно, в планах было издание книги. Однако «мягкая сила» Германа Пантелеймоновича взяла верх. Без всяких взаимных обязательств он установил надо мной неформальное шефство, последовали приглашения на конференции, побуждения к написанию серии статей. Именно он впервые рассказал мне о Российском обществе интеллектуальной истории, в которое вскоре я осознанно вступила. Его работа с учениками – это не давление, не жесткое руководство к действию, это сотворчество. С одной стороны, предоставляется широкий простор для личной инициативы ученика, а с другой происходит деятельное «вживание» Учителя в исследуемую тему. Его указания – это не диктат, это побуждения, подталкивания к личному озарению и возможности ученика потом гордо сказать: «Я сам!».

Пожалуй, все ученики Г.П. Мягкова ощущали огромное облегчение в плане некой защиты от бюрократической рутины и административного давления. Широкий круг знакомств Германа Пантелеймоновича позволял преодолеть относительно спокойно тот вал бумажной волокиты, которая предшествует самому акту защиты диссертации.

Таким образом, можно сказать, что научная школа Г.П. Мягкова в ее классическом понимании – это институализированное научное сообщество молодых ученых, связанное общностью методологии и конкретно-исторической проблематики. Для нее характерны явно выраженные черты школы лидерского типа.

Непререкаемый авторитет учителя смягчается созданием особой эмоциональной атмосферы восхищения им. Это школа, в которой господствует методика личностного знания, когда уче-

ники воспринимают навыки научно-исследовательской работы, непосредственно наблюдая за творчеством учителя, подражая ему, и включаясь с ним в совместную деятельность. Авторитет учителя создает и внутришкольные коммуникации, стремление учеников общаться не только с лидером, но и между собой. Сотрудничество учителя и учеников продолжается и после защиты диссертаций. И это принцип работы ученого – учитывать интересы учеников, предлагать им, уже состоявшимся ученым, научные проекты, работа над которыми приводит к зримым результатам²⁴.

Поставив здесь точку, я совершила бы огромную ошибку. Школа Г.П. Мягкова – это не только сообщество его формальных учеников, защитивших диссертации под его руководством.

Современная наука развивается в условиях сложно организованных, разветвленных и многообразных научных коммуникаций. Интернет-технологии сокращают расстояние, делают поток информации практически неиссякаемым, дают доступ к самым редким публикациям. Расширение границ знаний на рубеже XX – XXI вв., появление целого ряда новых научных обществ, увеличение количества проводимых научных конференций, в том числе международных, привели к размыванию жестких институциональных рамок. Общение между учеными разных городов и стран становится более интенсивным и регулярным.

На мой взгляд, раскрытие роли научных обществ и научных конференций начала 2000-х в появлении новых тенденций развития отечественной исторической науки заслуживает специального исследования. Изучение роли Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) под руководством Л.П. Репиной в прорывном развитии исторической науки в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. в этом отношении особенно важно. Прежде всего, значимыми для специалистов по методологии и историографии являлись традиционные ежегодные конференции РОИИ.

Председателем Казанского отделения РОИИ стал Г.П. Мягков, который инициировал открытие региональных отделений в Ижевске, Чебоксарах и Йошкар-Оле. При его не обеспеченном никакой административной позицией активном участии и непосредственном патронаже на базе кафедр, возглавляемых единомышленниками – Е.А. Чиглинцевым (кафедра истории древнего мира и средних веков, с 2015 г. – всеобщей истории), А.А. Саль-

²⁴ Мягков, Филимонов 2008; 2009; 2013; Мягков, Хамматов 2007; 2008; 2013; 2019; Мягков, Федорова 2008; Идеи и люди... 2014 и др.

никовой (кафедра историографии и источниковедения КФУ), Р.А. Набиевым (кафедра политической истории КГУ, позднее – КФУ), О.В. Сеницыным (исторический факультет ТГГПУ, с 2011 г. – кафедра истории России и методики преподавания, КФУ), были проведены порядка двадцати конференций всероссийского или международного масштаба. Одним из составителей и ответственных редакторов материалов этих конференций непременно был Герман Пантелеймонович²⁵.

Это были настоящие форумы единомышленников, способствовавшие тому, что научные коммуникации специалистов скреплялись возникающим личным общением. Пожалуй, наиболее плодотворные идеи рождались здесь не во время официальных выступлений на пленарных и секционных заседаниях, а в ходе дискуссий, круглых столов и кулуарных обсуждений. Конференции, в организации которых Г.П. Мягков принимал участие, заранее получали особый знак качества, а его авторитет как координатора научных коммуникаций был признан далеко за пределами Казани. Другим центром научных коммуникаций историков России стали «Ученые записки Казанского университета» – ведущее рецензируемое научное издание Казанского федерального университета. И в этом несомненная заслуга Г.П. Мягкова, ведущего с 2005 г. работу научного редактора раздела «История» гуманитарной серии журнала.

Необходимо особо проанализировать и роль оппонирования диссертаций в развитии сети научных коммуникаций. И здесь Г.П. Мягков был весьма востребован. Подготовку квалифицированного отзыва на диссертационное исследование можно сравнить с написанием серьезной научной статьи. Г.П. Мягков всегда подходил к этому очень ответственно и вдумчиво. Так, он оппонировал диссертационные исследования, связанные с историей научных школ, места и роли того или иного историка (диссертации Л.С. Моисеенковой, О.М. Мельниковой, Т.А. Сидоровой, Н.В. Гришиной, А.В. Свешникова, В.Н. Ерохина, И.Г. Шишкина, А.В. Якуба, Ф.Н. Ахмадиева, А.М. Скворцова, А.Н. Зарубина,

²⁵ Назовем некоторые из них: Казанский университет... 2005; Историческое образование в вузах Казани... 2006; Общественно-политическая мысль... 2008; Проблема качества... 2008; Историческое образование в высшей школе... 2010; Polonia... 2011; Школьный учебник истории... 2013; Историк... 2013; Университетская корпорация... 2014; В.И. Григорович и развитие славяноведения... 2015; В.К. Пискорский и развитие науки... 2019; Всеобщая история... 2020.

О.И. Зезеговой, О.В. Богомазовой, Д.Ю. Круглова, А.А. Зориной, Ф.В. Николаи и др.), был автором или соавтором внешних отзывов на многие диссертации. При этом характерно, что, как правило, между диссертантом и оппонентом складывались тесные научные связи, порою переходящие в научное сотрудничество. Так, зачастую в монографиях, издаваемых по итогам защиты диссертации, авторы учитывали советы и исправляли те замечания, которые звучали в официальных отзывах.

Важное значение имеет редакторская деятельность Г.П. Мягкова в журналах и научных сборниках, а также официальное рецензирование монографий коллег. Это монографии Н.В. Гришиной, А.В. Антощенко, С.Б. Криха и О.В. Метель, О.Б. Леонтьевой и др. В ходе этой деятельности Герман Пантелеймонович вольно или невольно становился центром разветвленной системы научных коммуникаций. Помимо связей между учеными, которые можно проследить по формальным документам (научное руководство, оппонирование, подготовка отзывов на авторефераты, рецензирование и т.д.) существуют и особые неформальные связи. Здесь Герман Пантелеймонович выступает как консультант, наставник, эксперт; как старший товарищ, к мнению которого прислушиваются и чье лидерство не оспаривается.

Наблюдая за деятельностью Г.П. Мягкова, я могу выдвинуть предположения о существовании подобного профессионального наставничества профессора по отношению к Ф.Н. Ахмадиеву, Н.И. Недашковской, Н.Н. Агеевой, А.А. Зориной, А.А. Кузнецову, О.Б. Леонтьевой, Р.А. Идрисову и др. Конечно, это моё субъективное мнение, и данный список, наверное, не полный. Однако, возвращаясь к вопросу об интерференции научных школ, возможности вхождения ученого одновременно в несколько научных сообществ, выскажу предположение, что число ученых, с гордостью причисляющих себя к ученикам Г.П. Мягкова не ограничивается списком его аспирантов. Так, недавно по моей рекомендации один молодой ученый обратился к Г.П. Мягкову с просьбой о рецензии на статью. В ответ он получил подробнейшие консультации и список новейших публикаций по проблематике статьи. Его благодарность и восхищение не знали границ.

Это стремление Г.П. Мягкова поделиться своими знаниями и опытом с молодыми учеными, помочь им в их научной карьере, его бескорыстное желание опекать будущие таланты можно назвать словом наставничество. На мой взгляд, порою применяемые как синонимы слова «учитель» и «наставник» имеют несколько

различающиеся значения. *Учитель* передает знания, умения и навыки своим ученикам. *Наставник* вдохновляет, направляет и побуждает человека к достижению его целей. Наставник может выполнять учительские функции, но он более вдохновитель и помощник, чем просто передатчик знаний. Наставничество – это процесс неформальной, почти сакральной передачи личностных знаний, когда обучение происходит ненавязчиво, на личном примере, с целью психологически и морально помочь человеку духовно расти. К сожалению, не каждый учитель – наставник. Но каждый наставник – это Учитель с большой буквы.

Деятельность Г.П. Мягкова по развитию системы научных коммуникаций, опеки молодых ученых, помощи и консультирования всех страждущих позволяет говорить о его *наставнической научной школе*. Ее рамки неформальны и определяются самосознанием ученых и их стремлением причислить себя к этому творческому сообществу и его маяку – Герману Пантелеймоновичу Мягкову.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / [редкол.: Н.Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 117-135.
- Бухараев В.М., Гуревич В.А. Портрет историка в интерьере времени, места и мироощущений // Вестник экономики, права и социологии, 2016. №3. С. 208-211.
- Бухараев В.М., Мягков Г.П. Историк Ю.А. Михайлов: между поколениями «шестидесятников» и «застойных времен» // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 235-239.
- В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 256 с.
- В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 376 с.
- Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 1. 382 с.; Т. 2. 292 с.
- Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
- Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. 2001. Вып. 6. С. 364-370.

- Золотарев В. П. Монография о «русской исторической школе» // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 219-221.
- Иванов В.В. [Рец.:] Г.П. Мягков. Научное сообщество в исторической науке // Вестник Удмуртского университета. 2003. История. Ижевск: УдГУ, 2003. С. 199-203.
- Иванова Т.Н. Анализ дискуссий о научной школе В.И. Герье в современной историографии // Вестник Чувашского университета. 2010. Серия «Гуманитарные науки». № 4. С. 31-37.
- Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Автореф. дис. ... док. ист. наук. Казань, 2011. 48 с.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 165-185.
- Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон. 2014. 848 с.
- Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. 408 с.
- Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. Биобиблиографический словарь. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 208 с.
- Историческое образование в вузах Казани: Материалы межвузовской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и О.В. Синицын. Казань: ООО «ИПЦ Экспресс-плюс», 2006. 264 с.
- Историческое образование в высшей школе: формирование специалиста и гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2010. 330 с.
- Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань: Казан. ун-т, 2005. 384 с.
- «Как он дышит, так и пишет...»: юбилей Германа Пантелеймоновича Мягкова // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2016. № 3 (11). С. 181-183.
- Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364-409.
- Королев В.С., Мягков Г.П. Данная Богом высокая честь [вступ. ст. к мемуарам: Адо В. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века] // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7. С. 32-34.
- Мягков Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 72-98.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа» всеобщих историков и ее роль в идейно-политической борьбе в России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1984. 22 с.

- Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции / Науч. ред. Б.Г. Могильницкий. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: теория и история развития школы как научного сообщества: автореф. дис. ... доктора ист. наук. Казань, 2000. 44 с.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Мягков Г.П. Первый из «гетайров» профессора Шофмана: Геннадий Атласов о школе «Анналов» // Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум / составители и отв. ред. Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 38-44.
- Мягков Г.П. Слово о друге // МННМА. Сб. научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань: Изд. дом «Ритор», 2003. С. 4-10.
- Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 165-185.
- Мягков Г.П., Федорова Н.Г. Как сделаться историком? Гимназические годы в воспоминаниях Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. С. 75-82.
- Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 164-173.
- Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев и казанские социологи // Вестник экономики, права и социологии / Федеральный научно-практический и аналитический журнал. Казань, 2008. № 6. С. 115-122.
- Мягков Г.П., Филимонов В.А. Проблема монархической власти и её организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Часть 3. С. 161-167.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова», или «обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 413-440.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Печальная история моего диспутанта», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 8. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 292-336.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. В.К. Пискорский в Казани // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сб. научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 86-115.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск: ОмГУ, 2007. С. 259-289.
- Мягков Герман Пантелеймонович // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4. С. 325.
- Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения: Сб. научных статей и

- сообщений, посвященный памяти профессора С.М. Михайловой (1942–2007) / отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 512 с.
- Проблема качества исторического образования в системе высшей школы: Сборник научных статей и сообщений / Составители и ответственные редакторы Г.П. Мягков и Р.А. Набиев. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2008. 250 с.
- Саезянова Г.Д. Жан-Клод Шмитт как исследователь западноевропейского средневековья: теория и практика исторической антропологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 22 с.
- Салимгареев М.В. Стоя и стоическое наследие в России (середина XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 22 с.
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 33-36.
- Суприянович А.Г. Христианизация Западной Европы в отечественной историографии середины XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. 22 с.
- Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 428 с.
- Федорова Н.Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 28 с.
- Филимонов В.А. Н.И. Кареев как историк античности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 22 с.
- Хайдаров Т.Ф. Средневековый Данциг в немецкой историографии (XIX – 30-е годы XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 22 с.
- Хамматов Ш.С. Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. 26 с.
- Чапкевич Е.И. [Рец.:] Г.П. Мягков. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 208-209.
- Школьный учебник истории: концептуальные и научно-методические проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Устюжанина и 80-летию со дня рождения К.Р. Сеницыной / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и О.В. Сеницын. Казань: Изд-во «Отечество», 2013. 200 с.
- Шмелева Л.М. Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России (40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. 25 с.
- Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.: сб. научных статей и сообщений / Сост. и отв. ред. редакторы П. Глушковски, Г.П. Мягков, Р.А. Циунчук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. 332 с.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, ВГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»; tivanova@mail.ru

Mentoring and Scientific School of G.P. Myagkov

In modern historiography, a scholarly direction is developing which is engaged in the study of the phenomenon of scientific schools in the development of historical knowledge. The article states the successful functioning of the scientific school of G.P. Myagkov. According to formal characteristics (the number of dissertations defended under his scientific supervision, the unity of methodological guidelines, methodological techniques and scientific topics in the spirit of intellectual history of his followers) this school can be called the "Kazan Historiographical School", in which the role of its leader is clearly revealed. However, the author believes that the boundaries of the scientific community consolidating around G.P. Myagkov are much wider. It is necessary to take into account the principle of interference of scientific schools, the active work of Herman Panteleimonovich in organizing scientific societies, conferences, opposing dissertations, editing monographs, journals and collections of articles, his selfless mentoring activity in advising young scientists. G.P. Myagkov's activity in the development of a system of scientific communications, the guardianship of young scientists, assistance and advice to all who need it allows us to talk about his mentoring scientific school. Its framework is very informal and is determined by the self-consciousness of scientists and their desire to classify themselves as part of this creative community.

Keywords: *G.P. Myagkov, "Kazan Historiographical school", mentoring in science, mentoring scientific school of G.P. Myagkov.*

Tatyana Ivanova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; tivanovan@mail.ru.

Н.Н. АЛЕВРАС

КАК ВЫЙТИ ИЗ «ШИНЕЛИ» СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ОПЫТ ПЕРЕХОДА ИСТОРИКА Г.П. МЯГКОВА
ГЛАЗАМИ ЕГО СОВРЕМЕННОЙ (В СТИЛЕ ЭССЕ)¹

Автор рассматривает проблемы, связанные с формированием поколения историков, входивших в научное сообщество в 1970–1980-е гг. В этом контексте актуализируется творческая деятельность известного историка-историографа Г.П. Мягкова, в центре внимания находятся его монографии 1988 и 2000 г., ставшие итогом защит кандидатской и докторской диссертаций. С учетом анализа рецензий на монографию «Научное сообщество в исторической науке» (2000), автор пытается определить особенности процесса переосмысления задач и характера историко-научного знания в ходе реализации новой парадигмы дисциплинарной сферы историографии. Научный опыт Г.П. Мягкова определяется как проект переходного времени – от советской историографии к ее постсоветскому варианту, и освещается сквозь призму личных представлений о специфике образа того поколения ученых-историков, к которому принадлежат как герой статьи, так и ее автор.

Ключевые слова: история историографии, поколение историков, научное сообщество, советская историческая наука, Г.П. Мягков, переходное время

Современных историков, родившихся во второй половине 1940-х и входивших в науку в 1970–1980-е гг., можно отнести к поколению переходного времени: в 1990-е гг. его представители стали участниками преобразования научного сообщества, уходившего от стандартов и принципов советской науки к выработке основ ее постсоветского варианта. Этот процесс был связан с рецепцией теоретико-методологических идей зарубежных коллег, коммуникации с которыми длительное время были существенно ограничены. Но имелся и богатый опыт изучения историографических явлений в советской исторической науке. Впитав ещё в юные годы атмосферу жизни и инновации восприятия мира, порожденные известной «оттепелью», «наше поколение»²

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ. Проект 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

² Буду использовать это неформальное обозначение представителей данного поколения, которое можно уже назвать «старшим» по отношению к иным поколенным структурам современного историко-научного сообщества.

прошло непростой, но продуктивный путь личностного и профессионального становления. Он был сопряжен с процессами переосмыслений – как идеологической составляющей социально-политической жизни страны, так и методологических принципов советской исторической науки, наиболее явственно пережитых на рубеже уже XX–XXI вв.

Понятие «переход» в этом контексте можно воспринимать и шире – как некий социокультурный процесс усвоения и личностного притяжения/непритяжения формирующегося нового жизненного и профессионального пространства, закладывавшего инновационные условия творческой деятельности ученых-историков. Само собой разумеется, что «переход», пережитый данным поколением, наряду с общими его чертами, имеет индивидуальные выражения. Да и процесс этого «перехода» приобрел свои внутренние этапы, выражавшие кумулятивный характер восприятия постепенных изменений в социуме и в науке. В этом зачастую неявно выраженном интуитивном движении формировались новые ценностные принципы научной деятельности.

В современных попытках определить периодизацию отечественной истории исторической науки преобладает убеждение в существовании единого периода ее истории в хронологическом диапазоне второй половины 1950-х – первой половины 1980-х гг.³ Полагаю, что 1970–1980-е гг. можно рассматривать как отдельный этап этого периода. Обсуждается и вопрос о том, когда закончился советский период в истории исторической науки⁴. В поисках ответа на него А.В. Свешников высказал мысль о недостаточности опоры на «поколенческую модель» науки при изучении проблем периодизации отечественной историографии. Эта модель казалась ему неэффективной применительно к постсоветскому периоду. Не стремясь определить хронологическую грань перехода к нему, он подчеркивал неоднозначность процессов, происходивших в научном сообществе, оказавшемся, на мой взгляд, в состоянии некоего «фронтирного времени».

Несомненно, научное сообщество было неоднородно в своем выборе пути, пытаясь адаптироваться к сложному спектру идейно-политических, институциональных и методологических трансформаций рубежа XX–XXI вв. Поэтому А.В. Свешников

³ См.: Гришина, 2020. С.2256-2260.

⁴ Свешников, 2020. С. 2228-2235.

подчеркнул: «Профессиональное сообщество историков раскололось и стало мозаичным <...>⁵. Конечный его вывод таков: «<...> советская историография как традиция, ориентирующаяся в идеале на целостную модель (систему взаимосвязанных элементов), действительно перестала существовать, но отдельные элементы этой традиции по-прежнему сохраняются»⁶.

Подобная констатация подчеркивает не только неоднозначность и противоречивость историографических процессов в постсоветском пространстве, но и незавершенность изучения проблем периодизации отечественной исторической науки, в том числе особенностей периода формирования современного научного сообщества, к которому мы наряду с новыми поколенными культурами, себя причисляем. Думаю, что «мозаичность» поколенных культур является их имманентным качеством, которое порождает разномыслие и содействует выработке перспектив научного поиска. Если, по версии А.В., современное сообщество ученых-историков сохранило «советскость» в своем облике, то, надеюсь, она проявляется не в самых худших традициях того времени, из которого вышло «наше поколение». Требуется еще время, чтобы осознать и уяснить смысл, характер, результаты этого перехода. И без специального изучения того поколения ученых-историков, какое я имею в виду, вероятно не обойтись. Поэтому «поколенный» метод изучения истории науки все же остается актуальным, если исходить из антропологического подхода в изучении историографических процессов.

Не ставя задачи высказаться по всему кругу затронутых аспектов, буду опираться на собственное мироощущение прожитых лет выше указанного хронологического диапазона, поскольку с героем статьи мы, практически, ровесники. Подчеркну, говоря о «нашем поколении», я прибегаю и к принципу избирательности, имея в виду, близких не только по возрасту, но и по духу коллег-ровесников, оказавшихся – как минимум – в общей научной консолидации Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ). Используемый мной жанровый подход неминуемо востребует авторскую опору на интенции мемуарной природы и некоторые аналогии наших (с героем эссе) персональных историй вхождения в науку и пребывания в ее лоне.

⁵ Там же. С. 2232.

⁶ Там же. С. 2234.

Феномен оттепели, относимый к середине 1950-х – второй половине 1960-х, сыграл существенную роль (в то время, конечно, явно нами еще не осознаваемую) для личностного становления представителей «нашего поколения». В 1960-е гг. мы оканчивали школу и учились в университетах, имплицитно воспринимая новые духовно-мировоззренческие веяния. Обучаясь в аспирантуре в 1970-е гг., уже посмеивались над обязательными требованиями ссылок на классиков марксизма-ленинизма, справедливо полагая, что они не были специалистами в тех темах, которыми мы занимались. Но соблюдать правила советского научного стандарта все же приходилось. Помню свое стремление минимизировать ссылки на «классиков», но недавно, заглянув в свою уже полузабытую кандидатскую диссертацию, защищенную в 1977 г. по специальности 07.00.09, обнаружила их немалое количество.

1970–1980-е годы воспринимаются мной и как время существенных перемен в дисциплинарном оснащении исторического знания. Через полемики и дискуссионные баталии на наших глазах в научных публикациях, материалах конференций, в межличностном общении формировались, возрождаясь, по сути, из идей и опыта еще дореволюционной науки, такие методологически ориентированные области исторического знания как источниковедение и историография. Вспоминаю заседания созданной в начале 1970-х гг. кафедры источниковедения и историографии в Уральском государственном университете (зав. кафедрой был Василий Яковлевич Кривоногов), где я специализировалась в статусе аспиранта, а потом и преподавала, читая курс источниковедения. Обязательным компонентом заседаний были научные доклады по различным методологическим проблемам. Мне, например, предложили сделать сообщение о взглядах А.С. Лаппо-Данилевского на природу исторического источника и его принципах классификации источников.

Еще существовал вполне себе советский режим, но уже совершался научный поиск методологического обновления исторического знания. Этот процесс стал существенной компонентой постепенного разрушения основ, казалось бы, незыблемой советской («марксистско-ленинской») методологии истории.

Возможно, Герман Пантелеймонович испытывал в те годы схожие чувства и настроения, работая в различных вузах Казани и выбирая свое научное поприще. Его кандидатская диссертация (1984) была одной из немногих в те годы историографических

работ, защищенной по той же, что и у меня специальности. Если я в 1970-е гг. осваивала основы источниковедения, то Г.П. уверенно входил в науку со своим историографическим проектом, взявшись за разработку схолярной (так будут говорить позднее) проблематики. Вскоре первая его диссертация по «Русской исторической школе», была им доработана до уровня монографии и издана⁷, став значимым историографическим явлением.

В выборе объекта изучения автором был сделан не только методологический, но и идейно-политический прорыв: во-первых, исследованию подверглась мини-структура научного сообщества русских историков в виде научной школы – термин и понятие, не ставшие еще общепринятыми в научном дискурсе того времени. Понятие «научная школа» еще только осваивалось в контексте науковедческой проблематики и не являлось органичным достоянием тогдашней историографии⁸. Во-вторых, представители позиционируемой школы являлись носителями либерально-буржуазных идей, что, мягко говоря, весьма настораживало советских идеологов/экспертов от науки. Поэтому Германа Пантелеймоновича вполне можно признать в истории историографии первопроходцем на этом пути.

Не помню, когда точно я, узнав о существовании этой книги, познакомилась с ней в университетской библиотеке: вероятно, в начале 1990-х, когда я, работая уже в Челябинском университете, была основательно погружена в разработку учебного курса по историографии. Книга Г.П. вводила читателя не только в историю «русской исторической школы», но методологически просвещала и обогащала кругозор тогдашних историографов: впервые в довольно представительном Введении монографии была сделана попытка раскрыть содержательный смысл и уже имевшийся опыт первых подходов к изучению различных научных консолидаций. Понятие же и сам феномен «научная школа» применительно к истории исторической науки одним из первых презентовал научному сообществу Г.П. Мягков!

Сейчас, перечитывая рассматриваемую монографию, обнаружила специфический для того времени термин, используемый уже тогда Г.П.: ««школообразующие» факторы»⁹. Как тут не

⁷ Мягков, 1988.

⁸ Именно этот момент подчеркнул автор предисловия к книге – Б.Г. Могильницкий. См.: Могильницкий, 1988 С. 3-6.

⁹ Мягков, 1988. С. 18.

вспомнить свешниковские «школообразующие практики» в его книге-диссертации о петербургской школе медиевистов¹⁰. Не с легкой ли руки Г.П. введено в историографический оборот это определение?! Вот она – связь поколений!

Со свойственной для Г.П. скрупулезностью в его монографии была раскрыта совокупная система взглядов основных представителей «русской исторической школы» всеобщих историков в лице Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова. Автору было важно показать не только систему сугубо профессиональных интересов своих героев, что очевидно, но и с учетом глубины эрудиции и общественно-политической активности его героев, он стремился раскрыть как философскую подоплеку их подходов к изучению западноевропейской социально-экономической истории, так и идейно-политические настроения акторов школы. Последний аспект отчасти исходил из негласных требований тогдашних методологических принципов, но одновременно автор, обращая внимание на социальные и экономические акценты концептуальных версий («буржуазных» по своей природе с позиций ортодоксального марксизма), подчеркивал определенный интерес представителей «школы» и к марксистским идеям, и к «элементам материализма». Это, конечно, соответствовало историческим реалиям науки XIX в., но и могло смягчить возможные «цензурные» претензии.

Но 1980-е годы – это уже не 1930-е – 1950-е! Время защиты, а потом и публикации кандидатской диссертации историка пришлось на период начинавшейся «перестройки». Историческая наука и «наше поколение», пребывавшее в те времена на пике своей зрелости и энергии, входили в новую стадию развития. Несомненно, монография Германа Пантелеймоновича 1988 г. может рассматриваться визитной карточкой историографии и солярных аспектов историографического знания того времени.

Но первая диссертация и монография, не были пределом научных и интеллектуальных возможностей, а также – научных перспектив глубокоуважаемого нами историка. В ситуации нового витка перемен – «лихих» 1990-х годов – мы обретали некое «второе дыхание», воодушевляясь на создание докторских диссертаций, несмотря на весьма уже «средний возраст», в который незаметно для себя вошли. В 1997 г., когда мне уже было (не бу-

¹⁰ См.: Свешников, 2010.

ду скрывать!) 49, я вышла на защиту докторской диссертации. От первой до второй прошло уж 20 лет! Можно было успокоиться и не думать о новой работе! Но нет: все дело в эпохе! Она, несмотря на все известные сложности-трудности, не оставляла нас в покое: возраста мы не чувствовали! После защиты своей **не** историографической докторской диссертации я обрела свободу в выборе, отдавшись полностью уже переполнявшим меня историографическим интересам¹¹.

Герман Пантелеймонович последовательно продолжал оттачивать свое историографическое мастерство. Своеобразным «фронтирным временем» для него стал 2000-ый год: состоялась защита им докторской диссертации «„Русская историческая школа“: теория и история развития школы как научного сообщества». Замечу: Г.П. было тогда *всего* 54, если иметь в виду его нынешний юбилей. В год докторской защиты диссертация была опубликована в виде хорошо известной в научном сообществе монографии¹². Она появилась во времена пограничного перехода из прежней исторической эпохи в новую – еще не изведанную.

Значение этого труда нельзя переоценить: он стал методологической основой разработки проблем функционирования научных школ в истории отечественной исторической науки. Последствия для истории историографии были впечатляющими: произошел бум интереса к схолярным сюжетам, сопровождавшийся активным изучением российскими историками различных научных школ. Книга, поистине возникла в нужное время и в нужном месте! В 2010-е гг. уже появился представительный опыт создания монографий и диссертаций по этой проблематике. В данном контексте фигура Г.П. Мягкова рассматривалась современниками и в качестве ведущего рецензента/ оппонента в исследованиях по схолярной тематике, и как руководителя подобных работ или, нередко, неформального их патрона.

Книга «Научное сообщество в исторической науке» Г.П., конечно, не осталась незамеченной. Мне известны две основные рецензии на нее. Уже в следующем году от представителей новой интеллектуальной истории – докторов исторических наук

¹¹ Первые шаги их реализации состоялись в ходе известных омских конференций «Культура и интеллигенция России», проходивших в Омском государственном университете в 1990-е гг., где проблема «научных сообществ» актуализировалась как предметное поле историографии.

¹² Мягков, 2000.

Г.И. Зверевой и Л.П. Репиной появился отклик в «Диалоге со временем»¹³, созданном незадолго до ее появления (1999).

Чуть позже появилась рецензия профессора Сыктывкарского государственного университета В.П. Золотарева¹⁴ – известного исследователя творчества Н.И. Кареева и основателя историографической ветви исследований в области «карееведения».

По своему характеру и актуальным для заданных их авторами ракурсов рассмотрения монографии каждая из двух рецензий исходила из несовпадающих оснований оценивания, что само по себе интересно для понимания различных акцентов в восприятии многообразных аспектов нового историографического произведения. Поскольку фигура Н.И. Кареева являлась основополагающей и для предпринятого Г.П. изучения «русской исторической школы», есть смысл сначала остановиться на второй рецензии – В.П. Золотарева.

Известно, как Герман Пантелеймонович высоко ценит деятельность зачинателя темы о Карееве, проявляя глубочайшее уважение к его личности. Примечательно и даже символично, что первая монография Г.П. о «русской исторической школе» и книга В.П. Золотарева о Карееве¹⁵, ставшей впоследствии основой его докторской диссертации (1992), вышли одновременно.

Рецензия В.П. Золотарева, выстроенная в критической манере, сосредоточена, главным образом на конкретно-историографической фабуле монографии. Со свойственным автору стилем оперировать системой историографических фактов, создавая на их основе картину состояния и развития исторической науки, он, прежде всего, погрузился в анализ сложной конфигурации «русской школы», акцентируя внимание на несколько различившихся идейно-политических предпочтениях четырех представителей «русской школы». Заметим, что во второй монографии о «русской школе» Г.П. представил ее уже в расширенном составе – за счет полноправного включения И.В. Луцицкого.

Рецензент, будучи мэтром в сфере изучения историографии всеобщей истории, упрекнул автора в преувеличении им зависимости концепции «школы» от идей западноевропейских коллег (с. 220). Но одновременно не заметил, что Г.П. характеризовал ее как «национальную научную школу», в основе фор-

¹³ Зверева, Репина, 2001. С. 364-370.

¹⁴ Золотарев, 2005. С. 219-221.

¹⁵ См.: Золотарев, 1988.

мирования которой лежали «*свои, российские* “школообразующие факторы”» (курсив мой – Н.А.)¹⁶.

Вместе с тем иные критические аспекты рецензии, направленные на вопросы о родоначальниках данной схоларной консолидации и проблемы этапов в истории «школы» можно было тогда рассматривать как информацию для дальнейших размышлений об особенностях этого многосложного явления. Может показаться неожиданным для непосвященных, но предтечу «русской школы» рецензент связывал с деятельностью русиста С.М. Соловьева, заметившего талантливого студента В. Герье и предложившего ему заниматься западноевропейской историей. И уж от него потянулась ниточка к судьбам представителей «русской школы» и их творческому объединению. Еще более интересной явилась версия рецензента об этапах развития «школы». В.П. Золотарев акцентировал внимание на время ее «угасания», что он связывал не с уходом из жизни Н.И. Кареева (как зачастую имелось в виду), а с завершением деятельности его персональных учеников уже в первой половине XX в., особо выделяя в их среде В.В. Бирюковича (с. 221). Дореволюционный и советский периоды отечественной историографии оказались при таком подходе взаимосвязанными! Кроме того, в том уже далеком научном диалоге Золотарева–Мягкова высветились идея и перспективы изучения «лидерской», персональной по характеру школы Кареева, что в настоящее время получает определенную реализацию в публикациях ряда молодых авторов. В результате «русская историческая школа» как явление исторической науки начала приобретать более сложную структуру и конфигурацию, чем она представлялась изначально.

Иной акцент в адрес книги «Научное сообщество в исторической науке...» сделан с позиций задач интеллектуальной истории – Г.И. Зверевой и Л.П. Репиной в первой рецензии. Несмотря на несколько упреков в адрес некоторых авторских построений и наблюдений (с. 369), рецензенты были сосредоточены главным образом на позитивной высокой оценке нового исследования как инновационного по своему характеру. Их покорили глубокий методологический уровень работы, основательность погружения автора в изучение науковедческого опыта понимания феномена научной школы, его уникальная способность

¹⁶ Мягков, 2000. С. 191-192.

адаптировать науковедческий конструкт схолярной природы к потребностям и специфике исторического, а шире – гуманитарного знания. Заложенный Г.П. «полидисциплинарный» подход рассматривался авторами как основа создания «новой концепции феномена школы в исторической науке» (с. 366), что осознавалось и многими другими современниками обсуждаемых научных событий в истории историографии рубежа XX–XXI вв.

Авторы рецензии имели полное основание резюмировать, что книга Г.П., появившись «в условиях трансформации познавательных парадигм» (с. 365), оказалась настолько органично встроенной в актуальную с историко-историографической точки зрения теоретико-методологическую проблематику, что «открывает в ней новые горизонты» (с. 364). Особо было подчеркнуто значение выдвинутой автором схолярной проблематики для назревших задач изучения и создания модели «интеллектуальной самоорганизации исторического сообщества» (с. 367).

Высокая оценка вклада автора в разработку истории и опыта «русской исторической школы» определялась и новым подходом к созданию им коллективной биографии изучаемой когорты историков-всеобщников. Замеченными со стороны рецензентов в этой связи стали слабо еще востребованные в тогдашней историографии «коммуникативные характеристики» историографических феноменов, но вполне реализованные автором монографии относительно изучаемого им схолярного явления (с. 368). Это важно особо подчеркнуть из комплементарных в адрес Г.П. наблюдений и оценок: многие из нас, активно заговорили об особенностях научных коммуникаций уже после перевода на русский язык (2002) известного труда Р. Коллинза.

Симптоматично, что в предисловии к тому же номеру «Диалога» Л.П. Репина заметила: «Современная историографическая ситуация создает огромное новое исследовательское поле для интеллектуальной истории, прежде всего, в направлении, связанном с историей исторической культуры, которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способов его репрезентации». Здесь же сообщалось о принятом на конференции «Преємственность и разрывы в интеллектуальной истории» (октябрь 2000 г.) решении создать Российское общество интеллектуальной истории¹⁷.

¹⁷ Репина, 2001. С. 6, 10.

Ретроспективный взгляд на выше рассмотренную «интеллектуальную» рецензию с учетом общего контекста бытования науки делает ее важным «историографическим источником». При этом не только для понимания характера восприятия книги экспертами, но и в плане осознания значимости для современников начала XX в. нового «слова» в историографии, сказанного Г.П. Мягковым в его схоларно-историографическом исследовании. Рассмотренный отклик на книгу Г.П. до сих пор выглядит как свежесобранный букет признаний таланта ее автора.

Фиксируемая нами близость событий: появление «Диалога», а потом и создание РОИИ, выход книги Г.П. Мягкова, появление рецензий на нее – все это стало взаимосвязанной цепью интенсивно происходивших перемен в институциональных и теоретико-методологических сферах исторического и историографического знания. При этом все случилось в пределах хронологического микро-момента 1999–2005 гг., как своеобразной точки бифуркации. Не могу одновременно не подчеркнуть: ведущими акторами этих перемен становились представители «нашего поколения».

Мысленно погружаясь в атмосферу научной жизни и коммуникаций того времени, когда вышла книга Г.П. и появились рецензии на нее, пытаюсь вспомнить момент нашего личного знакомства. Конечно, это произошло на одной из научных конференций. Местом встречи стал Саратов, где в 2002 г. под эгидой Института всеобщей истории РАН и Общества интеллектуальной истории состоялась конференция с характерным названием для понимания инновационных историографических поворотов того времени. Тема конференции «Наука и власть: *научные школы и профессиональные сообщества* в историческом измерении» (курсив мой – Н.А.) стала маркером «схоларного поворота» в историографическом знании.

Помнится, к назначенному сроку выслать свое сообщение у меня не получилось, но я участвовала в одной из секций де-факто. Зайдя в зал начинавшегося уже пленарного заседания, устроилась на ближайшем крайнем месте, обнаружив по соседству незнакомого мне коллегу, по бейджику которого стало ясно, что это – Г.П. Мягков. О его недавно изданной монографии я уже, конечно, знала, но приобрести ее, практически было невозможно: книга вышла всего в 300-х экземплярах. Её можно было только «достать». Я обязана была это сделать: за мной же

складывалась группа аспирантов с историографической проблематикой. Надо было срочно знакомиться с автором! В ближайший перерыв познакомились, и я осторожно спросила, нет ли лишнего экземпляра. Лишнего, конечно, не было, но был последний! И, о, счастье! Благородный Г.П. подписал его в адрес мало кому известных тогда челябинских историографов. Эта подаренная книга по сию пору дорога мне как мемориальный штрих собственной биографии и своеобразный пролог будущих активных коммуникаций с Германом Пантелеймоновичем. Название его книги неизменно включается мной во все актуальные списки литературы по историографической проблематике.

Просматривая ее сейчас, ловлю себя на мысли, что структура, концептуальная линия, информационный контент этого издания существенным образом отличаются от содержания монографии Г.П. 1988 года. Нет уже обязательных и довольно многочисленных упоминаний «классиков» марксизма-ленинизма. Введение новой монографии начинается со ссылки на статью Г.И. Зверевой из первого номера «Диалога», задававшую тему «интеллектуального поиска» в соответствии с потребностями «в переосмыслении сложившегося порядка генерации, сохранения и передачи исторического знания»¹⁸. Эти актуальные ракурсы выработки теоретико-методологического инструментария историка, требовавшие рефлексии в область самопознания, соответствовали общему настроению автора монографии, и не могли не привлечь многих его современников. Известные «классики» в новой книге Г.П. выступают современниками представителей «русской школы», акторами социально-экономических, политических и культурных сфер общественной жизни, участниками интеллектуально-коммуникационных процессов. В тексте книги произошло своеобразное «очеловечивание» классиков.

Самое стойкое мое оценочное убеждение в отношении рассматриваемого научного произведения Г.П. связано с ощущением сохраняющейся новизны от всего богатейшего содержания работы. Её можно и сейчас читать и перечитывать, находя для себя все новые детали в не устаревающих по своему значению информационных пластах из истории «русской исторической школы», встроенной им в богатейший контекст развития исторической науки в России и в Европе. Ценность сохраняют автор-

¹⁸ Зверева, 1999. С. 250-265 (цит. с 251).

ские подходы и методы в опыте конструирования такого много- сложного феномена как «русская историческая школа». Пред- ставленный им образ школы не мог возникнуть, если бы автор на интеллектуальном уровне своего историографического опыта не синтезировал огромный пласт теоретических идей и концеп- ций, созданных к началу XXI в. в сферах философии, науковедения, социологии, социальной психологии. В результате историо- графическое сообщество начала нового столетия получило некий образец – модель схолярного исследования!

Несмотря на более чем 20-летний интервал, отделяющий нас от времени появления этой книги, перечитывая ее, ловишь себя на мысли о дпящемся историографическом значении этого труда, а также – для понимания особенностей становления *новой истории исторической науки*.

Об авторах подобных книг можно сказать: «они были пер- вые»! Может быть тогда, в 2000 г., и была сделана попытка «пе- рейти Рубикон» и выйти из пресловутой «шинели» советской историографии? Но мне тут же хочется сказать в утвердитель- ном смысле и нечто противоположное: все мы («наше поколе- ние») *все же вышли* из «шинели» советской историографии. У каждого из нас были свои незабвенные учителя из советского прошлого и своя индивидуальная тропа в этом сложном потоке непростой отечественной истории науки. Но это был и наш *об- щий* исторически обусловленный путь, который порождал стремление к обновлению. Эта интенция и является маркером «нашего поколения».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гришина Н.В. 1950-е – первая половина 1980-х гг. в советской историогра- фии: подходы к периодизации // Омские научные чтения – 2020: мате- риалы четвертой Всероссийской научной конференции (Омск, 30 нояб- ря – 5 декабря 2020). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 2256-2260.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историо- графии в конце XX века // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 250-265.
- Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. 2001. Вып 6. С. 364-370.
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эво- люция. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 160 с.
- Золотарев В.П. Монография о «русской исторической школе» // Отече- ственная история. 2005. № 6. С. 219-221.

- Могильницкий Б.Г. Введение // Мягков Г.П. «Русская историческая школа» «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. С. 3-6.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 200 с.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Репина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 6-10.
- Свешников А.В. Когда закончился советский период в истории отечественной исторической науки? // Омские научные чтения –2020 [Электронный ресурс]: материалы четвертой Всероссийской научной конференции (Омск, 30 ноября – 5 декабря 2020). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 2228-2235.
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru

**Going off the tracks of Soviet historiography:
the transition of historian G.P. Myagkov as seen by one
of his contemporaries (essay)**

The author reviews the problems of the formation of a new generation of historians in the 1970es and 1980es. In this respect, it is interesting to review the activities of a famous historian/historiographer G.P. Myagkov. The author focuses on his monographs published in 1988 and 2000 after he defended his candidate and doctoral theses. Reviewing them taking into account the analysis of the critique of the monograph entitled *The Academic Community in Historical Science* (2000), the author of this article tries to determine the specifics of rethinking the goals and nature of historical knowledge in the implementation of the new paradigm of historiographic disciplines. The academic experience of G.P. Myagkov can be referred to as the project of the transition time from Soviet historiography to its post-Soviet version. The episodes presented are reviewed through the author's perception of the generation of historians in question, which both the author and the main character of this article belong to.

Keywords: the history of historiography, generations of historians, academic community, soviet history, G.P. Myagkov, monograph, thesis, transition time

Natalia Alevras, Dr. Sc. (History), Professor at the department of the History of Russia and Foreign Countries at Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru

Г.Г. ПИКОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИДАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЛЯО, 907–1125)**

В статье сделана попытка рассмотреть историософию и историописание в т.н. «кочевых империях», или «империях завоевания», существовавших в средневековый период на севере Восточной Азии, на примере киданьской державы (907–1125). При неизбежном влиянии на развитие киданьского общества восточноазиатской общецивилизационной парадигмы, в особенности китайской культуры, можно говорить, что в киданьском государстве впервые происходит переход от легендарно-мифологического восприятия истории к ее линейной модели. Появляются профессиональные историки, создаются исторические труды, идет активная работа по накоплению и кодификации исторического материала, его цивилизационно-методологическому осмыслению.

Ключевые слова: история, историография, империя, кочевники, кидани, Восточная Азия, Ляо, Китай

Государства Ляо (907–1125) и Западное Ляо (1125–1218), созданные киданьскими племенами, занимают особое место в истории восточно-азиатской цивилизации. «Серебряная» империя киданей (Ляо) стала первым полномасштабным государством, удовлетворявшим всем необходимым критериям государственности, выработанным в китайском «ханьском» мире. Это отражается уже хотя бы в том факте, что его официальная история («Ляо ши» – «История /династии/ Ляо») была включена в состав 24-х династийных историй. Таким образом можно утверждать, что не только история киданей, но также их культура с XIII в. воспринимается как неотъемлемая часть культуры всего Восточноазиатского «мира». В применении к исторической литературе Ляо это означает, что она достаточно четко обусловлена общецивилизационной методологией. Это видно из того, что накопленный в империи исторический материал оказался в количественном и качественном смысле пригодным для написания династийной истории. Ни по объему, ни по другим качествам он не отличается от подобных сочинений. Однако «Ляо ши» китайскими историками, которые сравнивали ее с другими китайскими историческими сочинениями такого же уровня, часто критиковалась за некие «недостатки». Уже одно это говорит о самобытности киданьской историографии и данного сочинения. По сути, в нем содержится

много информации о племенной жизни и традициях, т.е. тех явлениях, которые в соответствии с ортодоксальной историографией не имели права быть «занесенными на бамбук и шелк». Это говорит о своеобразной двойственности киданьских исторических текстов, которая не исчезла даже тогда, когда они были трансформированы в официальную историю.

Это было время апогея развития кочевой цивилизации, все признаки которой как «мира» были очевидны. Восточноазиатские кочевники оспорили китайскую парадигму. По сути, в этом регионе две цивилизации, конфуцианская и кочевая, впервые вступили в соревнование «на равных». По этой причине киданям, создавшим свою, пусть и несовершенную еще цивилизационную модель, было сложно полностью принять китайскую модель. Их противостояние с Китаем было не просто военным соперничеством, а соревнованием двух социокультурных систем и, что не менее важно, двух векторов будущего развития всей Восточной Азии. Этим и объясняется «непокорность» «северных варваров».

Кидани воспринимались Китаем как «нецивилизованные», «варвары» и неудивительно, что они действительно смотрели на китайскую культуру как на чужую, но благодаря этому они увидели в ней то, чего сами китайцы не могли отметить, а именно четкую смену культур в ханьских регионах Восточной Азии. Отсюда делался вывод не об извечности и вечности китайской культуры, а о ее историчности, возможности и даже неизбежности ее исчезновения и, соответственно, замены иной, более совершенной социокультурной моделью. Если учесть, что подобные представления появились не в рамках китайской культуры, а за ее пределами, то это можно воспринимать как мощную культурную атаку со стороны «варваров». Фактически кидани первыми предложили воспринимать китайскую культуру как одну из множества других восточноазиатских культур. Прежде «варвары» пытались конкурировать с Китаем лишь в военном отношении.

В то же время влияние китайской культуры на формирование и развитие исторических идей в Ляо неоспоримо. Прежде всего отметим, что китайский иероглиф «ши» киданями также используется для обозначения «истории», и потому исторические записи становятся обязанностью определенных правительственных чиновников. Это означает, что задачи истории определяются крайне конъюнктурно и тенденциозно. В итоге история неизбежно становится историографией, т.е. официальным описанием событий. Этот акцент на социальном в дальневосточной историче-

ской сфере отражается в том факте, что, как отмечает Н.Я. Бичурин, «китайцы представляют историю зеркалом, отражающим тень событий, происходивших в какой-либо стране»¹.

Принято считать, что дальневосточная, в первую очередь китайская историография – «особый и необыкновенно яркий феномен цивилизации этой страны. Она необычайно самобытна и аналогов в мировой исторической науке не имеет»². Мы можем согласиться с этим, потому что любимая цивилизация уникальна в том или ином смысле, но также стоит отметить определенную близость историографических моделей традиционных «миров».

Естественно, нужно учитывать, что существует фундаментальное отличие европейской модели и китайской, разумеется, если мы не сведем западную только к греческой мысли, а увидим ее в культурах разных регионов. В этом случае можно провести ряд четких и принципиальных параллелей. Это – спекулятивная мысль как философское отражение самого прошлого, его скрытого смысла. Она представлена в форме религиозной (наиболее ярким примером является христианство, которое ищет следы Божьего промысла в человеческой, «профанной» истории) и секулярной, которая фомировалась в Европе со времен Возрождения (Г.В. Гегель, К. Маркс, О. Шпен-глер, А. Тойнби). Во второй половине XX в. ее обвинили в получении псевдонаучных знаний о прошлом, которые совершенно невозможно верифицировать. Второй тип – это критическая философия истории, которая ставит перед собой задачу получить правдивую историю, из-за чего она считает своим основным занятием эпистемологию, пытаясь понять, как соотносятся язык историка-исследователя и непосредственно само прошлое. В этом плане дальневосточная средневековая историография, в т.ч. китайская, киданьская, чжужэньская и монгольская, безусловно, относятся к первому типу. В них история разворачивается в двух основных областях. Ее формирование и развитие как четкой программы обязательно связано с представлением об особой роли Неба. Ее происхождение, цели и конкретные задачи для человека являются неизвестными.

Как и в западной традиции, люди должны считаться с «волей» сверхъестественного начала, которая изложена в авторитетных текстах, прежде всего, в сочинениях Конфуция, который разработал основы практической индивидуальной и социальной эти-

¹ Иакинф 1839. С. 1.

² Доронин 2004. С. 140.

ки. Сыма Цянь также представлял историю как действие непостижимой «небесной судьбы»³ и развивал идею управления, основанного на конфуцианских принципах⁴.

Киданьская историография – по преимуществу практическая, но это намеренный акцент на практической стороне постижения «истории», ибо «теория» взята ими из общецивилизационной парадигмы. В итоге осуществляется вполне сознательная фильтрация восточноазиатского опыта историописания. Здесь непосредственно возникает необходимость и в то же время опасность для киданьского общества идеологии метарегиона. Она, безусловно, необходима, но киданьское восприятие собственной истории рано или поздно вступает с ней в конфликт. Именно в государстве Ляо впервые так жестко столкнулись две парадигмы – кочевая и оседлая. По «горизонтали», т.е. в пространственном отношении общеметарегиональная, по преимуществу, китайская и локальная, киданьская, по «вертикали», т.е. во временном плане – две «древности», «оседлая» и «кочевая». В более позднее время, например, в рамках маньчжурско-китайского синтеза этот конфликт будет в определенной мере преодолен, но в то время уже будет идти процесс формирования наций, а в империи Ляо еще не могло существовать нации. Доминировала китайская культура, и по этой причине Восточная Азия в настоящее время является преимущественно китайской. Аналогов понятию «Европа» на востоке Азии не сложилось, что говорит о различиях в развитии цивилизаций. Кидани осуществляли весьма непростые хронологические подсчеты, отталкиваясь, прежде всего, от дат, предложенных китайскими авторами, однако, высказывали уже свое собственное мнение о тех или иных событиях или людях, иначе говоря, относились к этим источникам критически. Эта традиция будет сохранена в последующих монгольских исторических трудах «где, помимо исторического рассказа, читатель встречается и с рассуждениями исторической критики и философии истории»⁵. Как в любом традиционном обществе, киданьские историки придавали особое значение формированию и трансляции традиции, что предполагает решение сразу двух задач: фиксацию традиции (*traditum*) и способ ее трансляции (*actus tradendi*)⁶. В разных общест-

³ Малявин 2000. С. 206.

⁴ Кроль 1970. С. 84.

⁵ Позднеев 1900. С. IX.

⁶ Вейнберг 1993. С. 57.

вах «нормой и даже доблестью было вести себя так, поступать, как поступали испокон веков предки»⁷.

Кроме того, изучаются такие сложные структуры, как «империи», которые непрерывно находятся в движении. Историография выделяет определенные циклы в их истории. Поскольку грань между «прошлым» и «современным» подвижна и почти иллюзорна, их оценка может постоянно изменяться, в т.ч. и на прямо противоположную. В конечном итоге история любой династии уникальна, и это не может утаить даже такая утилитарная схема, как «династийная история». Это же определяет «самобытность» киданьской истории, государственности и историографии, что видно из того, что «Ляо ши», как династийная история, создается и потому четко воспринимается как текст, адресованный тому, кто испытывает потребность в существовании и фиксации такого знания, в убедительном доказательстве необходимых этических и политических норм и рецептов с помощью «большой истории» (метаповествования). Идея этого метанарратива абсолютно доминирует в тексте. Она задается самим наблюдением за действием, героем и т.п., выбранной критической точкой обзора. Не случайно киданьская историография формируется именно в период государственности. Согласно «Ляо ши» («Истории династии Ляо») и другим киданьским текстам можно выделить ряд ее функций. Она является преимущественно формой и механизмом аккумуляции опыта изучения прошлого. Эта ее социальная функция способствовала сохранению системности и целостности общей исторической парадигмы и непрерывности ее трансляции во времени и пространстве. Важна в данном случае и роль критики разных исторических сочинений. Она – инструмент обобщения исторического материала. Последняя задача решалась посредством анализа истории политической борьбы и смены династий. Мы видим здесь и своего рода прогностическую задачу – выявлять конкретные проблемы и использовать те или иные методы. Как считали киданьские историки, огромную роль в решении этих задач играет именно историографическое знание, которое дает возможность обзора истории в целом, прежде всего современной, которой придавалось особое значение, гарантирует существование и сохранение социальной памяти, создает возможности для прогнозов на разные сроки, дает факты для воспитания новых поколений. Именно историки формируют

⁷ Там же. С. 67; Вейнберг 1986. С. 101.

исторический опыт. Лишь имея в своем распоряжении большой, четкий и максимально беспристрастный, с точки зрения общей парадигмы, комплекс знаний о том, что сделано предшественниками, можно корректно поставить задачу трансляции парадигмы и более точно проанализировать деятельность тех или иных императоров и династий. Очевидно, что методы решения этих проблем не являются случайными акциями, а обуславливаются цивилизационной исторической методологией в целом. Особое значение киданьские историки придавали широкому и глубокому знанию сочинений других историков и географов. Они великолепно знают труды китайских историков и легендарную историю всей кочевой Степи. На своем историческом материале и трудах китайцев они поставили проблему выбора тех или иных исторических писателей в качестве авторитетов в решении ряда методологических и конкретных проблем. Понятно, что можно говорить лишь о начале становления киданьской историографии. Однако, очевидно, что она изначально формируется как такого рода деятельность, которая необходима не только для профессиональной работы, но и обязательна для решения сложнейших этнических, социальных и политических проблем в киданьском обществе. Ими она во многом и обусловлена. Киданьские историографы не принимали вслепую те материалы, которые накапливались в процессе политической и социальной жизни, подчас весьма серьезно расходились друг с другом в фактах или датах, могли по-разному оценивать ту или иную личность или какой-либо факт, процесс. Они сравнивали разные тексты между собой, вводили в итоговые сочинения сведения из легенд. Киданями осваиваются и социологические понятия, необходимые для анализа исторических процессов и явлений: макроисторические (государство, собственность) и микроисторические (семья, род, племя, община). Одновременное их использование позволяет нарисовать многогранную картину истории, на которой обозначались не только события, но и личности. Исторические тексты киданей представляют собой своего рода энциклопедию киданьской жизни.

Историографическая парадигма киданей очень своеобразна: историческая литература основывается на самобытных киданьских текстах и одновременно на китайской историографической и исторической традиции как общецивилизационной. Именно это обстоятельство во многом и спровоцировало споры о сути династии Ляо и обусловило рождение нового типа династийной истории. В этом плане киданьских историков можно назвать подлин-

ными исследователями, которые не подгоняют исторический материал под какие-то схемы, а делают выводы, исходя из самого исторического материала. Они по характеру своей деятельности не могут быть признаны в качестве философов истории или идеологов, вероятно, по этой причине у них и возникали конфликты с властями. Но в итоге формируется имперский, общеляоский, а не просто киданьский взгляд на историю. Он по понятным причинам будет находиться в определенной оппозиции с китайским идеалом, даже конфликтовать с ним. Если для китайцев на первом месте стоит прецедент и нормативное действие, т.е. традиция и «древность», то кидани, а впоследствии чжурчжэни и монголы пытались их сочетать со своим обычным правом. Вероятно здесь кроется основная причина равнодушия простых соплеменников к новой имперской историософии.

Представления об истории у киданей начали выявляться еще в додинастический период. В его развитии можно выделить три стадии. На первой племена придерживались типичных для кочевников взглядов на историческое, политическое и социальное развитие мира. Это была, так сказать, горизонтальная модель истории, символом которой может назвать круг. Образ круговорота социально-политического мира вполне соответствовал круговороту физического мира, в рамках которого передвигались кочевники. Горизонтальные перекочевки, зависимость от физических циклов, готовность к неожиданным военным столкновениям, неизбежная при этом иерархичность общества и акцент на должном развитии, прежде всего, физических качеств приводили к тому, что в культуре кочевников в целом и соответственно в этике акцент делался на «силе», а не «слове». Это давало возможность выживать в мире и в итоге занимать «законное» и «подобающее» место в полиэтничном мире.

Одна из важнейших в киданьской историографии – проблема соотношения этносоциальной памяти и этнополитической истории. Фигура вождя была крайне важна и значима, племя придерживалось тех норм поведения, особую роль в выработке которых сыграл именно вождь, что полностью определяло судьбу племени в целом, его статус и статус его членов. Именно поэтому в легендах и текстах всегда подчеркивалась роль первого правителя, с именем которого связывали и появление концепции развития общества и государства («правда»). Его «заветам», например, заветам Чингисхана, следовали все последующие поколения. Со временем они переосмысливались, теряли связь с определенным

временем и территорией, трансформировались из парадигмы в систему моральных норм. Например, от «закона Моисея» брались фактически только «десять заповедей», от «Ясы» Чингисхана – «дух великого предка».

Одним из механизмов контроля развития общества и правителя была генеалогия. Как писал персидский историк Рашид-ад Дин, «у всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка... и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения»⁸.

Киданьские сочинения содержат сведения об истории отдельных родов, племен, семей. Все они, несмотря на их полунезависимое положение, воспринимаются как нечто цельное – «народ». Все это говорит о сложном положении этноса в мультикультурном и полиэтничном мире: он должен не просто выживать, но двигаться «вперед и вверх», иначе быстро растворится среди других племен. Так появляется потребность в этнополитической истории. Одновременно племенное общество тесно связано с территорией своего обитания. Она очень часто начинает восприниматься как центр всей «поднебесной» (китайские «земли Янь», место встречи предков киданей, древнееврейская «земля обетованная»). Весь образ жизни племени обусловлен этой связью с землей обитания или кочевания. Отсюда возникает проблемное соотношение истории вождей и истории племени. Для того, чтобы снять эту напряженность, не допустить конфликта между ними, дальневосточный «мир» выдвинул идею двуединства главных «божественных сфер» – Неба и Земли. Культ Вечного Неба – одна из центральных идей народов Восточной Азии в средние века. Небо – главная сверхъестественная и надъестественная сила (хотя и не персонифицированная)⁹, она определяет судьбу как простых людей, так и героев. В киданьских текстах с ним связывают эпитет Отец. «Воля Неба» давала право на особое положение в «мире», преданность Матери-Земле обеспечивала связь экономики и производства с природно-климатической ситуацией.

Стоит отметить и то, что как в китайской, так и в кочевых историософиях четко видно стремление описать историю как всемирную. Ханьская историософия появляется в период форми-

⁸ Цит. по: Пучковский 1952. С. 13.

⁹ Можно действительно отметить тенденцию к монотеистичности культа Вечного Неба: Тугутов 1997. С. 32.

рования евразийских «миров» (в данном случае, Римской и Китайской империй). Она должна была, пожалуй, впервые в истории Восточной Азии в таком масштабе осмыслить этнополитические и социокультурные процессы в эпоху, когда начинает лидировать один этнос (римляне, ханьцы).

Сочинение Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.) «Ши цзи» («Исторические записки») свидетельствовало о появлении истории как особой области. Оно, по сути, ставило цель создать «периодическую систему элементов» основных философских школ, которые не только отличались в идейно-политическом отношении, но и прописывали различные векторы возможного социокультурного развития. Их было немало, и в результате возникала ситуация смысловой какофонии или информационного хаоса. Предлагались разные варианты решений проблем, они по-разному относились к «древности», политическим, социальным или этническим группам. Возникавшая метаистория выводила общество из этой ситуации противостояния, пыталась наладить дискурс ответов.

«Религиозные» идеи на Востоке Азии не существовали в таком жестком варианте, как на Западе, и «правильность» человека и общества проверялась не через «веру», а через следование «дао», иначе говоря, через традицию. Не было здесь и той оторванности культуры от этноса, как в Европе. В результате объединяющим символом здесь стал не конфессионим (христиане, мусульмане, буддисты), а этноним (Хань, Ляо), сочетавшийся с названием династии (Цинь, Тан, Сун, Цзинь, Юань). Еще одной задачей истории, как на Западе, так и на Востоке, было описать населенное пространство как «мир», создать нечто вроде историко-культурного атласа, закрепить иерархию социальных групп и доказать ее извечность, особенно императорской власти.

Задачами историков, как в Китае, так и у кочевников, было решение на основе исторического материала таких важных проблем, как место и роль в политической и социальной жизни человека и народа сверхъестественных сил, роль морально-политических императивов, иллюстрация базовых идей.

Киданьские исторические представления свидетельствуют о появлении представлений о возможности конвергенции различных культур не за счет «поднятия» «варваров» до уровня «цивилизации», а посредством обязательного диалога народов и культур. Понятно, что речь у них шла лишь в отношении близких по духу, соседних, однако, в потенции это была идея многополярного мира в рамках всего человечества. В соответствии с этим ки-

дани развивали и представление о мультилинейности исторического процесса. Если китайцы в рамках модели «империя – варвары» говорили лишь о вертикальном развитии народов, то в «кочевых историографиях» было предложено еще два варианта возможного развития. Во-первых, предлагается альтернативная схема исторического развития (троичная модель): варвары – Китай – Ляо (или Цзинь, Юань). Во-вторых, кидани подчеркивали самобытность и равноправие политических образований и культур кочевников (кидани, уйгуры, тангуты), не только между собой, но и по отношению к китайской цивилизации. Фактически они говорили о культурно-исторических типах. В «Цидань го чжи» и «Ляо ши» проводится мысль об интеграции этих культур, естественно, в духе того времени, под эгидой киданей.

Киданьские историки обращали внимание на множественность факторов, влиявших на сценарии развития, даже строили прогнозы и давали рекомендации. Для написания истории, по их мнению, необходимы специальные люди. Первое упоминание о чиновнике, возглавлявшем Исторический комитет, относится к Девятому году Дун-хо (991 г.), видимо, с этого времени деятельность комитета становится постоянной. Первая попытка ввести подобную должность приходится на время правления первого императора Елюй Апоки (Тай-цзу). Тогда ее занимал Елюй Лубугу. В киданьском правительстве существовали должности «левого» и «правого» «ши», которые делали записи о деяниях и высказываниях правителя с целью предостеречь его от неправильных поступков. В результате формировалась непрерывность регистрации событий. Задача историка – подробно описывать повседневную жизнь правителей (буквально «деятельность и покой») ¹⁰. Киданьский историк Елюй Мэнцзянь определяет заботы историка более подробно. Он должен заниматься «правдивым описанием» событий, ибо слово служит «сотне поколений». Поэтому он должен быть осмотрителен и критичен. Сяо Ханьцзяну восстановил уничтоженную ранее императором запись о неудаче императорской охоты (1044). Чиновники доложили, что во время нее на осенних горах несколько десятков человек были убиты медведями и тиграми. Император приказал это стереть. Выйдя из дворца, Сяо Ханьцзяну написал это снова. Его настойчивость похвалил император Син-цзун – таким и должен быть историк. Император, говоря о Сяо Ханьцзяну, назначенном главным писцом академии

¹⁰ Wittfogel 1946. P. 500; Е Лун-ли 1979. С. 32.

Хань линь, перечисляет качества историка: дарование, литературные способности, эрудиция, внимание к мелочам, пунктуальность, аккуратность. Таковыми считались Елюй Чуюй (известен своими эссе), главный писец Хань-линь Елюй Мучэн (знал в совершенстве киданьский и китайский языки).

В целом отношение к истории определяется уже и личностью историка, хотя он и опирается на общецивилизационное видение истории, а не на свое индивидуальное восприятие. Влияют, конечно, и социально-политическая среда, тип мышления самого историка и тех, к кому он обращается. А это означает, что начинают формироваться и чисто профессиональные качества. Киданьские историки особое значение придавали документам, искали новые источники информации, пытались восстанавливать и интерпретировать содержание разных текстов. В целом за основу берется изучение текстов – один из базовых признаков общецивилизационной историографии.

Историк должен осмысливать прошлое с целью создания определенного его имиджа, что ведет к необходимости создавать непротиворечивый синтез прошлого, настоящего и будущего. История становится линейной. В соответствии с этим формируются принципы и методы исторического исследования: принципы объективности, историзма, социального подхода, методы – хронологический, проблемный, синхронистический, когда проводили сравнение с другими регионами, в основном с Китаем, сравнительно-исторический, ретроспективный.

Кидани предложили и своеобразную периодизацию истории. Они заявили об «эре» – новой «эре» истории, начинающейся с киданей, «эре правления как определенном историческом периоде. Используется ими и понятие «момент истории», пока лишь как метафора – «знаменательный момент», «трагический момент», «поворотный момент».

В киданьской историографии происходила борьба линейной периодизации, как деления истории на «ступени» «исторической лестницы», и иерархической, ибо надо было сочетать «исторические» циклы. В этом плане они переходили от линейно-горизонтального видения истории к китайской синусоидальной модели истории (фэн шуай). Об этом говорит, например, то, что они по-разному оценивали значимость «ступеней», отделяя друг от друга, скажем, время «Цзу и Цзунов» и «женских покоев». Выделялась основополагающая деятельность Елюй Апоки («Цзу») и его антипода последнего императора Елюй Тяньцзо.

Таким образом, мы видим целый ряд признаков того, что в кочевом обществе происходило, как и во всей Евразии, «рождение Клио».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1993. 151 с.
- Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986. 206 с.
- Доронин Б. Историописание в императорском Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 140-153.
- Е Лун-ли. История государства киданей (цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. М., 1979. 613 с.
- Иакинф. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными // Сын отечества. 1839, т. VII, No 1, отд III, С. 1-11.
- Кроль Ю. Л. Сыма Цянь – историк. М., 1970. 447 с.
- Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. 192 с.
- Позднеев А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900. 416 с.
- Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII – XVII вв. // Ученые записки Ин-та востоковедения. Т. VI. М., Л.: АН СССР, 1952. С. 130-166.
- Тугутов А. И. Культ Вечного Неба в «Сокровенном сказании монголов» // Монголоведные исследования. Вып. 2. Улан-Удэ, 1997. С. 30-35.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society – Liao (907–1125). Philadelphia, 1946. 750 p.

***Пиков Геннадий Геннадьевич**, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; gennadij-pikov@yandex.ru*

Formation of the historical profession in the medieval nomadic society (based on the material of the Chitan Liao Empire, 907–1125)

The proposed article attempts to consider historiography and historiography in the so-called "nomadic empires", or "conquest empires" that existed in the medieval period in the north of East Asia, using the example of the Khitan power (907-1125). With the inevitable influence on the development of the Chitan society of the East Asian general civilizational paradigm and especially Chinese culture, we can say that for the first time in the Chitan state there is a transition from the legendary and mythological perception of history to its linear model. Professional historians are appearing, historical works are being created, active work is underway to accumulate and codify historical material, its civilizational and methodological understanding.

Keywords: history, historiography, empire, nomads, Chitan, East Asia, Liao, China

***Pikov Gennady, Dr. Sc. (History)**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of General History Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, gennadij-pikov@yandex.ru*

Л.П. РЕПИНА

**УИЛЬЯМ ЭДВАРД ХАРТПОЛ ЛЕККИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗАДАЧАХ И ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ
НА ИСХОДЕ “ВЕКА ИМПЕРИИ”**

Статья представляет один из сюжетов большой исследовательской темы, которую можно условно обозначить как «Размышления историков о задачах, предмете и пользе истории в контексте интеллектуальной культуры XIX – начала XXI века». Интерес к подобным темам связан с актуализацией в современной историографии профессиональной рефлексии над вопросом о статусе и социальных функциях истории, роли исторических знаний в обществе, а также с новыми представлениями об истории историографии как части интеллектуальной истории, которая, наряду с научными концепциями и произведениями как результатами интеллектуальной деятельности, изучает профессиональные стандарты, формы коммуникаций, этические нормы и ценности научных сообществ, материальные, социальные, культурные, психологические условия научного творчества в целом и в их исторической динамике, особенности профессионального самосознания. Имя Уильяма Эдварда Хартпола Лекки (1838–1903) известно большинству специалистов по истории историографии Нового времени. Поэтому автор статьи ограничивается краткой биографической справкой. Главное внимание уделено анализу двух очерков У. Лекки – «Мысли об истории» и «Политическая ценность истории» – из сборника «Исторические и политические эссе», опубликованного посмертно в 1908 г.

Ключевые слова: У. Лекки, историография, интеллектуальная культура, историзм, историческая критика, индивид в истории, история нравов

Выдающийся историк и публицист Уильям Эдвард Хартпол Лекки, известный как оригинальный мыслитель и как «философствующий историк», родился 26 марта 1838 г. в семье, предстатели которой на протяжении многих поколений были ленд-лордами в Ирландии. Он получил образование в Тринити-колледже в Дублине, и там же ему в 1863 г. была присвоена степень магистра. Его первая книга «Лидеры общественного мнения в Ирландии» была опубликована еще в 1861 г.¹ В 1865 г. Лекки опубликовал свою новую работу – двухтомную «Историю подъема и влияния духа рационализма в Европе»². Этот труд, в кото-

¹ Книга была опубликована анонимно: The Leaders of Public Opinion... 1861. Переиздана в 1871 г. уже под именем автора.

² Lecky 1865. См. также перевод этого труда на русский язык: История возникновения и влияния рационализма... Т. 1-2. 1871–1872.

ром показано возникновение и развитие научной мысли со времен Средневековья в режиме *longue durée*, имел большой общественный резонанс. Лекки сразу прославился в литературных, политических и научных кругах, среди его выдающихся друзей – лорд Рассел, Томас Карлейль, Лесли Стивен, Роберт Браунинг, Альфред Теннисон, Томас Генри Хаксли, Герберт Спенсер. Его «История европейской морали от Августа до Карла Великого» вышла в свет в 1869 г.³ Лекки был твердо убежден в историчности нравственных понятий, и в книге он продемонстрировал постепенные изменения в нормах морали. К этой теме он впоследствии возвращался неоднократно, в том числе в очерках из сборника «Исторические и политические эссе»⁴, о которых пойдет речь ниже. Интересно, что оба ранних труда Лекки выполнены в привычном для него формате серии исторических эссе, противостоящем форме последовательного исторического нарратива⁵.

По собственному признанию Лекки, большое влияние на направление его изысканий в это время оказало творчество Генри Томаса Бокля (1821–1862), которого он позднее назвал «писателем необычайной яркости и силы». На этом основании, начиная от Википедии и заканчивая авторитетнейшим изданием «Оксфордской истории историографии» Уильяма Лекки именуется «последователем и продолжателем методов Бокля»⁶. Между тем позиция Бокля характеризуется следующим образом: Бокль полагал, что исследование прошлого человечества возможно средствами, разработанными науками о природе <...> Как позитивист Бокль также исходил из убеждения, что общество в своем развитии подчиняется определенным законам, и надеялся, открыв их, сделать историю точной наукой». Заметим, что оценка Лекки как продолжателя методов Бокля нашла отражение также и в отечественной историографии. Интересно, что в известном учебном пособии по историографии истории Нового и Новейшего времени (в главе 2 «Английский позитивизм») только два поименованных историка – Генри Бокль и Уильям Лекки – выступают под брендом «историки-позитивисты». При этом речь

³ Lecky 1869.

⁴ Lecky 1908.

⁵ Нарушениями нарративной структуры отличаются и последующие исторические сочинения У. Лекки, включая его знаменитую многотомную и неоднократно переизданную «Историю Англии в восемнадцатом веке».

⁶ Oxford History of Historical Writing. 1800–1945. 2011. P. 63. См. также: Turning Points in Historiography... 2002. С. 151-152.

идет практически исключительно об идее прогресса⁷ и о политических взглядах У. Лекки⁸.

Между тем, отношение Лекки к позитивизму в духе Бокля и, тем более, О. Конта, было отнюдь не однозначным. Об «Истории цивилизации в Англии» Бокля⁹ он писал, как о книге, в которой «выдающиеся достоинства уравновешивались выдающимися недостатками». Да, Лекки подчеркивал, что Бокль «раскрыл в области истории более широкие горизонты, чем любой его предшественник. Ни один другой английский историк не набросал своего плана такой твердой рукой и не продемонстрировал столь явно непреходящее значение изучения не только действий солдат, политиков и дипломатов, но также тех великих взаимосвязанных процессов интеллектуальной, социальной и промышленной жизни, от которых в основном зависит тип каждой последующей эпохи». У. Лекки, разумеется, импонировал размах исторической программы развития человечества Бокля, его отождествление прогресса с накоплением знаний, высокая оценка задач научного изучения истории и уверенность в их успешной реализации. Однако он считал глубоко неверным тезис Бокля о том, что «нет реального прогресса в нравственных идеях и никакой реальной истории нравов»: этот тезис «сильно исказил значительную часть его выводов; и, хотя он внес ценный вклад, продемонстрировав, что капитальные изменения в истории намного меньше обязаны великим людям, которые их непосредственно произвели, чем длинной цепи интеллектуальных, политических или индустриальных процессов, которые их подготовили, он довел это, как и многие другие свои обобщения, до крайности и даже экстравагантности. *Индивиды и даже случайности имеют корректирующее и отклоняющее влияние в истории, и иногда роль, которую они сыграли, едва ли можно переоценить* (здесь и далее курсив мой. – Л.Р.)»¹⁰.

Развивая эту важную для него мысль, Лекки указал и на очевидную преемственность отмеченных им идей Бокля по отношению к определенной, и притом весьма авторитетной, тенденции в западноевропейской интеллектуальной традиции. «Со времен Бэкона и Локка до времен Кондилляка и Бентама, – отме-

⁷ Подробно об идее индустриального прогресса у Лекки в разные периоды его творчества см.: Кудрявцев 2008.

⁸ Историография истории Нового и Новейшего времени. 1990. С. 232-234.

⁹ См.: Buckle 1857. См. также: Бокль 2000–2002.

¹⁰ Lecky 1908 (“Formative Influences”).

чал он, – продвинутые либеральные мыслители были склонны безмерно преувеличивать власть обстоятельств и опыта над индивидом и предельно ограничивать все врожденные, переданные или наследуемые влияния. Они, по существу, представляли человека продуктом обстоятельств, а его разум – листом чистой бумаги, на котором образование могло бы писать все, что угодно. Бокль довел эту привычку мысли до того, что даже поставил под сомнение реальность такого очевидного и известного факта, как наследственное безумие. <...> [Бокль] недооценивал исключительную сложность социальных явлений, его тянуло к чрезмерно широким обобщениям...»¹¹. В связи с этой критикой не только «крайностей» Бокля, но и «определенной интеллектуальной традиции», стоит обратить внимание на оригинальный подход, реализованный Уильямом Лекки в его основном труде «История Англии в восемнадцатом веке».

Многотомная «История Англии в восемнадцатом веке» Лекки – результат долгосрочного проекта, растянувшегося на все годы его зрелой научной жизни. В 1878 г. были опубликованы первые два тома, а завершающий двенадцатый и последний том вышел в 1890 г., и очень скоро появилось так называемое «новое издание» (“New Edition”), в котором этот труд обрел свою окончательную форму¹². Обычно подчеркивается, что «История Англии в восемнадцатом веке» Лекки – это не историческое повествование в обычном смысле, а сборник эссе, в которых отдельно рассматриваются, например, характер английской монархии и аристократии, рост демократии, растущая власть парламента и прессы, религиозная свобода и др. Но лучше понять специфику этого монументального произведения позволяет очень краткое Предисловие к его первому изданию: «я не пытался писать историю избранного периода год за годом» с подробным отчетом обо всех событиях, «которые составляют основное содержание политических анналов. <...> Моей целью было «извлечь из огромной массы фактов» те, что «указывают на некоторые из наиболее устойчивых черт жизни нации»¹³. Поэтому Лекки в определенных случаях считал необходимым отступать от строго хронологического порядка: «ведь история какого-либо института или какая-либо тенденция может быть описана только если факты,

¹¹ Ibidem.

¹² Lecky 1892.

¹³ Lecky 1892. P. VI.

относящиеся ко многим разным годам, будут собраны в едином фокусе», и их лучше организовать по рассматриваемому предмету, а не в линейной хронологической последовательности¹⁴. Так автор лаконично обосновал свой замысел, а затем раскрыл его уже в подробной тематической рубрикации содержания этого труда. Впрочем, отступления от привычной нарративной формы не помешали Лекки проявить присущий ему литературный дар. Стоит отметить, что Дж. Тревелиян, утверждавший, что, «в конечном счете главное в ремесле историка – это искусство нарратива»¹⁵, ставил Лекки в стройный ряд блестящих представителей национальной литературной традиции, идущей «от дней Кларендона через Гиббона, Карлейля и Маколея – к Грину и Лекки»¹⁶.

Другие работы Уильяма Лекки – двухтомник историко-политических эссе «Демократия и свобода» (1896) и «Карта жизни: поведение и характер» (1899), где он в популярном стиле обсуждал некоторые этические проблемы, возникающие в повседневной жизни. Лекки был удостоен многих академических наград. Когда в 1902 г. была основана Британская Академия, он стал одним из первых ее членов. В персоналии «Вильяма Эдуарда Гартполя Лекку» из Словаря Брокгауза и Ефрона специально и вполне справедливо были отмечены «выдающиеся особенности Лекки как историка: «изящный слог, способность классификации и обобщения, беспристрастное отношение к борьбе мнений»¹⁷.

Лекки был избран в парламент как либерал, но выступал против гомруля, во время раскола в 1886 г. отказался поддержать Гладстона и на новых выборах потерпел поражение, но в 1895 г. вновь вернулся в парламент уже как юнионист (от Дублинского университета). В 1897 г. был избран в Тайный Совет. Лекки всегда с подозрением относился к демократии, религии и национализму, массовым движениям и социалистическим идеям¹⁸.

Лекки умер 22 октября 1903 г. «Историко-политические эссе» были опубликованы его вдовой Элизабет Лекки в 1908 г. Сборник состоит из ряда биографических очерков (о Карлейле, мадам де Сталь, Роберте Пиле, лорде Дерби, королеве Виктории и других исторических лицах) и тематических эссе по разным

¹⁴ Lecky 1892. P. VII.

¹⁵ Trevelyan 1913. P. 14.

¹⁶ Ibid. P. 4.

¹⁷ https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/60414/Лекки

¹⁸ См. полные биографические сведения о Лекки в книге: McCartney 1994.

историческим и политическим сюжетам. Наиболее интересными представляются два очерка, озаглавленные «Мысли об истории» и «Политическая ценность истории». Важное значение для темы настоящей статьи имеет также включенный в эту коллекцию автобиографический очерк «Формирующие влияния» (см. выше).

В эссе «Политическая ценность истории»¹⁹ Лекки сосредоточил внимание на вопросе о практическом использовании истории. Он подчеркивает, что только в XVIII столетии «историки пришли к убеждению, что их задача состоит не столько в том, чтобы нарисовать какую-то картину, сколько в том, чтобы решить ту или иную проблему» и «писать, скорее, историю народов, чем королей». Предметом изучения стали как «история морали, промышленности, мысли и искусства», так и «изменения, происходившие в манерах или убеждениях; доминирующие идеи, преобладавшие в разные периоды; становление, падение и изменение политических образований». При этом в истории стремились «прежде всего искать причины и следствия... и надеялись, в большом масштабе применяя экспериментальный метод, извлечь действительно ценные уроки относительно условий, от которых в основном зависит благосостояние общества».

Поставив вопрос о том, насколько успешны были эти попытки и смогли ли они принести практическую пользу, представив «настоящий компас для политического руководства», Лекки начинает свое рассуждение с убеждения читателей в том, что изучение истории во многих случаях может быть бесполезным и даже вводить в заблуждение. Поверхностное знание или, напротив, слишком педантичное использование истории является источником очень многих ошибок в практических решениях: действия людей «бесконечно сложны, и напрасно ожидать, что они когда-либо будут точно воспроизведены, или что любое исследование прошлого может дать нам возможность предсказать будущее с той подробностью и полнотой, которая может быть достигнута в точных науках. Ни один мудрый человек не будет судить о достоинстве существующих учреждений исключительно по историческим основаниям. Не убеждайте себя в том, что любое учреждение, каким бы великим оно ни было в древности, сколь бесконечной ни была бы его польза в далеком прошлом, может постоянно оправдывать свое существование, если только нельзя продемонстрировать, что оно действительно оказывает

¹⁹ The Political Value of History... 1908.

благотворное влияние на наше собственное общество в нашем настоящем. В равной степени верно и то, что ни одно учреждение, осуществляющее такое благотворное влияние, не должно подвергаться сомнению из-за того, что можно показать, что в истории, в других условиях и в другое время его влияние было скорее во зло, чем на благо». Примечательно, что глубокая приверженность Лекки историзму пронизывает все эссе, в котором целью автора является как раз доказательство пользы знаний о прошлом и их способности послужить ориентиром для политических решений и действий в настоящем, то есть в совершенно иных, по определению, исторических условиях. И конкретные сюжеты приводимых им примеров выглядят не только риторически убедительными, но также являются понятными и актуальными как для его интеллектуального круга, так и для более широкой образованной аудитории читателей-современников.

Речь идет, по существу, о политической полемике: Лекки выбирает мишенями своей критики распространенные «исторические» суждения по дискутируемым в обществе вопросам, которые и дискредитирует, как очевидно несовместимые с высказанными им положениями. По принципу «от противного» он выступает за необходимость корректной оценки роли католической церкви и монастырей в развитии цивилизации и в современном мире, а также условий функционирования институтов представительной и «чистой» демократии: «Как часто, например, в дискуссиях на континенте о преимуществах и недостатках монастырей главный акцент делался на тех великих преимуществах, которые эти учреждения, создавали в эпоху, совершенно отличную от нашей, в темные века варварских нашествий, когда они были единственными убежищами мирной цивилизации, единственными библиотеками, единственными школами, единственными центрами искусства, единственным прибежищем для нежных и интеллектуальных натур, главным барьером против насилия и грабежа; главными промоутерами сельского хозяйства и промышленности! <...> Как часто сторонники современной демократии обращались в поддержку своих взглядов к славе демократий древней Греции, не напоминая своим слушателям, что эти небольшие города-республики опирались на рабство и что большинство тех, кто будет осуществлять главное контролирующее влияние на дела в чистой демократии современного типа, были абсолютно исключены из политической власти! Как часто в дискуссиях о преимуществах и недостатках гомруля в Ирландии

дии мы находим аргументы в достоинствах или недостатках ирландского парламента восемнадцатого века, полностью забывая о том, что этот парламент состоял исключительно из протестантского джентри, что он представлял собственность и классы, наиболее тесно связанные с английским правлением; что он был составлен таким образом, чтобы английское правительство могло полностью контролировать его обсуждения, и что, for good or for ill, он совершенно не похож ни на какой орган, который теперь может быть образован в Ирландии!»²⁰.

В эссе «Размышления об истории» Лекки рассматривает ту же тему, указывая на распространенную ошибку историков, которая заключается в суждении о действиях прошлого по моральным стандартам своего времени. «Чтобы справедливо судить о законодательстве того или иного народа, мы должны всегда учитывать законы и идеи того времени. Когда это игнорируется, наши суждения о прошлом становятся ложными. Как часто, например, такой вопрос, как история уголовных законов против ирландских католиков, рассматривался без малейшей ссылки на современные законы против протестантов, которые существовали у каждой католической нации, и законы против католиков, существовавшие в каждой протестантской стране Европы»²¹.

В основе концепции истории, разделяемой Лекки, была заложена диалектика преемственности (традиции) и изменчивости (трансформации) через механизмы адаптации, и Лекки считал наиболее полезным и поучительным тщательное изучение таких трансформаций). В институциональной истории это проявлялось как сочетание того, что на современном языке междисциплинарной истории мы обозначаем как «принцип колеи», или зависимости от пройденного пути» (“path dependence”), с неизбежным и постоянным обновлением: «В постоянно меняющихся условиях жизни человека ни одно учреждение никогда не оставалось надолго неизменным». Причем, иногда с изменением условий «институты теряют свою первоначальную полезность, хотя они могут продолжать существовать еще долгое время после этого», в то время как «другие учреждения могут проявлять способность адаптироваться к изменившимся условиям», и именно «сила, полученная из давних традиций прошлого и привычек, которые формируются вокруг всего, что глубоко укоренено в националь-

²⁰ The Political Value of History... 1908 (www.gutenberg.org)

²¹ Thoughts on History... 1908.

ной жизни, придает им огромное значение». В умении приспособлять старые институты к новым потребностям, возникающим в изменившихся условиях, Уильям Лекки видел проявление «политического гения нации», прежде всего «политическое превосходство английского народа». «Именно институты той или иной страны главным образом поддерживают смысл ее органического единства, существенную связь с ее прошлым. Непрерывностью своего существования они связывают друг с другом, как живой цепью, прошлое с настоящим, живых с мертвыми»²².

Особый интерес в свете продолжающегося «мемориального бума» в историографии начала XXI в. вызывает сделанное Лекки более столетия назад своеобразное обращение к проблеме исторической памяти в национальном контексте и с учетом возрастной специфики. Так, например, он справедливо подчеркивал, что «первые политические впечатления или склонности большинства образованных людей формируются в меньшей степени событиями своего времени, чем их детскими воспоминаниями о более драматических конфликтах прошлого. Мы представляем себя Кавалерами или Кругловыми, прежде чем станем консерваторами или либералами; и, хотя постепенно учимся понимать, как глубоко изменилось с тех пор состояние дел и баланс сил, все же ни один разумный человек не усомнится в той силе, которую первые впечатления и склонности, имеют в очень многих случаях на протяжении всей жизни»²³. Здесь в свернутой, лаконичной форме нашло отражение глубокое понимание роли эмоционально-психологической составляющей индивидуальной памяти о далеком прошлом, как, впрочем, и степени инерционной силы и мобилизующего влияния политического языка, который, «возникнув в давно ушедших конфликтах, продолжает еще долго использоваться после того, как эти конфликты закончились».

Нуждается в комментарии нетривиальная, с точки зрения современного опыта исторической политики, мысль Лекки об изучении истории как «лучшем средстве от конфликтов». Он считал одной из первых задач – попытаться понять, что являлось «доминирующей идеей», или характеристикой изучаемого периода, «какие силы им в основном управляли, какие силы тогда поднимались и какие силы находились в упадке; какие иллюзии, какие преувеличения, какие ложные надежды и недостойные

²² The Political Value of History... 1908 (www.gutenberg.org)

²³ Ibidem.

влияния в основном преобладали». Такой подход, согласно Лекки, не только дает ключ к пониманию прошлого, но также создает фундамент для суждения о настоящем.

Расхождение исторического мышления Лекки с классическим позитивизмом и линейной теорией прогресса наиболее очевидно в его представлении о роли случайных событий, наряду с действием долговременных причин, в истории великих общественных трансформаций: «хотя есть определенные тенденции, хотя существует устойчивая и упорядоченная эволюция, которой в конечном итоге невозможно противостоять, но индивидуальные действия и даже просто случайности играют очень большую роль в *изменении направления* (курсив мой. – Л.Р.) истории. <...> Никто из нас не может избежать всепроникающей силы тяготения или влияния климата, в котором мы живем, или последовательности времен года, или законов роста и распада; но человек – не просто пассивный сорняк, беспомощно плывущий по морю жизни, и человеческая мудрость и человеческая глупость могут сделать и многое сделали для изменения условий его бытия». Эту мысль он развивает далее, придавая силе человеческого разума статус ключевого фактора общественных преобразований: «пункт, который я хотел бы здесь особо подчеркнуть, заключается в том, что едва ли была какая-либо великая революция в мире, которая не могла бы на какой-то стадии своего прогресса быть либо предотвращена, либо существенно изменена, либо, по крайней мере, значительно отложена с помощью мудрого государственного управления и своевременного компромисса».

Согласно Лекки, «история главным образом связана с таким видом вероятностей, от которых в основном зависит жизнь людей», и необходимо научиться «взвешивать конфликтующие вероятности». История «расширяет наш опыт, вводя нас в прямой контакт с людьми разных эпох и стран <...> источником ошибок в наших суждениях о людях является то, что мы недостаточно учитываем различия между их типами. Сущностные оценки правильного и неправильного, несомненно, остаются прежними, но <...> меняется значение, которое придается тем или иным конкретным качествам и достоинствам. Иногда наиболее ценятся и занимают главное место в конкретном типе нравственности гражданские добродетели, иногда религиозные, иногда производственные, иногда любовь к истине, иногда дружеское расположение... Людей каждой эпохи следует оценивать согласно

идеалу этой эпохи и страны... Люди смотрят на жизнь с разных сторон, и они сильно различаются по своим способам рассуждения, по качествам, которыми они восхищаются, по целям, которые они в основном ставят». В результате самыми ценными уроками, которые можно извлечь из истории, являются уроки моральные. Но такой же подход распространяется и на политическую культуру, что позволяет, «рассуждая об истинных интересах народов, смотреть за пределы ближайшего будущего», чего, по мнению Лекки, в его время очень недостает. «Чрезмерное усиление в политической жизни преходящих воздействий, особенно влияния ежедневной прессы; умножение выборов, усиливающее партийные конфликты, как правило, все больше концентрируют наши мысли на сиюминутном. Они сужают круг нашего видения и делают нас нечувствительными к отдаленным последствиям и непредвиденным обстоятельствам. Между тем, «конечные, отдаленные и, возможно, косвенные последствия политических мер часто гораздо важнее, чем их непосредственные плоды». Ценность исторического знания заключается в том, что оно дает возможность «обнаруживать в медленных изменениях прошлого великие силы, которые неуклонно двигают страны вперед к процветанию или упадку. И самыми могущественными из этих сил являются моральные». Ведь политическое процветание наций – «это, по сути, результат их морального состояния». Основа такого благополучия заложена «в чистоте домашней жизни, в коммерческой честности, в высоком уровне морали и общественного духа; в простых привычках, в мужестве, правдивости и жертвенности, в определенной твердости и умеренности суждений, которые сильно различаются в зависимости от характера и от интеллекта. Если вам нужно сформировать мнение о будущем нации, <...>, внимательно следите за тем, какие качества больше всего ценятся в общественной жизни».

В «Размышлениях об истории», помимо вопроса о практической пользе истории, рассматривается гораздо более широкий круг теоретических проблем исторического познания²⁴: о предмете истории, о трудности выбора пространственно-временных координат и правильной перспективы исследования, о причинно-следственных связях, о беспристрастности и тенденциозности, о критериях оценки метода изучения истории и степени доказательности, о герменевтике и критике источников, о структуре

²⁴ Thoughts on History... 1908.

исторической науки, о профессиональных качествах и исследовательских стратегиях историков, об историческом воображении, о связи истории и литературы, и даже об эвристическом потенциале исторических мифов и легенд.

Лекки считает общие рассуждения о лучшем методе изучения истории нецелесообразными, поскольку «существует много разных видов истории и их следует писать разными способами», а выбор эффективного метода определяется предметом изучения и целью историка. «Дипломатическую, военную или парламентскую историю, имеющую дело с коротким периодом или конкретным эпизодом, следует рассматривать совершенно иначе», чем такие исследования, в которых «целью историка является описание разных аспектов национальной жизни, прослеживаемых в течение длительных периодов времени. История религии, история искусства, история литературы, история социального и экономического развития, история научного прогресса имеет каждая свои методы». К тому же, Лекки отмечает принципиальные различия в методах анализа, с одной стороны, стабильных периодов истории и, с другой стороны, ее переломных моментов, поскольку в последнем случае наиболее важной задачей историка является ретроспективное объяснение длительного хода событий, которые подготовили и привели к изучаемому перевороту.

В ситуации выбора ключевое значение имеет индивидуальность историка, и этот момент особо занимает автора эссе. Он указывает, что историки обладают разными дарованиями, «которые никогда не совмещаются»: «Способность понимать и ярко изображать людей, общества или способы мышления, которые давно ушли в небытие; способность отобрать и организовать в повествование множество разных фактов; способность точно и беспристрастно разбираться в противоречивых аргументах или доказательствах; отслеживать через длительный ход событий истинную цепочку причин и следствий, выделять наиболее ценные и значимые факты и объяснять взаимосвязи между общими причинами и конкретными последствиями, относятся к разным типам интеллекта». Тщательность исследования, красочность изложения и оригинальность интерпретации собранных фактов редко сочетаются в одном авторе, поэтому каждый должен следовать своему таланту при выборе темы и направления работы.

В этом ключе размышления Лекки приводят его к проблеме самоопределения истории в ее статусе между наукой и литературой, которая, как можно убедиться, являясь одной из вечных

проблем в истории историографии, нашла себе место и в нынешней повестке дня²⁵. На рубеже XIX–XX вв. стало модно осуждать то, что тогда называли вторжением литературы в историю. Лекки занял позицию, отличную от тех, кто считал, что история должна рассматриваться как наука, а не как литература, а историк должен быть похож на «умелого и хорошо обученного юриста: прилежно собирать документы, сравнивать, классифицировать, интерпретировать и оценивать их». При этом Лекки не отрицал значение такой работы для историка: «Несомненно, что есть некоторые области истории, где главные факты плохо изучены и настолько оспариваются или в значительной степени основаны на реконструкции малопонятных манускриптов, что историк будет обязан пожертвовать художественными достоинствами ради строгости анализа, воспроизведения документов и накопления доказательств <...>; но в целом обесценивание литературного элемента в истории кажется мне по существу неправильным». В особенности, литературные качества востребованы «в высших формах истории». Искусство портретирования персонажей; описания событий; отбора и организации массы разнородных фактов, прослеживания множества разных цепочек повествования, сохранения в повествовании необходимых пропорций – все это требует литературного мастерства²⁶.

По мнению Лекки, для создания по-настоящему всеобъемлющей истории, которая должна описывать жизнь нации, требуется «мощный и оригинальный ум», необходимый для исследования «отдаленных и ближайших причин и последствий» событий, а также особый тип воображения – сродни, в описании Лекки, драматургическому. Такое воображение «позволяет воспроизводить не только действия, но также чувства, идеалы, способы мышления и жизни человека далекого прошлого и раскрывать через поступки и занятия людей их характеры...». Именно поэтому Лекки считал, что историк должен обладать широким кругозором и жизненным опытом. Среди профессиональных качеств историка большое значение он придавал способности «выявить смысл противоречивых аргументов и поставить себя на

²⁵ «Вечная» проблематизация взаимоотношений историографии и литературы отражает перипетии процесса дисциплинаризации истории и смены профессиональных норм и стандартов. Подробно об этом см.: Тошгендаль 2014.

²⁶ Thoughts on History... 1908.

место людей, занимающих разные позиции, отличающихся и от его собственной». Ратуя за беспристрастность и правдивость как высшие добродетели историка Лекки предлагает своеобразную градацию его возможной тенденциозности. Худшей формой последней он считает фальсификацию тех или иных фактов или преднамеренное исключение неподходящих. Наряду с этим, он выделяет «более тонкие способы, в которых партийный дух постоянно и нередко совершенно бессознательно искажает историю», будучи «одушевлен сильной симпатией к одной из сторон или сильным желанием доказать какую-то особую точку зрения»²⁷. Лекки приводит в качестве яркого примера труды Т. Маколея: «Характерным недостатком этого великого писателя, замечательного и как историк, и как художник, было отсутствие чувства меры, ...любовь к сильным контрастам в сочетании с мастерским использованием мощных эпитетов», и эти эпитеты распределяются неравномерно, что «обнаруживает его сильную предвзятость».

При анализе исторических текстов Лекки подчеркивает необходимость учитывать не только близость историка к описываемым им событиям, его вероятные источники информации и то, что свидетельствует о его точности, честности и правдивости, но также принимать во внимание стандарты доказательства и аргументации, нормы и методы историописания, существовавшие в его время. «Современный писатель, который вложил бы в уста своих персонажей придуманные им речи, был бы справедливо дискредитирован, но в древности это был общепризнанный прием – способ выразить в фиктивных речах предполагаемые историком мысли и мотивы его героев». Лекки также указывает на то, что наличие сверхъестественного и мифического элементов в исторических повествованиях не может быть основанием для признания всех содержащихся в этих текстах сведений недостоверными. Не оспаривая ценность достижений герменевтики, он отмечает, что нередко при таком анализе неоправданное значение придается тому, что может быть просто случайным совпадением или кажущимся противоречием. Во всех текстах, но особенно в текстах тех эпох, которым такая критика была еще неизвестна, будут повторы, противоречия, несоответствия, а также различия в стиле, что не обязательно указывает на наличие разных авторов или разное время создания текста.

²⁷ Ibidem.

Важное место в размышлениях Лекки занимает стратегическая задача расширения предметного поля исторического исследования, выход за рамки истории великих людей и самых ярких событий к судьбам «огромной массы неизвестного, страдающего, безмолвного человечества, глубоко затронутого политическими и военными событиями». Одним из достижений современной истории ему видится внимание к «социальной, экономической и моральной истории бедных», что существенно важно для целостного охвата картины прошлого, исследования долговременных тенденций, глубинных причин событий и изменений в разных сферах жизни. Но, тем не менее, для историка «самыми заметными ориентирами его повествования являются великие люди прошлого. <...> Истинное благородство наций проявляется теми людьми, которых они выбирают, за которыми они следуют, которыми они восхищаются, теми идеальными чертами характера и поведения, которые эти люди представляют»²⁸.

Говоря о том, что в истории представляет для него особый интерес и ценность, Лекки неожиданно обращается к вопросу о фактах и фикциях прошлого, который, как известно, вызвал бурную дискуссию через сто лет, уже на рубеже XX–XXI вв.²⁹ И он иллюстрирует свои мысли по этому поводу блестящим кратким очерком последовательной смены моделей добродетельного поведения и эстетических идеалов, преобладавших в разные периоды античности и средних веков. Разумеется, его целью не было дать развернутую картину такого типа истории, которую сегодня мы назвали бы социокультурной. Лекки лишь хотел показать, что настоящий историк должен заниматься и фактами, и фикциями. «Легенды, даже не имеющие твердой исторической основы, часто представляют самую высокую историческую ценность», отражая нравственные чувства, идеалы и ценности своего времени. «И они их не просто отражают. В некоторые периоды они оказывают, возможно, самое большое влияние на их формирование, придавая им непреходящую силу. <...> Идеалы в конечном счете правят миром, и каждый из них, прежде чем утратить свое господство, завещает человечеству некоторую моральную истину как неизменное наследие». Самое интересное в истории, считал Лекки, это изучение причин, которые порождают и изменяют эти последовательно сменяющиеся друг друга идеалы.

²⁸ Ibidem.

²⁹ См.: Эксле 2001.

Мысли Уильяма Лекки об истории оказались во многих аспектах удивительно созвучны высказываниям сторонников парадигмы культурно-интеллектуальной истории XXI века. Как, собственно, и его итоговый тезис об общественной пользе изучения истории: «Тот, кто научился понимать истинный характер и тенденции многих сменяющих друг друга эпох, вряд ли сильно ошибется в оценке своей собственной эпохи»³⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Том 1-2 / Пер. с англ. А.Н. Буйницкого. М. 1895.
- Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для студентов, обучающихся по спец. «История / Под ред. И.П. Деметьева. М.: Высшая школа, 1990. 512 с.
- История возникновения и влияния рационализма в Европе: В 2 т. / [Соч.] В.Э. Гартполя Лекки; Пер. с англ. А.Н. Пыпина. Т. 1-2. СПб.: Н.П. Поляков, 1871–1872.
- Кудрявцев Н.В. Эволюция взглядов викторианских сторонников идеи прогресса на примере работ Уильяма Лекки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2008. Вып. 1. С. 169-178.
- Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А.Ю. Серегинной. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.
- Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 49-60.
- Buckle H.T. History of Civilization in England. Vol. 1-2. L.: John W. Parker and son, West Strand, 1857.
- The Leaders of Public Opinion in Ireland. L.: Longmans, Green & Co., 1861. 320 p.
- Lecky W.E.H. Historical and Political Essays / Ed. by Elizabeth Lecky. L.: Longmans, Green, and Co., 1908. 324 p. [www.gutenberg.org]
- Lecky W.E.H. Thoughts on History // Historical and Political Essays / Ed. by Elizabeth Lecky. L.: Longmans, Green, and Co., 1908. P. 1-20.
- Lecky W.E.H. The Political Value of History // Historical and Political Essays / Ed. by Elizabeth Lecky. L.: Longmans, Green, and Co., 1908. P. 21-42.
- Lecky W.E.H. Formative Influences // Historical and Political Essays / Ed. by Elizabeth Lecky. L.: Longmans, Green, and Co., 1908. P. 90-103.
- Lecky W.E.H. A History of England in the Eighteenth Century. New Edition. Vol. 1. L.: Longmans, Green, and Co., 1892. 472 p.; Vol. 2. 450 p.
- Lecky W.E.H. History of European Morals from Augustus to Charlemagne. Vol. 1-2. N.Y.: D. Appleton, 1869.
- Lecky W.E.H. History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe. Vol. 1-2. L.: Longmans, Green, and Co., 1865.
- McCartney, Donald. W.E.H. Lecky, historian and politician, 1838–1903, Dublin: Lilliput Press, 1994. 272 p.
- Oxford History of Historical Writing. Vol. 4. 1800–1945 / Ed. by Stuart Macintyre et al, Oxford; N.Y.; Oxford University Press, 2011.

³⁰ The Political Value of History...

Trevelyan G.M. *Clio, a muse* // *Idem. Clio, A Muse and Other Essays Literary and Pedestrian*. L. etc.: Longmans, Green and Co., 1913. P. 1–55.

Turning Points in Historiography: A Cross-Cultural Perspective / Ed. by Q. Edward Wang, Georg G. Iggers. Rochester: University of Rochester Press, 2002. 372 p. (Series: Rochester Studies in Historiography).

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

William Edward Hartpol Lecky
Reflections on the objectives and the use of history
at the end of the “Century of Empire”

The article presents one of the plots of a large research topic, which can be conditionally designated as “Reflections of historians on the tasks, subject matter and usefulness of history in the context of intellectual culture of the 19th – early 21st cc.”. Interest in such topics is associated with the actualization in modern historiography of professional reflection on the question of the status and social functions of history, the role of historical knowledge in society, as well as new ideas about the history of historiography as a part of intellectual history, which, along with the results of intellectual activity, studies professional standards, forms of communication, ethical norms and values of scientific communities, material, social, cultural, psychological conditions of scientific creativity in general and in their historical dynamics, features of professional identity. The name of William Edward Hartpole Lecky (1838–1903) is well known to the specialists in the history of modern historiography. Therefore, the author presents only a brief biographical note. The main attention is paid to the analysis of two essays by W. Lecky (“Thoughts on History” and “The Political Value of History”) from the collection “Historical and Political Essays”, published posthumously in 1908.

Keywords: William Lecky, historiography, intellectual culture, historicism, historical criticism, the individual in history, history of morals

Lorina Repina, Dr. Sc. (History); Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; lorinarepina@yandex.ru

Т.А. СИДОРОВА

**НАУЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ Ф.У. МЕЙТЛЕНДА В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ**

Статья посвящена изучению научной репутации выдающегося британского историка-юриста Ф.У. Мейтленда (1850-1906). Представлен сравнительный анализ состояния коллективной памяти о Мейтленде англо-американского (середина 80-х гг. XIX в. – первые десятилетия XXI в.) и российского сообщества историков (конец XX – первые десятилетия XXI вв.); рассмотрены особенности их развития в контексте трансформаций социально-политического и методологического характера; показано, что мейтлендоведение получило наиболее полное развитие в исторической науке Великобритании и США. Доказано, что научная репутация Ф.У. Мейтленда, получившего широкое прижизненное и посмертное признание в Европе, Америке и России, была и остается высокой и долговечной; его исследования востребованы; его оценки и мнения заслуживают доверия.

Ключевые слова: Ф.У. Мейтленд, научная репутация, коллективная память, профессиональное сообщество, англо-американская историография, российская историография

Высокая научная репутация Фредерика Уильяма Мейтленда (1850-1906), выдающегося британского историка и юриста, основателя критического направления в национальной историографии, одного из крупнейших европейских историков XIX века, утвердилась в профессиональном сообществе в последние десятилетия XIX столетия и сохранилась в настоящее время.

Феномен научной репутации Мейтленда кроется в масштабе личности ученого, его научных достижениях и том поистине колоссальном влиянии, которое он оказал на развитие исторической науки, заслужив еще при жизни широкое международное признание коллег. Интеллектуальный капитал ученого, «очень английского англичанина»¹, эталона английскости по стилю мышления и образу жизни, стал достоянием интернационального профессионального сообщества историков.

Научная репутация ученого, формирующаяся на протяжении всей жизни как результат практической деятельности, представляет собой его интеллектуальный капитал. Важнейшие позиции в ее оценке – признание в профессиональном сообществе и

¹ Milsom 2001. P. 266.

доверие к его экспертному мнению, без которых научная репутация сложиться не может. Научная репутация Ф.У. Мейтленда была очень высокой, практически безупречной и долговременной. Коллеги-современники сравнивали его с Фукидидом, Бедой, Э. Гиббоном, Дж. Кемблом, Т. Карлейлем, Я. Буркхардтом, Т. Моммзенем, Т. Маколеем, У. Блэкстоуном, Г. Мейном, М. Блоком, У. Стеббсом, С.Р. Гардинером, Э. Фрименом, Дж. Фродом, М. Крейтоном, К. Савиньи, а также с выдающимися юристами – Дж. Селденом, Г. Брактоном и Дж. Глэнвиллем; коллеги-потомки нарекли «вторым Мейтлендом» самого именитого британского медиевиста современности С.Ф.Ч. Милсома (1923–2016)².

Историки и юристы первой величины, соразмерной Мейтленду, в превосходных степенях оценивали его научные достоинства. Оставленные ими сравнения образуют внушительную коллекцию ярких, блистательных метафор. Профессиональные историки и юристы считали Мейтленда-ученого (*scientific historian*) величайшим английским историком в век великих историков³; одним из лучших историков⁴, святым покровителем историков и оракулом⁵; больше, чем великим профессиональным историком современности, но и философом, который оставил нам блистательное видение того, как создавался наш странный мир⁶; отцом истории⁷; самым талантливым историком в Англии, в то время, когда Стеббс и Гардинер были еще живы⁸, великим, величайшим английским юристом своего времени⁹; величайшим историком права всех времен, равного которому не знала Англия¹⁰; выдающимся современным юристом, признанным судьями Суда Лорда-канцлера¹¹; одним из бессмертных¹²; не имеющим себе равных

² Wormald 1998. P. 1; McFarlane 1965; Collingwood 1961. P. 127; Hay 1977. P. 169; Burrow 1981. P. 131; Gooch 1952. P. 372; Шарифжанов 2004. С. 97-102; Smith 1908. P. 61-71; Wormald 1998. P. 3; Vinogradoff 1907. P. 288; Holt 1989. P. 47-64; Brand 1989. P. 65-90; Bell 1965. P. 2, 68; Professor Stroud Francis Charles (Toby) Milsom. By Lesley Dingle and Daniel Bates. 2012. P. 307-316; Mussawir 2016. P. 407.

³ Hexter 1979. P. 156; Schuyler 1952. P. 322.

⁴ Collingwood 1961. P. 127.

⁵ Elton 1985. P. 97-98, 34.

⁶ Alan Macfarlane 2002. P. 82.

⁷ Савин 1907. С. 105-106.

⁸ Gooch 1952. P. 372.

⁹ Bloch 1962. P. I, XXI; Schuyler 1952. P. 322.

¹⁰ Wormald 1999. P. XI, 17; Schuyler 1952. P. 322.

¹¹ Hollond 1953. P. 4.

¹² Cam 1962. P. XXIX; Wormald 1999. P. XI, 17.

среди английских историков¹³; всё еще живым авторитетом¹⁴; ученым, которые приходят раз в два или три поколения¹⁵; называли великаном, который вместе с М. Блоком является одним из величайших историков последнего времени¹⁶; сравнивали с недосягаемой горной вершиной¹⁷; считали человеком выдающейся учености, истинных стандартов и безупречных манер¹⁸.

В результате механической операции по «сжатию» текста этого сюжета, образуется концепт истинного признания Мейтленда всеми профессиональными сообществами историков и юристов: «Величайший английский историк – один из нас»¹⁹.

Блестящему перу британского историка и правоведа принадлежит 164 исследования: монографии, статьи, аналитические введения к изданиям архивных материалов, лекционные курсы, очерки, рецензии²⁰. Своим трудами он оставил послание, адресованное не только специалистам-профессионалам, студентам, преподавателям и исследователям, но всем, кто стремится осуществить взвешенный и здравомыслящий подход к прошлому²¹.

Научная деятельность Ф.У. Мейтленда была связана с Кембриджским университетом, его труды были написаны в течение четверти века в бытность пребывания в должности лектора английского права (1884–1888), а затем – профессора позитивного права Даунинг-колледжа (1888–1906). Его научная репутация была по сути репутацией академической и складывалась в результате экспертной оценки вузовских коллег-специалистов не только Кембриджа, но и работавших в других университетах и странах.

Ф.У. Мейтленд и Кембриджский университет связаны генетически. Наряду с лордом Актоном, Г. Мейном, Дж. Лайтфутом²², Г. Сиджуиком, У. Каннингемом, М. Крейтоном, У. Баклендом, Л. Стивенсом, он входил в когорту «звездных профессоров», которые создавали, поддерживали и передавали по наследству высокие оценочные суждения о репутации Кембриджского университета, одного из самых престижных учебных заведений в ми-

¹³ Sayles 1968.

¹⁴ Alan Macfarlane. 2002. P. 82.

¹⁵ Pollock. P. 403.

¹⁶ Hay 1977. P. 169.

¹⁷ McFarlane 1965.

¹⁸ Elton 1985. P. 102-103.

¹⁹ Elton 1985. P. 97–98, 34.

²⁰ Сидорова 2014. С. 529-541.

²¹ Schuyler 1952. P. 303.

²² Fisher 1910. P. 174.

ре, формировали его «бренд», который в свою очередь влиял на репутацию самих ученых, их имидж в научном сообществе. Работать в Кембридже было заветной мечтой многих ученых, но этой чести удостаивались избранные. Ф.У. Мейтленд был в их числе. Как профессор права Кембриджского университета он был известен чтением своих многочисленных лекционных курсов по широкому кругу проблем в области юриспруденции, истории права с англосаксонского периода до XIX в. включительно, конституционной истории Англии²³. Самые известные лекции Ф.У. Мейтленда – “Constitutional History of England” (1908), “Equity” (1909), “The Forms of Action” (1909) – были опубликованы посмертно.

Блестящее чтение лекций снискало Ф.У. Мейтленду глубокое уважение, признание и восторженные отклики студентов разных лет, ставших впоследствии известными учеными и профессорами, воспоминания которых лежат в основе реконструкции образа классического профессора. Этот образ покоится на ключевом критерии – лекторском мастерстве, по которому студенты оценивали и запоминали на долгие годы своих учителей, выдающихся кембриджских профессоров. Слагаемыми лекторского мастерства Ф.У. Мейтленда студенты считали тщательно подготовленные лекции, убедительность аргументации, глубину и свободу владения материалом, способность создавать творческую атмосферу и «вдыхать жизнь в мертвые кости», передавать слушателям свой энтузиазм и увлеченность предметом изучения²⁴; индивидуальный метод чтения лекций, доступность изложения, интонационную выразительность, продуманность темпа речи, позволявшую делать записи, образность, личную увлеченность материалом самого лектора: «...Мейтленд заставлял тебя чувствовать, что история права в XII веке была тем единственным смыслом, ради которого стоило жить»²⁵. Успех университетских лекционных курсов Мейтленда объясняется также тем, что они были неразрывно связаны с его научными интересами и изысканиями, что придавало им глубину и подлинную научность, но одновременно усложняло их восприятие студенческой аудиторией, которая, в силу этого, не всегда была многочисленной. Истинное значение лекций Мейтленда, как говорил У. Уиттакер в речи по случаю основания Мемориального Фонда Мейтленда, состояло в том,

²³ Bell 1965. P. 140.

²⁴ R.L. Schuyler. 1960. P. 16-17.

²⁵ Fisher H. A. L. 1910. P. 64.

что целое поколение студентов-юристов Кембриджа, обучавшееся под его руководством, твердо осознало, что право есть не только средство существования, но и профессия, призвание, наука²⁶.

Студенты юридического факультета Кембриджа высоко ценили ответственное отношение Мейтленда к его профессорским обязанностям. Даже в последний период своей жизни, когда болезнь обрекла его проводить весенний семестр на Канарах, он, по возвращении в Кембридж, полностью вычитывал лекционные курсы в каникулярное время. Поэтому в университете очень толерантно относились к вынужденному отсутствию профессора²⁷.

Чувство ответственности и добросовестность не позволяли Мейтленду уклоняться от выполнения значительного объема «технической работы» в университете, он принимал активное участие в «профессорской жизни Кембриджа»²⁸: был секретарем юридического правления университета (1886-1895), бессменным секретарем Юридического клуба (1889-1901), членом Библиотечного синдиката, членом Совета Сената университета (с 1894 г.) и выступал по всем актуальным вопросам, которые обсуждались тогда в академических кругах. Наиболее злободневными из них были проблемы преподавания права и его теоретической разработки, дискуссии о необходимости обязательного преподавания греческого языка для студентов, о возможности присуждения ученых степеней женщинам и о предоставлении женщинам равных прав в получении высшего образования²⁹.

Высокая научная репутация Мейтленда подтверждалась и его плодотворной деятельностью в «Селденском обществе», занимавшемся изданием текстов по истории английского средневекового права, и созданном в 1887 г. при его непосредственном участии. Он оставался литературным директором Общества до конца своих дней, определив стратегию деятельности его членов, компоновал, редактировал издания источников, писал введения к томам изданий коллег (под его редакцией был опубликован 21 том), сам Мейтленд подготовил и издал, персонально или в соавторстве, 11 томов, среди которых 6 томов включали публикации Годичных книг, издание которых началось по его инициативе в 1903 г. Деятельность в «Селденском обществе», являющаяся примером беззаветного служения науке, принесла Мейтленду глубо-

²⁶ <http://www.law.cam.ac.uk/admissions/fundingopportunities.php>

²⁷ Elton 1985. P. 13.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Maitland 1911. P. 424; Fisher 1910. С. 67-68; Сидорова 2021. P. 78-88.

кое уважение британских и зарубежных историков и юристов, считавших его духовным наследником Селдена³⁰ и способствовала углублению знаний по истории средневековой Англии.

Мейтленд был инициатором, вдохновителем и основателем создания знаменитого общенационального научного журнала международного уровня – «The English Historical Review», выполнявшего функцию объединения историков, стремившихся к превращению истории в академическую дисциплину³¹, в котором проработал многие годы и опубликовал много статей. Его исследования также регулярно издавались в таких известных периодических изданиях, как «The Law Quarterly Review», «The Harvard Law Review», «The Westminster Review», «The Mind», «The Law Magazine», «The Archaeology Review», «The Economic Journal», «The Athenaeum», «The Independent Review» и др.³²

Будучи горячим сторонником преодоления дисциплинарного партикуляризма в науке и интеллектуальной кооперации британских историков и юристов национальных университетов, Мейтленд принимал активное участие в подготовке и издании многотомных фундаментальных трудов – «The Dictionary of National Biography» (с 1885), «Social England: a record of the progress of the people in religion, laws, learning, arts, industry, commerce, science, literature and manners, from the earliest times to the present day» (с 1893), «Palgrave Dictionary of Political Economy» (с. 1894), Renton's Encyclopaedia of Laws of England (с 1897), «Victoria County History» (с. 1899), «A History of England» (с 1904), «The Cambridge Modern History» (с 1904), – способствовавших объединению британских историков в единое академическое сообщество.

Профессор Мейтленд создал научную школу, сущность которой понимается сегодня с позиций антропологического подхода³³. Ее конфигурация отличается сложностью и многоаспектностью. Это – лидерская, юридическая, историческая школа с определенной временной дистанционностью и пролонгирующим эффектом (многие известные в будущем историки осознали свою принадлежность к школе Мейтленда спустя десятилетия и называли себя его учениками), воспитавшая блистательную плеяду британских историков, среди которых выделим Мэри Бейтсон,

³⁰ Elton 1985. P. 9, 102; Schuyler 1952. P. 308; http://localhost/wiki/Frederic_William_Maitland; Сидорова 2014. С. 173.

³¹ Зверева 1998. С. 49-50.

³² Сидорова 2014. С. 529-541.

³³ Идеи и люди 2014. С. 25.

Э. Кэм, Р. Рейта, Дж. Шотвелла, Г.А. Холлонда, У. Холдсуорта, А.Н. Савина, Л. Алстона, Б. Пэтнам, У. Бакленда, А. Балларда, А. Полларда, Ф. Стэнтон, Д. Дугласа, Дж. Джойлиффа, А.Е. Леветт, Дж. Элтона, А. Макфарлейна³⁴.

Образ Мейтленда-ученого, его высокая научная репутация, формировались в контексте коммуникативных практик, синтезировавших его формальные и неформальные, устные и письменные, непосредственные и опосредованные связи³⁵ с миром ученых, близких ему по духу и роду деятельности, в пространстве интернационального и многопрофильного «невидимого колледжа» – типичной формы кооперации британских историков викторианской эпохи. Обширный круг ученых, вовлеченных в орбиту общения Мейтленда, включал представителей разных стран, школ и областей научных знаний: среди них были историки, правоведы, экономисты, филологи, философы. Универсальными критериями принадлежности к «невидимому колледжу» являлись компетентность, профессионализм, преданность науке, нравственный потенциал. Ими руководствовался Ф. Мейтленд, формируя свой невидимый колледж, членами которого были: Дж. Акстон, У. Стеббс, П.Г. Виноградов, С.Т. Карр, Л. Стивен, У. Кеннингем, Ф. Сибом, Э. Фримен, Дж. Фроуд, Ф. Поллок, Г. Сиджуик, Ч. Гросс, Г. Грей, Ф.Дж.Г. Дженкинсон, С. Ли, Ф. Либерманн, Г. Хэзлтайн, У. Бакленд, Дж. Раунд, Дж. Тейт, О. Холмс, У. Маркби, М. Бейтсон, Р.Л. Пул, М. Бигелоу, Дж. Б. Эймс, Дж. Б. Тэйер, С. Гардинер, Ф. Кейтген, Дж.Б. Адамс, Г. Фишер, А. Поллард, Г. Бонд, У. Уиттакер, Г. Джексон, А.У. Вэрралл и др.³⁶

Дар общения, внутренняя потребность в контактах с теми, кто серьезно занимался наукой в любой сфере, сделали Мейтленда гражданином универсального мира писем (его опубликованное эпистолярное наследие составляет 501 письмо)³⁷ как средства установления «родовых» связей. Интенсивная переписка с коллегами на протяжении всей жизни, содержащая обмен интеллектуальным капиталом, эмоциональной энергией, планами научной работы, обсуждением опубликованных и готовящихся к изданию трудов, дискуссионных проблем исторической науки и правоведения, оценочные характеристики ученых, отражающие их научную

³⁴ Сидорова 2014. С. 249-256, 513-514.

³⁵ Идеи и люди 2014. С. 25.

³⁶ Сидорова 2014. С. 259.

³⁷ Pollock 1906. P. 419; The Letters of Frederic William Maitland 1965.

репутацию, раскрывает огромное значение личного общения для стимулирования творческой активности самого британского историка и его адресатов, проявляет «скрытое» лицо науки³⁸.

Экспертное мнение Ф.У. Мейтленда пользовалось большим доверием, высоко котирировалось в международном сообществе историков и юристов и нашло отражение в десятках научных рецензий, написанных им в 1888-1906 гг. на труды британских и зарубежных коллег³⁹. Рецензии Мейтленда, позволяющие составить представление о его кодексе критики, отличались изысканным стилем, джентльменской деликатностью, великодушным признанием достижений рецензируемого автора, элегантною краткостью, вежливым исправлением ошибок, доброжелательностью, признанием заслуг и вклада авторов рецензируемых работ в развитие науки, и вместе с тем содержали беспощадную, но всегда конструктивную критику недостатков и слабых мест в трудах крупных ученых – Г. Мейна, У. Стеббса, Ф. Сибомы, П.Г. Виноградова, Дж. Раунда, Дж. Тейта и др. Придерживаясь принципа “*maxim, suaviter in modo, fortiter in re*”, Ф.У. Мейтленд стремился не допустить проникновения в науку фундаментальных ошибок и излишней претенциозности отдельных авторов⁴⁰.

Своей научной деятельностью, вкладом в развитие исторической науки и права Ф.У. Мейтленд заслужил прижизненное и посмертное признание национального и международного научного сообщества: он был удостоен чести быть избранным почетным доктором Кембриджского, Оксфордского, Московского, Краковского университетов и университета в Глазго; почетным членом Тринити-колледж, на южной стене часовни которого установлена мемориальная доска в честь Ф.У. Мейтленда; он был обладателем престижного звания старшины английской юридической корпорации Линкольнс Инн и бронзовой медали Джеймса Барра Эймса юридического факультета Гарвардской школы права; в 1902 г. он стал одним из первых действительных членов Британской Академии; в том же году – членом-корреспондентом Прусской королевской академии искусств и Баварской академии наук и гуманитарных наук; в 1907 г. Кембриджский университет учредил Фонд Мейтленда («*A Frederic William Maitland Memorial Fund*») для продвижения исследований и обучения истории права, языков

³⁸ Идеи и люди 2014. С. 25.

³⁹ Elton 1985. P. 12; Cameron 1961. P. 20; Сидорова 2014. P. 529-541.

⁴⁰ Савин 1907. С. 91; Elton 1985. P. 37; Vinogradoff 1907. P. 284.

права и институтов права; университетская библиотека права юридического факультета Кембриджа (Squire Law Library), в одном из залов которой, созданных в 2000 г. (Maitland Legal History Room), установлен бюст ученого, носит имя Ф.У. Мейтленда; библиотека Мейтленда, хранящая 300 книг из его собственной библиотеки, есть в Оксфорде; по случаю смерти Ф.У. Мейтленда университет Оксфорда направил университету Кембриджа официальный адрес с выражением соболезнования, второй после смерти Т. Моммзена; в 2001 г. в Уголке поэтов Вестминстерского Аббатства была установлена памятная плита с надписью «Фредерик Уильям Мейтленд (1850–1906). Историк». Он был единственным историком Великобритании, удостоенным такой высокой чести. 27 апреля 1920 года в Даунинг-колледже Кембриджского университета был учреждено Историческое общество имени Ф.У. Мейтленда (The Maitland Historical Society)⁴¹.

Так, признание и научная репутация Ф.У. Мейтленда были отлиты в материализованные, овеществленные, визуализированные формы коллективной памяти, которые увековечили его имя.

Научная репутация Ф.У. Мейтленда, как и каждого ученого, отражает оценочную информацию о его профессиональной деятельности и личности в узкопрофессиональной среде, и в силу этого не свободна от элемента субъективности, обусловленной разными факторами: конкуренцией, претензией на приоритет в получении научного результата исследования, согласием/несогласием с научной концепцией или ее отдельными положениями, личным отношением к коллеге и др. Объективность оценки научной репутации историка как социальной конструкции формируется повторяемостью и устойчивостью высокой оценки его научных достижений в профессиональном сообществе на протяжении длительного времени и наличием консенсуса в этом вопросе.

В англо-американском и российском профессиональных сообществах есть принципиальное согласие по вопросу значимости многогранного научного наследия Ф.У. Мейтленда в области истории Средневековья, истории права, конституционной и церковной истории, юриспруденции, социологии, экономики: «...юристы, историки и социологи обязаны Мейтленду в равной степени: юристы – предметом исследования, историки – методами, социоло-

⁴¹ Fisher 1910. P. 173; Neil Jones 2001. P. 5; Сидорова 2014. С. 157-158; <https://www.dow.cam.ac.uk/about/downing-college-archive/archives-college-history/centenary-maitland-historical-society>

логи – результатами», поэтому адекватная оценка его заслуг требует привлечения экспертов многих областей научного знания⁴².

Монументальное по объему (24 тома, пять тысяч страниц)⁴³, грандиозное по хронологическому охвату (V–XIX вв.), фундаментальное по проблематике и результатам исследования истории английского Средневековья, новаторское с точки зрения методологии, наследие Ф.У. Мейтленда оценивалось и оценивается международным сообществом историков как образец подлинной научности⁴⁴ и надежный ориентир в выборе направлений исследования⁴⁵, как единый монолитный блок, надолго переживший своего создателя. Глубокое научное изучение истории английского права, когда бы это ни происходило, всегда будет связано с высокой оценкой имени Ф.У. Мейтленда.

Научная репутация Ф.У. Мейтленда формировалась, сохранялась, транслировалась и трансформировалась коллективной памятью профессиональных сообществ историков и юристов Великобритании, США и России на протяжении ста с лишним лет.

Хронологическая долговечность бытования признания и высокой оценки заслуг и вклада Ф.У. Мейтленда в развитие исторической науки в национальных историографиях подчеркивает процессуальность коллективной памяти, ее социальную сущность и социальный контекст. Коллективная память профессиональных сообществ – социальный феномен, функционирующий как непрерывный процесс «памятования» (rememberate) и деятельности⁴⁶ нескольких поколений ученых. Она представляет собой социальный конструкт, многократно отрефлексируемый индивидуальными памятьями исследователей, затем – памятьми профессиональных сообществ, которые в конечном итоге продуцируют образ-иконку, образ-канон, «удобный» в пользовании, но существенно упрощенный. Не являясь самой историей, но ее запечатленным, обобщенным, собирательным и сконструированным образом, коллективная память профессиональных сообществ становится устойчивой традицией, частью научного знания, имиджем ее объекта, обеспечивая его узнавание и запоминание (порой – забвение) на уровне ассоциативного восприятия.

⁴² Vinogradoff 1907. P. 289; Plucknett 1951. P. 179.

⁴³ Сидорова 2014. С. 469, 470.

⁴⁴ Cameron 1961. P. 167.

⁴⁵ Bell 1965. P. 11-12.

⁴⁶ Память - это не вещь и не предмет 2018. С. 13,14.

Историографический образ Ф.У. Мейтленда и его научного наследия создавался и создается совокупностью социально обусловленных индивидуальных памятей⁴⁷ представителей профессиональных сообществ, передается из поколения в поколение, детализируется, обретая новые грани и оттенки, но сохраняя при этом ядро памяти о Ф.У. Мейтленде как о первопроходце в области изучения истории средневекового английского права, одном из первых ученых в Англии, который рассматривал право как неотъемлемую составляющую исторического процесса.

В англо-американском и российском историческом сообществах второй половины XIX – первых десятилетий XXI в. индивидуальные памяти исследователей объединяются в общие национальные историографические потоки и структурируются социальными установками в широком понимании их смыслов, совпадая, конкурируя, вступая в противоборство. Так образуется коллективный феномен *sui generis*, характеризующий не количественный аспект коллективной памяти профессиональных сообществ, а ее уникальный, своеобразный характер⁴⁸. Профессиональные сообщества англо-американских и российских историков на протяжении векового периода выступают в качестве коллективов хранилищ и мест хранения памяти о Мейтленде, вырабатывают и передают его обобщенный образ в широком социальном контексте, который является продуктом коллективных нарративов и символов⁴⁹, будируют или «гасят» интенции к исследованию памяти о нем и его творчестве. Коллективная память профессиональных сообществ разных стран базируется на коммеморативных практиках и представлениях, обеспечивающих сохранение и передачу памяти о британском историке как о выдающемся, уникальном ученом, в чем проявляется их единство в отношении к личности, научному наследию и месту Мейтленда в истории исторической науки. Таким образом, профессиональные сообщества англо-американских и российских историков выступают как сообщества памяти, в которых имеет место совпадение индивидуальных памятей и коллективной памяти групп историков в оценке научной репутации Ф.У. Мейтленда.

Коллективная память профессиональных сообществ историков и юристов Великобритании, США и России о Ф.У. Мейтленде как часть исторической памяти в ее «совокупности восприя-

⁴⁷ Джеффри К. Олик. 2018. С. 22.

⁴⁸ Джеффри К. Олик. 2018. С. 22, 24.

⁴⁹ Джеффри К. Олик. 2018. С. 25.

тий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения, рационализации и осмысления последнего в “ученой культуре”»⁵⁰, имеет свою историю, динамику и логику развития, которые продиктованы особенностями исторического пути этих стран, спецификой, историографическими традициями, условиями формирования профессиональных сообществ, их внутренними трансформациями.

Англо-американское профессиональное сообщество историков и юристов, материнское для Ф.У. Мейтленда, который считал его одним целым, лидирует, по сравнению с другими национальными сообществами, по объему опубликованных трудов, устойчивости и долговременности памяти о британском историке. Ему принадлежит первенство и заслуга в создании и сохранении историографического образа Ф.У. Мейтленда как выдающегося и разносторонне одаренного ученого, внесшего огромный вклад в изучение истории английского Средневековья, истории национального права, истории Великобритании Нового времени, историографии истории средневековой Англии, правоведения, теории права, философии истории и исторической лингвистики.

В англо-американской историографии второй половины 1880-х – первых десятилетий XXI в., выступающей в качестве формы преобразования коллективной памяти⁵¹, наиболее полное воплощение и развитие получило мейтлендоведение («мейтлендада») как особый раздел и направление научного исследования, достигшее высоких результатов: изданы все труды Мейтленда, его эпистолярное наследие; реконструирована биография британского историка; в русле критического анализа и ревизии взглядов ученого изучены основополагающие аспекты его исторической концепции. Коллективная память англо-американского профессионального сообщества представлена монографическими исследованиями, разделами в обобщающих трудах по историографии, мемуаристикой, статьями в периодике, обширной «некрологической» литературой, материалами в справочных изданиях⁵². Ей присуща непрерывная линия преемственного внимания к наследию выдающегося английского историка-юриста, получившего на разных этапах развития мейтлендоведения неодинаковую ин-

⁵⁰ Репина 2006. С. 9; Образы времени и исторические представления 2010.

⁵¹ «Из первых уст...» 2020. С. 124.

⁵² Сидорова 2014. С. 548-567.

тенсивность выражения: были периоды «взлетов»⁵³, «затишья»⁵⁴, точечных «всплесков» исследовательского внимания, связанных с памятными датами⁵⁵, но забвения – никогда.

Благодарной памятью английских и американских исследователей создана и поддерживается высокая научная репутация Мейтленда в Европе и США, что понятно и объяснимо, так как Ф.У. Мейтленд и его научное наследие являются достоянием исторической науки Великобритании и США прежде всего, затем – англоязычной историографии, европейского и международного сообщества в целом. Бережное отношение к Ф.У. Мейтленду как к национальной гордости в англо-американском профессиональном сообществе историков и юристов выступает инструментом воспитания патриотизма и гражданской идентичности общества, студенчества, новых поколений ученых, которое осуществляется посредством «образования наследием» (heritage education)⁵⁶. Научное наследие Ф.У. Мейтленда – часть культурного капитала и исторической культуры интеллектуальных элит Великобритании и США, которые этот капитал создают.

Профессиональное сообщество англо-американских историков и юристов середины 1880-х – первых десятилетий ХХI в. – медиевистов, новистов, историков английского средневекового права, историографов, антропологов⁵⁷ – представляет собой многопоколенное сообщество ученых, специально занимающихся исследованием наследия Ф.У. Мейтленда в контексте изучения западноевропейского Средневековья и его английской модели (американские историки и юристы изучали преимущественно историю средневековой Англии, как исторически «родной», за неимением собственного средневековья), истории права, истории пар-

⁵³ Сидорова 2014. С. 24, 26-32, 46-51.

⁵⁴ Сидорова 2014. С. 53-58.

⁵⁵ Международный симпозиум, посвященный 100-летию публикации «Истории английского права до Эдуарда I» Ф. Поллока и Ф.У. Мейтленда, был организован в 1996 г. профессором истории права университета Сент-Эндрюса Дж. Хадсоном. - Hudson 1996.

⁵⁶ Тишков 2011. С. 11-12.

⁵⁷ Г. Адамс, У. Бакленд, Г. Белл, М. М. Бигелоу, Дж. Гуч, А. Дайси, Дж.Е. Кирби, Э. Кэм, Дж. Кэмерон, М. Лоббан, Г.Т. Лэпли, М. МакКолл, А. Макфарлейн, С.Ф.Ч. Милсом, Э. Муссавир, Т.Ф.Т. Плакнетт, Ф. Поллок, Ф.М. Поуик, Д. М. Раббан, Дж. Раунд, Г. Ричардсон, Р. Сандберг, Дж. Сейлс, А.Л. Смит, Дж. Тэйер, Дж. Тейт, Дж.М. Тревельян, Б. Уилкинсон, У.Дж. Уиттакер, П. Уормолд, С. Файфут, Г. Фишер, Дж. Хадсон, У. Холдуорт, Г. Холлонд, О.В. Холмс, Дж.С. Холт, Дж. Шотвелл, Р. Л. Шуйлер, Дж. Р. Элтон.

ламентаризма и конституционализма на протяжении длительного периода: с появления первой серьезной работы Ф.У. Мейтленда в 1884 г., откликом на которую стала рецензия Ф. Поллока, до публикации последней, из известных мне, статьи в 2019 г.⁵⁸

По сравнению с российским сообществом историков, англо-американское находилось в более благоприятных и стабильных исторических условиях, не подвергаясь революционным политическим переменам и кардинальным теоретико-методологическим трансформациям, и испытав лишь смену парадигм – переход с доминировавших позитивистских методологических установок, при сохранении возможности выбора ранкеанских, неокантианских методологий исследования, на позиции методологического синтеза, интердисциплинарности, под влиянием эпистемологических «поворотов» в период постмодернизма и пост-постмодернизма, – что позволило сохранить его сплоченность, внутреннее единство и традиции коллективной памяти о Ф.У. Мейтленде.

Разумеется, в рамках единого англо-американского профессионального сообщества функционировали индивидуальные памяти исследователей, изучавших научное наследие британского историка-юриста с позиций ревизии его понимания фундаментальных вопросов английского феодализма и отдельных разделов средневековой истории Англии, в апологетическом или гиперкритическом ключе, с целью защиты профессиональной идентичности от «вторжения» не-историков в домен исторической науки, с позиций постмодернистской методологии истории, что приводило к усилению критических «выпадов» в его адрес и недовольство результатами его исследований, ожидаемых, но невозможных по объективным причинам. Но всякий раз проявления негативизма и критики, звучавшей по существу, позиционировались вне политико-идеологического контекста, как это имело место в отечественной историографии советского периода.

Важно подчеркнуть, что в конечном счете критики Мейтленда, даже такие «еретики» как С.Ф.Ч. Милсом и П. Уормолд, признавали его научные достижения и лидерские позиции в науке, подтвердив тем самым его высокую научную репутацию: на 95% работы Ф.У. Мейтленда, его интерпретация, объяснения до сих пор являются надежными и заслуживают доверия⁵⁹; «Карлик должен перестать ворчать, удобно устроившись на плечах вели-

⁵⁸ Maitland 1884; Pollock [Review]. 1884. P. 117-119; Kirby 2019. С. 127-154.

⁵⁹ Cameron J. R. 1961. P. 82-99.

кана»⁶⁰, - констатировал С.Ф.Ч. Милсом, вероятно, имея в виду себя и других критиков Ф.У. Мейтленда.

Во всяком случае нет оснований говорить о некоем расколе в профессиональном сообществе (хотя Мейтленд указывал на недостаток единства среди историков⁶¹) и коллективной памяти историков и юристов Англии и США, или о периодах полной, или частичной амнезии, или о факторе замалчивания в коллективной памяти, последствием которого фигура Ф.У. Мейтленда исключалась бы из исторического нарратива, либо изучение его научного наследия подлежало бы намеренной деактуализации⁶².

В отличие от англо-американского профессионального сообщества историков, российское в течение XX в. вместе со всей страной неоднократно подвергалось коренным, трансформационным изменениям, которые были обусловлены революционными переменами начала XX в., середины 1950-х – середины 1960-х гг., 1985–1991 гг., приведшими к кардинальным социально-политическим преобразованиям в стране и структурно-эпистемологическим изменениям в отечественной исторической науке. На протяжении этого периода профессиональное сообщество историков в России, несомненно, существовало (трудно согласиться с мнением В.А. Тишкова, считающего, что у нас нет исторического сообщества и даже академического журнала общеполитического профиля⁶³), и было сконцентрировано в крупных университетах, научных институтах и учреждениях во главе с Академией наук СССР, имело свои профессиональные исторические журналы, различные научные общества и другие атрибуты профессионального сообщества. Но в XX веке сообщество историков было неоднородным, не только многопоколенным, но и представленным учеными нескольких поколений по сути разных сообществ, работавших на разных методологических платформах, которые находились на разных стадиях становления и развития: от разработки марксистской методологии истории к ее утверждению и безраздельному господству до кризиса и распространения плюралистических и междисциплинарных подходов в отечественном историописании. Ситуацию в российской теории и методологии истории в начале XX – начале XXI в. можно охарактеризовать как

⁶⁰ Milsom S. F.C. 1980. P. 281.

⁶¹ The Letters of Frederic William Maitland. 1965. P. 175.

⁶² Шнирельман 2018. С. 27.

⁶³ Тишков 2011. С. 4.

находящуюся на изломе, в кризисе и в поиске новых парадигм и генерализующей теории познания.

Особенности исторического развития России и состояния исторической науки в указанный период нашли отражение в метаморфозах коллективной памяти отечественных историков о Мейтленде. У каждого поколения российских историков начала XX – начала XXI в. был «свой Мейтленд», оценка его научного наследия не оставалась неизменной и трансформировалась в зависимости от смены научных парадигм и идеологических установок, которым следовали, или должны были следовать, российские историки в своих трудах и оценочных суждениях.

Ф.У. Мейтленд являлся объектом коллективной памяти исторического сообщества России на протяжении XX в. вплоть до настоящего времени⁶⁴, отличительной особенностью которой был эффект запаздывания, т.н. «синдром запаздывающей памяти»⁶⁵, по сравнению с коллективной памятью англо-американского сообщества историков. Широкая аудитория русских историков и интеллигенции «познакомилась» с Ф.У. Мейтлендом только в 1900 г. после публикации обширной статьи А.Н. Савина «Английский юрист в роли историка»⁶⁶, когда Мейтленд уже написал и издал практически все свои знаменитые труды⁶⁷ и пользовался заслуженной известностью в Великобритании, Европе и США как признанный авторитет в области изучения истории средневековой Англии и издатель собраний юридических источников, расширивших и обогативших историческое знание о прошлом. В российскую медиевистику имя Мейтленда пришло через П.Г. Виноградова и А.Н. Савина и благодаря им. Вышедшие из-под их пера некрологи⁶⁸, посвященные памяти Ф.У. Мейтленда, стали практически первыми историографическими источниками в нашей науке о родоначальнике критического направления в Англии. «Русские англичане» П.Г. Виноградов и А.Н. Савин «открыли» Ф.У. Мейтленда для российской науки и общества, английские средневеко-

⁶⁴ Среди отечественных историков, занимавшихся изучением трудов Мейтленда и его жизненного пути: А.Н. Савин, П.Г. Виноградов, Е. А. Косминский, М.А. Барг, Е.В. Гутнова, Я.А. Левицкий, Л.П. Репина, М.В. Винокурова, А.В. Антощенко, Моисеенкова, Т.А. Сидорова.

⁶⁵ Емельянова 2012; Романовская 2010.

⁶⁶ Савин 1900.

⁶⁷ Maitland 1887; 1888; 1895; 1897; 1898; 1898.

⁶⁸ Vinogradoff 1907; Савин 1907.

вые источники – для англичан, и внесли весомый вклад в изучение истории Англии в России и Великобритании⁶⁹.

Корифеи и основоположники отечественного англоведения и крупные историки периода становления марксистской методологии истории в советское время – М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский – сформировались как историки до революции, были интегрированы в европейскую историческую науку и разделяли политико-юридический подход к пониманию сущности феодализма как вассально-ленной системы, что соответствовало взглядам, распространенным в западной историографии со второй половины XIX в. «Русские англичане» А.Н. Савин и П.Г. Виноградов работали в британских архивах, были лично знакомы с Ф.У. Мейтлендом и высоко ценили его как знатока истории права, талантливого исследователя, энциклопедически образованного человека⁷⁰.

В 1930–1960-е гг. коллективная память советских профессиональных историков в отношении Ф.У. Мейтленда и критического направления в британской историографии, основателем и крупнейшим историком которого он был, подверглась существенной трансформации в связи с укоренением и формализацией марксистского подхода в отечественной исторической науке, и приобрела форму жесткой и категоричной критической оценки их взглядов, носившей идеологизированный характер. Известнейшие советские историки – Е.А. Косминский, М.А. Барг, Е.В. Гутнова, Я.А. Левицкий, – выражавшие официальную позицию исторической науки той эпохи, в своих трудах заложили прочный фундамент подходов к оценке научного наследия Ф.У. Мейтленда, А. Балларда, А. Полларда, Ф. Давенпорта, А. Леветт, Ф. Стэнтона, Н. Нельсон, Дж. Джойлиффа, Д. Дугласа, Н.С.Б. Грасса, Г. Грея, Ч. Макилвейна, Дж. Балдуина и др. На долгие десятилетия этот подход стал каноническим в профессиональном сообществе историков СССР и, практически не подвергаясь верификации в силу ограниченного доступа к оригинальным трудам британских историков-критиков и сложности самих текстов, находившихся в основном в столичных библиотеках, транслировался в матричном виде в исследованиях советских и постсоветских историков долгое время⁷¹.

⁶⁹ Сидорова 2014. С. 13-14.

⁷⁰ Vinogradoff 1907; Савин 1907; Сидорова 2012.

⁷¹ Косминский 1935; 1947; Гутнова 1948; 1960; Левицкий 1960; Барг 1962; Косминский 1963; Гутнова 1965; 1974.

Но, если с пониманием отнестись к оценкам трудов Мейтленда и английских историков-«критиков», содержащихся в работах советских историков 1930–1980-х гг., акцентировавших «ошибочные, неисторические и реакционные» взгляды «буржуазных» британцев, нацеленные «против материалистического понимания истории» и являвшиеся «ярким выражением общего кризиса буржуазной исторической мысли» в период перехода к империализму и характеризующихся тенденциями к релятивизму и агностицизму в буржуазном мировоззрении⁷², и внимательно вчитаться в содержательную часть того, что они писали, становится очевидным, что советские историки глубоко знали труды Ф.У. Мейтленда и других британских «критиков», понимали их огромное значение в развитии исторической науки, признавали их заслуги и отдавали им дань уважения за неоценимый вклад в изучение социально-экономической и государственно-правовой истории английского Средневековья.

Значение англоведческих исследований известных советских историков, в которых упоминался Ф.У. Мейтленд, неоднозначно: они порождали эффект «открытия-запоминания-забывания-открытия» в зависимости от исторического времени их прочтения. Они, с одной стороны, содержали обширные разделы, в которых цитировались труды Ф.У. Мейтленда, и тем самым объективно давали информацию о масштабах, глубине и новаторстве его исследований, знакомили с ним наше профессиональное сообщество, демонстрировали преимущества иных исследовательских практик: локального метода изучения истории, использования юридических источников для изучения социальной и политической истории, истории повседневности. И, следовательно, невольно пробуждали научный интерес к наследию Ф.У. Мейтленда, делая его объектом коллективной памяти отечественных историков и индивидуальных памятей исследователей. С другой стороны, установка на несоответствие его методологии истории марксизму, указания на «ошибочность» его взглядов и «заблуждения» в понимании ключевых проблем английского феодализма были своего рода сигналом для «осторожного» отношения к исследованиям британского историка. И, как следствие, фигура Ф.У. Мейтленда в отечественном историографическом пространстве невольно предавалась забвению. Не случайно, что вплоть до начала XXI в. в отечественной историографии Ф.У. Мейтленд был широко известным

⁷² Советская историческая энциклопедия 1965; Гутнова 1965. С. 161-162.

историком в узких кругах англоведов, и первая монография о нем появилась лишь в 2003 г.⁷³ Вместе с тем, труды Ф.У. Мейтленда находились в поле зрения всех ведущих отечественных англоведов-медиевистов на протяжении минувшего столетия, и сохраняют свою научную ценность и востребованность сегодня. Свидетельством тому являются современные исследования российских историков, специализирующихся на изучении истории средневековой Англии, истории английского права в Средние века, историографии истории Средних веков, наследия Ф.У. Мейтленда⁷⁴.

Таким образом, изменения в коллективной памяти российского профессионального сообщества историков и в самом историческом сообществе в XX – начале XXI в. не поколебали высокой научной репутации Мейтленда. Продолав более чем вековой путь, российские историки вернулись к опыту прочтения, понимания заслуг и высокой оценке его вклада в развитие исторической науки о Средневековье, которые были сформулированы А.Н. Савиным и П.Г. Виноградовым в начале XX века. Коллективными усилиями российских исследователей Ф.У. Мейтленд занял достойное место в отечественной историографии.

Научная репутация Ф.У. Мейтленда выдержала проверку временем и не пострадала в результате ревизий, которых было немало в национальных историографиях. Она была высокой при его жизни и остается такой сегодня. До тех пор, пока ценится научность, Ф.У. Мейтленд будет приветствоваться⁷⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 379 с.
- Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI - начала XVII в. М., 2004. 493 с.
- Винокурова М.В. Как английские крестьяне передавали имущество? Обычай и манориальная практик // Средние века. 2021. Том 82. № 2. С. 134–162.
- Гутнова Е.В. Проблема происхождения и ранней истории английского парламента (XIII–XIV вв.) в буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 11.
- Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. 580 с.

⁷³ Сидорова 2003.

⁷⁴ Некоторые публикации российских историков в первые десятилетия XXI в., апеллирующие к наследию Ф.У. Мейтленда, и о нем см.: Винокурова 2004; 2021; Касатов 2018; 2019; Хагунов 2003; Загунов 2016; Сидорова 2003; 2005; 2012; 2014; 2021; Sidорова 2019; 2020.

⁷⁵ Cameron 1961. P. 167.

- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974. 480 с.
- Гутнова Е.В. Критическое направление // СИЭ. 1965. Т. 8. С. 161-162.
- Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного сознания // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 4.
- Зверева ГИ. Британская историография в контексте академической культуры XX в. / Дисс. ... уч. степ. докт. ист. наук. М., 1998. 455 с.
- Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
- «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Сост. и ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.
- Касатов А.А. Еще раз о «свободном держании» в английском общем праве XII–XIII вв. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 152-178.
- Касатов А.А. Сейзина: право, власть и общество в англо-нормандском королевстве X–XIII веков. СПб.: Наука, 2019. 463 с.
- Косминский Е.А. Английская деревня в XIII веке. М.-Л., 1935.
- Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947.
- Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.
- Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии X–XII вв. М., 1960.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Ред. Л.П. Репина. М., 2010.
- Олик, Джеффри К. Коллективная память: Две культуры // Историческая экспертиза. № 4(17) 2018. С. 22-49.
- Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс. Интервью с Дж.К. Оликом // Историческая экспертиза. № 4(17). 2018. С. 11-22.
- Репина Л.П. Введение. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 5-18.
- Романовская Е.В. М. Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского государственного университета, 2010. Вып. 3. С. 39-44.
- Савин А.Н. Английский юрист в роли историка // Журнал Министерства Народного Просвещения. М., 1900. № 11,12. С. 210-232, 419-443.
- Савин А.Н. Памяти Мэтланда // Русская мысль. М., 1907. Кн. 10.
- Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд: Историк в контексте времени. Казань: КГУ. 2003. 213 с.
- Сидорова Т.А. Власть и собственность английской короны в контексте теории корпоративности в интерпретации Ф.У. Мейтленда // Средние века. Вып. 66. 2005. С. 115-127.
- Сидорова Т.А. «Невидимый колледж» Ф.У. Мейтленда в письмах П.Г. Виноградову. Перевод, предисловие, комментарии. Сочи: РГСУ. Изд-во «Стерх». 2012. 65 с.
- Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб.: Алетей, 2014. 696 с.
- Сидорова Т.А. Женщины-историки в научной школе Ф.У. Мейтленда: Мэри Бейтсон // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С.78-88.

- Советская историческая энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия». 1961-1976. В 16 т. М. 1965. Т. 8.
- Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник, 2011. № 2(31). С. 4-16.
- Хатунов С.Ю. Уголовная ответственность в средневековой Англии. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2003. 71 с.
- Хатунов С.Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии: англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды. М./Берлин: Директ-Медиа, 2016. 323 с.
- Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: КГУ. 2004. 240 с.
- Шнирельман В.А. Социальная память: Вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
- Bell H.E. F.W. Maitland. A Critical Examination and Assessment. Cambridge. 1965. 150 p.
- Brand P. 'The Age of Bracton' // Hudson J. (ed.). The History of English Law. Centenary Essays on "Pollock and Maitland". Proceedings of the British Academy 89. 1996. P. 65-90.
- Bloch M. Feudal Society. London. 2-nd ed. 1962.
- Burrow J.W. A Liberal Descent. Victorian Historians and the English Past. Cambridge. 1981.
- Elton G.R. Frederic William Maitland. London, 1985. 118 p.
- Fisher H.A.L. Frederic William Maitland, Downing Professor of Laws of England. A Biographical Sketch. Cambridge. 1910. 179 p.
- Frederic William Maitland. Historian. Selection from his Writings Edited with an Introduction by R.L. Schuyler. Cambridge, London. 1960. 261 p.
- F.W. Maitland. 1850–1906. By Sir Frederic Pollock // Proceedings of the British Academy. 1906. Vol. II. (1905-1906). P. 455-456.
- Gooch G.P. History and Historians in the Nineteenth Century. London. New York. Toronto. 1952.
- Cam H.M. Maitland F.W. Selected Historical Essays. Chosen and Introduced by H.M. Cam. Boston. 1962.
- Cameron J.R. Frederic William Maitland and the History of English Law. Norman University of Oklahoma Press. 1961. 214 p.
- Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford. 1961.
- Hay D. Annalists and Historians. Western Historiography from the Eighth to the Eighteenth Centuries. London. 1977.
- Hexter J.H. On Historians: Reappraisals of Some of the Makers of Modern History. London. 1979.
- Hollond H.A. F.W. Maitland. A Memorial Address. Selden Society Annual Lecture. March. 1953.
- Holt J.C. The Writs of Henry II // Hudson J. (ed.). The History of English Law. Centenary Essays on "Pollock and Maitland". Proceedings of the British Academy 89. 1996.
- Hudson J. (ed.). The History of English Law. Centenary Essays on "Pollock and Maitland". Proceedings of the British Academy 89. Oxford. 1996.
- Kirby J.E. History, Law and Freedom: F.W. Maitland in Context // Modern Intellectual History, 2019. 16 (1). P. 127-154.

- Maitland F.W. Law at the Universities // The Collected Papers of Frederic William Maitland. By Fisher H. A. L., 1911. Vol. III. P. 193-198.
- Maitland F.W. Pleas of the Crown for the County of Gloucester before the Abbot of Reading, 1221. Ed. by F. W. Maitland. London. 1884.
- Maitland F.W. Bracton's Note-Book. A Collection of Cases Decided in the King's Courts During the Reign of Henry the Third. Annotated by a Lawyer of That Time, Seemingly by Henry of Bratton. Ed. by F.W. Maitland. 3 Vols. L., 1887.
- Maitland F.W. Why the History of English Law is Not Written. An Inaugural Lecture, Delivered in the Arts School on 13 October, 1888. London. 1888 // The Collected Papers of F. W. Maitland. By H.A.L. Fisher. Cambridge. 1911. Vol. I. P. 480-497.
- Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. By Sir F. Pollock and F.W. Maitland. 2 Vols. Cambridge. 1895.
- Maitland F.W. Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. Cambridge. 1897. 548 p.
- Maitland F.W. Township and Borough: The Ford Lectures. Cambridge. 1898.
- Maitland F.W. Roman Canon Law in the Church of England. Six Essays. The Ford Lectures 1897 With an Appendix of Notes Relating to the History of Cambridge. By F. W. Maitland. London. 1898.
- McFarlane K.B. Mount Maitland // The New Statesman. 4 June. 1965.
- Milsom S.F.C. Frederic William Maitland // Proceedings of the British Academy. 1980.
- Milsom S.F.C. Maitland // The Cambridge Law Journal. Jul. 2001. Vol. 60. № 2. P. 265-270.
- Mussawir E. "From their Graves": The Theme of Burial and the Work of the Modern Jurist in F.W. Maitland's Equity also the Forms of Action at Common Law // Pólemos, 2016. 10 (2) P. 389-410
- Neil Jones. F.W. Maitland. Memorial Unveiled in Westminster Abbey // The Cambridge Law Link. Issue 2. September. 2001. 1-5.
- Plucknett T.F.T. Maitland's View of Law and History // The Law Quarterly Review. 1951. April. Vol. 67. P. 179-194.
- Pollock F. [Review]. Pleas of the Crown for the County of Gloucester // The Law Quarterly Review. 1884. Vol. I. P. 117-119.
- Professor Stroud Francis Charles (Toby) Milsom. By Lesley Dingle and Daniel Bates. Conversations with Emeritus Professor Stroud Francis Charles (Toby) Milsom: A Journey from Heretic to Giant in English Legal History // Legal Information Management. Volume 12. Issue 4. December 2012. P. 307-316.
- Rabban D.M. Law's History: American Legal Thought and the Transatlantic Turn to History. Cambridge University Press, 2013.
- Sayles G.O. Frederic William Maitland in International Encyclopedia of Social Sciences. London. 1968.
- Smith A.L. Frederic William Maitland. Two Lectures and Bibliography. Oxford. 1908.
- Schuyler R. L. The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland // The American Historical Review. Vol. LVII. № 2. 1952. January. P. 303-322.
- Sidorova T.A. Frederic William Maitland's View on Feudalism and its Reflection in Russian Medieval Studies of the end of the XIX-th – the beginning of the XXI-st Centuries // Materials of the International Conference "Process Management and Scientific Developments". Part 4: Reports in English. Birmingham, United Kingdom, November 14, 2019. 152 p. P. 53-59.

- Sidorova T.A. The Idea of Law and the Concept of the One History in F.W. Maitland's Studies of Medieval England // Materials of the International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration". Part 2: Reports in English. December 11, 2019. Beijing, PRC. 195 p. P. 136-145.
- Sidorova T.A. Frederic William Maitland and "the Russian Englishmen": the Scientific, Intellectual and Friendly Contacts of the Historians // Materials of the International Conference "Process Management and Scientific Developments" Part 4: Reports in English. Birmingham, United Kingdom, January 16, 2020. 163 p. P. 93-101.
- The Letters of Frederic William Maitland. Ed. by C.H.S. Fifoot. Cambridge. Massachusetts. 1965. 397 p.
- The Making of the Modern World: Visions from the West and East by Alan Macfarlane. Palgrave, 2002. 336 p.
- Vinogradoff P. Frederic William Maitland // The English Historical Review. 1907. April. Vol. XXII. № LXXXV. P. 280-289.
- Wormald P. F. W. Maitland and the Earliest English Law // Law and History Review. Vol. 16. № 1. Spring, 1998. P. 1-25.
- Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. I. Oxford. 1999.
- http://localhost/wiki/Frederic_William_Maitland
<http://www.dow.cam.ac.uk/about/downing-college-archive/archives-college-history/centenary-maitland-historical-society>
http://localhost/wiki/Frederic_William_Maitland
<http://www.law.cam.ac.uk/admissions/fundingopportunities.php>
- Сидорова Тамара Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Сочинский институт (филиал) РУДН, tasidorova-05@mail.ru*

Scientific reputation of F.W. Maitland in the context of transformations of corporative memory of professional community of Anglo-American and Russian historians

The author studies the scientific reputation of F.W. Maitland (1850-1906), the outstanding British historian and lawyer. A comparative analysis of the state of corporative memory of F.W. Maitland in Anglo-American (mid-80s of the XIX-the first two decades of the XXI-st century) and Russian (the end of the XX-th - the first two decades of the XXI-st century) professional community is presented; the features of their development are considered in the context of social, politic and methodological transformations; it is shown that "mejtlendovedenie" received the most complete development in historical science of Great Britain and USA; it has been demonstrated that the scientific reputation of F.W. Maitland, who received wide lifetime and posthumous recognition in Europe, America and Russia, was and remains high and durable; his work is in demand, his assessments and opinions are trustworthy.

Keywords: F.W. Maitland, scientific reputation, corporative memory, professional community, Aglo-American historiography, Russian historiography

Tamara Sidorova, Dr. Sc. (History), Professor, the head of the Department of World history, Sochi Institute (affiliated branch) of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, tasidorova-05@mail.ru

В.В. КУТЯВИН

ПИСЬМА РУССКОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ ВАРШАВЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Статья представляет неопубликованные письма русского православного священника Александра Ивановича Виноградова из Варшавы середины XIX века. Внимательное наблюдение и тщательное описание окружающей жизни самым естественным образом приводит автора частных писем к “составлению” исторических сочинений.

Ключевые слова: *Александр Иванович Виноградов, православный священник, Варшава, середина XIX века, частные письма*

«Воспоминания» протоиерея Александра Ивановича Виноградова содержат множество таких подробностей и деталей, которые трудно, если вообще возможно, сохранить в памяти через много лет. Это наблюдение в особенности относится к той части воспоминаний, в которой пишется о пребывании автора на священническом служении в Царстве Польском. Лишь недавно историкам стало известно, что потомки Александра Ивановича сохранили его письма из Варшавы. Эти письма стали исходным материалом для воспоминаний. Несколько писем опубликовал правнук отца Александра, известный владимирский краевед Борис Борисович Гиляревский¹, но весь свод этого очень содержательного исторического материала остается неопубликованным.

Вся жизнь А.И. Виноградова (1834–1908) была связана с Владимирской губернией, в храмах которой он служил, а в конце жизни был назначен настоятелем кафедрального Успенского собора во Владимире. Лишь однажды он надолго покидал родную губернию, выехав в августе 1855 года в Царство Польское в качестве полкового священника – в родных местах для выпускника Владимирской духовной семинарии не нашлось тогда священнической вакансии. Служба о. Александра в войсках продолжалась до марта 1857 г. и проходила в Варшаве или Новогеоргиевской крепости, откуда он регулярно писал своим родителям.

Едва ли в то время молодой православный священник думал о будущих мемуарах, однако его отец, диакон одного из владимирских храмов, лучше понимая ценность этой семейной релик-

¹ Гиляревский 2014. С. 121-125. Гиляревский 2018. С. 2-11.

вии, собственноручно переписал все полученные письма и даже переплел их в мраморную бумагу, любимый материал русских переплетчиков XIX в. 27 писем датируются временем получения, располагаются в хронологической последовательности и предваряются записью: «Копии писем, получаемых от сына, находившегося полковым священником в Новогеоргиевской крепости и в городе Варшаве, Резервного Егерского полка 7 пехотной дивизии Александра Иванов Виноградова, который по уничтожении резервов находится Владимирской губернии в уездном городе Покрове на настоящем месте с месяца ноября 1857-го года.

Писал сии письма родитель его, города Владимира Троицкой церкви диакон Иван Андреев Виноградов в сентябре месяце 1862-го года».

Стилистика и интонации писем, сам склад речи и мышления выдают принадлежность их автора к среде священнослужителей. В письмах слышен голос, не искаженный цензурой и самоцензурой. Совсем молодой, простодушный человек пишет с той степенью свободы – без скепсиса, иронии, которая невозможна у людей более зрелых лет, с большим жизненным опытом и сложившимся культурным статусом. Письменная речь XIX в. очень формальна и нормативна, и частные письма требуют пространного обращения, пожеланий и т.д.: «Милые мои родители! Тятинька Иван Андреевич и Маминька Наталья Дмитриевна с моею сестрицею Марьюшкой, благодать Вам и мир и спасение! Здравствую и спасайся, и дединька Анатолий!»²

В первые же дни пребывания А.И. Виноградова в Варшаве, он точно характеризует ее как польско-еврейский город: «Жидов и поляков у нас здесь множество, а русских почти и есть, что военные и священники»³. И в этом же письме добавляет: «В Варшаве русских мало, а все поляки да жида, народ – франт, какого у нас нет и в Москве. Здесь никак не отличишь сапожника от помещика и кухарки от барыни. Перед самой Варшавой верст за 200 и в деревнях все в чепцах ходят»⁴.

Конечно, больше всего А.И. Виноградов пишет о делах семейных, житейских, и историк найдет в его письмах много мате-

² № 4. 12 ноября 1855 г. В ссылке указывается номер письма и дата его получения. Сохраняются некоторые особенности орфографии и пунктуации.

³ № 2. 6 сентября 1855 г.

⁴ Там же.

риалов о повседневной жизни Варшавы и окрестных городков, о восприятии русским священником новой действительности.

О поляках отец Александр пишет добродушно, даже с некоторым сочувствием: «Мы уже одну пасху проводили и теперь ожидаемся другой. Пасха, которая прошла, не наша, но церкви западной. Польское светлое воскресение было 11-го марта. Приятно было видеть множество народа, хоть разновременного с нами в малом, но народа Христова, веселящегося и с душевною радостью, и с христианско-должными чувствами встретившего и проводившего великий праздник. Неприятно и грустно только то, что эти разноисповедцы с нами не вместе, с русским народом, проводили этот день в праздновании. Одинаковое верование в воскресшего Господа, только во времени отправления не согласное. А то они празднуют и веселятся, а мы постничаем и скучны. О если бы когда-нибудь и этот народ узнал свое заблуждение и соединился с нами неразрывными узами веры и братской любви»⁵.

И еще один фрагмент из письма отца Александра, в котором он пишет о похоронах наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича, скончавшегося в январе 1856 г.

«Прошу Вас теперь послушать об умершем: Великий Русский Витязь 19-го числа в 11-ть часов отошел к Богу, достойно приготовившись к жизни будущей. Вечером уже этого числа отпели я и обер-священник панихиду. Жена покойника, сын его и 2 дочери были при панихиде и заливались слезами. После панихиды нас и семейство светлейшего сменили придворные доктора для набальзамирования охладевшего тела. Бальзамирование их продолжалось целые два дня. И прежде бальзамирования лицо усопшего было очень спокойно, лицо христианское, а после искусства лекарей оно сделалось просто спящим. Самое тело после бальзамирования не только не подверглось никакой порче, но, напротив, отделяло из себя приятное благовоние. 22-го числа тело усопшего из его княжеских покоев перенесено было в его придворную церковь на руках генералов в сопровождении преосвященного Арсения со всем нашим варшавским духовенством и при пении двух хоров певчих, его придворных и архиепископских, кстати, нужно сказать, что еще до перенесения тела многие из зал и придворная церковь обиты были черным сукном и так, что из дня сделалась постоянная ночь во всем почти дворце умершего от завешенных окон, и все покои с начала траура и день, и ночь освещаемы были множеством восковых свеч до самого выноса тела из придворной церкви в собор. В одной придворной церкви, довольно необширной, горело постоянно 6 дней 600 свеч.

⁵ № 1. 5 апреля 1856 г.

Ежедневно по умершему были отправляемы литургии, две первые преосвященным, а потом без него соборне прочим духовенством. Мне каждый день приходилось как молоденькому служить, кроме двух последних дней, в которые уже освобожден был от совершения литургии. Кроме литургии в 7 часов преосвященным со всем духовенством были совершаемы панихиды в присутствии, может быть, ста полтора генералов. Через пять дней после смерти приехало уже и из Австрии и Пруссии несколько генералов тамошних в своих удивительно-прекрасных костюмах. Каждый день в 11-й и 12-й часы в самую полночь приходилось мне читать Евангелие пред гробом Ви-тязя. Оно, признаться, было несколько трудненько, но зато человек этот усопший стоит не только молитв моих или всего варшавского духовенства, но всей России, которой он посвятил всю жизнь свою. Сколь велик этот Герой, можете судить из того, что его орденов не могла вместить в себя придворная его церковь, но для этого отделе-на была особенная зала рядом с церковью, в которой в два ряда рас-положены были с одной стороны русские, а с другой стороны ино-странные ордена. Я, пожалуй, Вам скажу и число их: их было всего 36-ть, кроме маршальских жезлов, осыпанных бриллиантами, и шпаг, осыпанных тоже бриллиантами. И так шесть дней покоился князь Иоанн в своей церкви, а после 6-ти дней он должен был оста-вить не только свою церковь, но и совсем дворец свой и перенестись в златоглавый собор Святой Троицы и там под сводами святилища, которые покрывали его живого, почить одни сутки и потом навек проститься и с сим св[ятым] вместилищем благодати. В пятницу со-вершена была преосвященным в замковой церкви литургия по князю и после обедни настало время быть переносу тела из этой церкви в собор. В этот день вся Варшава, можно сказать, кипела, все ожидали церемониала, все улицы, дома, крыши домов покрыты были наро-дом. По окончании обедни тотчас гробница с умершим князем под-нята была опять на руки русских и иностранных генералов и поне-сена опять через все комнаты дворца до парадного входа, которым и снесено было тело на улицу. В момент появления гробницы из па-радного входа на улицу выстрелили сигнальные пушки, и во всех концах кремля варшавского и всех улицах, где должно было везти князя, застонала музыка. Эта внезапность чрезвычайно поразитель-на. Но вот весь порядок шествия: впереди всего ехал эскадрон жан-дармов, за ними ехали линейные казаки, после этой конницы шло все гражданское правительство по три в ряд и все польские чинов-ники в том же порядке; за гражданами шествовал варшавский цех — все мастеровые, каждый со знаменем, похожим на военное, изобра-жающим свое ремесло, после сих плелись малютки, воспитанницы разных воспитательных домов, самые маленькие по три в ряд; за ними малютки-мальчики из института глухонемых; после сих поря-дочно взрослые девушки из воспитательных домов. Потом шли по три в ряд воспитанники гимназии, института, за сими уже шли с ка-

валериями тридцать девять троек, т.е. 39-ть генералов, несущих подушки, и при них по два ассистента. За несущими кавалериями шел псаломщик с крестом, а по обеим сторонам его два псаломщика в черном облачении. За крестом шли два хора певчих по два в ряд. За певчими шли мы один за другим по обеим сторонам дороги, середина между нами была пустая (это обыкновенный в Варшаве порядок в духовенстве), посередине дороги шел преосвященный со своими дьяконами, за ним обер-священник как духовник умершего с образом в руках, ведомый двумя дьяконами. За духовенством в довольно дальнем расстоянии везена была восемью лошадьми, которые были в глубоком трауре, колесница под высочайшим пунцовым катафалком, у столбов коего стояли 4 адъютанта, а внизу колесницы придерживали кисти 4 полковника; за колесницей вели два придворца верховую лошадь покойника, а другую в глубоком трауре; потом следовала карета с семейством Паскевича, сопровождаемая множеством генералов. За каретою шли музыканты; за ними полполка его светлости, пришедшая из Брест-Литовска; за эриванскими воинами ехали бусурмане и потом бесконечный ряд карет. Все улицы, которыми провозима была гробница, уставлены были войсками, которые находятся в Варшаве. Прежде всего стояли гвардейские казаки; потом линейные, потом донские; за ними черкесы; после них Смоленский полк, Могилевский полк; потом опять конница, а тут Витебский и Полоцкий полки, следующие были ратники костромские и ярославские. К собору от всех полков снесены были знамена, и когда колесница поравнялась с крыльцом соборным и с ними и остановилась, музыка заиграла нарочно сочиненный на погребение Паскевича марш, и все знамена одно за другим начали преклоняться к гробнице, вмещающей в себе тело Великого. Это особенно трогательно для сердца.

Таким образом тело достигло до собора и обыкновенным порядком поставлено было под катафалк, где оно должно было ночевать и наутро отстоять литургию. На первой странице этого письма я коекак снял по прочтении евангелия в свои часы, как лежал князь Иоанн в соборе, но так как за недостатком лучших карандашей срисовалось чрезвычайно дурно, то я эту картинку советую отдать Марьюшке в назидание.

На другой день обедня совершена преосвященным, и после обедни святитель со всем духовенством отпел усопшего, и все духовные и генералитет отдали последнее целование Князю-воину. После этого затянулась печальное: Святой Боже, и тело снято было с катафалка, вынесено из храма и поставлено в черную дорожную глухую колесницу и опять с таким же церемониалом, как и прежде (только не несены были уже ордена), повезено к широкой реке Висле, в это время сильно разлившейся. Музыка, шедшая сзади, неумолкну играла погребальный марш, музыка, стоящая при полках, расставленных по обеим сторонам дороги от собора до Вислы, тоже непрестанно

проводила своей гармонией. Тело доведено до берега Вислы, и мы совершили литию. Пока совершаема была лития, тело поставлено было на своей колеснице на паром, и в ту минуту, когда протодиакон провозглашал вечную память, и пресвященный осенил гроб своим благословением, - в ту самую минуту паром сдвинут был с места, и князь поплыл на другую сторону реки для того, чтобы за рекой искать себе вечного мирного дома. Знамена воинские продолжали преклоняться вслед плывущему, обер-священник – духовник князя провожал его с иконой за реку и до самого места погребения. Где же это погребение? О! место погребения князя слишком мало и незначительно. Оно в 120-ти верстах от Варшавы в селе. Но вот еще что до похорон! Тело князя доехало до Ивангорода крепости и там встречено преосвященным с духовенством, объехавшими усопшего. 31-го числа отслужена там обедня над покойным, и после обедни из крепости на руках генералов гробница несена была 3 версты до села Ивановца, вотчины князя, где его и дворец, и предано земле»⁶.

Приведенный пространный фрагмент из письма А.И. Виноградова обнаруживает несомненный интерес автора к событиям, свидетелем и участником которых ему довелось быть. Свою роль он видит в том, чтобы наблюдать и описывать текущую жизнь с ее событиями, коллизиями, героями и т.д. Это позиция хрониста, стремящегося сохранить прошлое. Но хроника вполне органично превращается в более академические способы писания истории, да она и сама есть один из видов историографии. Зная сейчас последующую карьеру и труды отца Александра, можно увидеть в его письмах из Царства Польского первые опыты историописания.

В дальнейшем все исторические работы А.И. Виноградова будут связаны с местом служения и это примечательно – хронист предпочитает наблюдать объект описания. В 1880 г. публикуется история Киржача⁷. Сам автор так вспоминал обстоятельства появления этой книги: «Так как гипсовая повязка наложена была на значительно продолжительное время, то я и употребил это время на посильный, возложенный на себя труд. Обложив кровать свою источниками, составил и написал я историю Киржача, которая потом и напечатана в Епархиальных ведомостях и отдельно в значительном числе экземпляров»⁸.

Тут важно замечание о том, что история Киржача автором *составлена*, что не предполагает аналитических процедур с исто-

⁶ № 9. 13 февраля 1856 г.

⁷ Виноградов А.И. 1880.

⁸ Виноградов А.И. 1915. С. 88.

рическим материалом, давно утвердившихся в историографии конца XIX в. И все свои труды А.И. Виноградов «составляет». Это, например, опись предметов из ризницы Успенского собора⁹ или сообщение об открытии фресок Андрея Рублева в том же Успенском соборе¹⁰. Трижды издававшаяся «История кафедрального Успенского собора»¹¹, самый известный труд А.И. Виноградова, представляет собой соединение хроники, описи и отчетов.

Отец Александр не стал профессиональным историком, но глубокое уважение вызывает его искреннее стремление сберечь прошлое. Именно это стремление привлекало к нему известных историков и археологов И.Е. Забелина, А.С. Уварова, В.Е. Румянцева и других; протоиерей состоял членом Московского археологического общества, а также ученых архивных комиссий нескольких губерний. Чувство прошлого передалось и сыновьям отца Александра – Павлу и Сергею, тоже священнослужителям, опубликовавшим («составившим») исторические сочинения. Жанры те же – опись¹², хроника¹³. Поражает глубокое историческое чувство, развитое у всех представителей рода. Сегодня правнук отца Александра, инженер, заслуженный энергетик РФ Борис Борисович Гиляревский неумоимо собирает и публикует разнообразные материалы, связанные с долгой семейной традицией.

Изучение литературного наследия – опубликованного и неопубликованного – всех поколений и ветвей рода Виноградовых-Гиляревских меняет угол зрения на этот обширный материал. Биографика неизбежно переплетается с просопографией. Не только биография А.И. Виноградова, и даже не только история его рода, но судьбы российского духовенства как особой и значимой для российского общества социально-культурной формации могли бы привлечь внимание разных специалистов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
Виноградов А.И. Письма. 1855–1857. № 1–27. Копии – в распоряжении автора статьи.

⁹ Виноградов А.И. 1884.

¹⁰ Виноградов А.И. 1884. Современные искусствоведы высоко оценивают роль А.И. Виноградова в возрождении и сохранении наследия Андрея Рублева (см., например: Вздорнов 1986. С. 148-149).

¹¹ Виноградов А.И. 1905.

¹² Виноградов П.А. 1903; Гиляревский 2019. С 59-68.

¹³ Виноградов С.А. 1913; Гиляревский 2019. С. 69-73.

- Виноградов А.И. Краткая история упраздненного Благовещенского Киржачского монастыря, основанного преподобным Сергием Радонежским, что ныне Соборная церковь, с прибавлением сведений и о самом городе Киржаче. Владимир: Тип. П.Ф. Новгородского, 1880. 53 с.
- Виноградов А.И. Успенский собор и открытые в нем фрески. Владимир: Типография П.Ф. Новгородского, 1884. 14 с.
- Виноградов А.И. Опись священным и достопримечательным предметам, хранящимся в особом отделении ризницы Владимирского кафедрального Успенского собора. Владимир: Типография П.Ф. Новгородского, 1884. 38 с.
- Виноградов А.И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире / 3-е изд. Владимир: Типо-литография губернского правления, 1905. 120 с., 94 с.
- Виноградов А.И. Воспоминания: На память детям. Владимир: Типография губернского правления, 1915. 108 с.
- Виноградов П.А. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском княгинином девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители / Изд. 2. Типо-литография губернского правления, 1903. 138 с.
- Виноградов С.А. Летопись первоклассного Успенского женского монастыря в гор. Александрове, Владимирской губ. с 1883 по 1913 год. М.: Типо-литография Т.А. Подрезкова, 1913. 68 с.
- Гиляревский Б.Б. Древо. Связь родов и поколений на Владимирской земле за 330 лет (1680-2010) / изд. 2, дополн. Владимир, 2014. 384 с.
- Гиляревский Б.Б. Краеведение в жизни моих предков. Владимир, 2019. 344 с.

Кутявин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва; Vladimir.kutiavin@gmail.com

The letters by a Russian priest from Warsaw in the middle of the XIX century

The article presents unpublished letters from the Russian Orthodox priest Alexander Ivanovich Vinogradov from Warsaw in the middle of the XIX century. Close observation and careful description of the surrounding life in the most natural way led the author to the "composition" of historical works.

Keywords: Alexander Ivanovich Vinogradov, Orthodox priest, Warsaw, middle of the XIX century, private letters.

Vladimir Kutiavin, PhD in History, Associate Professor, Samara National Research University; Vladimir.kutiavin@gmail.com

А.Н. ХУДОЛЕЕВ

**ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА РУССКИЙ АРХИВ (1863-1870)**

В статье анализируется изучение проблем дореволюционной отечественной исторической науки в первом специально-историческом журнале «Русский архив» на этапе его становления. Делается вывод, что в период 1863-1870 гг. «Русский архив» не только являлся кладезю материалов личного происхождения, но и местом для публикации новейших исторических исследований. Тематика статей касалась вопросов внутренней и внешней политики России XVII-XIX вв. Имели место работы краеведческого, критического, дискуссионного характера. Следствием этого стал значительный вклад, внесенный «Русским архивом» в дело популяризации исторического знания и продвижения научно-исторической мысли России 1860-х гг.

Ключевые слова: «Русский архив», П.И. Бартнев, дореволюционная историография, исторические журналы, Чертковская библиотека

Российская дореволюционная научно-историческая периодика в последние годы стала привлекать внимание историографов¹, как отечественных, так и Ближнего Зарубежья². Действительно, данная область исследования интересна и перспективна. Она способствует знакомству с многочисленными авторами, известными и забытыми, помогает осветить тематическое и проблемное поле дореволюционной отечественной исторической науки, процесс приращения исторического знания.

В сфере наших интересов находится, основанный в 1863 г. при Чертковской библиотеке первый специальный исторический журнал «Русский архив». Миссия издания заключалась в публикации документов личного происхождения (дневников, мемуаров, эпистолярного наследия т.д.) XVIII и XIX вв. Однако спустя некоторое время в журнале начинают появляться исследования, посвященные тем или иным аспектам истории России, формируется свой круг авторов. Первой стала статья библиографа, сотрудника Московской дворцовой конторы М.П. Полуденского о визите Петра I во Францию в 1717 г. Автор определил цель посещения русским монархом Парижа как попытку расторгнуть невыгодный для России союз Франции со Швецией, упомянул о большом ин-

¹ См., напр.: Магсумов., Корнилова., Ковзик 2015.

² См., напр.: Хотеев 2019.

тересе к Петру I со стороны французской прессы и об избрании его членом Парижской Академии наук³. Затем в «Русском архиве» разгорелась дискуссия относительно спорных моментов истории Отечественной войны 1812 года.

Поводом стала небольшая заметка (с приложением документальных свидетельств) издателя журнала П.И. Бартенева о распространении французами во время войны на территории России фальшивых ассигнаций⁴. На заметку Бартенева отозвался участник боевых действий генерал-майор И.П. Липранди. Он раскритиковал точку зрения военного историка М.И. Богдановича, который, основываясь на французском источнике, отрицал факт финансовой интервенции⁵. И.П. Липранди доказывал обратное, ссылаясь на работу А.И. Михайловского-Данилевского⁶ и собственные воспоминания⁷. На этом автор не остановился. Он подверг критическому разбору весь труд М.И. Богдановича и обнаружил в нем 29 крупных ошибок, недочетов и неточностей. Это позволило Липранди иронично резюмировать, что официально военному историографу далеко до звания «великого и правдивого историка Отечественной войны»⁸. Новая статья Богдановича о графе А.А. Аракчееве, напечатанная в газете Военного министерства «Русский инвалид», вновь заставила Липранди взяться за перо. Он не согласился с негативной оценкой деятельности влиятельного сановника эпохи Александра I, проистекающей исключительно из недостаточной осведомленности его критика. По мнению Липранди, в исследовании Богдановича царили предвзятость и субъективность, неумение соотнести личность и соответствующий исторический период, что не делает чести военной литературе, аккумулирующей небрежности и грехи «почтенного профессора-историографа»⁹.

Завершая тему дискуссий об Отечественной войне 1812 г. в «Русском архиве» 1860-х гг., заметим, что именно в этом издании было напечатано объяснение Л.Н. Толстого по поводу вышедшего в то время романа «Война и мир». Произведение вызвало волну критики со стороны здравствовавших очевидцев и участ-

³ Полуденский 1865.

⁴ Бартенев 1865.

⁵ Богданович 1859. С. 367.

⁶ Михайловский-Данилевский 1839. С. 288-289.

⁷ Липранди 1865. С. 878.

⁸ Липранди 1865. С. 1338.

⁹ Липранди 1866. С. 1046.

ников событий. Л.Н. Толстой подчеркнул, что его труд – не историческая хроника, поэтому не нужно искать там абсолютной правды, достоверности и точности, потому что «историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно разных предмета»¹⁰. К тому же при отображении военных действий пользуются не правдой, а реляцией, что вызывает неизбежность лжи в военных описаниях, «служащих материалом для военных историков...»¹¹.

Уделялось место в журнале истории внешней политики России. Любитель русской истории П.К. Щебальский обратился к теме борьбы за Курляндское герцогство при императоре Петре III. На взгляд автора, данный государь проводил антинациональный курс, желая отдать Курляндию своему дяде Георгу Голштинскому. Такие действия могли привести «или к нравственному подчинению прибалтийского края к Пруссии, или к образованию из него отдельного немецкого владения»¹². Только вмешательство Екатерины II позволило закрепить герцогство за опальным Бироном, оставить территорию в составе Польши и по результатам ее третьего раздела присоединить к Российской империи.

Историк и педагог М.Ф. Шугуров проанализировал последствия для России Карлсбадских решений 1819 года, принятых по инициативе министра иностранных дел Австрийской империи К. Меттерниха после ряда террористических актов. Эта серия указов запрещала в государствах Германского союза деятельность националистических обществ, вводила жесткую цензуру и предписывала увольнять из университетов либерально настроенных профессоров. По мнению Шугурова, Карлсбадские решения повлияли на внутреннюю и внешнюю политику Александра I, который стал «колебаться в своих либеральных убеждениях»¹³. С новым направлением автор связывал назначение попечителем Казанского учебного округа одиозного М.Л. Магницкого, устроившего погромную ревизию Казанского университета, а также деятельность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича, санкционировавшего дело по обвинению 12 профессоров Санкт-Петербургского университета во вредном «атеистическом» преподавании наук.

¹⁰ Толстой 1868. С. 518.

¹¹ Толстой 1868. С. 522.

¹² Щебальский 1866. С. 304.

¹³ Шугуров 1867. С. 871.

Отзывом на проходившие в российском аграрном секторе пореформенной эпохи процессы служит статья чиновника военного министерства М.Ф. Де-Пуле. Он обратил внимание на то, что крестьянские волнения конца XVIII века, доходившие до вооруженного сопротивления, были связаны с ситуацией обманутого ожидания. Тогда прошел слух, что «новый государь освободил крестьян, но помещики и власти скрывают это от народа...»¹⁴. Автор справедливо призывал исторично подходить к событиям прошлого, не судить о них с высоты середины XIX века. Например, щедрая раздача крестьян не выглядела с точки зрения людей XVIII столетия преступлением; жесткие действия генерал-фельдмаршала Н.В. Репнина по подавлению крестьянских восстаний оправдывались живой памятью о пугачевском бунте. Де-Пуле резюмировал, что люди дореформенного периода не могут оцениваться критериями «эпохи освобождения», так как подобный суд будет не только несправедлив, но и «ограничен в понимании, ибо он непременно должен будет отнять у них то, что всегда принадлежит человеку всех времен, и навязывает им другое, неподобающее их времени»¹⁵.

Настоящим прорывом стало появление материалов, касавшихся ранее запретной темы – декабристского восстания. Амнистированный декабрист П.Н. Свистунов напечатал в «Русском архиве» критический разбор ряда воспоминаний своих коллег и мнений потомков. Особого внимания удостоились «Записки декабриста» А.Е. Розена. Напрасно пытливый историк будет искать в данном труде ответы на вопросы об истоках, сути и значении декабризма. Вместо этого Розен предлагал читателю ознакомиться с подробной автобиографией и историей Эстляндии. Все это, а также то, что Розен доверял слухам, предлагал называть декабристами только непосредственных участников восстания 14 декабря 1825 г., по мнению Свистунова, изобличает «в сочинителе человека вовсе чуждого, по духу, обществу людей прозванных Декабристами»¹⁶. Многочисленными мифами и небылицами полна, с точки зрения Свистунова, статья писателя и этнографа С.В. Максимова¹⁷. Он считал, что Максимова намеренно ввел в заблуждение с целью саморекламы Д.И. Завалишин, которому слишком

¹⁴ Де-Пуле 1869. С. 545.

¹⁵ Де-Пуле 1869. С. 576.

¹⁶ Свистунов 1870. С. 1642.

¹⁷ Максимов 1869.

много приписывалось дарований и талантов, о которых никто из знавших его не подозревал. Если же абстрагироваться от восхвалений, то и без них в статье содержится «столько неверностей и путаницы, умышленных или от небрежения, что всех не перечтешь»¹⁸. П.Н. Свистунов прокомментировал больше десятка таких казусов. В итоге, он констатировал, что «по истечении почти что полувека после свершившегося события, когда и молодость давно миновала и унялась буря страстей, когда немногие оставшиеся современники события, вследствие изменения их воззрений на жизнь, способны судить о своем прошедшем как о деле постороннем, казалось бы, настало время правдивой и беспристрастной оценки действий и побуждений, настало время высказать всю правду; между тем убеждаемся на деле, что и тут до истины нелегко добраться»¹⁹. За правдой о декабристах, на взгляд П.Н. Свистунова, следует обратиться к «Запискам» И.Д. Якушкина, С.П. Трубецкого и с небольшими оговорками И.И. Пущина, так как эти воспоминания-исповеди не предназначались для публикации и писались людьми честными, скромными, не склонными к позерству и самовосхвалению.

Помимо статей, касавшихся определенного события, в «Русском архиве» 1860-х гг. печатались работы общей тематики. Так, П.И. Бартенев обратился к истории пыток в России. Исследование было написано на основе юридических документов XVII и XVIII вв., свидетельств современников (отечественных и иностранных) и содержало полемику с трудами И.М. Снегирева²⁰ и Н.И. Костомарова²¹. Снегирев Бартенев упрекал в голословности, поскольку он не ссылаясь на источники своих рассказов о русских средневековых пытках, что не пристало для члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук. Все исторические сведения необходимо «документовать»; иначе автор, «представляя украшенные рассказы о происшествиях, чтобы более подействовать на воображение читателя, – может приобрести очень дурную привычку искажать факты, изобретать исторические сцены и картины»²². Костомарову издатель «Русского архива» адресовал два замечания. Во-первых, о некритическом восприятии источников – вообще слабом месте Николая Ивановича, о чем пи-

¹⁸ Свистунов 1870. С. 1651.

¹⁹ Свистунов 1870. С. 1656.

²⁰ Снегирев 1832.

²¹ Костомаров 1859.

²² Бартенев 1867. С. 1160, 1165.

сали другие его коллеги по ремеслу²³. Во-вторых, о желании представить Разина борцом за справедливость, хотя о нем «и говорить то не следовало иначе, как с негодованием и омерзением»²⁴.

С.М. Соловьев поместил в журнале рассуждения о феномене самозванчества в России. По его мнению, большинство самозванцев, так или иначе, было связано с казачеством – бунтарским, антигосударственным элементом, создававшим угрозу политическому порядку и социальным устоям. Самозванцы нужны были казакам как средство борьбы с властью. Для этого им надо было заступиться за представителя власти, «за право настоящего, законного царя или царевича, лишённого этих прав, спасшегося от смерти...»²⁵. Количество самозванцев можно объяснить уровнем необразованности населения, как следствие, устойчивой веры в чудеса. С.М. Соловьев вступил в полемику с Н.И. Костомаровым относительно личности царевича Дмитрия. Костомаров считал, что Лжедмитрий I не мог быть обманут рассказами о спасении из Углича в восьмилетнем возрасте, так как должен был помнить все с ним происходившее²⁶. С.М. Соловьев ответил, что почтенный историк ошибочно смотрит на летоисчисление XVI века с высоты XIX века. В те времена отсутствовали метрические записи и человек не знал точно день, месяц, год своего рождения. Поэтому старые люди могли уверить во всем, «в чем им угодно»²⁷.

В 1870 г. П.И. Бартенев перепечатал в «Русском архиве» из «Киевского телеграфа» за 1862 г. статью председателя Киевской археографической комиссии М.В. Юзефовича²⁸, которая касалась возведения в Новгороде памятника «Тысячелетие России». Статья примечательна тем, что в ней ставился вопрос о роли императора Николая I в русской истории. Следуя тренду и социальному заказу, создатели памятника не включили в раздел «Государственные люди» «крепостника» и правителя «жандарма Европы». Юзефович призвал восстановить справедливость и очистить от либеральной накипи имя человека, «тридцать лет служившего России ревностно, честно и славно, хотя и не безошибочно...»²⁹. Автор напомнил критикам, что сделал император для науки, об-

²³ См., напр.: Иловайский 1874.

²⁴ Бартенев 1867. С. 1167.

²⁵ Соловьев 1868. С. 271.

²⁶ Костомаров 1867. С. 64.

²⁷ Соловьев 1868. С. 274.

²⁸ Юзефович 1862.

²⁹ Юзефович 1870. С. 1000.

разования, просвещения. Добавим еще создание Археографической комиссии, Археологического общества, покровительство Обществу истории и древностей Российских, содействие активной публикации исторических источников, расцвет М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева, М.Т. Каченовского, Н.С. Арцыбашева. В итоге, усилия М.В. Юзефовича увенчались успехом, и фигура Николая I значилась на памятнике.

Уделялось место в журнале также и региональной истории. Краевед, редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» Л.Н. Трефолев подробно описал поездку императора Павла I по Ярославской губернии в июне 1798 г.³⁰ Богатый местный архивный материал позволил детально обрисовать подготовку к визиту самодержца и сам его ход.

Подводя итог анализу проблем отечественной исторической науки, освещенных в журнале «Русский архив» в период 1863-1870 гг., можно сделать следующие выводы. Тематика статей носила разносторонний и разноплановый характер, касавшийся вопросов истории России XVII-XIX вв. Имели место работы критического, дискуссионного характера (например, И.П. Липранди, П.Н. Свистунова, П.И. Бартенева). Несмотря на то, что изначально журнал позиционировался как источник документов личного происхождения, он быстро вышел за очерченные рамки. Следствием этого стала существенная лепта, внесенная «Русским архивом» в дело популяризации исторического знания и продвижения научно-исторической мысли России пореформенной эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бартнев П.И. К истории 1812 г. // Русский архив. 1865. Т. 3. Вып. 1-6. С. 491-494.
- Бартнев П.И. Русские пытки // Русский архив. 1867. Т. 8. Вып. 7-12. С. 1139-1167.
- Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб.: тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова, 1859. Т. II. 654 с.
- Де-Пуле М.Ф. Крестьянское движение при императоре Павле Петровиче // Русский архив. 1869. Т. 11. Вып. 1-6. С. 525-577.
- Иловайский Д.И. Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. // Русская старина. 1874. Т. 10. Вып. 5-8. С. 186-189.
- Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. Изд. 2-е, доп. СПб.: Типография Д.Е. Кожанчикова, 1859. 237 с.

³⁰ Трефолев 1870.

- Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства // Вестник Европы. 1867. Т. 3. С. 1-74.
- Липранди И.П. Еще о фальшивых ассигнациях // Русский архив. 1865. Т. 4. Вып. 7-12. С. 873-882.
- Липранди И.П. Еще об «Истории Отечественной войны» // Русский архив. 1865. Т. 4. Вып. 7-12. С. 1327-1340.
- Липранди И.П. Исторические замечания // Русский архив. 1866. Т. 6. Вып. 7-12. С. 1031-1046.
- Магсумов Т.А., Корнилова И.В., Ковзик Г.О. Возвращение к истокам: ренессанс дореволюционной исторической периодики // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1. С. 596-613.
- Максимов С.В. Государственные преступники // Отечественные записки. 1869. № 10. С. 551-632.
- Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб.: Военная типография, 1839. Ч. III. 428 с.
- Полуденский М.П. Петр Великий в Париже // Русский архив. 1865. Т. 3. Вып. 1-6. С. 675-702.
- Свистунов П.Н. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах // Русский архив. 1870. Т. 14. Вып. 7-12. С. 1633-1668.
- Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М.: Университетская типография, 1832. Кн. 3. 280 с.
- Соловьев С.М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 9. Вып. 1-6. С. 265-281.
- Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Русский архив. 1868. Т. 9. Вып. 1-6. С. 515-528.
- Трефолов Л.Н. Путешествие императора Павла по Ярославской губернии // Русский архив. 1870. Т. 13. Вып. 1-6. С. 293-326.
- Хотеев А.С. Методологические особенности изучения исторической периодики (на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.
- Серья А. Гуманітарная навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2019. № 2. С. 58-68.
- Шугуров М.Ф. Черты русской политики в 1819 г. // Русский архив. 1867. Т. 7. Вып. 1-6. С. 861-878.
- Щебальский П.К. Вопрос о Курляндском герцогстве при Петре III // Русский архив. 1866. Т. 5. Вып. 1-6. С. 284-304.
- Юзефович М.В. Дополнение к нескольким словам г-на М.С. о памятнике тысячелетию России // Киевский телеграф. 1862. 14 января.
- Юзефович М.В. Несколько слов об императоре Николае // Русский архив. 1870. Т. 13. Вып. 1-6. С. 999-1008.

Алексей Николаевич Худолеев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета г. Новокузнецка, khudoleev73@mail.ru

The discussion problems of Russian Historical Science on the pages of the journal “The Russian Archive” (1863-1870)

The article analyzes the studies of the pre-revolutionary Russian historical issues in the first historical journal "The Russian Archive" at the stage of its formation. The author comes to the conclusion that in 1863-1870 "The Russian Archive" was not only keeping records of personal materials, but was also publishing the latest historical research. The topics concerned the issues of Russia's domestic and foreign policy in the 17th-19th centuries but there also were publications on local lore or critical articles on debatable issues. As a result the journal made a significant contribution to the popularization of the historical knowledge and the development of the scientific and historical thought in Russia in the 1860s.

Keywords: “The Russian Archive”, Peter Ivanovich Bartenev, historical thought, pre-revolutionary historiography, pre-revolutionary historical journals, The Chertkovskaya Library

Aleksey Khudoleev, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Department of History and Social Studies of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University; khudoleev73@mail.ru

И.Р. ЧИКАЛОВА

**«АНГЛИЧАНЕ – ОДИН ИЗ САМЫХ ОРИГИНАЛЬНЫХ
НАРОДОВ...»: НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АНГЛОСАКСОНСКОГО МИРА П.Г. МИЖУЕВ**

Статья актуализирует значение творческого наследия Павла Григорьевича Мижуева (1861–1931), его вклад в комплексное изучение англосаксонского мира в России. Усилия П.Г. Мижуева в транслировании передового опыта англосаксонских стран в российскую интеллектуальную среду и массовое сознание огромны. Определение «первый» характеризует личность учёного. Он написал первые в России политические истории Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, был пионером в изучении британского колониализма. Если его вклад в развитие дореволюционного англоведения был очень заметным, то его роль в изучении истории и разных сторон жизни Соединенных Штатов Америки выдающаяся – он стоял у истоков становления американистики в России. Своими трудами П.Г. Мижуев внес заметный вклад в развитие «русской исторической школы» всеобщей истории и должен рассматриваться в качестве полноправного её члена.

Ключевые слова: *П.Г. Мижуев, Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, британская колониальная политика, англоведение, американистика, историография, интеллектуальная история*

В 2021 г. исполняется 160 лет со дня рождения Павла Григорьевича Мижуева. Эта юбилейная дата напоминает о необходимости ещё раз актуализировать обширное творческое наследие знатока англосаксонского мира (именно такую характеристику дал ему ещё молодой тогда Е.В. Тарле), в комплексном изучении которого он был бесспорным первопроходцем. Вклад Мижуева в изучение и популяризацию достижений этой части мировой цивилизации количественно выражается в издании между 1891 и 1929 гг. более 100 работ. Ещё до революции Мижуев написал и издал все свои основные труды. Ему принадлежат первые в России сводные курсы истории Великобритании и её колониальной политики, Канады, США, Австралии, Новой Зеландии. В фокусе внимания этих и других его многочисленных работ находились вопросы государственного строя, парламентаризма, разделения властей, прав человека, рабочий и женский вопрос, в т.ч. профессиональная самоорганизация рабочих и движение за женское равноправие; социальные аспекты жизни (бедность, минимальная заработная плата, восьмичасовой рабочий день); торговая политика; благотворительность, градостроительство и быт; история и

современное состояние народного образования в зарубежных странах – от начального до университетского. Поиски работ Мижуева, список которых все ещё пополняется, и их изучение позволяют сегодня оценить по достоинству его незаурядный вклад в развитие российского дореволюционного англоведения¹, а также отдать ему должное, как одному из тех, кто стоял у истоков молодой тогда российской американистики².

При этом Мижуев не готовился к научной карьере, он не заканчивал классического университета, учился только в Морском кадетском корпусе – его имя в списке выпускников 1880 года³. Как он пишет в автобиографии, в период учебы там зародились многие интересы, «которые я сохранил на всю последующую жизнь»⁴. Отказавшись от карьеры морского офицера и выдержав экзамен на право преподавания, с 1885 г. на протяжении 17 лет Мижуев был учителем французского языка на постоянной основе в Шестой⁵ и Введенской Девятой мужской гимназиях С.-Петербурга. С 1902 г. новым его местом работы стала библиотека Императорского технологического института, которую он возглавлял вплоть до 1924 г. Переход на работу в неё стал для Мижуева поворотом к научному творчеству: «отвергнув мысль о какой-либо карьере, я намеревался посвятить себя всецело изучению разных наук, которые меня интересовали»⁶. Регулярно пополнявшийся массив гуманитарной литературы (в т.ч. зарубежной) в руководимой им библиотеке стал важнейшим источником самообразования и опорой для собственных исследований. В течение многих лет, пишет Мижуев в автобиографии, он занимался вопросами «...всеобщей истории и в особенности историей Америки и Англии; политической экономией, вопросами государственного права, так наз. социальным вопросом и всеми сторонами жизни англосаксонских стран»⁷.

Мижуев, изучавший Англию на протяжении всей своей жизни тщательно и разносторонне, неоднократно её посещал. В своей автобиографии (составленной после 1908 г.) он пишет: «Особенную важность придаю двум поездкам в Англию, когда я

¹ Чикалова 2018.

² Чикалова 2020.

³ Коргуев 1897. С. 290.

⁴ Мижуев Автобиография. С. 4.

⁵ Историческая записка 1912. С. 151.

⁶ Мижуев Автобиография. С. 9.

⁷ Там же. С. 9–10.

мог основательно осмотреть многие учреждения, которые я ранее тщательно изучал по литературным данным. Мне было крайне приятно убедиться в совершенной правильности моего их описания и толкования»⁸. Впоследствии он предпринял новые поездки, о чем сообщал в одной из последних своих работ: «В течение нескольких десятков лет мы изучаем все стороны английской жизни, бывали в Англии несколько раз, встречались там с представителями разных общественных классов, бывали в домах разных лиц, главным образом, однако, в домах учителей народных школ и профессоров университетов»⁹. При этом Мижув никогда не посещал Америку, Австралию или Новую Зеландию. Во всяком случае, свидетельств о подобных поездках не сохранилось.

Последователь позитивистской школы, Мижув основывал свои труды на официальных документальных материалах и оригинальных исследованиях. Определяя подходы к методам исследования общественного и политического строя, например, Новой Зеландии, Мижув декларировал: «Мы исходим в описании современного состояния Н. Зеландии по преимуществу из официальных данных, редко покидая сферу достоверных фактов, текста законов и извлекаемых из официальных изданий цифр. В тех случаях, когда мы позволяем себе общую характеристику той или иной сферы общественной жизни, мы большею частью говорим словами лиц, близко наблюдавших описываемые нами явления, а иногда и принимавших деятельное участие в созидании той или иной отрасли социального законодательства колонии»¹⁰.

Как известно, Мижув был англоманом, причем настолько большим, что его чувства к Англии могли выглядеть даже чрезмерными в глазах самих её симпатизантов: «Правда, нам кажется, что местами автор слишком уж восторженно относится к Англии. <...> Нужно только не давать этому чувству ослеплять себя», – отметил Е.В. Тарле в рецензии на одну из его книг¹¹. Действительно, в своих многочисленных работах Мижув фиксировал внимание на успехах Великобритании в экономике, политике, обеспечении прав человека, в совокупности сформировавших её облик, говоря его словами, как «величайшей демократии современного мира». Основную задачу труда «Политическая история

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Мижув 1925. С. 9.

¹⁰ Мижув Передовая демократия ... 1905. С. 3.

¹¹ Тарле 1903. С. 74–75.

Англии в XIX в.» он усматривал в изложении политической истории страны в столетии, «когда сложились окончательно некоторые из наиболее важных конституционных традиций». «Именно благодаря этим традициям, – пишет Мижув, – *монархическая Англия* сделалась фактически одной из наиболее замечательных *демократий* нашего времени, – демократий не по форме, а по существу, т.е. одним из таких государств, где общественное мнение составляет самую значительную по своему влиянию силу, и где народное сочувствие и одобрение, выражаемое на выборах и тысячью иных способов (пресса, собрания и митинги и т.д.), является фактически главным источником всякого авторитета и всякой власти»¹². К раскрытию многообразных направлений и результатов процесса демократизации страны Мижув обращался в ряде вышедших в разные годы работ.

Но в представлениях Мижуба была и вторая подобная Англии страна – Соединенные Штаты Америки, занимающая «выдающееся положение во многих и весьма важных отношениях». Обе эти «демократии», пишет он в разгар Первой мировой войны (когда уже были созданы его основные труды), о чем они подозревали, и гораздо более отличались от всего остального культурного мира, чем они это сознавали; мы разумеем в особенности отличие в основных политических взглядах и в политическом и гражданском развитии, в привычке пользоваться такими благами культуры, всё значение и важность которых ещё смутно сознавали другие народы. Мы отмечаем всё это потому, что здесь же, в указываемых нами обстоятельствах, скрывается та основная причина, которая по истечении сравнительно немногих лет создала между двумя отраслями англо-саксонской расы, формально разошедшимися навсегда, сознание указанной нами общности политических и других идеалов и обусловила их в общем мирные и благожелательные отношения, несмотря на массу внешних поводов для серьёзных разногласий, которые при других обстоятельствах могли бы привести не раз к открытой войне»¹³.

Мижув был первопроходцем в области изучения британского колониализма и основоположником изучения переселенческих колоний/доминионов Великобритании. В 1901–1907 гг. он публикует цикл работ, объединенных общей темой – история колониальной империи Великобритании. Выбор её не был случай-

¹² Мижув Политическая история Англии... 1908. С. 9.

¹³ Мижув 1916. С. 211.

ным. После наделения Канады, а за ней и других самоуправляющихся колоний статусом доминиона, эти бывшие колонии приобретали все больше черт независимых и – что представлялось ещё более важным – демократических государств. Современникам они представлялись «социальными лабораториями» в связи с проводившимся там радикальным переустройством политических и социальных отношений. В начале XX столетия доминионы достигли впечатляющих успехов в экономике и социальной жизни, а в сфере взаимоотношений с метрополией наметилась тенденция к установлению федеративных отношений вместо прямого подчинения. Социально-политическое развитие Британской империи являло пример эффективности политики преобразований, что и показал Мижув в работах (назову их в порядке выхода в свет) «Передовая демократия современного мира. Английская колония “Новая Зеландия”»¹⁴, «История колониальной империи и колониальной политики Англии»¹⁵, «Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция»¹⁶, «Как образовались Соединенные Штаты Австралии»¹⁷, «Образование Соединенных Штатов Австралии»¹⁸, «Зарождение великой республики (Колонизация Америки англичанами)»¹⁹, «Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады»²⁰, «История великой американской демократии»²¹, «Счастливая Австралия»²². Большинство из них вышли повторными изданиями. Труды Мижуба, посвященные колониальной тематике, многогранны, они раскрывают судьбы коренного населения, прослеживают процесс колонизации и в то же время акцентируют внимание на политической и социальной эволюции колоний, уровне и качестве жизни их обитателей и во многих случаях – в сопоставлении с европейской и российской действительностью. Это отчетливо прослеживается во всех его книгах, посвященных британским доминионам.

В книге «Крестьянское Царство» Мижув декларирует: «наше изложение истории и современного состояния Канады даёт

¹⁴ Мижув Счастливые острова... 1901; Мижув Передовая демократия... 1901; 1905; 1907.

¹⁵ Мижув История колониальной империи... 1902; 1909.

¹⁶ Мижув Литературные факторы... 1900; Мижув Великий раскол... 1901.

¹⁷ Мижув Как образовались Соединенные Штаты Австралии... 1902.

¹⁸ Мижув Образование Соединенных Штатов Австралии... 1904.

¹⁹ Мижув Зарождение великой республики... 1904.

²⁰ Мижув Крестьянское Царство... 1904; 1905; 1906.

²¹ Мижув История великой американской демократии... 1906.

²² Мижув Счастливая Австралия... 1907; 1909; 1918.

прекрасный материал для тех, кто вздумал бы провести весьма любопытную параллель между русскими и английскими приёмами колонизации внеевропейских стран и между результатами колонизаторской деятельности англичан в Канаде и русских в Сибири, в отношении целесообразной эксплуатации природных богатств края и в отношении создания всех условий благоустроенной культурной жизни, достойной начала XX века». Что касается политических прав, то «канадскому крестьянину может позавидовать простолюдин какой угодно из европейской стран, не исключая даже Англии. В самом деле, в Канаде существует всеобщая подача голосов, чего, как известно, нет в Англии, с другой стороны, в Канаде существует полная свобода прессы, чего нет в Германии, и полная свобода общественных собраний и ассоциаций, чего нет ни во Франции, ни в Германии. <...> Ещё более значительный контраст со старой Европой представляет необычайное развитие в Канаде местного самоуправления, притом не только провинциального, определяемого конституцией, но самоуправления городов и сельских обществ. Этот последний факт делает Канаду одной из самых демократических стран в мире, — настоящим “крестьянским царством”»²³. Под влиянием от прочитанного ученый-экономист, в будущем министр финансов Временного правительства М.В. Бернацкий в рецензии на книгу Мижуева, опубликованной в «Мире Божьем», отметил: «Канада может служить ярким примером того поразительного преуспевания, какого может достигнуть трудолюбивое население при освобождении его от разнообразных общественно-правовых нужд <...> Само собой понятно, что и в современном состоянии условия жизни Канады кажутся нам, русским, недостижимым идеалом как в политической, так и в экономической области»²⁴.

В книге «Счастливая Австралия» Мижуев показывает историю австралийских колоний Великобритании как «непрерывно развивающийся процесс демократизации всех общественных учреждений» во второй половине XIX в. «Право голоса, принадлежавшее прежде только лицам, удовлетворявшим известному имущественному цензу, было в одной колонии за другой распространено на всех совершеннолетних мужчин, а затем в большинстве колоний (ныне штатов) и на совершеннолетних женщин»²⁵.

²³ Мижуев Крестьянское Царство... 1905. С. 104–105.

²⁴ Бернацкий 1905. С. 125–126.

²⁵ Мижуев Счастливая Австралия... 1909. С. 25–26.

Разрешив многие политические вопросы, а к ним, кроме введения всеобщего избирательного права, следует добавить официальное учреждение с 1 января 1901 г. Австралийской Федерации, власти и общество сконцентрировали внимание на решении экономических и социальных вопросов. Расценивая проблему разрешения трудовых конфликтов как одну из наиболее актуальных (видимо, с учетом социально-политической обстановки в России), Мижув детально рассматривает пути её решения в Австралии. Давая общую оценку, он заключает: «Штаты Австралийской Федерации, производя свои смелые социальные опыты, не только... создают у себя более справедливый социальный уклад, но и своим примером содействуют осуществлению тех же идей в учреждениях других стран современного культурного мира»²⁶.

Английская колония Новая Зеландия в книге Мижуева «Передавая демократия современного мира» предстает как страна, которая по многим направлениям развития превзошла метрополию. Демократический характер государственного строя Новой Зеландии «самым существенным образом отразился и на постановке вопроса о нормальных функциях правительственной власти или вопроса о границах “вмешательства” и “невмешательства” правительственных властей в то, что считается нормальной, естественной, и, что скорее следовало называть, традиционной организацией общественных отношений»²⁷. Мижув имеет в виду, что сложившаяся парламентская система устранила противостояние законодательной и исполнительной властей, обеспечила возможность согласованного решения социальных проблем. В Новой Зеландии создали систему арбитража для урегулирования трудовых конфликтов и фабричное законодательство, гарантировавшее защиту прав рабочих от произвола работодателей, установили 8-часовой рабочий день, ввели пенсионное обеспечение. Была достигнута всеобщая грамотность, действовали университеты, дававшие образование в соответствии с европейскими стандартами. Детально разбираясь в развитии политических институтов Новой Зеландии, Мижув заостряет внимание на проблеме всеобщего избирательного права. Он называет «смелым шагом» дарование в 1893 г. всем женщинам избирательного права. «Ничего ужасного, – замечает он, – от этого не произошло. Женщины охотно воспользовались данными им правами: 90% всех женщин,

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Мижув Передавая демократия... 1905. С. 113.

значащихся в избирательных списках, подали свои голоса, тогда как из мужчин голосовали только 70%»²⁸.

Книга, в которой политическая и социальная практика Новой Зеландии была показана Мижуевым как пример для других стран, вышла четырьмя отдельными изданиями. Рецензию на её первое издание опубликовал в журнале «Образование» известный юрист Н.И. Лазаревский: «эта книга ничего не проповедует, ничего не доказывает. Она только излагает, и излагает факты, достоверные официальными данными, передает содержание законов и только». Факты же политической и социальной жизни, как и сама политика, регулирующая общественные отношения в этой стране, не могли не произвести впечатления на российского читателя. Например, инструкция английского правительства, данная губернаторам колонии ещё в 1858 г., рекомендовала: «Избегайте вмешиваться в борьбу партий; будьте всегда готовы обеспечить для них возможность компромисса. Предоставляйте полную свободу всем партиям, всем министерствам, к какой бы партии они не принадлежали... Так как в колонии существует свобода печати, то, конечно, найдутся газеты, которые будут злоупотреблять этою свободой. Не обращайтесь на это внимания и относитесь спокойно к всевозможным нападкам на вас»²⁹.

Н.И. Лазаревский обратил внимание читателей также на политические и социальные реформы, о которых подробно пишет Мижуев: «С семидесятых годов начинается эпоха политических реформ в Новой Зеландии. Устанавливается всеобщая подача голосов при выборах членов парламента, и для того, чтобы неимущие классы, действительно, могли избирать своих представителей в парламент, членам его назначается жалование и в настоящее время в парламенте имеются уже и рабочие; вводится даровое, светское обучение, посещение школы обязательно для каждого ребенка, в том числе и для детей маори, в течение 6 лет; избирательное право было (1893 г.) распространено на женщин и притом не только на белых, но и на женщин маори»³⁰.

Лазаревский отметил и другие реформы, описанные Мижуевым. «Земли отдаются колонистам в настоящее время не в собственность, а почти всегда в вечную аренду». «Фабричной инспекции (мужской или женской) подчинены все заведения, где

²⁸ Там же. С. 110–111.

²⁹ Лазаревский 1903. С. 128–130.

³⁰ Там же. С. 130.

более 1 работника». «В промышленных заведениях работа детей до 14 лет безусловно запрещена». «Все жители <...> по достижении 65 лет от роду получают пенсию». В рассказе Мижуева о достижениях Новой Зеландии рецензент акцентирует данные о народном здравоохранении, «которые, действительно, должны поразить каждого: в России из 1000 родившихся детей 300 не доживает до 1 года, а в Н. Зеландии в первый год умирает не более 85; в России на 1000 душ населения в год умирает 35 чел., в Новой Зеландии 9–10»³¹. «Таковы те условия жизни, о возможности которых на этой земле мы узнаем из книги г. Мижуева»³², – многозначительно завершает свою рецензию Н.И. Лазаревский.

Три работы Мижуева вышли в серии книг библиотеки «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время». Предыстория была такова. В 1901 г. издательство «Брокгауз и Ефрон» приступило к выпуску коллекции научно-популярных книг «История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. И хотя в анонсе имя Мижуева в первоначальном списке предполагаемых авторов книг не значилось, он своими работами вошел в эту серию. Здесь помогли как случай, так и готовность Мижуева незамедлительно предоставить для опубликования готовую рукопись, рассчитанную на широкого читателя, что было как раз в духе программы серии. Что касается случая, обратимся к воспоминаниям Н.И. Кареева. «К сожалению, – отмечает он, – из этой коллекции не вышло того, что должно было выйти: план изданий был разработан до мельчайших подробностей, множество сотрудников надавало обещаний к таким срокам предоставить рукописи, но обещания большей частью остались обещаниями...»³³. Таким образом, открывшаяся «лазейка» позволила Мижуеву передать издательству рукопись «История колониальной империи и колониальной политики Англии». Она вышла в серии в 1902 г.³⁴, а в 1909 г. – и вторым, дополненным изданием. Представляя книгу, Мижуев отмечал: это «в русской исторической литературе первый опыт обзора истории английской колонизации»³⁵. Другие рукописи Мижуева – «История великой американской демокра-

³¹ Там же. С. 128–132.

³² Там же. С. 132.

³³ Кареев 1990. С. 247.

³⁴ Мижуев История колониальной империи... 1902.

³⁵ Там же. С. 7.

тии» и «Политическая история Англии в XIX в.» – были изданы в этой серии в 1906³⁶ и в 1908³⁷ годах соответственно.

Работы Мижужева с интересом и благосклонно принимались критикой, получили рецензии в литературных и общественно-политических журналах, в т.ч. в «Мире Божьем», где в 1903 г. была опубликована рецензия Е.В. Тарле на книгу «История колониальной империи и колониальной политики Англии»: «Новая популярная работа известного знатока англо-саксонского мира отличается содержательностью и обдуманностью плана и основных мыслей. Автор – горячий поклонник того широкого и мудро-го либерализма, благодаря которому (между многим прочим) Англии удалось сделаться первой колониальной державой в мире, – либерализма в управлении колониями. <...> Тщательно прочтя её, сверив многие факты, передаваемые ею, с историей английской колонизации, написанной Моррисом, и с некоторыми другими произведениями той же литературы, мы не нашли ни одного фактического промаха. Ошибки же в оценке фактов проистекают, повторяем, только от преувеличенного восторга пред англичанами. Но сам этот восторг объясним: Мижуев увлекается, действительно, высоким государственным смыслом великого народа, который создал и утвердил личную и политическую свободу, внес разум и человечески-достоиную жизнь в самые глухие дебри земного шара. Не одного Мижужева охватывало (и может охватить) чувство, близкое к благоговению, от сравнения некоторых сторон английской истории и действительности – с историей и действительностью континентальными»³⁸.

Уже упоминались рецензии М.В. Бернацкого и Н.И. Лазаревского в журналах «Мир Божий» и «Образование» на книги Мижужева о Канаде («Крестьянское царство») и Новой Зеландии («Передовая демократия современного мира»). М.В. Бернацкий написал рецензии и на другие работы Мижужева. В одной из них он отметил: «симпатии автора принадлежат англо-саксонскому миру, который, к сожалению, так мало известен нам, русским; тем больше значения имеют работы г. Мижужева»³⁹. Бернацкий отрецензировал и его книгу «Счастливая Австралия»⁴⁰: «Если чита-

³⁶ Мижуев История великой американской демократии... 1906.

³⁷ Мижуев Политическая история Англии... 1908.

³⁸ Тарле 1903. С. 74–75.

³⁹ Бернацкий 1905. С. 116–117.

⁴⁰ Бернацкий 1909. С. 69–73.

тель желает получить представление о важнейших сторонах жизни “Счастливой Австралии”, <...> мы рекомендуем ему обратиться к полезной книге Мижуева, автора многих популярных работ на общественные темы. Вместе с имеющимися в русском переводе книгами Уго Раббено (“Аграрный вопрос в австралийских колониях”) и Метена (“Аграрный и рабочий вопрос в Австралии и Новой Зеландии”) она даст ему ряд ценных сведений. Мижуев изредка впадает в излишний оптимизм, что, однако, не уменьшает достоинств его работы»⁴¹.

Привлекли рецензентов работы Мижуева, посвящённые состоянию народного образования в англосаксонских странах. «Мир Божий» в связи с выходом книги «Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность...» поместил рецензию журналиста К.И. Диксона, усмотревшего в ней «обзор тех соображений и фактов, которые говорят в пользу необходимости самого широкого распространения в народной среде образования»⁴². На ту же книгу «Образование» откликнулось рецензией одного из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Н.И. Коробки, отметившего её злободневность: «Мижуеву приходится ломиться в открытую дверь на каждом шагу, он должен доказывать, что образование отражается и на экономических успехах, и на военной готовности, и на санитарных условиях, и на способности народа претворить инородческие элементы. <...> Книга Мижуева очень вовремя напоминает о нуждах начального образования»⁴³.

В связи с выходом в 1912 г. книги «Современная школа в Европе и Америке» в журнале «Современный мир» историк И.П. Житецкий представил Мижуева как «одного из лучших знатоков жизни и школьного дела в Западной Европе и Америке», который демонстрирует «незаурядное умение писать легко, популярно и занимательно»⁴⁴. Весьма эмоциональную по тону рецензию поместило «Русское богатство»: «Вот книга, способная лишней раз всколыхнуть чувство горечи и зависти в душе русского читателя. Ему, можно сказать, вчера ещё пришлось присутствовать при горячих словопрениях в российских законодательных палатах и благонадежных органах печати на хронически

⁴¹ Там же. С. 72–73.

⁴² Диксон. С. 116.

⁴³ Коробка 1901. С. 117.

⁴⁴ Ж-кий 1912С. 365.

затяжную тему: полезно или вредно просвещение народу? <...> Не полезнее ли усилить средства, отпускаемые тюремному ведомству и на полицию? И если уж давать деньги на образование, то с тем непременно условием, чтобы просвещение народа носило возможно менее просвещённый характер... <...> А тут, в книге Мижуева, с первых же страниц читатель узнаёт, что в культурных странах народная школа приобрела значение самого главного из всех учреждений, обслуживающих основные нужды населения, что в таких странах, как Сев.-Ам. Соед. Штаты, Канада, Австралия, при основании новых поселений на ещё девственных землях, школа является первым солидным строением, которое воздвигается раньше, чем церковь или иной молитвенный дом, и во всяком случае раньше, чем какое-либо иное общественное учреждение; в частях же давно заселённых школьные здания имеют характер дворцов; такие же школьные дворцы есть в Швейцарии, Англии, Скандинавских странах и т.д.»⁴⁵. Мижуев, резюмирует автор рецензии, «дает поучительную картину того, что делается для народного просвещения в культурных странах»⁴⁶.

Нельзя не поставить в заслугу Мижуеву то, что все его книги и статьи, сочетая научность и популярность, были обращены к самым широким читательским слоям. Это замечание относится и к тем работам Мижуева, в центре которых стояли вопросы организации государственной власти в разных странах. Приобщение к историческим и политическим знаниям людей, подчас далеких от науки, составляло привлекательнейшую и благородную сторону его научно-просветительской деятельности.

Драматические события 1917 года Мижуев встретил уже зрелым человеком – Павлу Григорьевичу исполнилось 56 лет. На первых порах в связи с резким оттоком преподавателей с университетских кафедр революция открыла перед ним даже некоторые новые возможности. В 1917 г. он стал читать лекции в Женском педагогическом институте, на Высших женских курсах и на Курсах высших коммерческих знаний, вплоть до их закрытия⁴⁷. Со следующего года стал преподавать в Петроградском университете: на факультете восточных языков (приват-доцент, 1918–1919), на историко-филологическом факультете (приват-доцент, 1918), историко-филологическом и юридическом (преподаватель,

⁴⁵ [Б. авт.] 1912. С. 124.

⁴⁶ Там же. С. 125.

⁴⁷ Curriculum Vitae. С. 2–3.

1919–1921), на общественно-педагогическом и правовом (профессор, 1921–1923) отделениях факультета общественных наук⁴⁸. На факультете восточных языков он читал лекционный курс «История Индии под владычеством англичан»⁴⁹, на историко-филологическом отделении – «Историю англосаксонского мира в XIX и XX вв.»⁵⁰. В 1918–1919 гг. в должности приват-доцента Мижуев читал лекции на трёх факультетах: историко-филологическом («История англосаксонского мира в XIX и XX вв.»), юридическом и восточных языков («История Индии под владычеством англичан»)⁵¹. В 1921–1923 гг. был профессором факультета общественных наук, где читал «Историю внеевропейских стран» и «Историю народного образования».

В университетских стенах на протяжении примерно пяти лет Мижуев мог встречаться с Н.И. Кареевым, с которым у него было давнишнее знакомство и сотрудничество. В последний год работы в качестве штатного профессора Кареев опубликовал историографические очерки по истории стран Запада с 1859 по 1914 г.⁵². В них российскую историографию истории внеевропейских стран представляют только книги Мижуева: «В начале нынешнего столетия появилась и русская история Северо-Американских Соединенных Штатов П.Г. Мижуева, который перед этим дал читателям ещё историю отделения Штатов от Англии в конце XVIII века»⁵³. Можно ли не считать подобную рекомендацию большим признанием и комплиментом...

Мижуев перешел на пенсию в 1924 г., и получал её «как бывший профессор Ленинградского университета»⁵⁴. В 1929 г. он написал академику В.И. Вернадскому письмо, которое содержало личную просьбу, выполнение которой могло бы улучшить его материальное положение на пенсии. Мижуев просил содейство-

⁴⁸ Мижуев Павел Григорьевич // Объединённый архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1984.

⁴⁹ Curriculum Vitae. С. 3.

⁵⁰ Дунаевский 1974. С. 332.

⁵¹ На этот факт, как не имеющий аналогов в истории российских университетов, указывает сам П.Г. Мижуев в письме академику В.И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 2.

⁵² Кареев 1923.

⁵³ Там же. С. 115. Речь идет о книгах Мижуева «История великой американской демократии» и «Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция».

⁵⁴ Curriculum Vitae. С. 3.

вать зачислению его «в IV разряд научных работников» (всего их было пять), что выразилось бы прибавкой к уже получаемой им академической пенсии в 140 руб., и сделать это ввиду исключительно научных заслуг: «мною напечатано более 100 научных трудов в форме книг и брошюр, не считая периодической печати и энциклопедий»⁵⁵. В своей просьбе он нашел поддержку со стороны Н.И. Кареева и И.М. Гревса. Они оба, как можно судить из письма Мижуева, ходатайствовали за него: «Только об этом и просили в своем совместном заявлении в Секцию научных работников профессора Н.И. Кареев и И.М. Гревс»⁵⁶.

Неизвестно, была ли удовлетворена просьба Мижуева, да и впереди было отпущено не так много времени. 4 июля 1931 года (эта дата указана рукой его жены на последней странице его автобиографии, хранящейся в РГАЛИ) в Ленинграде Павел Григорьевич ушел из жизни⁵⁷. Но в любом случае его творчество оказалось не просто не востребованным в новых условиях, но активно отторгалось. Характерен фрагмент из книги известного американиста А.В. Ефимова: «Есть ещё несколько работ, написанных кадетскими или кадетствующими историками (Мижуев, Афанасьев, Фортунатов) в плане самой неуёмной идеализации <...> буржуазной демократии»⁵⁸. Более взвешенные подходы и отказ от уничижительных оценок пришли позже.

Масштаб личности Павла Григорьевича Мижуева спустя девяносто лет после его ухода из жизни (2021 г. и в этом плане юбилейный) раскрывается со всей полнотой. Действительно он был «знатоком англо-саксонского мира», в чем Е.В. Тарле был совершенно прав. Мижуеву удалось создать цельную картину не только исторического развития, разных сторон жизни Великобритании, её колониальной политики, но и политической эволюции её переселенческих колоний в Северной Америке, революционным путем трансформировавшихся в независимые Соединенные Штаты Америки, а также Канады, Австралии и Новой Зеландии, отдавших предпочтение сохранению уз с метрополией. П.Г. Мижуев внес заметный вклад в развитие «русской исторической школы» всеобщей истории и должен рассматриваться в качестве её полноправного члена.

⁵⁵ П.Г. Мижуев – академику В.И. Вернадскому... С. 1–2.

⁵⁶ Там же. С. 1. 2.

⁵⁷ Мижуев Автобиография. С. 12.

⁵⁸ Ефимов 1958.С. 425.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бернацкий М. П.Г. Мижув. Социологические этюды // Мир Божий. 1905. № 4. С. 116-117.
- Бернацкий М. [Рецензия]: П.Г. Мижув. «Крестьянское царство». Очерк истории и современного состояния Канады // Мир Божий. 1905. № 7. С. 125-126.
- Бернацкий М. [Рецензия]: П.Г. Мижув. Счастливая Австралия. СПб., 1909 г. // Критическое обозрение. 1909. Вып. III. С. 69-73.
- [Б. авт.] П.Г. Мижув. Современная школа в Европе и Америке // Русское богатство. 1912. № 5. С. 124-125.
- Cupiculum Vitae проф. П.Г. Мижуева. 11 января 1928 // РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 1-3
- Диксон К. П.Г. Мижув. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность... // Мир Божий. 1901. № 6. С. 116-117.
- Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941 гг. М.: Наука, 1974. 372 с.
- Ефимов А.В. Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражданской войны: [1492-1870 гг.]. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1958. 439 с.
- Ж-кий И. П.Г. Мижув. Современная школа в Европе и Америке // Современный мир. 1912. № 12. С. 365-366.
- Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской шестой гимназии (1862-1912) / Сост. преп.: К.Ф. Буткевич и Л.П. Николаев. СПб., 1912. 182 с., 22 л.
- Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 г. Историографические очерки. Пг.: Наука и школа, 1923. 120 с.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, вступ. статья и комментарии В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 382 с., 16 л.
- Коргуев Н.А. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса 1852 г., с приложением списка выпускных воспитанников 1753-1896 г. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1897. VI, 92, 432 с.
- Коробка Н.И. Мижув. Влияние народного образования на народное богатство, здоровье и нравственность // Образование. 1901. № 5-6. С. 117-118.
- Лазаревский Н. [Рецензия]: П.Г. Мижув. Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия // Образование. 1903. № 5. С. 128-130.
- Мижув П.Г. Автобиография // РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-12.
- Мижув П.Г. Литературные факторы американской революции // Русское богатство. 1900. № 5. Отд. 1. С. 65-102; № 6. Отд. 1. С. 51-88; № 7. Отд. 1. С. 25-62; № 8. Отд. 1. С. 82-116.
- Мижув П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция (Преимущественно с точки зрения литературных факторов). СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1901. 252 с.
- Мижув П.Г. Зарождение великой республики (Колонизация Америки англичанами) // Русская мысль. 1904. № 4. С. 125-514.
- Мижув П.Г. Развитие и падение рабства негров в Америке // Социологические этюды. СПб.: Изд. Ц. Крайз, 1904. С. 115-160.
- Мижув П.Г. История великой американской демократии (С. Американских соединенных штатов). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. [4], 276, [3] с.

- Мижув П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1902. 215 с.
- Мижув П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. Изд. 2-е доп. СПб.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1909. 216 с.
- Мижув П.Г. Политическая история Англии в XIX веке. СПб.: Изд. Акционерного о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1908. 280 с.
- Мижув П.Г. Крестьянское Царство. Очерки истории и современного состояния Канады // Образование. 1904. № 1. С. 19-49; № 2. С. 24-48; № 3. С. 74-103.
- Мижув П.Г. Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. [2], II, 118 с.
- Мижув П.Г. Крестьянское Царство. Очерк истории и современного состояния Канады. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Изд. Г.Ф. Львовича, 1906. 118 с.
- Мижув П.Г. Образование Соединенных Штатов Австралии // Мижув П.Г. Социологические этюды. СПб.: Тип. Крайз, 1904. С. 3-93.
- Мижув П.Г. Счастливые острова (Английская колония Новая Зеландия) // Русское богатство. 1901. № 6. Отд. 1. С. 179-218; № 7. Отд. 1. С. 115-148; № 8. Отд. 1. С. 22-49.
- Мижув П.Г. Передовая демократия современного мира. Английская колония «Новая Зеландия». СПб.: Изд. Ц. Крайза, 1901. 209 с.
- Мижув П.Г. Передовая демократия современного мира: Английская колония Новая Зеландия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. 215 с.
- Мижув П.Г. Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия. 3-е изд. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1905. 256 с.
- Мижув П.Г. Передовая демократия современного мира. Английская колония Новая Зеландия. 4-е изд. СПб.: Изд. Г. Ф. Львовича, 1907. 224 с.
- Мижув П.Г. Как образовались Соединенные Штаты Австралии // Образование. 1902. № 1. С. 24-42; № 2. С. 51-77; № 3. С. 33-52.
- Мижув П.Г. Счастливая Австралия // Образование. 1907. № 7. С. 1-27; № 8. С. 76-97; № 9. С. 118-141; № 10. С. 108-140; № 11. С. 99-121; № 12. С. 65-94.
- Мижув П.Г. Счастливая Австралия. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. [4], 227 с.
- Мижув П.Г. Счастливая Австралия (Социальное законодательство Австралии и его результаты). 2-е изд. Пг.: Изд. «Т-ва А. Ф. Маркс», 1918. 218 с.
- Мижув П.Г. Англия и Соединенные Штаты (Взгляд на историю их взаимных отношений от войны за независимость до наших дней) // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 201-249.
- Мижув П.Г. Образцовые рабочие поселки в Англии и Америке. Л.: «Время», 1925. 102 с.
- Мижув Павел Григорьевич // Объединённый архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1984.
- Мижув П.Г. – академику В.И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 1-2.
- Мижув Павел Григорьевич // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1911–1916. Т. 26. 1916.
- Мижув Павел Григорьевич // Русская интеллигенция: автобиографии и биографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннотированный

указатель / Под ред. В.А. Мыслякова. В 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. 2: М–Я. СПб.: Наука, 2010. С. 50.

- П–в.М. [Рецензия]: П.Г. Мижув. Великий раскол англосаксонской расы. Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов) // Мир Божий. 1901. № 9. С. 99-101.
- Тарле Е. [Рецензия]: П.Г. Мижув. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902 г. // Мир Божий. 1903. № 1. С. 74-75.
- Чикалова И.Р. Знарок англо-саксонского мира Павел Григорьевич Мижув // Чикалова И.Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.). Минск, 2018. С. 230-265.
- Чикалова И.Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижув (1861–1931) // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 12 / под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. С. 405-437.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; Институт истории НАН Беларуси; irina_chikalova@mal.ru

**“The British are one of the most original nations...”:
the tireless researcher of the anglo-saxon world P.G. Mizhuev**

The article actualizes the significance of the creative heritage of Pavel Grigorievich Mizhuev (1861–1931), his contribution to the comprehensive study of the Anglo-Saxon world in Russia. The efforts of P.G. Mizuev in broadcasting the advanced experience of the Anglo-Saxon countries into the Russian intellectual environment and mass consciousness is enormous. The definition “first” characterizes the personality of the scientist. He wrote the first in Russia political histories of Great Britain, the USA, Canada, Australia, New Zealand, was a pioneer in the study of British colonialism. If his contribution to the development of pre-revolutionary British Studies was very noticeable, then his role in the study of the history and various aspects of the life of the United States of America is outstanding – he stood at the origins of the formation of American Studies in Russia. With his writings, he made a significant contribution to the development of the "Russian historical school" of general history and should be considered as its full member.

Key words: Mijuev Pavel Grigorievich, Anglo-Saxon world, Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand, British colonial policy, English studies, American studies, historiography, intellectual history

Irina Chikalova, Dr. Sc. (History), professor, the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; irina_chikalova@mal.ru

К.В. ГЕРШ

ИСТОРИК В ПЛЕНУ ВОСПОМИНАНИЙ

Статья предлагает читателю анализ неопубликованных воспоминаний основоположника петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) о близком друге, профессоре, ученом-правоведе, цивилисте Иосифе Алексеевиче Покровском (1868–1920). На примере воспоминаний И.М. Гревса об И.А. Покровском предпринята попытка выявить эксплицированность образа автора, определить дискурсное пространство, способы построения собственного нарратива, а также ответить на вопрос, насколько исследовательские принципы и приемы историка помогают понять Другого.

Ключевые слова: *Иван Михайлович Гревс, Иосиф Алексеевич Покровский, воспоминания, Санкт-Петербургский университет, дискурс*

Интерес к личности в истории исторической науки – особая волнующая тема как в прошлые столетия, так и в эпоху антропологического поворота в историографии. Сохранение памяти об учителях и коллегах является насущной потребностью научного (университетского) сообщества. Эта память может транслироваться разными способами – от поминальных речей и некрологов до воспоминаний и мемуаров¹. Пространство подобных нарративов всегда предполагает диалог нескольких субъектов: того, кто вспоминает, того, кого вспоминают и того, кто изучает.

В центре нашего внимания – неопубликованный текст историка-медиевиста И.М. Гревса, его воспоминания об ученом-цивилисте, профессоре И.А. Покровском (1868–1920) «Иосиф Алексеевич Покровский (набросок воспоминаний о друге)»². На первый взгляд, речь должна пойти именно о том, кому собственно посвящен этот текст (надеемся, что эта задача обязательно дождетя своего разрешения), но наше внимание будет обращено прежде всего к автору, Ивану Михайловичу Гревсу (1860–1941).

Действительно, жизнь и творчество юриста конца XIX – начала XX в. И.А. Покровского еще не нашли должной оценки в современной науке³. С конца 1940-х по 1990-е гг. его работы стали библиографической редкостью, а некоторые и вовсе были под запретом. И только совсем немногие ученики пытались поддерживать (насколько это было возможно) тонкую нить преем-

¹ См.: Сидорякина 2011; Корзун 2011; Гришина 2010; Еремеева 2007.

² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39.

³ Флейшиц 1944; Маковский 2020.

ственности. Специалисты-правоведы практически ничего не знают о внешнем облике ученого (еще недавно трудно было найти даже его фотокарточку), о его научной, общественно-политической деятельности, университетских буднях, семейной и повседневной жизни и пр. (даже сведения о сыне Георгии Иосифовиче Покровском (1901–1979) стали недавним открытием). Некоторые исследователи, не скрывая пессимизма, почти попросились с надеждой приоткрыть завесу и найти новые сведения об ученом⁴. А современная статья в Википедии о Покровском, содержащая грубые фактические ошибки, является еще одним доказательством очередного пробела в нашей науке. Воспоминания И.М. Гревса до сих пор не известны современным ученым-правоведам, поэтому следующим шагом должна стать их публикация. К этому источнику в основном обращались историки при рассмотрении различных аспектов жизни и творчества историка-медиевиста⁵. Чаще всего они служили важным источником при восстановлении биографии ученого, его творческого пути, оценке общественно-политической и научной деятельности, коммуникативных практик, схоларной проблематики и пр.

На смерть Покровского было не так много откликов⁶. В основном они касались творческого наследия ученого, его вклада в правовую науку, особенностей научного мировоззрения. Воспоминания Гревса о Покровском – это, во-первых, попытка показать *другого* Покровского, нарисовать «силуэт его человеческой фигуры», представить социально-психологический портрет на фоне исчезающей эпохи, во-вторых – возможность сконструировать пространство воспоминаний, в котором можно заново пережить прошлое, объяснить или оправдать свои поступки, а в-третьих, необходимость оценить сегодняшнее, найти связь прошлого с настоящим. Для подверженного рефлексии И.М. Гревса последние две задачи были не менее важны, чем первая, если не более.

Мы уже не раз подчеркивали предпосылки интереса ученого к биографическому и автобиографическому жанрам⁷. С одной стороны, следование культурным и историческим традициям эпохи, своеобразная форма публичной рефлексии для поддержания себя в «новом» настоящем, декларирование собственных идеалов и ценностей, а с другой, сугубо профессиональный интерес к лич-

⁴ Маковский 2020.

⁵ Вахромеева 2005; Каганович 2007; Бамбизова 2008; Свешников 2016.

⁶ Зимелева 2020; Полянский 1922; Семенова 1925.

⁷ Бамбизова 2007; Бамбизова, Свешников 2008; Герш 2013; 2017.

ности и ее роли в истории. Воспоминания Гревса об ученых, друзьях, современниках, учениках – это возможность проговорить «свое», попытка найти себя и свое место в создаваемом нарративе: «Человек есть то, что он вспоминает»⁸. При этом каждый текст тщательно продумывался до мелочей: память воскрешала тонкие детали, чувства и эмоции, подробные диалоги и пр. Автор создавал для себя «зону комфорта»: чувство защищенности своих мыслей, ценностей, идеалов. Особенно это относится к воспоминаниям, которые историк писал в 1920–1930-е гг. «в стол» в период «научного одиночества». Прекрасно осознавая, что эти воспоминания не будут опубликованы при жизни, Гревс, тем не менее, оставлял в них себя и целую эпоху для потомков.

Еще один фактор, который способствовал обращению к воспоминаниям о прожитом – потеря близких людей. С одной стороны, эмиграция и разрыв всяких коммуникативных связей («духовная смерть»), а с другой – реальный уход из жизни дорогих людей: «Приходилось и приходится постоянно, ожидая собственного конца, провожать в могилу, отрывать от сердца, горько оплакивать собратьев (сотрудников-однолеток), младших товарищей, начинающих учеников, – иногда дальних (но все же считаемых) людей, иногда совсем близких и дорогих»⁹. «Пока приходится писать только некрологи», – эмоционально закончил историк одну из последних своих статей в «Нашем веке» в 1918 г.¹⁰ Это ощущение наступающего конца эпохи, заката старого мира к началу 1920-х сменилось «постепенным привыканием», смирением, даже вынужденным сотрудничеством с новой властью, но не ее принятием. Смена поколений в новых условиях до конца жизни воспринималась ученым болезненно, даже эсхатологично. Особенно это касалось ухода более молодых друзей и товарищей: А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Покровского, позднее О.А. Добиащ-Рождественской и др.).

На примере воспоминаний И.М. Гревса об И.А. Покровском попытаемся выявить образ автора, определить дискурсное пространство, способы построения собственного нарратива, а также ответить на вопрос, насколько исследовательские принципы и приемы историка помогают понять Другого и раскрыть себя.

Биография Иосифа Алексеевича Покровского типична для ученого того времени. Он был младше И.М. Гревса на 8 лет, ро-

⁸ Еремеева 2007. С. 78.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹⁰ Гревс 1918.

дился в 1868 г. в Черниговской губернии в селе Пустогород в семье священнослужителя. В отличие от своего старшего товарища он прошел все стадии профессионального роста и социализации: от защиты магистерской диссертации до докторской, от приват-доцента до декана. В 1890 г. молодой студент с отличием закончил юридический факультет Киевского университета, находившийся тогда в самом расцвете, был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре римского права, прошел полуторагодовую стажировку в Берлине у виднейших специалистов по римскому и гражданскому праву, в полной мере воспользовавшись всеми возможностями научной и учебной деятельности. В 1898 г. молодой ученый защитил магистерскую диссертацию «Право и факт в римском праве. Ч. I. Право и факт как материальное основание исков» в своей alma mater, а в 1902 г. – докторскую диссертацию «Право и факт в римском праве. Часть II. Генезис преторского права» в Петербургском университете. Главной специальностью ученого-юриста стала история римского и гражданского права. На разных этапах преподавательская деятельность Покровского была связана с Киевом (1896–1902), Дерптом (1894–1896), Санкт-Петербургом (1903–1913) и Москвой (1913–1920). Он занимал сначала должность заведующего кафедрой римского права (1903–1910), а затем стал деканом юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1910–1912); был свидетелем разгрома высшей школы министром народного просвещения Л. А. Кассо, непосредственно пострадав от него. Кроме классических университетов он преподавал в Александровском лицее в Царском селе (1904–1907), на Высших женских курсах (1907–1913), в Московском коммерческом институте (1913–1920), где с 1916 г. был деканом экономического отделения. После февральских событий 1917 года Покровский попытался вернуться в Петербург, но вынужден был уехать назад в Москву, где до конца своей жизни служил ординарным профессором Московского университета. Скончался ученый в Москве 13 апреля 1920 г. от очередного сердечного приступа, находясь в тяжелом материальном положении.

Публикационная активность И.А. Покровского не была высокой¹¹. Его перу принадлежат популярные в начале XX в. учебные пособия, которые не потеряли своей актуальности и сегодня: «Лекции по истории римского права» (1904), «История римского права» (1913), монография «Естественно-правовые течения в ис-

¹¹ См.: Покровский 2020. С. 341–350.

тории гражданского права» (1909), важнейшая научно-популярная работа «Основные проблемы гражданского права» (1917), которая выдержала уже восемь переизданий. Кроме того, он сотрудничал со многими специальными периодическими изданиями: «Юридическим вестником», «Вестником гражданского права», «Журналом министерства юстиции», а также публиковался в либеральной печати: «Свободе и культуре», «Полярной звезде», «Русской свободе», принимал участие в проекте «Из глубины».

Местом встречи и сближения И.М. Гревса и И.А. Покровского стал Санкт-Петербургский университет, куда последний перешел на службу профессором в 1903 г. В это время после продолжительной отставки (с 1899 г.) Гревс только вернулся в *alma mater*, получил профессорство и активно занялся учебной, научной и общественно-политической деятельностью. Именно на волне активизации общественно-политического движения с осени 1904 г. и происходит сближение ученых, завязывается дружба.

К воспоминаниям о Покровском Гревс подходил несколько раз. Первый – летом 1920 года, когда руководство доверило историку, как близкому товарищу по университету, составить мемориальную речь. Действительно, Гревс в последние годы видел себя самым преданным другом семьи¹². Он дважды выступал на собрании профессоров Петербургского университета с памятной речью в адрес своих друзей: сначала по поводу кончины историка А.С. Лаппо-Данилевского¹³, а теперь и И.А. Покровского. Последний текст («набросок духовного образа») сохранился в архиве в черновом варианте в виде набросков тезисов¹⁴.

При создании биографий современников, а также исторических персонажей Гревс часто использовал уточняющий подзаголовок «опыт истолкования души». Императив его биографий – восстановление «духовного облика», образа. Психологизация стала неотъемлемой частью его воспоминаний о В.Г. Васильевском, А.С. Лаппо-Данилевском, биографий Н.Д. Фюстель де Куланжа, Р. Роллана, бл. Августина, Тацита, Данте и др. В биографии Васильевского, написанной к 1924 г., Гревс представлял методологическую основу своих нарративов, останавливаясь на понятиях «гений» и «личность» в истории, биографическом методе. Для историка эти работы, с одной стороны, способствовали изучению истории науки («истории знаний», по выражению историка), а с

¹² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

¹³ Гревс 1920.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 37–45 об.

другой – имели более глубокий характер – изучение истории культуры в целом¹⁵. В любом случае, в центре – образ, для которого биографические сведения служат только «рамкою или канвою» для его укрепления.

Второй раз историк взялся за воспоминания в 1922 г., когда московское издательство задумало опубликовать курс лекций по общей теории права профессора Покровского, планируя включить туда вступительную статью Гревса о личности ученого и характеристику его научного наследия, составленную М.Я. Пергаментом. Статья была написана историком и даже показана вдове покойного, но цензура не позволила осуществить этот проект.

Последний раз к воспоминаниям о друге Гревс обратился летом 1923 г. в очень непростой период своей жизни – время увольнения из университета: «Мое преподавание признано “бесполезным” и потому “ненужным”. Конечно, это очень тяжело»¹⁶. Определенным спасением для него стал отдых с семьей недалеко от родного города на станции Всевожской. Это уютное и приятное во всех отношениях место было своеобразным «местом силы», которое придавало историку желание жить и работать дальше. В воспоминаниях он обязательно напишет, какую свободу и обновление давали летние поездки в кругу самых близких в такое непростое время: «Летние поездки служили известными освежающими средствами. Все же хорошо было побыть далеко от дикости, грязи, среди красивой природы и более мягкой культуры»¹⁷.

Своими впечатлениями в письме он делился с бывшей ученицей Е.Я. Рудинской: «Это старое имение (почти вельможное) с домом начала XIX в. и чудным запущенным парком. Место высокое, живописное и сухое. Мы занимаем две комнаты с закрытым балконом в оч[ень] симпатичном домике среди сосновой рощицы; светло, уютно и хорошо. От этого хорошо себя чувствую»¹⁸. Конечно, быт и комфорт обеспечивали жена Мария Сергеевна и дочь Катя, что давало повод чувствовать себя бодро и сохранять энергию: «Во всяком случае унынию не предаюсь»¹⁹. Единственным спасением от тяжелых дум было погружение в работу. Историк работал интенсивно – ежедневно с 6 часов утра: «Сию либо на балконе, либо за столом в саду. Природа, даже северная, вызы-

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп.1. Д. 22. Л. 106.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 372. Л. 157.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 372. Л. 157 об.

¹⁹ Там же.

вает отличное настроение»²⁰. Правда служба в Экскурсионном институте прерывала загородную интенсивную работу и требовала пребывания в Петербурге: Гревс раз в неделю был вынужден уезжать в северную столицу. В этот период он заканчивал очередную этюд о Данте; возвращаясь к теме своей диссертации, работал над новой книгой «Очерк развития хозяйства и внешней культуры в римском мире»; редактировал русский перевод книги Макса Вебера «История хозяйства» и вновь взялся за свои воспоминания. В письме Е.Я. Рудинской историк называл частью своих воспоминаний очерк об И.А. Покровском, который пополнил общую папку «Книги прошлого»²¹.

Воспоминания затрагивают различные аспекты: состояние общественно-политической и культурной жизни столичных городов, университетских будней и научной повседневности, коммуникативной культуры и пр. Основные события, которые стали точками опоры для историка, – это события 1904–1920 гг.: борьба за университетскую автономию, работа «Академического союза», революция 1905–1907 гг., деятельность кадетской партии, министерская политика по отношению к университетам, участие России в Первой мировой войне, революционные события 1917 г., деятельность Временного правительства, возрождение «Академического союза», политика большевиков.

И.М. Гревс всегда стремился объяснить будущим читателям цель и мотивы создаваемых мемориальных нарративов. Закончив воспоминания о близком друге, он дал их прочесть прежде всего вдове Покровского Марии Павловне, которая «вполне определенно суждения не высказала»²². Историка огорчала такая реакция, но он понимал, что объективный («истинный») взгляд возможен именно со стороны: «Иногда человек, подошедший извне, схватывает истину в другом аспекте, чем самые близкие, истину, так же не безразличную»²³. Внутренняя потребность написать воспоминания об ученом, близком друге виделась Гревсу как единственная возможность оставить след о нем будущим поколениям: «...я еще тут рассчитываю оставить и другим воспоминания о прекраснейшем человеке, воспоминание, которого, другого, должно быть, никто не соберется оставить»²⁴. И действительно,

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 158.

²² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

слова историка стали пророческими. Забвение и борьба с ним, как и в собственных воспоминаниях, вышли и здесь на первый план.

В тексте воспоминаний Гревс выступает в роли историка, профессора, «борца за науку», «труженика просвещения», но в то же время считает себя частью корпорации «прогрессивной профессуры», «нашей ученой братии», часто проговаривая не только личное, но и выражая групповые идеалы и ценности. Покровский в тексте для историка чаще всего предстает «лучшим другом», соратником, «спутником жизни», «соратником», «борцом за университет». Интересно посмотреть на иерархию ролей и статусов Покровского, которую предлагает Гревс в самом начале своих воспоминаний: «Замечательный ученый, превосходный профессор, честный, правдивый, активный общественный деятель, оригинальный, крупный мыслитель, чудный семьянин, незаменимый друг...»²⁵. Именно в такой последовательности Гревс и будет раскрывать индивидуальность близкого друга.

Субъективность воспоминаний о Покровском, с одной стороны, присутствует в описании Другого через себя и собственный личный опыт, а с другой – в заданности режима этого описания, его конфигурации, а также его реализации в тексте через оценки и языковые средства. Выстраиваемый нарратив представляет собой переплетение нескольких дискурсных пространств, где имплицитно/эксплицитно присутствует автор. Эти поля не горизонтальны и выстраиваются не в иерархической последовательности, а одновременно участвуют в создании индивидуально-хронологического нарратива, где порой сложно определить какие-либо границы. Интересно, что даже сам Гревс при описании содержания бесед с Покровским представлял некоторые темы, которые будут объединять обоих и незримо присутствовать в тексте: актуальные события современности, психологическая, моральная и религиозная тематика, литературные предпочтения, нравственный выбор²⁶. Попытаемся выявить эти дискурсные пространства.

Позитивистский дискурс присутствует уже в мотивах написания воспоминаний – стремление «схватить истину», написать правду, убежденность в изображении «реальных черт»²⁷; «Я делаю это, не опасаясь обвинения в преувеличении и нагромождении. Все это – правда...»²⁸. Историк убежден, что создавал прав-

²⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁶ Там же. Л. 14 об.

²⁷ «Держаю (ибо чувю, что знаю правду о нем)». Там же. Л. 2, 38 об.

²⁸ Там же. Л. 2 об.

дивый, «истинный» образ. Этот дискурс наполняет и стремление выявить причинно-следственные связи, корни происходящих событий, изменений. Так, описывая детство и юность Покровского, Гревс выделял основные факторы, под влиянием которых формировалась личность будущего ученого: влияние среды (от природы до «бурсацкого» образования), отдельных личностей (учителей), идей. И в этом смысле для него совершенно нормальным выглядел тот факт, что раннему детству и юности он уделил гораздо больше внимания, чем университетскому периоду, который уместился в 5 строк. Жалея, что Гревсам и Покровским не удалось провести вместе ни одного совместного семейного отпуска, историк вновь пытался выявить причины желания друзей проводить лето за границей, конечно, руководствуясь при этом собственными ощущениями: «отдохнуть от нашей суеты», «пожить в хороших местах», «вспомнить уходящую вдаль юность»²⁹. Низкую публикационную активность Покровского Гревс объяснял, как и свою, активной преподавательской и общественно-политической деятельностью, а также физическим переутомлением: «Я убежден, что в голове его было много свежих и оригинальных идей, в бумагах богатые материалы. <...> Но у меня остается упорное представление, что он дал только малую часть того, что мог, что заключалось в готовом виде или в зародышах в его сознании»³⁰.

В воспоминаниях историк стремился понять причины смерти Покровского, факторы, которые подрывали его духовное и физическое здоровье, по-особому расставляя акценты. Среди них он выделил политику Кассо («первого убийцу Покровского», «разрушителя просвещения») в отношении университетов, которая способствовала увольнению профессора в 1912 г.: «Кассо был, я теперь чувствую, началом конца»³¹. Помня собственное увольнение из университета (1899), Гревс крайне близко принимал трагедию друга, воскрешая пережитые чувства: «...потеря деятельности, для которой он был призванным героем, личное глубокое оскорбление, нарушение неприкосновенности духовного очага, индивидуальной свободы и достоинства»³². Среди других причин он видел «бегство по подработкам» в Петербурге, необходимость переезда в Москву, «невозможность приспособиться» к новым условиям, отсутствие близких друзей в новой столице («москов-

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 16 об.

³⁰ Там же. Л. 14. Ср.: Бамбизова, Свешников 2008: 285.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 10 об., 19 об. (Выд. – автора).

³² Там же. Л. 22.

ское одиночество»), материальные тяготы и лишения революционных и военных лет, которые окончательно подорвали здоровье Покровского: «Они не смогли пустить корни там, освоиться, найти новую родину. Москва осталась им чужою. Они захирели там в своем духовном самочувствии, потеряли равновесие»³³.

От начала до конца текст воспоминаний в самом широком смысле наполняют характерные для научных работ Гревса идея развития, органицизма, преемственности и эволюции, поиска корней, понимания, как из прошлого выросло настоящее, индивидуализация³⁴ и др. Эти научные принципы романтиков помогли Гревсу создавать особый нарратив, заполняли его характерными приемами вживания и вчувствования – понимания Другого. Данный дискурс содержит и специфическую научную терминологию, например, «духовный и культурный организм», прогресс, развитие, эволюция и пр. С одной стороны, этот дискурс отражал осознание Гревсом духовной близости с другом: «Мы нередко разное смотрим на частности, но внутри, в основе царило замечательное согласие и взаимное понимание, глубокая крепкая привязанность соединила нас»³⁵. Довольно часто (особенно с 1905 г.) историк, объясняя позицию Покровского, неразрывно соединял ее с собственной, выражая тем самым групповую идентичность: «Мы были тверды в следовании девизу университет для науки. Мы старались очистить высшее просвещение от давления политики, всякой политики, какую бы партией она не проводилась»; «Трудность *нашего* профессорского положения усугублялась тем, что борьбу требовалось одновременно вести на два фронта – правый и левый»³⁶. Почти все рассуждения о деятельности кадетской партии, политической позиции, общественных взглядах идентифицировались как коллективные, по сути, указывая на близость политических идеалов ученых, а также на репрезентацию собственной позиции: «...мы считали своим долгом присоединиться к той партии, которая наиболее подходила к *нашим* воззрениям, направленных к утверждению права, политической свободы и демократического строя»³⁷.

С другой стороны, Гревс стремился рассматривать все происходившие процессы ограниченно, через цепь взаимосвязей. Он

³³ Там же. Л. 22 об.

³⁴ Гревс 1893.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 3 об.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 11 об., 10 об. (Выд. – К.Г.).

³⁷ Там же. Л. 11 об. (Выд. – К.Г.).

выделял два взаимосвязанных «драгоценных» источника наблюдения за жизнью Покровского: университетскую деятельность и «частную домашнюю и дружескую жизнь». Эта же тенденция выражена в идее естественного единства русского и украинского народа (Покровский – «настоящий украинец-русский, детище великой России в подлинном и идейном смысле слова»), Велико-россии и Малороссии, казачества и русской культуры, семейных и дружеских связей. Рассуждая о соотношении личного и общего, Гревс, руководствуясь своими методологическими принципами, приходит к выводу, что такое противопоставление неверно: «Одно и другое равноценно и неразделимо, одно и другое содействует или препятствует общему движению людей к свободе, одно без другого – личное без общего (индивидуальное без соборного) и обратно не могут в человечестве существовать»³⁸. Тонкой нитью он связывал все события показывая их эволюционный характер. В этом смысле любое нарушение мирного процесса, насилие, тем более революция не принимались историком как при оценке далекого исторического прошлого, так и совсем недавнего: «Мы оба не видели источника блага в насильственной революции, как таковой, принимали ее, как неизбежное зло, вызванное безумием, слепотою и преступлением вождей старого режима. А наша революция, может быть, превзошла все ужасы остальных»³⁹.

Проблема преемственности и разрыва присутствовала и в рассуждениях о научной традиции, традиции создания школы. Сначала Гревс констатировал тот факт, что Покровскому не удалось создать своей научной школы, пытался объяснить причины, даже в какой-то мере оправдать отсутствие у ученого «преемников», продолжателей научной традиции: «... работа в университете пришлось на особенно бурные годы с постоянными перерывами в занятиях»⁴⁰. А потом историк плавно переходил к весьма болезненному вопросу о существовании собственной школы, к проблеме, над которой он рефлексировал до конца своей жизни. Эта тема всегда поднималась им в воспоминаниях и эпистолярии. Его в меньшей степени интересовали «покладистые» ученики (это данность, которая не требовала рефлексии), а вот болезненно переживаемый разлад с «любимыми учениками» Л.П. Карсавиным и Н.П. Оттокаром стал очередным «местом памяти»⁴¹. Сюжет

³⁸ Там же. Л. 18.

³⁹ Там же. Л. 28. (Выд. – К.Г.).

⁴⁰ Там же. Л. 8 об.

⁴¹ Там же. Л. 18 об., 20. См. подробнее: Свешников 2009.

с «любимцем» Гревс описывал, не называя его имени, но более поздняя вставка содержит косвенные сведения, которые без труда помогают узнать в нем Оттокара. Конечно, историк обращался к потенциальному читателю и, казалось бы, на первый план ставил не сам конфликт, а поддержку, оказанную ему Покровским: «Хочу вспомнить только один случай, когда поддержка И[осифа] А[лексеевича] дала мне страшно много при перенесении одного острого столкновения с одним из самых любимых моих учеников. <...> Так вот кроме моих самых близких никто мне так не помог тогда, как И.А.»⁴². Но буквально со следующих строк мы чувствуем, что это своеобразный «оправдательный» нарратив, где Гревс пытался объяснить свое поведение и в очередной раз разобраться в конфликте поколений: «Он вдруг выдумал бесцеремонно “развенчивать” меня (который сам никогда себя не венчал!) и в прямых письмах ко мне и в разговорах с другими учениками. Я никогда не закрывал пути к откровенной критике учениками моих мнений и действий, но этот эпизод принял неприятно назойливый и нравственно-безвкусный характер, и мне такое немотивированное выступление причинило большое горе особенно при вообще пораненном у меня сердце»⁴³.

Для сомневающегося и часто неуверенного Гревса этот неординарный казус во многом заставил посмотреть на свою школу по-другому: «...может быть, все это верно, что он говорит, и приходится на конец жизни перестраивать свою профессорскую деятельность»⁴⁴. Но для повышения самооценки историка и уверенности в своих действиях совет и поддержка друга были ключевым моментом, который позволял сохранить убежденность в своей правоте: «Он был, конечно, прав, и я не сумел сам подняться на должную возрасту и учительскому званию высоту беспристрастия мудрости и снисходительной sérénité. Так я получил от И.А. не только руку дружеского утешения, но и подверг правильной критике мою реакцию на неуместное выступление молодого петушащегося самомнения»⁴⁵. Интересно, что Гревса настолько задел произошедший казус, что он вновь при пересмотре своих воспоминаний на отдельном листе сделал вставку, где пересказал диалог Покровского с «этим же лицом» (Оттокаром, опять не называя его фамилии). И вновь через этот эпизод Гревс желал

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 18 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 18 об.–19. Sérénité (фр.) – умиротворенность.

показать потенциальному читателю умение Покровского действовать «своею чистою прямою». Но пересказ диалога содержит латентное желание ученого снова убедить (или убедиться) в своей правоте и правде: « – “Помните, ваше выступление против Ив[ана] Мих[айловича] Гревса? Скажите, хорошо ли вы тогда поступили?” – Тот отвечал: “Теперь, во всяком случае, я этого бы не сделал”»⁴⁶. Вот теперь Гревс поставил на этом жирную точку и продолжил вспоминать об Иосифе Алексеевиче.

Сам факт воспоминаний о Покровском – это уже явное свидетельство индивидуализации истории, которую Гревс видел как «биографию человечества». В начале своих воспоминаний он давал описание личности ученого в стиле романтиков: «Иосиф Алексеевич был, в самом деле, законченно превосходный человек; в нем светила полная сильно и цельно развернувшаяся крупная, ярко индивидуализированная личность, являвшая в себе исключительно богатый синтез высших даров природы и духа. <...> В нем соединилась и сплеталась (способная загореться гневом), и кротость (могущая осенить доброю и понять доброту); он совмещал в себе идеализм и реализм, сознание и ощущение трагизма жизни и удивительную жизнерадостность»⁴⁷. Покровский – выразитель высших идеалов: человечности (*humanitas*) и гениальности («многообразно покоилась на нем печать гения»). И в этом смысле он приближался к фигуре Р. Роллана и даже Данте – самых высоких авторитетов для Гревса-медиевиста.

Как историку Гревсу важно найти исторические параллели, близких по духу исторических личностей, подкрепить свои слова авторитетными цитатами. Как правило, это был свой «пантеон классиков» – от античных ученых и писателей до современников. С развитием историографической традиции этот пантеон обрстал новыми именами, редко теряя предшествующие, но традиционно в него входили Цицерон, Тацит, Данте, бл. Августин, Э. Ренан, Р. Роллан, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев и др. В нарративе о Покровском мы встречаем такие имена, как Цицерон, Данте, Т. Гоббс, Э. Ренан, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.В. Никитенко, С.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков и др.

Цитирование в нарративе выполняло разные функции. В первых, функцию актуализации. Воспоминания о Покровском так же, как и публичная речь Гревса, начинаются с отрывка из стихотворения кн. П.А. Вяземского «Смерть жатву жизни косит, ко-

⁴⁶ Там же. Л. 20.

⁴⁷ Там же. Л. 2–2 об.

сит...», где с помощью яркого образа историк пытался показать трагичность ухода своего поколения: «Мне чувствовалось, что картина, вызываемая этими воспоминаниями, ярко воспроизводит то, что тогда свершалось, да и теперь свершается в наши дни, специально в многострадальном ныне кругу нашей русской интеллигенции (особенно среди ученых)»⁴⁸. Во-вторых, функцию подчеркивания авторитета, способного в какой-то мере легитимизировать собственные рассуждения, вписать их в определенный контекст или научную традицию, показать преемственность. Так, при характеристике Покровского как «представителя высшей породы людей» Гревсу для усиления своей оценки важно было сказать языком Данте: «...кого Данте называл носителями высшей натуры, проникнутыми любовью к истине и жаждою ее»⁴⁹. Гревс сравнивал духовный образ Покровского с Т.Н. Грановским, приводил для усиления своей мысли цитату из дневника А.В. Никитенко, делая после этого вывод: «Грановский и Покровский были родные братья по духу»⁵⁰. В-третьих, цитата могла скрываться за ярким образом или риторической фигурой, тогда чаще всего ее авторство не указывалось. Например, говоря об издержках революции в контексте мировой истории, Гревс использовал цитату из стихотворения А.С. Пушкина «Полтава», немного изменив ее: «...тяжкий млат, дробя стекло, может быть, скует булат»⁵¹.

Еще одним важным методом в рамках романтической традиции, который Гревс активно использовал при создании текста воспоминаний, был метод вчувствования, вживания, интуитивного понимания. Этот метод был унаследован ученым от историков-романтиков и являлся важной составной частью научных, научно-популярных, публицистических, но также биографических и автобиографических нарративов. Вчувствование предполагало развитую эмпатию, что, с одной стороны, было связано с анализом собственных мыслей, переживаний на основе самонаблюдения, а с другой – перенесением себя на место Другого. Пользуясь языком психологов, И.М. Гревса можно назвать «эмпатом» – человеком с развитой способностью к переживанию/сопереживанию, которая проявлялась у него еще с детства и юности, а с годами только усиливалась. Именно этот метод историка подвергался строгой критике со стороны некоторых учеников, но в то же время он больше

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 1 об.

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.

⁵¹ Там же. Л. 23 об.

всего приближал его к антропологически ориентированной истории, предвосхищая европейские тенденции XX в. Вживание позволяло понять Другого через себя и как себя, поэтому в биографическом нарративе Покровский чувствует, переживает, страдает, любит «языком» Гревса. Описывая семейную жизнь Покровских, Гревс в стиле романтического дискурса так видел ее конфигурацию: «...индивидуальное психологическое чудо взаимопроникновения, сотворенное неповторимым фактом сращения стеблей их взаимной любви», а далее существенное добавление: «Я совсем уверен, что это так»⁵². Описывая необходимость летнего отдыха для Покровского, Гревс непременно говорил языком собственных желаний молодого профессора, уставшего от многочисленных подработок: «И.А. именно необходим был всегда полный отдых, т.е. настоящая свобода от умственного труда, среди зелени, на хорошем воздухе, в красивом пейзаже со своими; в прогулках, просто в лежании на траве в лесу с хорошей книжкой, в любимых мыслях»⁵³. Даже известие о смерти Покровского Гревс подробно цитировал через письмо супруги – Марии Павловны Покровской, создавая в тексте пространство печали и скорби.

Важнейшим компонентом биографического нарратива о Покровском становится религиозный дискурс. В 1923 г., когда был написан текст, Гревс – «воцерковленный» человек, который может жить и принимать тогдашнюю действительность только благодаря своей вере. Он еще долго будет жить по дореволюционному календарю, обозначая в письмах дату по старому стилю, указывать на переезд в новую квартиру, обязательно обращая внимание на церковь, которая будет видна из окна, колокольный звон, вспоминать события, привязывая их к православным праздникам. Закончив свои воспоминания, историк не просто поставил точную дату «15 августа ст. ст. 1923 г.», а естественным образом указал на церковный праздник «День Успения». День рождения Иосифа Алексеевича и именины его супруги 8 сентября совпали с праздником Рождества Богородицы, что конечно, найдет отражение в гревсовском нарративе: «Это так подходило к их дружному семейному союзу»⁵⁴. Последняя встреча Гревса с Покровским тоже была символичной и пришлась на день перед Пасхой, а день смерти Иосифа Алексеевича совпал с днем рождения сына и днем поминовения святых Иосифа и Георгия.

⁵² Там же. Л. 7.

⁵³ Там же. Л. 16 об.–17.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 31.

Усиление религиозности Гревса произошло в 1910 г. после личной трагедии – смерти младшей дочери. Интерес к христианству как религии и мировоззрению у Гревса наблюдался и в рамках «светского» дискурса, когда в университете он читал курс, посвященный истории христианства и духовной культуры, оценивал историческое значение великих «религиозных деятелей» – Данте, бл. Августина, Ф. Ассизского. В 1917–1918 гг. Гревс активно занимался публицистической деятельностью, проговаривая многие проблемы на страницах газет и журналов, в т.ч. через призму религиозного дискурса⁵⁵. Но после уничтожения либеральной печати наступила долгая «полоса молчания». В автобиографическом и биографическом нарративе христианский дискурс позволял историку выстраивать систему координат, оценивать прошедшие события, интерпретировать современные, смотреть с надеждой в будущее. Градус религиозности увеличивался с приближением революции и ее победой. Именно религиозный дискурс позволял Гревсу принять смерть дочери, друзей: «Неизбежности смерти надо покориться: эта общая участь и участь правильная; бессмертие в человеческой форме было бы бессмыслием»; «Над горем разлуки начинает выдвигаться гордая радость, что был такой между нами, был наш – собрат, соратник и друг, замечательный представитель высшей породы людей...»⁵⁶. Воспоминания о Покровском Гревс завершил цитатами из писем его вдовы Марии Павловны, которые были наполнены размышлениями о вере и Боге: «Во всем моя надежда на волю Творца нашего. Благодарю его за радости и муки, верю, что он дает нам силы, если мы этого заслужили»; «Слепая вера – ничто. Настоящая вера – откровение»⁵⁷. Эти цитаты не несли событийно-содержательной нагрузки, но они позволяли историку создать и усилить эмоционально-религиозное пространство текста.

С религиозным дискурсом тесно связан дискурс философский. Гревс никогда себя философом не считал, но указывал, что любой историк должен иметь философский взгляд на мир. Философию Гревса можно охарактеризовать как идеалистическую, религиозную. Идеализм и в его исторической концепции, и биографическом нарративе присутствует по большей части как мировоззрение, а не философское учение. На страницах воспоминаний он рассуждал о любви, дружбе, семье, смысле жизни, бессмертии

⁵⁵ См., напр., Герш, Клюев, Свешников 2021.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–1об.

⁵⁷ Там же. Л. 35, 35 об.

души, нравственном возрождении, божественности, духовности, цитируя античных и средневековых писателей, религиозных философов (Цицерона, Данте, С.Н. Булгакова, С.Н. Трубецкого).

Одним из важных вопросов в рамках философского дискурса стал вопрос о дружбе с Покровским и его семьей – это еще одна нить, через которую Гревс выстраивал свой нарратив. Подходя к пониманию сути дружбы, он вновь ретроспективно обращался к определению Цицерона, приводил пространную цитату из первоисточника. Суть дружбы не в согласии («consensio» – лат.), а в привязанности («caritas» – лат.), в любви: «Никогда не забуду я этой неисчерпаемо-деятельной показанной мне ими дружбы-любви»⁵⁸. Подобное понимание дружбы Гревс разворачивал и в письме еще одному близкому другу – Вяч. Иванову⁵⁹. До конца своей жизни историк сохранил именно такое цicerоновское понимание, дополнив его христианскими нотами.

Гревс-идеалист по-прежнему надеялся на отрезвление советских властей и на изменение политики в отношении «много-страдальной интеллигенции», гипотетически обращаясь к «мудрым» правителям: «Думается: мудрые, справедливые правители могли бы, в настоящие грозные времена, постараться смягчить, облегчить эти условия, охранить от исчезновения необходимых деятелей мысли»⁶⁰. Эсхатологический пессимизм после событий 1917 г. постепенно сменялся «трагическим оптимизмом» (таким термином Гревс обозначил духовное состояние Р. Роллана⁶¹), который выражал его общее настроение в нарративе: «Не хочу сказать, что я не верю совсем в благо от пережитых ужасающих испытаний! <...> Верю в великое будущее человечество, но люблю мирно-преемственное развитие культуры, ненавижу насилие, стою горячо за созидание, боюсь разрушения и дикого образа «человека-зверя». Мы к нему пододвинулись»⁶². Противопоставление двух концептов – «человека-зверя» и «humanitas» – после революции станет для Гревса одной из важных тем в эпистолярном, публицистическом и философско-религиозном дискурсах⁶³. Спасение он видел в идее возрождения религиозности, духовности, культивировании «humanitas».

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 3 об. – 4, 17 об.

⁵⁹ История и поэзия 2006.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 1 об.

⁶¹ Гревс 2017: 25.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 23 об.

⁶³ Герш, Клоев, Свешников 2021.

Историка интересовали «истины», которые формировали мировоззрение И.А. Покровского. Он ставил этот вопрос и пытался на него ответить, во многом проговаривая свое понимание этих «руководящих истин»: «...думаю, что буду прав, если скажу, что на почве истинной и простой религиозности в духе христианской веры и горячей любви к родине и русской культуре, – как бы столпами его идейного здания были понятия: личность, народ и свобода. Философски он был «индивидуалистом», но только в том смысле что ставил личность руководящим двигателем познания и деятельности, инициатором движения; <...> верил в прогресс “народного блага” и стремился пролагать путь к нему, надеясь не на утопический социализм, так легко грубеющий и превращающийся (среди алчного человечества) в насилие из-за благ земных, – а на тонкий подвижный постоянно совершающийся в мысли и осуществлении социально-моральный образ «достижения достойного человека существования», включающий в себя понятие не одного материального благосостояния, но высшего идеала <...>. Наконец, свобода – была тем духовным воздухом, без которого он не мог никогда жить...»⁶⁴. Во вводных лекциях к университетским курсам, обращении к юношеству, публицистических статьях и даже научных работах Гревса мы по рупицам можем собрать то, что историк изложил в биографическом нарративе. Личность и ее свобода – центральные понятия в исторической концепции историка: через историю человечества он стремился показать зарождение и развитие личностного начала, ее свободы. Именно поэтому «тирания партии», уничтожившая главные ценности, внутренне никогда не будет им принята.

Отыскание истины и правды – императив не только биографического нарратива Гревса, но и его жизненное кредо. И вновь в Покровском мы видим отражение собственных идей, которые историк проговаривал не только в воспоминаниях, но и в научных, и публицистических текстах: «Он весь предан был исканию правды, высшей, незыблемой правды, борьбе за нее, труду открытия ее другим, – юношеству, друзьям, народу, – мыслью, словом, печатью, примером жизни своей»⁶⁵. Покровский для Гревса «великолепный образец защитника свободной истины». Собственно сам биографический нарратив в рамках идеализма предполагал создание некоего образа – образца, который служил бы воспитательным целям. Функция истории, заимствованная у романтиков:

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 31 об. (Выд. – авт.).

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 32. (Выд. – авт.).

«История не учит, но историк учит», – органично легла в основу мировоззрения Гревса. В конечном итоге, по мнению историка, истина победит благодаря разносторонней деятельности (научной, преподавательской, общественно-политической, публицистической, культурно-просветительской) русской интеллигенции: «Истина восторжествует сама собою, трудом и подвигом...»⁶⁶. Для Гревса, как и Покровского, этот подвиг был в тихом служении науке и культуре.

Воспоминания о Покровском отражают и политический дискурс, точнее либеральный. Либерально-демократические ценности органично вытекали из постепенного знакомства Гревса с европейской наукой, западной историографией, культурой, из учебных командировок в Париж и Италию, а в дальнейшем из своей прямой специализации – всеобщей истории. Сам себя историк называл «западником», которым он окончательно стал после первого путешествия в Европу. К либерализму Гревс пришел через увлечение в студенчестве народничеством и марксизмом, под влиянием российских и европейских научных традиций, до конца своих дней являясь убежденным сторонником мирного эволюционного развития и противником насилия и революции.

Биографический нарратив позволял историку постоянно выстраивать проекцию в настоящее, высказать наболевшее, оценивать действия прошлых и нынешних властей, находиться в оппозиции, переосмысливать тогдашнюю действительность. Ввиду ограниченности источниковой базы (Гревс так и не написал воспоминаний о поздних годах своей жизни), именно воспоминания о Покровском во многом позволяют реконструировать общественно-политическую деятельность Гревса в 1904–1918 гг., его отношение к национальному вопросу, Первой мировой войне и др.⁶⁷

Одним из способов разворачивания политического дискурса выступала публицистичность. Гревс всегда был эмоциональным публицистом, и данный нарратив – не исключение. В воспоминаниях постоянно присутствует настоящее: «теперь все забыто», «все становится под знамя “экономического интереса”» или «Жутко вспомнить и теперь, – несмотря на то, что пришлось пережить потом многое, гораздо более ужасное, – в какой обстановке надобно было действовать тогда в университете, как все хлопотало кругом и внутри»⁶⁸. Говоря о необходимости каникул как

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Каганович 2007. С. 13–84.

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

для ученых, так и для студенчества, историк на полях оставил комментарий о решении этой проблемы в настоящем: «Совершенно напрасно современные русские школьные реформаторы стараются раздавить или обесцветить это понятие, отождествляя школу с фабрикой, которая должна работать целый год. Это великий грех и не для чего не нужный»⁶⁹. Интересно, что главным объяснением здесь являлся религиозный мотив.

Цитируя письма Покровского об «презрительном» отношении царской власти к профессуре и надежде на неповторение такого в истории, Гревс замечает на полях: «“Советская республика” пошла еще гораздо дальше, чем квази-конституционная монархия»⁷⁰. И если в 1905–1906 гг. он с восторгом встречал открытие Государственной Думы, приветствуя начало парламентской эпохи⁷¹, то после разгула реакции и революции, его оценки серьезно изменились. Гревс обращался к «нынешним» властям с обвинениями в смерти Покровского, надеждой на их отрезвление и изменение социальной политики в отношении интеллигенции: «Но здесь произошла не естественная смерть человека <...>, а как бы убийство живого и сильного ужасными условиями окружающей действительности, созданными людьми. <...> совершается действие или влияние если не прямо таких-то лиц, то порядков, какие губят интеллигентную личность, утонченного труженика духа. <...> Это признак ужасающего варварства, ожесточение нравов, такое забвение интересов и блага просвещения (научной культуры), – такая потеря способности ценить выдающуюся личность, квалифицированного умственного работника, понимать долг государства давать ему возможность жить и работать (именно в своей сфере), понимать, что без таких, как Покровский, не может обойтись никакой, рассчитывающий на благое будущее строй»⁷².

Гревс показал свой вклад и вклад Покровского в деятельность «Академического союза» и «советских комиссий», оценив их «положительно-героическую» работу: «Это были истинно советские годы (поистине в собственном (а не теперешнем) смысле) в жизни наших университетов, время усиленного опыта державства профессорских советов и расхолодившегося, ослепленного левыми девизами, студенчества»⁷³.

⁶⁹ Там же. Л. 16 об.

⁷⁰ Там же. Л. 21.

⁷¹ Гревс 1906.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 1 об.

⁷³ Там же. Л. 9.

Нарратив являлся своеобразной площадкой, где можно было переоценить свою роль в событиях общественно-политической жизни и даже в какой-то мере оправдать себя. В воспоминаниях (в отличие от публицистики 1905–1906 гг.) Гревс показывал себя недисциплинированным кадетом: он не соглашался с некоторыми партийными принципами и идеями, отстаивал «профессорскую свободу» от диктата партии, придерживался идеи «университет вне политики», не поддерживал лозунга войны до победного конца и др. Патриотические настроения периода первой и второй революции звучали совершенно по-иному в нарративе 1920-х гг.: «Мы не мечтали с И.А. о “войне до победного конца”, но, полагаю, в душах своих любили родину так, как это надлежит представителям *humana civitas*»⁷⁴. Поражение в войне не противоречило у Гревса развитому чувству патриотизма. Историк показывал и эволюцию своего отношения к ней: «Я помню свою уверенность в безусловной вине Германии, пылал верою в силу «самозащиты» тех, кто правы и борются за право... Все это оказалось пуфом»⁷⁵. Противопоставляя себя группе профессоров-националистов или партийцев-непораженцев, он ставил риторический вопрос: «Теперь достигнут победный конец и что же получилось? Лучше теперь, чем прежде, – и было ли бы иначе, если бы Россия оставалась на счету?»⁷⁶.

Оценка советской власти и отношение к ней у Гревса разворачивались как в пространстве анализа публицистических статей Покровского, очень близких по духу Гревсу, так и в комментариях, которые встраивались в основной текст или присутствовали на полях как более поздние вставки. Биографический нарратив заполнял резко негативное отношение ученого к советской власти и большевикам. «Большевики почувствовали какую-то опасность и готовились отбиваться кровавым насилием над безоружными»⁷⁷, – писал историк о ситуации после левозсеровского мятежа. Коммунизм Гревс не принимал, называя его «террористическим», «милитаристским», «преступным», противоречащим сути либерально-демократических ценностей. Крайне нетерпимые оценки Гревс давал и видным большевистским общественно-политическим деятелям (А.В. Луначарскому, М.Н. Покровскому, А.Г. Гойхбаргу, М.А. Рейснеру и др.), но оценок лидерам совет-

⁷⁴ Там же. Л. 25

⁷⁵ Там же. Л. 23.

⁷⁶ Там же. Л. 23 об.

⁷⁷ Там же. Л. 30.

ской власти не оставил, видимо опасаясь за свою жизнь, помня, как в 1919 г. после многочисленных арестов в среде профессуры он чудом остался на свободе. В то же время Гревс не мог обойти стороной своего участия и участия И.А. Покровского в деятельности второго Академического союза в 1918 г., когда ученым пришлось пойти на сотрудничество с советской властью. Тон объяснения Гревса оправдательный: «...мы только настаивали, именно, на свободе науки и автономии высшей школы, признавая право контроля высшего правительства и соглашаясь, *по необходимости*, лояльно работать с ними, как приходилось это делать, – для поддержания научного *преемства*, – и в старом режиме»⁷⁸.

Таким образом, воспоминания о Покровском (как и любые другие) Гревс использовал как инструмент рефлексии и самооценки. Это своеобразная попытка удовлетворения нереализованной потребности ученого писать и обсуждать (с потенциальным будущим читателем) волнующие вопросы в «эпоху молчания». Желание написать о другом приводило к созданию нарратива о себе, именно поэтому воспоминания о Покровском получили избыточно автобиографичными. Биографический нарратив органично соединил в себе несколько дискурсов: позитивистско-романтический, религиозный, философский, политический. Весьма показательно заключительное слово историка, которое совмещает несколько дискурсивных пространств, уместая их в непротиворечивое единство: «Долг наш – не только творить дело добра, но и длить доброе *преемство*, вложившее в нас свое плодородное семя. Кто это забывает, тот любви не имеет, и тот рвет Богом соединенные времена – прошлое через настоящее с будущим»⁷⁹. Несмотря на произошедшую кардинальную трансформацию жизни, и в 1923 г. историк продолжал надеяться на сохранение преемственности истории, традиции и культуры, как некоего символа сохранения «*humanitas*» и «*humana civitas*», тихо исполняя свой долг в дозволенных властью рамках.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 261 с.
- Бамбизова К.В. Место и значение автобиографий и воспоминаний в творчестве И.М. Гревса // Историк и его эпоха: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 30. (Выд. – К.Г.).

⁷⁹ Там же. Л. 35 об. (Выд. – К.Г.).

- В.А. Данилова (24-25 апреля 2007, Тюмень) / Ред. колл.: С.В. Кондратьев (отв. ред.) и др. Тюмень: ТюмГУ, 2007. С. 141-143.
- Бамбизова К.В., Свешников А.В. «Страничка из научной биографии» И.М. Гревса. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века (подг. текста, предисл., примеч. К.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова) // Диалог со временем. Вып. 22. М., 2008. С. 274-309.
- Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые универсанты», 2005. 166 с.
- Герш К.В. Автобиография и биография как средство поиска себя в творчестве И.М. Гревса: к проблеме профессиональной самоидентификации // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного памяти А.С. Шюфмана; Казань, 13-15 ноября 2013 г. / Составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чеглинцев. Казань, 2013. С. 304-308.
- Герш К.В. Историк-медиевист Иван Михайлович Гревс среди «других» // Личность и дело Ромена Роллана. Опыт истолкования души / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб.: Арт-экспресс, 2017. С. 151-183.
- Герш К.В., Клюев А.И., Свешников А.В. Неизвестная статья И.М. Гревса // Диалог со временем. Вып. 74. М., 2021. С. 407-420.
- Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 44-81.
- Гревс И.М. Гибель одного культурного дела // Наш век. 1918. № 79. 21/8 апреля. С. 5.
- Гревс И.М. Дружно к урнам! // Речь. 1906. № 26. 20 марта/2 апреля. С. 2.
- Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892-1893 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: Лит. Руднева, 1893. Ч. 1-2.
- Гревс И.М. Личность и дело Ромена Роллана (Опыт истолкования души). СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 188 с.
- Гревс И.М. Не разрознят они нас и никого не обманут // Речь. 1906. № 47. 13/26 апреля. С. 2.
- Гревс И.М. После победы // Речь. 1906. № 42. 8/21 апреля. С. 2-3.
- Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. 288 с.
- Еремеева С.А. Забыть, чтобы помнить // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 74-94.
- [Зимелева М.В.] Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского, читанная на собрании Общества оставленных при факультете общественных наук Московского государственного университета в мае 1920 года. Рукопись // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 320-326.
- История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комментарии Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
- Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
- Маковский А.Л. Выпавшее звено (вступительная статья) // Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 7-37.

- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с.
- Полянский Н.Н. Иосиф Алексеевич Покровский (Личность покойного и его ученые труды) // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. Июнь. С. 43-51.
- Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
- Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42-72.
- Семенова А. И.А. Покровский (к 5-летию со дня смерти) // Вестник советской юстиции. 1925. № 12. С. 474-475.
- Сидорякина Т.А. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. С. 95-109.
- Флейшиц Е.А. И.А. Покровский и его вклад в науку гражданского права // Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой культуры». 5-12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов. М.: Изд. МГУ, 1944. С. 101-103.

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет; bambizova@mail.ru

The Historian Captured by Memories

The article offers the reader an analysis of the unpublished memoirs of the historian, founder of the St. Petersburg school of medieval studies Ivan Mikhailovich Grevs (1860-1941) about a close friend, legal scholar, civilist Alekseevich Pokrovsky (1868-1920). Using the example of Grevs' recollections of I.A. Pokrovsky, an attempt to reveal the author's explicitness, to define the discourse space ways of constructing his own narrative, and also to answer the question of how the research principles and techniques of the historian help to understand the Other.

Keywords: Ivan Mikhailovich Grevs, Iosif Alekseevich Pokrovsky, memoirs, St. Petersburg University, discourse

Gersh Ksenia, PhD in History, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk); bambizova@mail.ru

Т.Н. ПОПОВА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПЛАТО НА «ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИКА». ИЗ НАСЛЕДИЯ П.М. БИЦИЛЛИ

Анализируя наследие профессора П.М. Бицилли, автор акцентирует внимание на историографическом направлении его творчества, показывает структуру историографического пространства исследований ученого, выделяет жанровое многообразие историографических работ, постулаты и принципы историографического подхода историка.

Ключевые слова: историография, история историографии, историографическое плато, территория историка, бициллиеведение, историографическое пространство, рецензионное творчество

...можно лучше понять историю, если знать,
что сделали исследователи до нас.

Г.П. Мягков¹

Наследие *Петра Михайловича Бицилли* (1879–1953), профессора Новороссийского (Одесского) и Софийского университетов, несмотря на «плотное» освоение его трудов в последнее двадцатилетие, по-прежнему представляет для нас еще во многом *tabula rasa*. Идеи ученого по мере проникновения в их суть порождают, пользуясь словами Р. Коллинза, «глубокие затруднения» для современного бициллиеведа. Огромный диапазон дисциплинарно-проблемной структуры его исследований, жанровое многоцветье его работ, нестандартность подходов к построению текстов, парадоксальность суждений – все это создает определенную сложность в интерпретации материалов ученого.

Формула «территория историка», введенная в свое время Ле Руа Ладюри и получившая распространение в нашем научном ареале благодаря А.Я. Гуревичу, широко используется в современной литературе². Это довольно емкое понятие можно насыщать множеством смыслов. В контексте данной статьи *территория историка* – это личностное и профессиональное пространство П.М. Бицилли, которое трансформировалось в его тексты, отражающие, как говорил сам ученый, «психею» их автора.

П.М. Бицилли, наследие которого полидисциплинарно по диапазону проблематики и интердисциплинарно по ключевому

¹ Мягков 2019. С. 459.

² Алеврас 2014. С. 48-49; Репина 2019. С. 5-16.

методологическому подходу, признавал *Историю* «царицей наук». Профессиональный историк³, Бицилли блистательно решал сложнейшие исследовательские проблемы в области филологии и лингвистики, философии и культурологии, социологии и политики именно благодаря своему историческому стержню.

«Территория историка» Бицилли – многообразна, однако даже в первой степени приближения к наследию ученого, можно сделать вывод о том, что в его пределах отчетливо выделяется *историографическое плато*.

В современной исследовательской литературе «переднего края» предмет историографии / истории исторической науки не имеет канонического определения: его интерпретация зависит от подхода к восприятию этого знаниевого поля: науковедческого / дисциплинарного, антропологического, лингвистического, культурологического, коммуникативного, мемориального и др. В соответствии с этим конструируются определенные образы историографии, что детерминирует ее «территорию» - границы и содержание. В контексте темпорально-пространственных модификаций историографии как важнейшей области исторического знания представляется важным осмысление опыта наших предшественников, среди которых – П.М. Бицилли.

Бициллиевый «Клио-гlossарий» - круг понятий, покрывающий разнообразие того неисчерпаемого, что можно определить по имени музы истории, включает несколько лексем: «история», «историография», «историческое ведение», «историческое понимание», «история истории», «история историографии» и др.

Одним из ведущих маркеров завершения институционального процесса исторической науки явилась дисциплинаризация ее рефлексивных составляющих – *истории истории* и *теории истории*. Дидактический лик новых рефлексивных дисциплин получил широкое распространение в учебной практике российских университетов второй половины XIX и, особенно, начала XX в. Среди наименований курсов по *истории истории* превалировал термин *историография*, дублирующий самоназвание родовой дисциплины истории, одновременно практиковалась формула *история историографии*.

П.М. Бицилли в период своей деятельности в Новороссийском университете подготовил специальный курс «История исто-

³ О персональной истории П.М. Бицилли см.: Велева 2004; Бирман 2018; Попова 2021 и др.

риографии» (1917). Позже, в эмиграции, он читал этот курс в университетах в Скопье и Софии. Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом подготовки докторской диссертации, материалы к которой ученый, возможно, вывез из Одессы в эмиграцию и в дальнейшем использовал для создания своего «Opus magnum» (Б.С. Каганович) - «Очерков теории исторической науки» (Прага, 1925).

Термин «историография» Бицилли в соответствии с общеевропейской традицией (истоки которой в XVIII в.) употреблял как синоним исторической науки. «История историографии» для него – это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением истории, с совершенствованием методологии исторических исследований. На историческое мировоззрение П.М. Бицилли, в т.ч. на его терминологию, значительное влияние оказало творчество Бенедетто Кроче. Вполне вероятно, что Бицилли уже был знаком с первым, немецкоязычным изданием «Теории и истории историографии» Б. Кроче (1915), когда приступал к разработке собственного курса по истории истории.

Доминантной линией в творчестве П.М. Бицилли была история идей, анализ интеллектуального наследия: его в первую очередь интересовала историческая мысль, поэтому источниковую базу его работ составляют преимущественно нарративные источники в разных жанрах – научных и прочих; в его работах практически отсутствует документальный материал. В восприятии Бицилли историческая наука представала – в соответствии с преобладанием когнитивного образа науки в этот период развития «наукоедческих» исследований как процесс исторического мышления, запечатленный в научных трудах.

*Историографическое пространство*⁴ П.М. Бицилли – полижанрово, многоформатно и сложно структурировано. Направленность его интересов включает:

- историю науки,
- историю исторической мысли,
- историю форм исторического понимания,
- проблемную историографию,
- анализ нарративных источников,
- биоисториографию и др.

⁴ Термин «историография» изменяет в статье свое содержание в зависимости от контекста.

По жанрам это - историографические преамбулы, заметки, экскурсы, историографические вставки, отзывы, примечания, рецензии на исторические труды, био-этюды и проч.

«Историографический стержень», по содержанию ведущих проблемных линий и по форме исполнения, и акцент на теоретические вопросы исторического исследования характерны для очень многих работ П.М. Бицилли.

История/историческая наука – объект пристального внимания Бицилли. В статье «Кризис истории» (1935), произведении историографическом и философском одновременно, осмысливая ход научной истории, автор выделяет XIX век как век Истории: в это время историческое знание сложилось как особая область «ведения», заняв в Европе особое, «почетное место в ряду наук». Но для своего времени Бицилли констатирует кризис истории - «История вступила в состояние кризиса», который характеризуется рядом позиций: *во-первых*, историки уже не пишут «всеобщих историй», историческая наука вырождается в микрографию; *во-вторых*, история перестала быть «залогом веры в “лучшее будущее”»; *в-третьих*, средний человек / читатель уже не может назвать ни одного имени из современных ему историков – история теряет популярность; *в-четвертых*, всем стало ясно, что «никакой собственной цели» *процесс истории* не имеет; *в-пятых*, историческая наука перестала быть «верховной наукой».

Однако наличие кризиса, считает П.М. Бицилли, совсем не означает того, что историография «пришла в упадок», «выродилась». Напротив, историческая наука стала «строже, трезвее, глуше, тоньше, свободнее», нежели была в XIX веке. Для «способного размышлять» историка его наука – «только путь, подводящий к метаистории». В этой стратегической модификации науки истории – *метаистории* - П.М. Бицилли видит «двойной смысл».

Во-первых, «метаистория»⁵ - это «область исторического ведения», и задача исследователя – «выделять в смене событий, направлений, вкусов и навыков постоянно действующие в своем чередовании *духовные тенденции*» [курсив мой. – Т.П.].

⁵ В этой статье Бицилли ссылается на ряд работ о кризисе истории «замечательного испанского мыслителя» [определение П.М. Бицилли. – Т.П.] Эухенио д’Орса (1881–1954), каталонского философа, писателя, журналиста, литературного и художественного критика, Первое значение «метаистории», уточняет Бицилли, принадлежит д’Орсу и «другим теоретикам культуры». Д’Орс был крупнейшим интеллектуалом франкистского режима, формировал и проводил его культурную политику.

Во-вторых, «метаистория не только область ведения, но и особый план бытия, в котором живут воплощенные в их сознаниях и тем для нас бессмертные души тех людей, которых мы, быть может, никогда не видали, которые могут быть отделены от нас тысячелетиями, но без которых мы самих себя, раз соприкоснувшись с ними, представить уже не в силах; которые в этом смысле для нас реальнее иных из наших современников и сограждан, может быть, - нас самих»⁶.

Кризисное состояние исторической науки требует обращения к ее истории, между тем, констатирует ученый, развитие *истории истории* существенно отстает от «истории романа», т.е. истории /историографии литературы⁷.

Историческое понимание в научном мировоззрении Бицилли занимает ключевое место. Обращаясь к *истории исторического понимания*, ученый выделяет в его развитии три стадии: «наивный реализм», «историческая метафизика» и, наконец, современный этап – «критический реализм». Третий вид исторического понимания – «лучшее наследие романтики и германской философии духа начала прошлого века [XIX в.] – получило свое самое блестящее теоретическое выражение в трудах Дильтея, Кроче и Фосслера <...> Оно стоит в несомненной духовной связи с такими общественно-политическими течениями, каковы философия Джеймса и Бергсона». «Новое» историческое понимание выдвинуло *новую* проблему - идею «творческой самобытности каждого реального агента исторического процесса, т.е. единичной личности»⁸.

Переход к новому историческому пониманию обозрим, по мнению Бицилли, на примере эволюции исторической тематики в границах от начала XIX до начала XX века: «всемирная история», «история человечества» вытесняются монографиями и произведениями, посвященными отдельным культурам, народам, событиям и моментам, и уже не составляют «славу и гордость современной исторической науки». Опасение, что историческая наука «погибнет от микрографии», Бицилли не смущает (хотя он и различает понятия «детализация» и «микрография»: первое – обязательное условие исторического исследования, второе – «в смысле занятия пустяками»).

⁶ Бицилли 2000. С. 494.

⁷ Бицилли 2000. С. 489.

⁸ Бицилли 2012. С. 38-40.

Оценивая новый уровень в движении исторической науки на этапе «критического реализма», Бицилли обращает внимание на то, что «современная историография» начала «сознать самое себя как науку» [курсив П.М. Бицилли. – Т.Н.]. Значение этого «самосознания» не только в формировании теоретико-познавательной области, но это «самосознание» исторической науки развивается «параллельно» с самой наукой и, таким образом, «служит хорошим показателем этого развития»⁹.

История понятий органично входит в историографическое пространство ученого. История для П.М. Бицилли – наука, и историк-ученый должен следовать определенным нормативам исследовательской работы, иметь четкое представление об инструментарии своей науки и границах ее научных возможностей. Историческая наука как определенная форма познания самодостаточна, обладая *своим* языком – категориальным аппаратом. Задача истории как науки – «охватить действительность понятия»¹⁰. При этом Бицилли, пользуясь множеством понятий – «стадия», «тип», «стиль», «ценность», «прогресс», «человечество», «нация», «раса», «культура», «цивилизация», «среда», «эпоха», «культурный момент» и проч. – всегда подчеркивал полисемантическую их употребленность в разных дисциплинах и у разных авторов: «одни и те же термины нередко покрывают различные содержания»¹¹. Разнотечения в терминологии приводило к «двусмысленности» и обрекало на относительность этих важных «эвристически-вспомогательных» средств. Одновременно Бицилли обращал внимание на «историчность этих понятий». Все это требовало, по мнению ученого, периодически «подвергать пересмотру» исторические понятия, раскрывать основы их гипостазирования, анализировать их эволюцию, поскольку «правильность» или «ложность» научных понятий зависит «от избранной точки зрения», от степени соответствия этих понятий действительности.

Историографические постулаты у П.М. Бицилли не имеют канонического оформления, в его текстах сложно найти абсолютно завершенный фрагмент, в котором бы отчетливо были определены правила историографического анализа. Мысли ученого, его идеи, сфокусированные на эту проблематику, рассыпаны по многим произведениям, повторяясь и тиражируясь, акцентируя важные для его понимания основы историографического подхода.

⁹ Бицилли 2012. С. 282-283.

¹⁰ Бицилли 1996. С. 348.

¹¹ Бицилли 1996. С. 11.

П.М. Бицилли сформулировал ряд критериев историографического анализа, среди которых идея плюрализма: поиски «единого, единственно “научного” критерия» - это непонимание «истинной природы исторических *individua*»¹². Любой творческий акт – «*единый*» и абсолютно «неповторяемый», поэтому все созданные образы истории «правильны» со своей точки зрения – в зависимости от избранной «дистанции»¹³. Если «динамическая точка зрения» преобладает в построениях всемирно-исторической истории, сохраняя свои позиции в историографии, то «статическая точка зрения» проявляет себя в новейших «образцовых произведениях», посвященных истории культуры. Несмотря на то, что Бицилли в большей степени была близка идея исторической статистики и эстетико-индивидуализирующего анализа, он, как глубокий исследователь исторической мысли, вынужден был признать: эти научные точки зрения, взаимно исключаящие одна другую, эти *полярные* подходы к истории одинаково законны и представляют собой «пределы», между которыми «обречена – взад и вперед – двигаться историческая мысль», задерживаясь то на одном полюсе, то на другом в зависимости «от множества привходящих, посторонних условий»¹⁴. Кроме того, при всех своих усилиях историк никогда не сможет «устранить свой собственный личный коэффициент, и потому всякая историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна», ибо нельзя утверждать, что получившаяся при конкретном угле зрения «историческая перспектива является “единственно правильной”». В этом плане ученый-историк «*никогда не стоит*» на «почве объективности»: нельзя «приписывать своим предварительным концепциям окончательное значение»¹⁵ [курсив П.М. Бицилли. – *Т.П.*]. Бицилли - «теоретический плюралист», каким и должен быть историограф /историк науки, допускающий параллельные построения одного объекта (каждое из которых верно в своих координатах) и *не* признающий категоричной однозначности выводов.

Для П.М. Бицилли «старое» и «новое» историческое понимание – два полюса исторического восприятия, две «в одинаковой мере» присущие сознанию тенденции, связанные между собой, существовавшие всегда, как только появилась «историческая

¹² Бицилли 2012. С. 347.

¹³ Бицилли 2012. С. 335.

¹⁴ Бицилли 2012. С. 221-222, 315, 348.

¹⁵ Бицилли 2006. С. 239.

рефлексия», но «с особенной силой» вскрывшиеся /проявившиеся «в наш “исторический век”». Именно в этот «исторический век», современный П.М. Бицилли, история стала самостоятельной дисциплиной в системе идиографических дисциплин, и ее рефлексивная составляющая – *история историографии* – нацелена на осознание природы исторического мышления через анализ «разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития» на основе анализа исторических трудов¹⁶.

Антиномия историзма – противоречие между «реальной» и «письменной» историей, между объективным историческим процессом и его «изображением» в историографии, его «историографическим образом» – доминантная тема П.М. Бицилли, проходящая сквозь множество его трудов.

Проблема *исторического синтеза* составила, по определению самого П.М. Бицилли, «главное содержание» «Очерков теории исторической науки» – важнейшего труда ученого, наиболее полно выразившего его «мировосприятие» и «мироощущение» [«сквозная» терминология П.М. Бицилли. – *Т.II*]. Решение проблемы синтеза в данной работе автор осуществил в контексте анализа основных направлений исторической и философской мысли в Европе, эволюции исторического понимания и «воспроизведения» прошлого. Таким образом, построение «Очерков» сам ученый рассматривал в ключе *истории историографии*.

Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого, представителя науки истории, является его обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и «не-научному», к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам, музыке. Источниками для «Очерков» стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX в.) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки и проч. Около пятисот имен – знаменитых писателей, ученых и мыслителей, художников и композиторов, а также малоизвестных авторов, привлечших внимание П.М. Бицилли, «вошли» в страницы Книги. Противник теорий «прогресса» (в любой модификации), Бицилли «свободно» общается с творцами и их идеями вне временных рамок ступенчатой пирамиды, не нарушая и не игнорируя при этом специфику

¹⁶ Бицилли 2012. С.41-42.

эпох, «духа» и «стиля» конкретных периодов. Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета перед историографической репутацией. Для него исключено «слепое» следование за признанными традициями. Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя, со своей точки зрения, важное, значительное, созвучное его убеждениям, и, вместе с тем, жестко критикуя те позиции, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие почитаемые П.М. Бицилли личности, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Трельч, В. Дильтей, М. Вебер, Б. Кроче, А. Бергсон. Для Бицилли не существует «магии» авторитета. Эта черта была ему присуща еще в период «академической молодости». Privat-доцент провинциального университета начинал свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии.

Стилистика Бицилли своеобразна: многие его тексты больше напоминают поток мышления – стенографию мыслей, переплетение которых подчас предстает пульсирующим нарастанием все новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над сакраментальным вопросом: как изучать историю и как писать историю? В «Очерках...» – и по структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от разветвления мысли; жестко, казалось бы, сформулированное положение подвергается вдруг критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершенном дискурсе. Это не монолог автора, он лишь «ведет» означенную им тему в многоголосом хорале, подхватывая близкие ему по «духу» мелодии и, восприняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через свое критическое «я»), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

В литературе уже утвердилась оценка наследия П.М. Бицилли - «малоформатное». Творчество ученого действительно отличалось преимущественно в т.н. «малых формах» - это заметки, небольшие статьи, рецензии и т.п. Один из относительно крупных трудов ученого – «Место Ренессанса в истории культуры» (1933). По глубине мысли и мастерству исторических характеристик, эта

не очень большая работа «превосходит большинство написанных на эту тему объемистых трудов» (В.В. Вейдле)¹⁷. Задачу целостного воспроизведения Ренессанса как культурной эпохи Бицилли решает в данном случае в *проблемно-историографическом ключе*. Структура работы – портретная галерея известных историков и мыслителей от Николая Кузанского до Бергсона и Шпенглера, представленных в разной степени фокусировки (более глубоко или легким, но точным мазком) – подчинена главной задаче: с позиций «исторической динамики» проанализировать эволюцию «духа» Ренессанса в творчестве и восприятии «героев» /объектов бициллиевского анализа. В Предисловии к работе Бицилли пишет: «Вообще же библиографических указаний я не даю, так как настоящая работа не преследует целей обзора событий или справочника. В некоторых случаях я не имел под руками подлинников, существующих в редких малодоступных изданиях, и мне приходилось делать ссылки, пользуясь переводами... Впрочем, я не думаю, чтобы это отразилось на моей работе неблагоприятно». В Примечаниях к работе «Св. Франциск Ассизский и проблемы Ренессанса» (1927) он уточняет: «Указания на литературу даны лишь в исключительных случаях: главным образом, там, где имело место прямое заимствование, или когда дело идет о *новейших* работах»¹⁸. Эти важные самокомментарии позволяют определить специфику подхода ученого к историографическим источникам.

В 1917 г. вышла небольшая статья Бицилли «Происхождение исторической науки и аббат Дюбо»¹⁹, в которой еще молодой ученый рассматривал вопрос о роли мыслителей конца XVII – XVIII в. в становлении «идеи истории». Спецификой этой историографической статьи было то, что Бицилли анализировал творчество аббата Дюбо не на основе первоисточника, а опираясь на работы Александра Ломбара (1810–1887), швейцарского историка. Бицилли позитивно оценивал тот факт, что развитие современной ему историографии и гуманитаристики в целом позволяло «использовать» исследования других ученых, не обращаясь заново к эмпирически «сырому» материалу.

Историки, замечает П.М. Бицилли, обычно оставляют труд Ж.-Б. Дюбо - трактат «Критические размышления о поэзии и жи-

¹⁷ Цит. по: Бицилли 1996. С. IX.

¹⁸ Бицилли 1996. С.6, 173.

¹⁹ Бицилли 1917. С.79-84. Жан-Батист Дюбо (1670-1742), французский эстетик, историк и дипломат, член Французской академии (1720). К сожалению, эта статья еще не привлекла внимания специалистов.

вописи» («Réflexions critiques sur la poésie et la peinture». Париж, 1719) - «в стороне». Причина, по его мнению, в том, что работа аббата Дюбо не соответствует рубрике «историография». Между тем, убежден Бицилли, ссылаясь на исследования Ломбара, посвященные аббату Дюбо, мысли последнего дают историку ряд «откровений»: *во-первых*, Дюбо «настаивал на необходимости изучать художественные произведения в связи с условиями времени их возникновения»; *во-вторых*, он поставил вопрос о цикличности в развитии искусства – периодах «процветания» и «упадка»; *в-третьих*, предпринял попытку дать периодизацию истории искусства. Особая заслуга Дюбо – в том, что он поставил вопрос о происхождении французской нации, определяя нацию как «исторический продукт», результат длительного процесса – «долгого взаимодействия племен и культур». Все это, считает Бицилли, свидетельствует «о настоящей революции исторического понимания» и о том, что Дюбо-историк одержал «победу» над Дюбо-публицистом. Эта небольшая статья позволяет сделать главный вывод - в ней четко обозначены черты индивидуального почерка молодого историка, его идеи, которые получают развитие в эмигрантский период: корректная, но – критика *авторитетных* ученых; критическая /историографическая направленность его взглядов; междисциплинарный подход; понимание отличия профессионала-историка от публициста и др. Позже Бицилли включил в «Очерки...» упоминание об аббате Дюбо, опираясь уже, как свидетельствуют ссылки, на оригинальное издание его трудов.

Среди «малых» историографических форм – *отзывы*. Историографичность мышления П.М. Бицилли наглядна в отзыве на «медальную» работу О.Л. Вайнштейна (в 1917-1918 г. – студента III курса, непосредственного ученика ученого)²⁰. Во-первых, тема, которую именно Петр Михайлович предложил своему подопечному (хотя официальным руководителем был Е.Н. Щепкин), - по *проблемной историографии* («Начало раскола во Францисканском ордена в освещении новейшей литературы»); во-вторых, замечания и достоинства работы, которые отметил П.М. Бицилли, указывают на его теоретическую, историко-научную / историографическую и источниковедческую фокусную направленность: 1) «...автор ограничивается кратким пересказом результатов чужих исследований, не вникая в их методологическую ценность и не показывая, на чем собственно основываются их те или иные

²⁰ См.: Вольфцун, Галчева 2016. С. 162-175.

отдельные выводы»; 2) автор «очень хорошо умеет разбираться в детальных вопросах критики источников»; 3) свою позицию автор «доказывает при помощи детального анализа источников» [подчеркнуто П.М. Бицилли. – *Т.П.*]; 4) автор, характеризуя конкретные источники в отдельных «главках-этюдах», «не дал общей формулировки состояния вопроса о францисканской литературной традиции и не показал, как эволюционировали приемы исследования этих своеобразных источников»; 5) автору свойственно «прекрасное знакомство с литературой вопроса и с источниками, а также хорошее умение... пользоваться приемами исторической критики» и др.

Рецензии П.М. Бицилли – особый пласт его творчества, особый жанр, которому он будет верен всю свою творческую жизнь. На страницах одесских изданий он, молодой ученый, «оттачивал» свои историографические миниатюры-рецензии на новые исторические и историсофские труды. Анализ этих рецензий позволяет говорить о направленности его интересов, которые четко обозначены переплетением нескольких составляющих: античность, медиевистика, культурология, философия истории. Труды В.И. Герье, Л.П. Карсавина, Р. Трельс-Лунда, Ф. Польсена, В. Берара, И. Бердые, И.-Р. Лихтенберга, А. Флиша интердисциплинарны. Именно это направление влечет Бицилли, тонко чувствующего новую эпоху в историческом познании и идею научного синтеза через рефлексию исторического понимания.

В эмигрантский период Бицилли-рецензент получил известность как серьезный критик-литературовед. Только за софийский период П.М. Бицилли, по подсчетам М.А. Бирмана, опубликовал 140 рецензий и отзывов. М.А. Васильева приводит слова Г. Струве: «Хотя он ни идейно, ни географически ...не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 год 30 статей и 75 рецензий (в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для “Современных записок”...)». Этот факт свидетельствует об удивительной эрудиции П.М. Бицилли и о заинтересованности журнала в его публикациях. Рецензии Бицилли лишены «научообразности», обладают «ярким литературным стилем» и являются результатом «интенсивности научного поиска»²¹.

П.М. Бицилли внес бесспорный вклад в рецензионное творчество - его рецензии на исторические и литературные произведения, начиная с одесского периода и до последних лет его науч-

²¹ Цит по: Бицилли П.М. 2000. С. 17.

ной деятельности, как справедливо сказал в свое время Г.В. Адамович – «трудно забыть...». «Принципиальная особенность рецензий П. Бицилли, - считает Р. Мних, - состоит в том, что вместе с оценкой прочитанной книги он делится своими мыслями и идеями по поводу или в связи с прочитанным текстом»²².

«Малая форма» множества публикаций Бицилли оценивается большинством авторов как некая особенность индивидуального почерка ученого. Не отрицая этого факта, стоит обратить внимание на ситуационный фактор: распространение «малых форм», среди которых рецензии занимали значительное место, было специфично для публикаторской деятельности историков-эмигрантов в целом. Это было связано в первую очередь с «издательскими трудностями»: ученые печатали свои работы в литературно-художественных журналах и даже газетах, что требовало соблюдения определенных норм, не рассчитанных на «большой формат» серьезных исследований. Именно условия эмигрантского научного бытия стимулировали рецензионную деятельность как разновидность литературно-критических и историографических трудов. Среди публикаций историков-эмигрантов преобладали историографические обзоры по периодам и персонам, рецензии, юбилейные речи, некрологи и выступления²³.

Акцент на историографию и историографические публикации в «малых формах» был обусловлен рядом причин: во-первых, отсутствие необходимых архивных материалов, специальной литературы, институциональная разобщенность или, напротив, интересы национальных исследовательских центров, с которыми сотрудничали некоторые историки-эмигранты, сыграло благоприятную роль для развития историографических штудий; во-вторых, теоретико-методологический кризис, приобретающий перманентный характер, стимулировал обращение к историографическому анализу; в-третьих, появление в первые десятилетия XX в. новых исторических школ и направлений, знаковых публикаций и т.п. провоцировали дискуссионность, а значит – «историографическую напряженность» («Школа исторического синтеза» Анри Берра, О. Шпенглер, евразийский «пласт», новейшие евроатлантические работы и т.п.); в-четвертых, острая необходимость в осмыслении наследия российской историографии доре-

²² Мних Роман. 2017. С. 11.

²³ Цепилова С. 213-226.

волюционного периода и осознании собственного статуса эмигрантской науки заставляла ученых (среди которых были историки «первой величины» - А.А. Кизеветтер и др.) фокусировать свое внимание как на творческом наследии прежних эпох, так и настоящего для них времени.

Этот контекст позволяет говорить о том, что «малые формы» в творчестве Бицилли не являются чем-то исключительным. Он работал в общем русле, в котором находилась «эмигрантская наука». Рецензии, литературно-критические опусы, историографические работы (отзывы, обзоры, заметки, портреты и проч.) и другие небольшие («малки творби») публикации, возможно, в значительно большем количестве, нежели у коллег, стали обычной практикой научно-публикаторской деятельности ученого.

Рецензии П.М. Бицилли как «малая форма» историографического исследования никогда не повторялись, ни содержательно, ни структурно. Обычный рецензионный шаблон – постановка темы, изложение мыслей автора, критический анализ/замечания, вывод – у Бицилли отсутствовал. К примеру, свою рецензию («Современные записки», 1928) на книгу Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит московский» (Париж, 1927) П.М. Бицилли начинает с обоснования высокой оценки вклада автора в историографию. Данная книга явилась, по мнению ученого, «реакцией» на т.н. «“научную” трактовку истории», смысл которой в подведении «исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук» - теории права, социологии, политической экономии. П.М. Бицилли против «определяющих» понятий: «государственная необходимость», «боярская реакция», «государственное начало» и т.п., в соответствии с которыми «живые» люди становились «носителями» т.н. «мнимых величин» и просто исчезали из поля зрения историка. Нельзя, согласно Бицилли, сводить «подвижничество» митрополита Филиппа к «феодальной реакции»: историческая реальность таким образом превращалась в «небольшое число формул». Г.П. Федотов, принадлежащий к петербургской школе историков, для которых целью было – «вернуть истории ее самостоятельное значение», индивидуализирует и самого Грозного, и Филиппа, и их время. П.М. Бицилли против «социологических» и «публично-правовых» обобщений, но – за исторические обобщения.

Далее П.М. Бицилли замечает, что *анализировать книгу не собирается* [курсив мой. – Т.П.], так как такую чрезвычайно увлекательную и волнующую работу «должен прочесть каждый».

В его фокусе – расхождения с автором, которые он четко формулирует. Во-первых, Г.П. Федотов не увидел в Грозном прямого предшественника Петра Великого, о чем, с его точки зрения, верно написал Р.Ю. Виппер (Виппер Р.Ю. Иван Грозный. 1922). По мнению рецензента, Федотов «чересчур “снижает”» Ивана Грозного, между ним и Петром «напрашивается... параллель». Именно в том, что «два самых замечательных государственных человека старой Руси были великими грешниками и великими преступниками, приобретает значение тревожного и зловещего символа», Бицилли усматривает некую «закономерность» *русской государственной власти*. Во-вторых, опричнину он оценивает как установление «режима “чрезвычайной охраны”» - «гражданскую войну», поднятую правительством против своих подданных. Аналогии с западноевропейской историей – неуместны, считает он, поскольку «то, что там было исключением, у нас было правилом» [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

Тема, поднятая Г.П. Федотовым, для П.М. Бицилли была слишком болезненной – он не переставал думать о крушении страны, искать истоки того, что произошло. И здесь возникает понятие *ритм* – одно из важнейших в мировоззрении ученого:

«Ритм русской истории слагается из чередования глубочайших нравственных падений и моментов раскаяния, просветления и подъема, длительного угасания идеи нации – когда “власть” и “народ” перестают быть “органами” *одного* организма, становятся внеположными, духовно глубоко чуждыми одна другой величинами, - и внезапного возрождения идеи “всей земли”; - и эти смены столь резки, контрасты света и тени столь разительны, что невольно спрашиваешь себя, тот ли это самый народ сегодня, что был вчера, и ощущаешь с глубокой внутренней достоверностью незримое участие в его жизни каких-то сверхличных, противоборствующих в течение веков на поприще его истории злых и добрых сил».

В связи с этими мыслями, которые наваяла книга Г.П. Федотова, Петр Михайлович обращается к Ф.М. Достоевскому, считая его творения «самой проникновенной философией русской истории». Итоговая оценка рецензируемой работы положительна, в первую очередь благодаря своей близости к источникам: для рецензента этот факт служит доказательством того, «что сущность и историко-философский смысл рассказанной автором трагедии угаданы им верно»²⁴.

²⁴ Бицилли 2000. С.430-433.

Рецензионное творчество ученого свидетельствует о том, что, П.М. Бицилли никогда не писал «по шаблонам», даже собственным - каждая из его рецензий представляет собой самостоятельное произведение и по форме, и по содержанию. Рецензия превращалась в средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества. Она становилась формой освоения огромного массива разнообразных историографических и литературоведческих традиций. В рецензиях сохранялись «повторы» - наиболее важные для ученого мысли, которые приобретали новое звучание в каждом конкретном контексте. В рецензиях рождался и шлифовался индивидуальный почерк историка – стиль изложения мысли и манера письма.

Историографический анализ П.М. Бицилли строит по аналогичной схеме с критическим анализом художественного произведения. Для того чтобы понять произведение, т.е. «выяснить тайну совершенства художника», необходимо, по Бицилли: во-первых, «вскрыть его творческую индивидуальность», что, во-вторых, можно сделать с позиций сравнительного метода («индивидуализировать писателя» в результате «критики» можно только путем «сопоставления литературных произведений» - таким образом выявляются параллели; вопрос о *параллелях, влияниях, созвучиях, родимых пятнах* – особый в приемах историографического и литературно-критического анализа ученого); в-третьих, надо «локализовать» художника, т.е. рассмотреть его в «историческом контексте» для понимания того, что в его творчестве принадлежит «общему фонду» [достоинствам культурной эпохи, культурным и научным традициям. – *Т.Н.*], и как данный художник «распоряжается этим общим добром». Бицилли отождествляет деятельность ученого-историка с деятельностью «художественного критика», по сути – тоже ученого: «Говорить о писателе, значит, в силу необходимости, говорить о себе, о своем *впечатлении* от писателя <...> В конце концов всякая критика сводится к анализу собственного нашего *восприятия* данного автора»²⁵, т.е. выражает творческое начало критика. Стремление понять смысл индивидуально-неповторимого – авторской мысли /концепции, т.е. *целого* – задача общая и для литературоведа («критика»), и для ученого-историка - историка исторической науки /историографа, и это, безусловно, является *индивидуальным творческим актом*.

²⁵ Бицилли 2000. С.416.

Post Scriptum. П.М. Бицилли не оставил нам законченного по форме и по содержанию текста, в котором бы получила свое выражение стройная, действительно завершенная, система его взглядов на глобальные вопросы «мировоззрения» и «мироощущения», на *историю и теорию историографии*. Для ученого характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – «терминологической оболочке». Этот подход к «сотворению» текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения. Тексты П.М. Бицилли нельзя просто «прочитать»: в них нет привычной логики «последовательности». Его последовательность нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к пройденному.

Возможно, причина своеобразной «незавершенности» многих текстов ученого в том, что П.М. Бицилли видел «завершенность» в «незавершенности» и по примеру Леонардо да Винчи, который, как известно, *не завершал* своих картин, не стремился к каноническому оформлению и своих работ, и своих мыслей. Он «кружил» вокруг глобальных проблем *исторического ведения*, повторяя вновь и вновь основную мелодию и насыщая ее новыми смыслами в поисках совершенства, которого, по его убеждению, достичь в науке (в отличие от искусства) было невозможно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алеврас Н.Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 41-54.
- Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
- Бицилли П. Происхождение исторической науки и аббат Дюбо // Исторические известия. М.: Историческое общество при Московском ун-те, 1917. № 1. С. 79-84.
- Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. XIV+256 с.
- Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
- Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. 427 с.

- Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
- Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. 162 с.
- Вольфдун Л.Б., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Вып. 77 (3-4). С. 162-175.
- Мних Роман. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С.7-38.
- Мягков Г.П. «Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым // Мир историка: историографический сборник / [ред.-кол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 449-469.
- Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: М.А. Бондаренко, 2021. 560 с.
- Репина Л.П. История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5-16.
- Цепилова В.И. Историографическое наследие русского зарубежья 20-30-х гг. XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 213-226.
- Попова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова; tnspt2017@gmail.com*

Historiographic plateau on the “historian’s territory” from the heritage of P.M. Bitsilli

The article examines the legacy of the Professor P.M. Bitsilli. The author focuses on the historiographic trend of his work, shows the structure of the historiographic space of the scientist's research, highlights the genre diversity of historiographic texts, the postulates and principles of the historian's historiographic approach.

Keywords: historiography, history of historiography, historiographic plateau, territory of the historian, bitsillian studies, historiographic space, peer review

Tatyana Popova, PhD (History), Professor of Odessa National University by name of I.I. Mechnikov, tnspt2017@gmail.com

А.Л. ЛИТВИН, С.Ю. МАЛЫШЕВА, А.А. САЛЬНИКОВА

**«ЧТО ЖЕ НАУКА БЕЗ СВОБОДЫ?»:
СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК-МАРКСИСТ
ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ АДОРАТСКИЙ**

В статье предпринята попытка на основании новых архивных материалов реконструировать историю жизни и творческий путь одного из признанных «мэтров» советской историографии – выпускника Казанского университета, историка-марксиста Владимира Викторовича Адоратского (1878–1945). Привлечение новых документов позволило уйти от канонической биографии этого незаурядного человека и проследить сложную трансформацию, которую ему пришлось испытать, превратившись из юного исследователя-романтика в жесткого функционера от науки, отказавшегося от многих профессиональных принципов, от «свободы мысли и слова» во имя преданного служения советской власти и бескомпромиссной пропаганде марксистской теории.

Ключевые слова: В.В. Адоратский, советская историческая наука, историки-марксисты, персоналии, Казанский университет.

Революция и последующие трансформации системы высшего образования, бездумные краткосрочные эксперименты партийных функционеров, заточенные под сиюминутные практические нужды и быстрый результат, игнорировавшие важность фундаментальной науки и принципы формирования и функционирования университетской корпорации – все эти процессы 1918 – начала 1930-х гг. обрушили мир российского университета и университетской науки, для восстановления которого понадобились десятилетия. Эти изменения, повлекшие резкий слом сложившихся традиций, системы взаимоотношений внутри и вовне университетской корпорации, научного этоса, принципов научного исследования и преподавания не могли не отразиться на внутреннем состоянии людей, вынужденных определять отношение к произошедшим изменениям и собственную позицию в новой реальности. Последствия этого выбора подчас резко меняли судьбы ученых и их близких, ставя их на грань выживания – и профессионального, и физического. Мы, историки, спустя сто лет после наших коллег вновь переживающие трансформацию российской системы высшего образования и с горечью профессионально опознающие в трансформационных процессах сходные черты и типы акторов, как никто понимаем весь спектр чувств людей того времени – от протеста, возмущения, отчаяния, эскапизма до

склонности к компромиссу с разрушителями дореволюционного университета, до активного сотрудничества с ними.

Судьба советского историка и философа-марксиста В.В. Адоратского являла собой яркий пример пути той части образованных людей, которые, уверовав в марксистскую теорию, посвятили свои таланты и способности ее пропаганде и реализации на практике. Его жизнь сложилась, казалось бы, довольно успешно: после революции он обрел статус академика, научный авторитет в качестве специалиста по марксистской теории, соответствующие должности. Однако на этом пути ему пришлось расплатиться и юношескими идеалами, и профессиональными принципами, и той «свободой мысли и слова», которую так восторженно славил юный выпускник Казанского университета.

***«Не поступиться лучшими своими идеями»:
становление ученого и революционера***

Владимир Викторович Адоратский родился в Казани 7 августа 1878 г. в семье потомственного дворянина Виктора Степановича Адоратского и его жены Татьяны Ивановны, дочери известного селенгинского и кяхтинского купца первой гильдии Ивана Окулова. Родня родителей была достаточно состоятельной и знатной, среди родственников Владимира было немало духовных лиц, педагогов, юристов¹. Семья жила на улице Покровской, в собственном доме матери. Отец, юрист, служивший в Казанской судебной палате, умер от рака горла в 1889 г. После смерти отца Владимира воспитывали любившая его до безумия и баловавшая мать и бабушка.

Поступив в 1890 г. в гимназию, Адоратский проявил интерес к физике и математике и по окончании гимназии в 1897 г. поступил на математический факультет Императорского Казанского университета, однако через год перевелся на юридический факультет, который окончил весной 1903 г.² К моменту окончания университета Владимир был уже семейным человеком: в 1902 г. Адоратский обвенчался с Серафимой Михайловной Сапожниковой, происходившей из состоятельного рода купцов Сапожниковой, а в 1904 г. у супругов родилась дочь Варя³.

Во время учебы в университете обнаружили научные интересы Владимира, которые в дальнейшем во многом определяют

¹ См.: Большой русский альбом.

² ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33235. Л. 13, 17.

³ Там же. Л. 18–21; РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.

его жизненный путь. В студенческие годы он написал реферат о развитии капитализма в России, изучал вопрос о происхождении и функциях государства⁴. Из преподавателей чаще всего общался с профессором В.В. Ивановским и приват-доцентом А.И. Елистратовым, известными своими либеральными взглядами. Уже тогда Адоратский задумывался о научной карьере⁵.

Однако в те же годы Адоратский принял участие в студенческих выступлениях 1899–1901 гг., что сыграло важную роль в его приобщении к революционным идеям и движению⁶. С начала 1900-х гг. он был связан с созданной в Казани летом 1899 г. группой социал-демократов во главе со студентами университета Николаем Семашко и Андреем Кулешей; в феврале 1901 г. как подозреваемый в доставке нелегальной литературы, подвергся обыску. В декабре 1903 г., когда жандармское управление готовило ликвидацию в Казани социал-демократической организации, под угрозой обыска и ареста, Адоратский, снабженный письмами и явками, отбывает за границу⁷. Объясняя причины своей поездки в дневниковых записях той поры, он написал: «По окончании университета встал вопрос: что делать? Как выбрать дверь? Решил съездить за границу, чтобы изучить историю и философию...», чтобы разрушить обман и мысли, внедренные в него «лживой буржуазной и чиновной наукой гимназии и университета», и далее он записал: «больше всего на свете возлюбил я свободу. Конечно, наука хорошая вещь, и в человеке есть необходимость запроса к знанию, но что же наука без свободы? Наука сама, прежде всего, требует свободы мысли и слова, бесстрашности в исследованиях и полной независимости от гнета господ – только тогда наука имеет цену»⁸. Адоратский побывал в Берлине, Женеве, встречался с Н.К. Крупской, К. Каутским, П.Н. Лепешинским, услышал выступление В.И. Ленина. В мае 1904 г., потратив деньги, он вернулся в Казань с багажом нелегальной литературы⁹. Формально членом РСДРП он стал в 1904 г.¹⁰

Во время революции 1905–1907 гг. Владимир, член Казанского комитета РСДРП, активно публиковал статьи в газетах, пи-

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 56.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 18. Л. 13; ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1296. Л. 7.

⁸ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 57. Л. 11, 34; Д. 184. Л. 59, 60.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 2; Адоратский 1924. С. 92; Лепешинский 1925. С. 216.

¹⁰ Ленинский сборник XXXVI. С. 470.

сал и редактировал листовки и прокламации комитета, в феврале 1905 г. руководил забастовкой приказчиков. Март – апрель 1905 г. Адоратский провел в Женеве, познакомился с Лениным, не раз виделся с ним и беседовал. Ленин даже предложил пригласить его на III съезд РСДРП в Лондоне (апрель 1905 г.), но по ряду обстоятельств делегатом он не стал¹¹.

В декабре 1905 г. была ликвидирована типография Казанского комитета РСДРП, многие его члены арестованы, в т.ч. Адоратский. До 26 февраля 1906 года он сидел в Казанской пересыльной тюрьме, а 15 марта этапным порядком был выслан в Астраханскую губернию на три года¹². Однако еще до отправки, Владимир ходатайствовал о замене ссылки на выезд за границу, сославшись на плохое здоровье, получил разрешение и в сентябре 1906 г. вместе с семьей уехал в Швейцарию, где он неоднократно встречался с Лениным. В Женеве и Цюрихе они прожили два года.

По возвращению в Казань осенью 1906 г. Адоратский попытался поступить на работу в университет, но это ему не удалось. Неудачу он обосновал идейными причинами: «Бросился к университету, – писал он в своих воспоминаниях, – и тут после 1,5 – 2-х лет работы выяснилась невозможность получать деньги и не поступиться лучшими своими идеями»¹³. Адоратский обращается к научным студиям: пишет учебник по историческому материализму, книгу «Государство с материалистической точки зрения» (напечатана только в 1923 г.¹⁴). В 1909–1910 гг. в Казани он находится под гласным надзором полиции. Затем вновь уезжает за границу, работает в библиотеках Парижа, Берлина, Лондона, встречается с Каутским и Лениным. Ненадолго он возвращается в Казань в мае 1911 г., а зиму 1911/12 гг. снова проводит с женой и дочерью в Берлине. В апреле 1912 г. в Казани прошли очередные аресты социал-демократов, и вернувшийся Адоратский попал в плотную жандармскую слежку¹⁵.

1912–1913 гг. были полны для Владимира Викторовича потерь. В 1913 г. умер отец жены. В эти же годы Адоратский тяжело переживает конфликт и разрыв с матерью. Темы смерти тестя и размолвки с матерью преобладают в его дневниковых записях,

¹¹ Владимир Ильич Ленин 1971. С. 61; Переписка 1975. С. 167; Третий съезд 1937. С. 35-36.

¹² ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 926. Л. 157.

¹³ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.

¹⁴ Адоратский 1923.

¹⁵ ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1287. Л. 47.

сопрягаясь в его восприятии с теми процессами, которые происходили тогда в России¹⁶. Разрыв с матерью и жестокие и довольно эгоистичные суждения о ней, высказанные Адоратским в его дневнике, во многом были связаны с ее отказом содержать семью взрослого сына. Татьяна Ивановна Адоратская, за счет материальной поддержки которой Владимир многие годы довольно безбедно жил, проводя месяцы и годы за границей, даже с семьей, теперь вполне справедливо полагала, что 34-летний мужчина должен брать финансовую ответственность за близких на себя. Однако, как вспоминали его родственники, Адоратский «принадлежал к породе прекраснодушных идеалистов, увлеченных идеями революции и не замечавших реальной жизни. Как-то в нем сочетались ум и наивность. За это Ленин, с которым Адоратский сдружился в эмиграции, шутя называл его Адурацким»¹⁷. Утратив источник финансовых средств, получаемых ранее от матери, Владимир Викторович обрел другой: брат жены – К.М.Сапожников, преуспевающий адвокат, миллионер, глава торгового дома купцов Сапожниковых, материально помогал семье сестры, а точнее – содержал ее на свои средства.

Обстановка в Казани тяготила Адоратского. Кроме того, жена и дочь нуждались в лечении. Оставленное покойным отцом жены наследство и помощь шурина сделали его независимым от матери. В начале лета 1914 г. Адоратские выехали в Германию, в Бад-Райхенхалль – небольшой курорт в Баварских Альпах. Владимир Викторович планировал устроить семью и поехать в Краков, к Ленину. Однако началась Первая мировая война.

Адоратским не удалось быстро выехать и четыре военных года семья провела в Германии. Деньги быстро закончились, работу для интернированных предлагали только физическую, но ей не привыкший зарабатывать тяжелым трудом Владимир Викторович был не готов. «Я мог бы быть теперь порядочным пропагандистом, – возмущался Адоратский. – И что же, я связан по рукам и ногам и вместо любимого дела, к которому готовился чуть ли не 15 лет, к которому чувствую себя готовым, вместо него физический труд поденщика». Весной 1915 года Адоратских выслали из Бад-Райхенхалль в Бад-Вёрисхофен, маленький курорт в Баварии. Денег не было, семья буквально голодала. Работу Адоратский не нашел и скрашивал время, занимаясь с дочерью, изу-

¹⁶ Литвин, Литвин 2008. С. 62.

¹⁷ Тахтамышева.

чая испанский и итальянский языки. Только в 1916 г. Адоратским разрешили переехать в Мюнхен. Там жить было чуть легче, а из Казани и Петрограда иногда приходили посылки¹⁸.

***Трудные первые советские годы в Казани:
преподаватель-пропагандист марксизма***

Выехать в Россию семья смогла лишь 24 июля 1918 г. с первым эшелонам русских гражданских пленных. В начале августа прибыли в Москву, и первым, к кому пошел Адоратский, был Ленин¹⁹. Однако к «любимому делу, к которому готовился чуть ли не 15 лет» и к которому стремился из германского далека – пропаганде и публичным выступлениям в столице, – Адоратский тогда был не склонен. Владимир Викторович мотивировал в дневниковых записях невозможность этого своим плохим самочувствием, обусловленным лишениями, которые он претерпел в «германском плену», как он называл годы интернирования: «Голодовка в течение двух последних лет германского плена сильно подорвала мое здоровье. Я мог заниматься лишь кабинетной работой. Долгое вынужденное молчание – четыре года плена – отучили меня от выступлений публично...»²⁰. Сначала Адоратские хотели уехать домой. Но в августе 1918 г. Казань была захвачена сторонниками Учредительного собрания. Владимир Викторович начал работать в Наркомпросе, где ему было поручено организовать работу т.н. Новоромановского архива и архива бывшего Министерства иностранных дел. Архивная работа станет одним из важнейших дел жизни Адоратского. Кроме того, в июле 1918 г. была образована Социалистическая Академия общественных наук, и Адоратский был избран членом-соревнователем этой академии.

В годы гражданской войны Адоратские жили в Казани, ненадолго выезжая в Москву. В конце сентября 1918 г., после взятия Казани красными, Владимир Викторович привез туда жену и дочь, а сам вернулся в Москву, где провел зиму 1918–1919 гг., разбирая архивы. В марте – июне 1919 г. семья жила в Москве, но в начале июля 1919 г. вновь переехала в Казань. Перед отъездом Адоратский встретился с Лениным и получил задание собирать материалы и готовить очерк по истории Октябрьской революции. Ленин снабдил его несколькими удостоверениями, которые должны были облегчить коммуникации с местными властями, учре-

¹⁸ Литвин, Литвин 2008. С. 64–65.

¹⁹ Адоратский 1933. С. 72.

²⁰ Литвин А.А., Литвин 2008. С. 69.

ждениями и библиотеками²¹. Одновременно Адоратский получил задание Коллегии Главархива РСФСР содействовать в Казани уполномоченному архива в «розыске архивных дел жандармского управления и охранного отделения»²².

Зиму 1919–1920 г. Адоратские провели в Казани. 6 января 1920 г. Владимир Викторович написал Ленину отчаянное письмо, в котором жаловался на свою неустроенную жизнь в Казани, писал о том, как обстоит дело с порученной ему работой:

«Очень уж много приходится преодолевать всякой дряни. Оттого, как это и ни неприятно, приходится не исполнять обещанное. В Казани мне пришлось долго блуждать, прежде чем удалось занять платное место, необходимое для пропитания. Командировки мне никакой не дали, выпрашивать я не умею. Уехал я из Москвы “так”. В Казани пришлось мне читать лекции, я давно не выступал, и надо было усиленно готовиться. Так, в разных делах и делишках, прошло время до ноября. А тут захворал. Долго лежал в испанке и после нее, от скверного питания нарывы по телу пошли. Когда на ногах, приходится не только лекции читать и к ним готовиться, но и бегать за водой через улицу, и дрова колоть, и за восемь верст сбегать за пудом желудей, и притащить его на спине, словом, деятельность разносторонняя. Скверно, когда темно. Электричества в квартире нет, освещаемся керосином, а его удалось достать всего фунтов 20 на всю зиму. (...) Жить скверно. Людей абсолютно нет. Кругом спекулянты, мелкие буржуа, кадеты – тертые калачи, умеющие перекуситься, влезть и вставлять палки в колеса. Казань – скверная дыра, а в Москве невозможно жить – никаких сил не хватит выработать на содержание семьи. Здесь все же дешевле и есть кой-какой хлам, который распродается. Я устал и ослаб здоровьем. (...)»²³.

Ленин 6 апреля 1920 г. пишет Адоратскому, спрашивая, что для него сделано и чем он может помочь, обращается к председателю Казанского губисполкома И.И. Ходоровскому с просьбой оказать помощь Адоратскому, и к командующему Запасной армии республики (ее штаб находился в Казани) Б.И. Гольдбергу – с указанием принимать все письма Адоратского для «возможно более быстрой и верной доставки»²⁴. Поручение Ленина Владимир Викторович тогда выполнить не смог.

В Казани Адоратский стал одним из наиболее активных и популярных лекторов – пропагандистов марксизма-ленинизма. Он читал лекции и вел практические занятия по курсам историческо-

²¹ Ленинский сборник XXIV. С. 291–292.

²² Литвин, Литвин 2008. С. 72.

²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 878. Л. 3.

²⁴ Ленин 1965. С. 176; Ленинский сборник XXXVI. С. 101–102.

го материализма, учению о государстве и диктатуре пролетариата в партийной школе, открытой Казанским губкомом РКП(б). 24 октября 1919 г. Адоратский подал заявление о поступлении преподавателем на рабочий факультет Казанского университета. Прилагая к нему автобиографию, он записал: «Справку обо мне могут дать знающие меня и мою деятельность В.И. Ульянов (Ленин) и М.Н. Покровский»²⁵. Разумеется, на сей раз он оказался в числе преподавателей. Владимир Викторович был избран членом Президиума рабфака, читал лекции по истории социализма, преподавал всеобщую историю, в начале 1920 г. вел на факультете общественных наук, созданном весной 1919 г., курс «Карл Маркс и его школа». В 1920 г. он читал лекции также в Высшем институте народного образования. В семинарах Адоратского на рабфаке, в университете, губпартшколе, педагогическом институте училась талантливая молодежь. М.В. Нечкина, в будущем советский академик, в 1918–1921 гг. – студентка-историк Казанского университета, слушала лекции Адоратского²⁶. Ее первые работы, изданные в Казани, были посвящены сюжетам, связанным с марксистской методологией, интерес к которой прививал своим ученикам Адоратский, – «Взгляд Маркса и Энгельса на историю» (1920), «Русская история в освещении экономического материализма: Историкографический очерк» (1922).

Лекции и доклады Адоратского о марксизме-ленинизме, прочитанные в губпартшколе и университете, перед трудящимися Казани, легли в основу его научных работ начала 1920-х гг. – книг «Научный коммунизм Карла Маркса» (М., 1923), «О теории и практике ленинизма» (М., Л., 1924), «Основы ленинизма. Политическая деятельность и лозунги Ленина» (Казань, 1925, на татарском языке) и других.

Одним из первых среди советских историков Владимир Викторович обратился к теме казанского периода жизни Ленина, к «лениниане». Он первым изучил личное дело студента юридического факультета Казанского университета В.И. Ульянова, хранившееся в местном архиве, выступал с докладами о жизни и деятельности Ленина. В начале 1920-х гг. Адоратский встречался с Лениным, собирал материалы для биографии его жизни. Лениниана стала одной из главных тем научной деятельности Адоратского на протяжении всей его жизни.

²⁵ ГАРТ. Ф. 4682. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

²⁶ Дневники. С. 126.

Архивист и историк партии: путь на «зияющие вершины» большевистской исторической науки

В июне 1920 г. Адоратский получил письмо от М.Н. Покровского: ему предлагалось переехать в Москву для составления хроники Октябрьской революции, а также разбора архивов антибольшевистских движений. В августе 1920 г. Адоратский встречается с Лениным и получает задание не только собирать материалы по истории Октябрьской революции, но и подготовить к изданию в переводе на русский язык письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Семья Адоратских покидает Казань и переселяется в Москву. В сентябре по распоряжению Ленина Адоратскому была предоставлена квартира в 5-м доме Советов²⁷, в центре Москвы, в Романовом переулке.

1918-1920-е гг. были временем, когда полным ходом шла большевистская «реструктуризация» исторической науки. Уничтожались прежние научные учреждения и гуманитарные факультеты университетов, вытеснялись «старые» историки-немарксисты. Активно открывались коммунистические научные центры, задачей которых было утверждение марксизма-ленинизма в исторической науке. Была введена цензура, партийные органы распоряжались кадрами историков и определяли тематику исследований. Адоратский, на протяжении последующей жизни активно участвуя в создании новых структур советской историко-партийной науки, ее источниковой базы и соответствующих дискурсов, стал одним из ключевых участников процесса «вытеснения» старой исторической науки и создания «новой», большевистской.

20 августа 1920 г. по предложению В.И. Ленина при Госиздате была учреждена комиссия по истории РКП(б). 21 сентября 1920 г. Ленин подписал декрет СНК РСФСР «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП», сокращенно – Истпарт. 29 сентября Коллегия Истпарта избрала председателем М.С. Ольминского, заместителем – М.Н. Покровского, секретарем – Адоратского. Осенью 1920 г. была произведена смена руководства архивным делом в стране. Заведующим Главархивом вместо Д.Б. Рязанова становится его основной оппонент, видный советский историк и заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский. Покровский, как и руководители большевистского правительства и партии, считал, что архивы должны обслуживать не

²⁷ Владимир Ильич Ленин 1978. С. 275; В революции нет мелочей. С. 68–74.

столько научные, сколько политические и идеологические потребности. При Рязанове же в архивах работали «старые» специалисты, ученые-архивисты, историки. Именно на это обратил внимание в беседе с Лениным по данному вопросу Адоратский. Он был убежден в необходимости того, чтобы во главе политических архивов стояли партийные люди. В результате этой беседы во главе архивного дела были поставлены Покровский и Адоратский²⁸.

Проведение в жизнь принципа «классовости», идеологической и политической утилитарности архивов имело печальные последствия. Вскоре после назначения Покровского руководителем Главархива (с ноября 1921 г. – Управление Центрархивом РСФСР в ведении ВЦИК) в архивах были произведены «чистки» сотрудников. Историки, архивисты, специалисты были заменены «пролетарским», «партийным» элементом, часто даже без среднего образования. Был ужесточен контроль к доступу и использованию архивных документов. Уже в 1920-х гг. многие категории документов засекречиваются, а ряд советских ведомств заявляют свои права на некоторые архивные фонды. Так, в 1925 г. ОГПУ заявило свои права на архивы Департамента полиции, которые в дальнейшем использовались для оперативных целей – выявления «неблагонадежных» и составления картотеки на граждан.

Собирание архивов становится важнейшим делом Адоратского. Оно отнимало много времени и сил. Владимир Викторович способствовал перевозке из Казани библиотеки Соловецкого монастыря. В апреле 1922 г. писал в Президиум ВЦИК о важности спасения находившегося в Новгороде архива А.А. Аракчеева. Благодаря Адоратскому в начале 1920-х гг. поступили в архивы рукописи и письма В.Г. Белинского, декабриста, Ф.П. Шаховского, документы Д.В. Каракозова, С.Г. Нечаева и других революционеров. Он переписывался с сестрой А.П. Чехова – М.П. Чеховой, с сестрой лейтенанта П.П. Шмидта – А.П. Избаш с целью получить и сохранить документы истории²⁹.

Адоратский сыграл важную роль в выработке и создании принципов советского архивного строительства. В марте 1925 г. на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР в Москве ученые-архивисты предприняли одну из последних безуспешных попыток помешать стремительно проводимой, в т.ч. под руководством Адоратского, политизации архивов. Позиция Адоратского в отноше-

²⁸ Литвин, Литвин 2008. С. 87.

²⁹ Там же. С. 89.

нии архивов была довольно противоречива: ратуя за централизацию архивных фондов и против их распыления, он в то же самое время призывал к обособлению историко-революционных, историко-партийных документов, что к концу 1920-х гг. приведет к созданию в стране целой сети партийных архивов, существовавших «параллельно» государственным и принадлежащим не государству, а правящей партии.

Адоратский вспоминал, что работа по собиранию и организации архивов, а затем преподавательская работа были основным его занятием в то время. «Только в 1928 г., после слияния Истпарта с Институтом Ленина, моей основной работой стала работа в Институте Ленина»³⁰. В мае 1928 г. ЦК партии признал целесообразным объединить Истпарт и Институт Ленина в единое учреждение – Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Директором Института Ленина стал М.А. Савельев, его заместителем – Адоратский, не освобожденный, впрочем, и от архивной работы.

В 1929 г. Владимир Викторович принял участие в работе Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов и Второго съезда архивных работников. К тому времени архивистов старой школы практически на всех постах сменили партийные функционеры. Эти форумы способствовали политизации исторической науки на основе марксистской идеологии. Адоратский был избран в Президиум съезда не только как архивный работник, но и как делегат Института Ленина. Поэтому в своем выступлении на съезде он говорил о деятельности Института, о трудностях, связанных с изданием Сочинений Ленина, созданием единого партийного архива.

Адоратский занимался собиранием ленинских документов, редактировал тома второго и третьего издания сочинений Ленина, выступал с докладами о его наследии. В 1930 г. работа по подготовке второго и третьего изданий собраний сочинений Ленина была в основном закончена (завершена она была в 1932 г.), и Институт Ленина заявил о подготовке к изданию научной биографии Ленина. В марте 1930 г. дирекция Института Ленина признала необходимым в связи с реорганизацией Института красной профессуры создать историко-партийный институт, подчиненный Институту Ленина, с четырьмя отделениями: ленинизма, истории партии, истории Коминтерна и партстроительства. Основной задачей историко-партийного института являлось «создание теоре-

³⁰ Адоратский 1930. С. 164–165.

тически подготовленных руководящих партийных кадров для ведения самостоятельной научно-исследовательской, преподавательской и практической партийной работы». Директором этого института был назначен Адоратский³¹.

3 ноября 1931 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «Об объединении Института Карла Маркса и Фридриха Энгельса при ЦИК Союза ССР с Институтом Ленина при ЦК ВКП(б)» и об организации единого Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) «для подготовки к изданию Сочинений Маркса, Энгельса и Ленина и разработки марксистско-ленинской теории». Тогда же в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) был создан единый Центральный партийный архив (ЦПА). Первым директором ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) стал Адоратский.

Созданию ИМЭЛ предшествовала расправа над бывшим директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязановым и рядом сотрудников этого учреждения. В 1931 г. Рязанов был арестован по сфальсифицированным обвинениям в связях с меньшевиками и недооценке вклада Ленина в развитие марксизма, исключен из партии и из состава Академии наук, снят со всех постов, выслан в Саратов (в 1938 г. его вновь арестовали и расстреляли). Адоратский был назначен директором Института буквально через несколько дней после ареста Рязанова – 20 февраля 1931 г. В марте с его согласия были уволены более половины сотрудников - 127 человек.

В этот период активного вытеснения «старой» исторической науки и создания структур и проблематики «новой», партийной исторической науки Адоратский был очень востребован. Он писал в 1931 г., что работает на 17-ти должностях³².

29 марта 1932 г. общее собрание Академии наук СССР избрало В.В. Адоратского действительным членом Академии по специальности история и теория научного социализма. Так Адоратский достиг вершины карьеры, возможной в те годы для советского историка. Впрочем, 1932 год оказался для него довольно тяжелым. Умер академик Покровский, с которым его связывала многолетняя дружба и работа, а сразу после его похорон ему спешно пришлось выехать в Казань, где в ночь на 27 апреля скончалась его мать.

³¹ Литвин, Литвин 2008. С. 104–105.

³² Там же. С. 106.

Академик в золотой клетке «науки без свободы»

В 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» было напечатано письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». В этом письме Сталин, в частности, подчеркнул, что историк должен писать историю в интересах своего класса и партии, а историков, в поисках объективной истины опиравшихся в своих исследованиях на архивные документы, назвал «архивными крысами». Еще до выхода письма Сталина, 7 января 1931 г., состоялось специальное заседание Коллегии ЦАУ, на котором были оглашены тезисы партийного выдвиженца в ЦАУ Ф.Д. Кротова, которые транслировали основные направления партийно-государственной политики 1930-х гг. в отношении архивов. Сущность ее проявилась в тесно связанных между собой кампаниях 1930-х гг. – «макулатурной кампании» и в кадровых «чистках». Изменялась тематика статей, исчезали прежние авторы. Постепенно сходили на нет аналитические работы, дискуссии.

В 1934 г. прошел XVII съезд партии, называвшийся «съездом победителей», но оставшийся в памяти страны как «съезд расстрелянных» или «съезд обреченных». Из 1956 делегатов съезда было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1108 человек (56,6%). Из избранных на съезде в ЦК 139 человек будет незаконно репрессировано 97, пятеро покончат с собой, а один – Киров – будет убит в результате покушения³³. На этом съезде Адоратский был избран членом ревизионной комиссии. Репрессирован он не был.

Перед историко-партийной наукой уже в начале 1930-х гг. была поставлена задача написания трудов, которые бы полностью пересматривали события революции и историю партии, фальсифицировали историю, чтобы «во весь рост» показать «исполнинскую фигуру Сталина». Еще в 1932 г. после разгромной критики 4-томной истории ВКП(б), вышедшей под редакцией Е.М. Ярославского в 1926–1929 гг., ЦК ВКП(б) создал авторскую группу для составления новой многотомной «Истории ВКП(б)». В нее вошли В. Адоратский, А. Бубнов, В. Быстрянский, Д. Кнорин, Н. Попов, Н. Скрыпник, И. Товстуха, Е. Ярославский. Подготовка этой истории ВКП(б) так и не была доведена до конца³⁴.

³³ О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии см.: Восленский, 1990. С. 110.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 120. Л. 3, 10; Маньковская, Шарапов 1988. С. 67.

В середине 1930-х гг. развернулась работа по подготовке учебника по истории ВКП(б). Адоратский получил предложение комиссии принять участие в создании этого учебника, но отказался. В специальном письме на имя Сталина он просил не включать его в число авторов учебника по истории партии, мотивируя это тем, что очень занят работой по изданию произведений Маркса и Энгельса. Действительно, Владимир Викторович много времени и сил отдавал редактированию и публикации документов. Кроме издания произведений Маркса и Энгельса, он вошел в состав редколлегии по выпуску четвертого и пятого изданий «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», серий «Парижская Коммуна в документах», «Первый Интернационал в документах» и др. Кроме того, он продолжал и работу по собиранию архивов³⁵.

Однако причиной отказа от участия в создании учебника по истории ВКП(б) была не чрезмерная занятость Владимира Викторовича, а, вероятно, желание дистанцироваться от работы, которая была не только «зияющей вершиной» фальсификации истории, но и в немалой степени «хождением по минному полю». Это был еще 1936 г., и отказ Адоратского был принят³⁶, но не забыт. Учебник же под личной редакцией Сталина вышел в свет во второй половине 1938 г. под названием «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» – знаменитый «Краткий курс», образчик сталинской фальсификации истории. Владимир Викторович же после этого совершенно отошел от занятий историко-партийной тематикой. Ни в дневниковых записях, ни в письмах он, старый и осторожный подпольщик, этих вопросов не касался.

Адоратский уже с конца 1920-х гг. верно служил Сталину и способствовал своим авторитетом большевика с дореволюционным стажем и лично знакомого с Лениным укреплению его позиций. Родственница жены Адоратского вспоминала: «В декабре 1929 г., в связи с 50-летием Сталина, к ведущим ученым-марксистам обратились с предложением восславить Сталина как великого философа – классика марксизма. Директор Института Маркса-Энгельса-Ленина академик Д.Б. Рязанов и директор Института философии академик А.М. Деборин отказались, а В.В. Адоратский предложение принял и выступил в «Известиях» с соответ-

³⁵ Якушев 1991. С. 30–31.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

ствующей статьей. Этот шаг преопределил его последующее возвышение и статус формального главы советской философии»³⁷. В 1930-е гг. Адоратский был довольно несамостоятелен и в своей археографической деятельности, он довольно часто обращался к Сталину за разрешениями на издание того или иного документа Маркса, Энгельса, Ленина³⁸. Несмотря на эту преданность Сталину и трепет перед ним, Адоратский периодически подвергался его критике: в частности, в сентябре 1938 г. Сталин подверг его критике на совещании пропагандистов и руководящих работников Москвы и Ленинграда – за «запущенность идеологического хозяйства» в ИМЭЛ³⁹. Когда готовилось развенчание школы давно умершего Покровского (в 1939–1940 гг. вышло два сборника статей «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского»), Владимир Викторович, в отличие от многих принявших участие в этой кампании, в т.ч. учеников Покровского, не стал этого делать и отмолчался.

Отказ Адоратского от участия в написании «Краткого курса» и его попытки уклониться от создания других историко-партийных текстов, востребованных в условиях культа Сталина, не остались незамеченными.

В начале 1939 г. комиссия ЦК ВКП(б) во главе с М.Б. Митиным обследовала содержимое архива ИМЭЛ и записала в своем отчете: «Особенно необходимо отметить, что архив засорен бумагами врагов народа – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Томского, Шляпникова, Рязанова, Антонова-Овсеенко и ряда других... Эти бумаги нуждаются в разработке с целью выявления связей врагов народа. В архиве партии им, конечно, не может быть места»⁴⁰. Все это способствовало отставке Адоратского 20 января 1939 г. с поста директора ИМЭЛ. Его сменил философ М.Б. Митин, избранный тогда же, в 1939 г., действительным членом АН СССР. В 1939 г. Адоратский перестает быть и директором Института философии АН СССР, который он возглавлял с 1936 г.

Впрочем, Владимир Викторович репрессирован не был, не был он и уволен, его даже оставили в должности ответственного редактора ИМЭЛ, он продолжал редактировать и перево-

³⁷ Тахтамышева

³⁸ Литвин, Литвин 2008. С. 108, 111.

³⁹ Сталин 2006. С. 395, 399.

⁴⁰ Якушев 1991. С. 62.

дять, готовить к публикации сочинения Маркса, Энгельса, Ленина. К 1940 г. было в основном завершено начатое в 1928 г. первое издание Сочинений Маркса и Энгельса (два последних тома из-за начавшейся войны вышли только в 1946-1947 гг.). 15 из 28 томов были отредактированы Адоратским.

Несмотря на все тревоги 1930-х гг., жили Адоратские довольно хорошо и комфортно. Как уже говорилось, еще в 1920 г. они поселились в 5-м Доме Советов. Позже, после постройки в 1931 г. Дома правительства на ул. Серафимовича (т.н. «Дом на Набережной»), Адоратские получают там квартиру. В 1930-е гг. Адоратский получил и дачу на Николиной горе, рядом с дачей Михалковых, конфискованную у репрессированных хозяев.

После начала Великой Отечественной войны, в июле 1941 г. Владимир Викторович с женой и дочерью были эвакуированы с эшелонам АН СССР в Казань. Это было последнее его свидание с городом, в котором он родился и где начал свою революционную стезю, с университетом, который он закончил и в котором недолго работал. 17 августа 1941 г. семья Адоратских вместе с сотрудниками Института философии АН СССР переехала в Алматы. Владимир Викторович страдал от местного климата, часто попадал в больницу. Привыкшие к московскому комфорту, Адоратские с трудом переносили жизнь в эвакуации⁴¹.

В октябре 1943 г. они вернулись в Москву. В 1944–1945 гг. Владимир Викторович писал и доделывал «Жизнь и деятельность Маркса», писал книгу о юности Маркса для молодежи. Умер он 5 июня 1945 г. в Кремлевской больнице и был похоронен на Новом Донском кладбище при Московском крематории⁴².

Оценки личности Адоратского довольно противоречивы. Одни восхищались его образованностью и эрудицией. Другие указывали на его нелицеприятную роль в общественной жизни. Справедливость этого указания явна хотя бы из вышеописанной историей со смещением с должности и судьбой Рязанова, с участием Адоратского в возвышении личности Сталина. Столь же небесспорен результат деятельности Владимир Викторовича как архивиста. С одной стороны, он был среди тех, кто выстраивал и определял систему советских архивов, ратовал за собирание и издание документов, за недробимость архивных фондов, за централизацию архивов. С другой стороны, его заботы в основном

⁴¹ Там же.

⁴² РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 184. Л. 90; Д. 155. Л. 1; Д. 179. Л. 51, 53.

распространялись на историко-революционные и историко-партийные документы, а принцип подчинения архивов политическим и идеологическим задачам большевистской партии и государства, апологетом которого он последовательно выступал, сыграл трагическую роль в судьбах архивов и архивистов.

Оценка результатов научных исследований В.В. Адоратского менее спорна. Уже в далекие 1930-е гг. Б.И. Николаевский довольно жестко и скептически отзывался о нем, как о сухом догматике⁴³. Сегодня рассуждения Адоратского о теории и практике марксизма, его выводы вряд ли представляют научный интерес. Однако они остались частью советской историографии, а судьба В.В. Адоратского – частью истории того, как пришедшие к власти большевики и их последователи насаждали «единственно верное учение», и как в этом принимали участие многие образованные, интеллигентные люди, как «прекраснодушные идеалисты», в юности пылко ратовавшие за «свободу мысли и слова», бесстрашность в исследованиях и полную независимость от гнета», становились функционерами от науки и догматиками, обрекая науку на роль охранительницы режима, при котором свобода мысли становилась смертным приговором.

ИСТОЧНИКИ

- Адоратский В. Воспоминания о возникновении Истпарта // Пролетарская революция. 1930. № 5. С. 163-165.
- Адоратский В.В. Воспоминания о Ленине. М., 1933. 77 с.
- Адоратский В. За 18 лет (Встречи с Владимиром Ильичем) // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 92-106.
- Адоратский В. О государстве (К вопросу о методе исследования). М.: тип. Московской Таганской тюрьмы, 1923. 96 с.
- Большой русский альбом. Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/39499>
- В революции нет мелочей ... // Советские архивы. 1966. № 5. С. 68-74.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника 1870–1924. Т. 2: 1905–1912. М.: Политиздат, 1971. 720 с.; Т. 9: Т. 9 Июнь 1920 – январь 1921. М.: Политиздат, 1978. 743 с.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 926, 1287, 1296; Ф. 977. Оп. 1. Д. 33235; Ф. 4682. Оп. 1. Д. 8.
- Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 114-131.
- Из архива Л.О. Дан. Amsterdam: Stichting Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1987. 209 с.

⁴³ См.: Из архива 1987. С. 108–109; Фельштинский 1993. С. 70–71.

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958-1965. Т. 51: Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. 1965. 573 с.,
Ленинский сборник. Т. XXIV. М.: Партиздат, 1933. 338 с.
Ленинский сборник. Т. XXXVI. М.: Политиздат, 1959. 555 с.
Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Л.: Прибой, 1925. 246 с.
Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. Сборник документов в 3 т. / Ред. колл.: М.С. Волин [и др.]. Т. 2: Январь–сентябрь 1904 г. М.: Мысль, 1975. 575 с.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 878; Ф. 71. Оп. 2. Д. 120; Ф. 124. Оп. 1. Д. 18; Ф. 559. Оп. 1. Д. 55, 122, 155, 179, 184.
Сталин И. В. (1879–1953). Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: сборник документов и материалов / сост. М. В. Зеленев. Ч. 1: 1920–1930-е годы. 2006. 494 с.
Третий съезд РСДРП. Протоколы. Апр.-май 1905 г. / Под ред. Н.К. Крупской. М.: Партиздат, 1937. 578 с.
Разговоры с Бухариным: комментарии к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложением. М.: Изд-во гуманит. лит., 1993. 141 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. Октябрь: Сов. Россия, 1991. 622 с.
Литвин А.А., Литвин А.Л. Заурядная жизнь незаурядного человека. В.В. Адоратский (1878–1945). Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. 126 с.
Маньковская И.Л., Шарапов Ю.П. Культ личности и историко-партийная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5. С. 57-70.
Тахтамышева Н.А. Благородный купеческий род. Сапожниковы. (Раздел: Адоратские) URL: http://foto-progulki.ru/adoratskie_kazan
Якушев С.В. Центральный партийный архив в 30-е годы // Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 25-33.

Литвин Александр Алтерович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, hist33rus@yandex.ru

Мальшева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Alla.Salnikova@kpfu.ru

“What is science without freedom?”

Soviet Marxist historian Vladimir Viktorovich Adoratsky

This article attempts to reconstruct the life history and creative path of one of the recognized "masters" of Soviet historiography – Kazan University graduate, Marxist historian Vladimir Viktorovich Adoratsky (1878–1945) on the basis of new archival materials. The use of new documents allowed us to get away from the canonical biography of this remarkable man and trace the difficult transformation he had to undergo, transforming from a young romantic researcher into a tough functionary of science, who abandoned many professional principles, "freedom of thought and speech" in the name of devoted service to Soviet power and uncompromising advocacy of Marxist theory.

Keywords: V.V. Adoratsky, Soviet historical science, Marxist historians, personalities, Kazan University.

Alexander Litvin, *Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, hist33rus@yandex.ru*

Svetlana Malysheva, *Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru*

Alla Salnikova, *Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Alla.Salnikova@kpfu.ru*

Л.А. СЫЧЕНКОВА

**ОБРАЗ ИЕРЕМИИ ИСАЕВИЧА ИОФФЕ
В ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ
РОДСТВЕННИКОВ И УЧЕНИКОВ**

В статье переосмысливаются факты биографии советского искусствоведа и культуролога И. Иоффе (1888–1947) сквозь призму неопубликованных воспоминаний его родственников, учеников и коллег. Подвергается анализу уникальный материал из воспоминаний его племянника – А.Н. Бахарева, и вдовы ученого – О.Е. Ивановой. Главная идея автора: осуществление истории семьи, национальной среды, образования, круга общения в Петрограде-Ленинграде 1916–1947 гг. Новые детали биографии ученого позволяют выявить несколько важных фигур, оказавших влияние на формирование личности И. Иоффе и его концепции синтетического развития искусства. Среди них: историк искусства В.И. Пясецкий, историк Н.И. Рожков, литературоведы В.А. Десницкий и Б.А. Фингерт, историк-медиевист О.Л. Вайнштейн. Воспоминания родственников существенно дополняют и корректируют сведения из архивных документов, позволяют реконструировать среду ленинградской преподавательской интеллигенции, сделать историографический портрет Иоффе более объемным и конкретным.

Ключевые слова: И.И. Иоффе, история семьи, А.Н. Бахарев, Н.А. Рожков, В.А. Десницкий, Ленинград 1930–1940-х гг., интеллектуальная среда

Имя И.И. Иоффе (1888–1947) до сих пор известно достаточно узкому кругу гуманитариев, преимущественно искусствоведов и культурологов. Первая книга И. Иоффе, с которой мне удалось познакомиться в середине 1980-х гг., была «Культура и стиль» (1927)¹. Книга выделялась даже на фоне фейерверка смелых экспериментов и необычных гипотез в области гуманитарных наук, художественной культуры 1920-х гг. После знакомства с другими произведениями И. Иоффе возник интерес к этой фигуре. Кто этот ученый, который так широко и многоаспектно ставил проблемы теории и истории культуры? И почему его забыли?²

Никаких сведений об авторе в официальных и опубликованных изданиях найти не удалось. Биография И. Иоффе не была

¹ Иоффе 1927.

² В процессе сбора сведений об Иоффе его ученик, казанский художник-график, искусствовед Л.Я. Елькович спросил меня: «А зачем Вам это? Почему Вы хотите узнать подробности его биографии?» Я ответила, что не могу интерпретировать его концепцию, не имея представления о биографии и личности ученого». Л.Я. Елькович принял мой ответ и добавил, что и сам поступает точно так же.

написана, о его научном становлении и учителях ничего не было известно. Трудность изучения биографии И. Иоффе заключалась в том, что кроме официальных личных дел в архивах Ленинградского университета, Государственного Эрмитажа, Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, ГИИИ, о нем осталось очень мало документов личного происхождения³. Не сохранилось рукописей, черновиков, воспоминаний, дневниковых записей. Конечно, в тот момент, как впоследствии выяснилось, в нашей стране были люди, помнившие его, но их надо было найти. Имя И.И. Иоффе было известно узкому кругу ленинградских гуманитариев – искусствоведов, литературоведов, коллег, учеников. Среди помнивших его были, как впоследствии выяснилось, его ученики: профессора ЛГУ – философ, культуролог М.С. Каган, историк искусства Н.Н. Калитина, вдова профессора-историка О.Л. Вайнштейна – Л.А. Вайнштейн, вдова самого И. Иоффе – историк-славист, доцент ЛГУ О.Е. Иванова. Поэтому их воспоминания, устные рассказы, стали важным источником для восстановления биографии ученого и корректировки скудных и не всегда достоверных сведений из архивных документов.

И. Иоффе был автором оригинальной концепции синтетического развития искусства. Делом его жизни стало создание в конце 1930-х кафедры истории и теории искусства, а затем искусствоведческого отделения на историческом факультете Ленинградского университета. Иеремия Исаевич разработал уникальную программу профессиональной подготовки искусствоведов. Своими образовательными новациями он опередил свое время.

И. Иоффе был не понятен и чужд современникам-гуманитариям. Он не «вписывался» ни в одну группу, ни в одно официально признанное направление в искусствоведении и литературоведении. В академическом кругу «советских» теоретиков культуры 1920–1930-х гг. его принимали за странноватого чудака. Наследие Иоффе было забыто, а его имя долгое время в советском пространстве за пределами столиц звучало неопределенно.

В биографии Иоффе до сих пор встречается много досадных ошибок, Предлагаемая реконструкция неофициальной биографии ученого основана, прежде всего, на воспоминаниях племянника И.И. Иоффе – А.Н. Бахарева, вдовы ученого – О.Е. Ивановой, его

³ Упоминания об Иоффе, разумеется, есть в личных фондах деятелей науки и культуры. Например, в Отделе рукописей Государственного Русского Музея (ОР ГРМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 385; Ф. 145. Оп. 2. Д. 367 (Письма Л.А. Динца к П.Е. Корнилову). Вероятно, будут найдены и другие упоминания.

учеников – Л.Я. Ельковича⁴, Б.М. Бернштейна⁵, находящихся в личном архиве автора⁶. Самым ценным среди этих документов были воспоминания А. Бахарева – две школьные тетради в клетку. Эти сведения коррелируются изданными воспоминаниями М.С. Кагана⁷, Н.Н. Калитиной⁸, архивными документами.

Собирая биографические сведения об Иоффе, меня волновали следующие вопросы:

1. Каким образом у Иоффе – мальчика из еврейской семьи, жившего в провинциальном городке, появился интерес к искусству?
2. Кто или что повлияло на его выбор профессии?
3. Кто подтолкнул Иоффе к созданию синтетической концепции истории искусства?
4. Почему Иоффе уделял такое значение истории художественного *мышления*? Почему его так сильно интересовали вопросы психологии искусства?
5. Наконец, насколько он был убежден в востребованности своего дела, которое так упорно отстаивал, в виде новой концепции искусствоведческого образования?

В процессе изучения биографии ученого выявилось много противоречивых свидетельств. Особенно это касалось раннего периода жизни Иоффе – детства, юности, до его приезда в Петроград в 1916 г. Дата и место его рождения по-разному трактовались в документах. Часто указывался не 1888, а 1891, даже иногда 1894 г. В статьях его ученика М.С. Кагана, написано, что Иоффе родился в Белоруссии⁹. В устных рассказах М.С. Каган называл родным городом Иоффе Витебск¹⁰. В автобиографиях Иоффе из служебных личных дел чаще всего указывается, что он родился в городе Нежине, Черниговской губернии. Встречаются указания

⁴ Елькович Леонид Яковлевич (1919–2003), кандидат искусствоведения, художник-график. Был аспирантом И.И. Иоффе в Саратове во время войны. С 1977 по 1979 г. – зав. кафедрой архитектуры в Казанском инженерно-строительном институте, ответственный секретарь Татарского отделения Союза художников. Занимался политическим плакатом, сатирической графикой.

⁵ Бернштейн Борис Моисеевич (1924–2015), искусствовед, окончил искусствоведческое отделение ЛГУ, доктор искусствоведения (1993), профессор Академии художеств Эстонии. С 1995 года эмигрировал в США, жил с женой у дочери Елены в Пало-Альто (Калифорния), продолжал читать лекции по истории искусств в Университете Беркли (Лос-Анжелес).

⁶ Личный архив Л.А. Сыченковой. Интервью с О.Е. Ивановой; 2. Интервью с М.С. Каганом; 3. Интервью с Л.Я. Ельковичем.

⁷ Каган 2006. С. 6-40.

⁸ Калитина 2005. С. 115-117.

⁹ Каган 2006. С. 6.

¹⁰ Интервью с М.С. Каганом, Ленинград, 31 октября 1987 г.

и на то, что Иоффе родился в Литве. Племянник Иеремии Исаевича – А.Н. Бахарев более определенно высказался по этому поводу: «дядя И., как и все братья и сестры вырос в городе Нежине, и с Литвой не был связан. Хотя мне приходилось видеть документы, что он якобы родился в городе Шавли (Шауляй, Литва)¹¹. Это были какие-то липовые бумаги, создаваемые для того, чтобы избежать военной службы в царской армии, которая была для евреев тяжелее, чем для других, вследствие отношения к ним. И такого рода обходные документы довольно нередко имели хождение в еврейской среде»¹². Известно, что за деньги в то время можно было купить любую справку. Так это было на самом деле, или нет, сейчас трудно проверить.

А.Н. Бахарев – главный биограф И. Иоффе. Он стал летописцем семьи, хранителем ее памяти. Воспоминания А.Н. Бахарева – это «отложенные воспоминания о детстве» и юности, и ранней юности, в которых главным героем был его дядя – Иеремия Исаевич. Воспоминания о детстве, записанные взрослым человеком, весьма своеобразный источник. События и факты изложены Бахаревым без соблюдения хронологической последовательности, а несколько сумбурно, как выхватывала их его память. Иногда, Бахарев отвечал в письмах на вопросы, которые ему задавались. Эти воспоминания отличает особый стиль, иногда излишне детализированный, с бытовыми подробностями, казавшимися ему важными. Во многих письмах сюжеты повторяются, уточняются, добавляются какие-то детали. В характеристику членов семьи и ближайшего окружения вкраплены описания жизни Ленинграда конца 1930–1940-х гг. Воспоминания о детстве и дяде переплетаются с рассказами о событиях в семье Александра Никифоровича уже в 1960–1990-е гг. и 1980–2000-х гг., о его родственниках.

Мы познакомились с А.Н. Бахаревым в ноябре 1987 г. в Ленинграде. С этого времени началась наша переписка, продолжавшаяся более двадцати лет, вплоть до его ухода в 2009 г. Мы встречались с ним несколько раз: дома – в коммунальной квартире на улице Большая Пушкарская. Один раз Александр Никифорович приходил в Купчино, где я останавливалась для работы в

¹¹ И такие документы о том, что Иеремия Исаевич «родился в городе Шавли Ковенской губернии», сегодня действительно найдены.

¹² В свое время, я не обратила внимания на эту деталь в биографии И. Иоффе, не уточняла у Бахарева, где он видел эти липовые документы. – Бахарев. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись, Тетрадь 2. 4 апреля 1993 г. Л. 11.

ленинградских архивах. Буквально за месяц до смерти он передал мне семейные фотографии.

Желая оставить память о своем дяде, Бахарев писал длинные письма. Постепенно, письмо за письмом он восстанавливал, как он сам точно выразился, «картину жизни дяди». Он довольно тесно общался с ним и хорошо его помнил. Дядя был для него примером трудолюбия, любви к профессии¹³. Как признавался Бахарев, историей семьи он стал интересоваться уже в зрелом возрасте и узнавал детали от брата и сестры И.И. Иоффе – Якова и Циры. Близкие родственники подмечали нюансы поведения Иеремии Исаевича, мотивы поступков, знали слабости и особенности характера. Они лучше других его чувствовали и понимали. Родственники видели его в неформальной обстановке. В семье его ласково называли «Лэ» или дядюшка «Лэ».

Постараюсь выбрать из этих воспоминаний наиболее важные, как мне представляется, сюжеты, которые позволяли ответить на волновавшие меня вопросы.

История фамилии и отчий дом

Предки Иоффе по отцу происходили из Литвы, а затем оказались в Черниговской области. По версии сестры Иеремии Исаевича Циры первоначально они носили фамилию «Мойзер», но «она сказала это без всякой уверенности. «Незадолго до смерти моей матери (в 1969 г.), писал А. Бахарев, – я задавал этот вопрос дяде Якову, он назвал другую фамилию «Цзарус», что значит по-еврейски, а, может быть, по-литовски, ювелир. Это он мне так сказал. Здесь надо бы проверить, действительно, ли Цесарус – ювелир?»¹⁴. Почему предки Иеремии Исаевича поменяли фами-

¹³ Однажды Александр Никифорович прислал тетрадь из 12 листов с воспоминаниями о дяде, а потом еще одну с дополнениями и корректировкой текста. А.Н. Бахарев – инженер по профессии, был весьма далек от предмета занятий своего дяди, но имел некоторые литературные притязания. В молодости он печатал стихи в заводской газете. «Что касается моих печатных публикаций, – писал о себе А.Н. Бахарев, – то это были стихи в заводской газете многотиражке, где я участвовал в литературной группе «Гудящие провода», которой руководила известная поэтесса, тогда более молодая Людмила Щипахина». Он также печатал критические статьи о творчестве своих коллег – заводских поэтов. Она называла мои высказывания «удивительно глубокими», даже называла «загадочной личностью», а также характеризовала, как «толстодума». И как-то я принес и показал Людмиле Щипахиной книгу своего дядюшки. Видимо, нечто от него ко мне все же перепало». – Письмо А.Н. Бахарева от 20 декабря 1996 года. Л. 1-2.

¹⁴ Доказательств такого перевода слова обнаружить не удалось. Цесарус, скорее, латинизированное – царственный.

лию, неизвестно. А. Бахарев объяснял, что подмены фамилии, а иногда и дат рождения в еврейских семьях были связаны с боязнью службы в царской армии¹⁵.

Глава семьи, из которой происходил Иеремия Исаевич, Исайя Наумович (Шая Нахемович, 1856–1939) занимался мелким промыслом: производством веревок из льна¹⁶. «Помню, у него были книги, написанные на древнееврейском языке, алфавите, которые он умел читать. Конечно, из религиозных. Но мама говорила, что он уже в довольно молодые годы был неверующим»¹⁷.

Мать Иеремии звали Лея Иоселевна, она дожила до 1929 г. По семейным преданиям, предки матери И. Иоффе сначала жили в Чернигове, а потом в Москве, по этой линии дальней родственницей была Наталья Сац, первый директор Детского музыкального театра. Откуда у него такие сведения, я не уточняла.

Семья жила в городе Нежине. В семье Исайя Наумовича было семеро детей: сестры – Сара, Цира, Мира, братья – Яков, Иеремия; Борис (Барух) и Еня (Иона) умерли до переезда семьи в Петроград. Семья жила бедно, что видно по фотографиям¹⁸. Нежин – это особый украинский город, где родился Н.В. Гоголь. Думаю, что не случайно И. Иоффе к юбилею писателя-земляка в 1947 г. подготовил большую статью «Мертвые души и русский романтизм»¹⁹. А.Н. Бахарев с особым лиризмом вспоминал: «Нежин – тихий городок, приятный. Около 100 километров до Киева и 60 до Чернигова. Там находился лицей бывшего графа Безбородко, где учился в свое время Гоголь, а сейчас Педагогиче-

¹⁵ Как рассказывала вдова И. Иоффе – О. Е. Иванова, когда во время отдыха на Рижском взморье встретила с семьей известного физика, академика А.Ф. Иоффе (1880–1960), то выяснили, что они – просто однофамильцы, и никаких родственных корней не имели. – Интервью с О.Е. Ивановой. Павловск, 1 ноября 1987 г. Л. 1.

¹⁶ Компаньоном по ремеслу и приятелем Исайя Наумовича был Степан Мифодьевич Карапыш – крестьянин из «деревни Горшовка, которая находилась в нескольких километрах от районного центра, городка Городня Черниговской области». – Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись, Тетрадь 2. 4 апреля 1993 года. Л. 8.

¹⁷ Письмо А.Н. Бахарева от 14 мая 1996 года. Л. 9. Письма А.Н. Бахарева от 20 декабря 1996 года. Л. 1-2.

¹⁸ Позднее в анкете Государственного института истории искусств, где работал Иоффе с 1930 по 1941 г., совмещая с работой в Государственном Эрмитаже и Ленинградском университете, на вопрос анкеты о недвижимом имуществе родителей до революции, он ответил: «одноэтажный деревянный домик из трех комнат». – Архив РИИИ. Д. 105 (И.И. Иоффе). Л. 1.

¹⁹ Иоффе 1943. С. 173–203.

ский институт²⁰. С городом Нежином я немного был знаком. До трехлетнего возраста мама меня туда на лето вывозила, где я и родился. Сохранились отдельные воспоминания об устройстве дедушкиного дома, о речке Остер, на берегу которой стоял домик. В последний раз я посетил эти места в 1988 г. Помню, мама показывала мне гимназию, где она училась»²¹.

Отец Иоффе поддерживал стремление детей получить образование. Семья Иоффе была очень музыкальной. Все любили петь. Брат Яков играл на скрипке, Иеремия на виолончели.

Братья и сестры

Бахарев дал характеристики всем членам семьи: дедушке, братьям и сестрам Иеремии Исаевича, его супруге, друзей семьи.

О брате И.И. – Якове (1894–1970) он писал так: это был «близкий и частый собеседник дяди Иеремии. <...> Они составляли интеллектуальную пару», – так объяснял особую близость братьев Бахарев. Яков, по его мнению, имел «ряд сходных, хотя и видоизмененных черт <...> Он ведь был выдающимся изобретателем, ...возглавлял опытный завод и конструкторское бюро (общая численность завода – около 100 человек). <...> На заводе занимались разработкой и созданием опытных образцов землеройных машин с телескопическими стрелами»²². Уточняя образ дяди Якова, племянник сделал важное замечание «Вспоминаются мне его слова, сказанные во время моих студенческих лет: “Они так занимаются этим всю жизнь, и не знают, нужно ли это кому-нибудь или нет”. Это об искусствоведении, прежде всего, о дяде И. Однако и машины дяди Якова, казалось бы, хорошие и нужные, о чем были соответствующие заключения, весьма часто, по различным, непростым причинам, оказались без применения и проведения в жизнь»²³. Яков Исаевич умер в 1970 г. Его жена Ариадна Леонидовна – в 2007 г., когда ей было уже 86 лет. Она передала фотографии из семейного альбома племяннику.

Сестра Цира (1884–1955) окончила медицинский институт в Киеве в 1915 г. Она тоже была близкой собеседницей брата. «Запали ее слова, сказанные перед войной: “Я боюсь Гитлера”. Она была врачом, и единственная из семьи осталась в блокадном

²⁰ Нежинская женская А.Ф. Крестинской гимназия.

²¹ Бахарев А.Н. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись, Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 9.

²² Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 2. 4 апреля 1993 года. Л. 10.

²³ Бахарев А.Н. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 3–4.

Ленинграде. Она работала в блокаду, ходила по вызовам, жила на работе в маленьком чуланчике <...> была награждена медалью «За оборону Ленинграда». <...> Умерла в 1955 году».

Сестра Сара (1899–1969), мать А.Н. Бахарева, не окончила гимназию, так как началась гражданская война, а в Нежин пришел Петлюра. Сара, окончила Педагогический институт имени А.И. Герцена, как и брат Иеремия. Впоследствии она работала учителем истории и химиком-технологом.

Сестра Мира – самая старшая. О ней племянник пишет только, что на одной из семейных фотографий есть ее муж.

Постепенно в Петроград переехали все члены семьи Иоффе: его братья, сестры, родители. Сестры и братья – это ближний круг Иоффе, связь с которым он поддерживал всю жизнь. В начале его профессионального становления его личность формировало семейное окружение: лиричность, любовь к украинской природе, тягу к образованию, любовь к музыке.

История семейного альбома с фотографиями

Как и в каждой семье, у семьи Иоффе был большой альбом с фотографиями, но он не сохранился. Бахарев так изложил историю пропажи альбома: «Он еще с довоенного времени находился в той квартире на Большой Зелениной, где я прожил 50 лет. Ибо там жил дед (умер в 1939 году), и сестры – Мира (умерла в 1934 году) и Цира. А мама умерла²⁴ в 1969 году. А в 1970 году нас решили временно переселить, в связи с ремонтом крыши. <...> Антонина²⁵, вынесла старый альбом вместе с вещами, которые не чаяла сохранять. Он объясняла это тем, что «ей органично хотелось, чтобы девочки²⁶ шли более на русскую сторону (они русские на три четверти). И эта еврейская сторона ей не была милой. ...Когда это выяснилось, я не очень горевал. <...> Впоследствии... у меня пришел более интерес к корням»²⁷.

Переданные мне фотографии – это то, что осталось от семейного альбома у брата Якова. Осталось несколько фотографий, но они существенно дополняют сведения о жизни Иоффе, которые не отложились в архивах.

1 и 2 фотографии – родители и дети;

3. Фото И. Иоффе в молодые годы – начало 1920-х гг. на отдыхе в Крыму с супругой и семьей историка Н. Рожкова и М. Рожковой.

²⁴ Сестра И. Иоффе – Сара.

²⁵ Антонина – вторая жена А. Бахарева.

²⁶ Дочери А.Н. Бахарева и его супруги Антонины.

²⁷ Письмо А.Н. Бахарева от 28 ноября 1995 года. Л. 3.

4. Фото четы Иоффе за виолончелью и с Ольгой Ефимовной.
5. Его отдельный портрет с виолончелью.
6. Фото с родственниками за праздничным столом в Ленинграде 1930-е гг.
7. Фото на отдыхе в Кисловодске 1946 г.²⁸.
8. Фото А.Н. Бахарева с дочками в детстве – Катей и Наташей.
9. Портрет А.Н. Бахарева.
- 10 и 11. Портреты взрослых внучатых племянниц Иоффе, дочерей А.Н. Бахарева.

Начальное образование И. Иоффе получил в четырехклассном городском училище Нежина. Сохранился весьма сомнительной подлинности документ 1908 года, в котором указано место рождения И. Иоффе – город Шавли, Ковенской губернии. В нем содержатся сведения о том, что И. Иоффе «подвергался испытанию в Шавельской мужской гимназии»²⁹. Есть основание полагать, что это поддельный документ. Точно известно, что экзамен о среднем образовании он сдал экстерном в 20 лет. Еще одна интересная деталь биографии ученого: до переезда в Петроград он жил в Гомеле, но то, чем он там занимался, неизвестно.

В 1916 г. И. Иоффе приехал в Петроград, на вокзале его встречал брат Яков, который уже обосновался в этом городе. При встрече Иеремия удивил старшего брата Якова своим провинциальным обликом. В ту пору Иеремия носил бороду и пейсы, длинное пальто. По выражению брата, он был похож на «подравинка», имея ярко выраженную еврейскую внешность. Яков посоветовал Иеремии приобрести более привычный облик, чтобы обезопасить себя от недружелюбных комментариев.

И. Иоффе поступил на общее отделение Психоневрологического института в Петрограде в 1916 г. Получается, что ему было в ту пору 28 лет! Почему он так поздно решил получить высшее образование? Что делал до 28 лет? Плохо верится в то, что он помогал отцу в его ремесле – «изготовлении очёсков», как сам ученый писал в автобиографиях. Тут либо какая-то ошибка, либо намеренное искажение дат. И тогда, все-таки, дата рождения И. Иоффе – 1892 г., как указывал племянник и подтверждала супруга Якова – Александра Леонидовна.

Интересный момент связан с образованием И. Иоффе. Почему он выбрал Психоневрологический институт? Могло быть

²⁸ 1946 год – последний год жизни Иоффе, на фото он сильно постаревший, с совершенно седой головой.

²⁹ Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 5.

две причины. В дореволюционной России при приеме в высшие учебные заведения действовали сословные, конфессиональные и гендерные ограничения. Иоффе, кроме того, что был евреем, еще и не имел гимназического образования. После событий 1905–1907 гг. некоторые ограничения были сняты. Но одно из главных условий – наличие гимназического образования сохранялось.

В Психоневрологическом институте были установлены другие правила поступления. Он был создан преимущественно на частные пожертвования. Формально институт подчинялся Министерству народного просвещения, но позволял некоторые вольности: в него принимались лица любого вероисповедания и обоих полов, а также лица, окончившие не только классические гимназии, но и коммерческие и реальные училища, учительские институты и другие средние учебные заведения. На общем отделении института, на котором учился И. Иоффе, была прекрасная программа широкого гуманитарного образования.

Полагаю, что на этом этапе его образования нужно остановиться особо. В Психоневрологическом институте И. Иоффе проучился всего два года – с 1916 по 1918 г., но это был очень важный период становления его личности и выбора будущей профессии. Именно в Психоневрологическом институте были заложены основы мировоззрения И. Иоффе. Известно, что он не имел классического искусствоведческого образования, но только самообразованием невозможно объяснить его высочайшую эрудицию в вопросах истории искусства, литературы, театра и музыки. Кто его направил? Конечно, следует признать, что Иоффе – самородок, и многое постиг самостоятельно, но очевидно, что без сильного влияния яркой личности этого произойти не могло.

Программа обучения первых двух курсов основного отделения включала комплекс гуманитарных дисциплин. Курсы читали высококлассные преподаватели³⁰. У кого мог учиться И. Иоффе? Немецкий язык на общем отделении преподавал А.Х. Юргенсон, философию, логику – К.Ф. Жаков³¹, историю философии – Е.В. Сперанский, общую и экспериментальную психологию – А.Ф. Лазурский, сравнительную психологию – В.А. Вагнер³², ис-

³⁰ Отчет о деятельности Психоневрологического института 1913.

³¹ Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926), русский философ, этнограф и писатель коми-зырянского происхождения. Он помогал многим землякам, в том числе и Питириму Сорокину.

³² Вагнер Владимир Александрович (1849–1934), советский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России. Профессор Пе-

торию русской литературы – С.А. Венгеров³³, социологию – Е.В. де Роберти³⁴, всеобщую историю – Н.И. Кареев и Е.В. Тарле. Кроме того, И.И. Холодняк³⁵ вел на всех отделениях курс латинского языка. Это были специалисты, получившие к тому времени заслуженное признание в гуманитарном мире России. Набор предметов, изученных Иоффе в течение двух лет, многое объясняет в его научных пристрастиях: интерес к философии, психологии мышления, истории, блестящее знание немецкого и французского.

Удивительно, но в образовательной программе был курс истории искусства, который читал Владимир Николаевич Пясецкий (1868–после 1934), который был одновременно архитектором и гражданским инженером, искусствоведам и теоретиком архитектуры. Интересная деталь: профессором кафедры истории культуры в Психоневрологическом институте с 1907 г. состоял, хотя лекций не читал, знаменитый уже в ту пору византинист и искусствовед Д.В. Айналов³⁶. Позднее Иоффе высоко оценивал вклад Д.В. Айналова в российское искусствознание (в статье 1947 г.)³⁷.

Эксперименты И.И. Иоффе в методике преподавания истории искусств дают основания предполагать, что он многое воспринял у Пясецкого, хотя никогда не упоминал о нем в своих книгах. Пясецкий отстаивал связь искусства с природой и культурой, принцип наглядности, который впоследствии так настойчиво внедрял Иоффе в преподавание на кафедре истории искусств Ленинградского университета. «Педагогическая система Пясецкого имела основной принцип – наглядность». Пясецкий составил таб-

тербургского, затем Ленинградского университета (1906–1931). Один из организаторов Психоневрологического института в Петрограде.

³³ Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920), литературный критик, историк литературы, библиограф и редактор.

³⁴ Де Роберти Евгений Валентинович (полная фамилия: Де Роберти де Кастро де ла Серда; 1843–1915) русский социолог, философ-позитивист и экономист испанского происхождения. Видный деятель масонства.

³⁵ Холодняк Иван Ильич (1857–1913), филолог, писатель и переводчик.

³⁶ Д.В. Айналов по приглашению В.И. Бехтерева читал лекции в Психоневрологическом в 1905–1906 гг. «Но устав этого института был утвержден только 9 июня 1907 г., а учебная деятельность началась 3 февраля 1908 г. Айналов был избран профессором кафедры истории культуры 18 октября 1908 г., но не в качестве лектора, (историю искусств читал В.И. Пясецкий). Айналов был членом Совета института и принимал активное участие в его научной работе». Он прочел в институте ряд докладов по разным темам. См.: Анфертьева 2005. С. 272–278; Отчет о деятельности Психоневрологического института за 1911 год. 1913. С. 59.

³⁷ Иоффе 1947. С. 126–132.

лицы: «Полный и систематический атлас памятников по всемирной истории искусств» состоял из 500 стенных таблиц (размер 71x102 см); гравюры, фотографии, литографии, чертежи, рисунки, акварели и прочие репродукции заключали в себе около 10000 изображений. «Принцип отбора картинок – хронология и преемственность стилей, которые рассматривались автором в связи с природой и культурой создавшего их народа, коллекция постоянно пополнялась. <...> На их создание Пясецкий потратил 17 лет своей жизни, все свои сбережения, и совершил семь поездок за границу. <...> К 1909 году этот атлас стал наиболее полным пособием к изучению истории искусств»³⁸.

Институт, в котором И.И. Иоффе проучился недолго – до его закрытия в 1918 г., заложил основы его интереса к вопросам культуры. В институте сложился и круг ближайших друзей.

После закрытия института Иоффе перевелся в Педагогический институт на литературно-художественное отделение. Он получил образование по двум специальностям: филология и искусствоведение³⁹. В качестве дипломного сочинения написал работу о Бестужево-Марлинском, и был оставлен в институте для подготовки к профессорской деятельности. В воспоминаниях Бахарев упоминает несколько интересных фигур, связанных с Иоффе в начале 1920-х гг. – В.А. Десницкий, Н.А. Рожков⁴⁰, Б.А. Фингер⁴¹. Вероятно, в Педагогическом институте Иоффе познакомился с В.А. Десницким⁴² и Н.А. Рожковым. Два последних, судя

³⁸ Дымщиц, Шаталова 2017. С. 40, 42.

³⁹ Архив Санкт-Петербургского университета. Ф. 1. Оп. 26. Связка 19. Д. 686. Личное дело И.И. Иоффе. Л. 1.

⁴⁰ Волобуев, Гонзалез 2018. С. 61-77.

⁴¹ Фингерт Борис Александрович (1890–1960), философ-марксист, психолог, социолог. В 1919–1922 гг. – зав. кафедрой социологии в Первом педагогическом институте (ныне РГПУ им. А.И. Герцена) в Петрограде. С 1924 г. являлся бессменным директором Государственного института научной педагогики при Первом педагогическом институте. Осенью 1932 г. был избран первым председателем правления Ленинградского союза советских композиторов. Вследствие борьбы с космополитизмом, был в 1953 г. исключён из КПСС и уволен со всех руководящих должностей.

⁴² Десницкий Василий Алексеевич (партийные псевдонимы – Александр Иванович, Борода, Лопата, Сосновский, Строев; литературные – В. Головинский, В. Строев) (1878–1958), революционер, социал-демократ, советский литературовед и педагог. Весной 1921 г. вошёл в группу «красной профессуры», организованную преподавателями Петроградского университета. В декабре 1934 г. был утверждён в степени доктора филологических наук без защиты. Преподавал в Ленинградском педагогическом институте, был

по всему, были знакомы и раньше. «Не случайно в 1918 году он [В.А. Десницкий – Л.С.] вместе с Н.А. Рожковым выступил одним из учредителей в Петрограде 3-го пединститута, который потом получил имя А.И. Герцена. Несмотря на отход от большевиков, Десницкий имел у новой власти огромный авторитет»⁴³. Именно Десницкий помог освободить Рожкова в 1921 г. из-под ареста, используя старые связи, обратившись лично к Ленину⁴⁴. Десницкий, умея угадывать таланты, покровительствовал Иоффе.

Богатая биография В.А. Десницкого – непростого человека, с противоречивыми поступками («вокруг Десницкого бродило множество легенд»⁴⁵), заставляет задумываться о большой степени его влияния на Иоффе. Например, Иоффе сделал несколько попыток защиты докторской диссертации. Первая попытка была сделана в 1935 г., без защиты, но она не увенчалась успехом. Возможно, Иоффе вдохновил опыт Десницкого, которому в 1934 г. удалось таким образом получить докторскую степень без защиты диссертации. Спустя несколько лет И. Иоффе была предпринята вторая попытка защиты докторской диссертации:

«В 1939 году по ходатайству Академии искусствознания смешанная экспертная комиссия ВАК нашла возможным присудить мне степень доктора наук без защиты диссертации. Однако к этому времени Академия искусствознания перестала существовать, и по формальным причинам мне было предложено защитить диссертацию по любой из специальностей, входящих в мою работу. С ведома и согласия ВАК, я защитил филологическую диссертацию при оппонентах Десницком, Эйхенбауме и Фрейденберг. Защита прошла единогласно в обоих Советах. Таким образом, один раз мне присудили степень без защиты. Другой раз я ее защищал. По форме и по существу я имею право на степень, другой вопрос: какой специальности? Нет ничего легче, чем получить докторскую степень при защите традиционной темы в кругу специалистов. Нарушение принятых рубрик, хоть бы они и диктовались интересами науки, ставит ученого в трудное положение. Ибо обстоятельства, что я вот уже 20 лет работаю при разных темах над одной и той же проблемой, имеющей не только теоретическое и историческое, но и практическое значение, что я выпустил более 200 работ, я думаю, что это дает мне право на степень доктора. Споры, которые возникают вокруг моих работ, это, как указывают критики, споры вокруг новых исканий и проблем. Иоффе»⁴⁶.

проректором по научной и учебной работе и деканом факультета русского языка и литературы.

⁴³ Огрызко 2012.

⁴⁴ Смирнов 2009. С. 71.

⁴⁵ Гранин 2007. С. 50.

⁴⁶ Архив СПбГУ. Л. 4.

Считаю, что этот текст во многом объясняет долгий процесс получения искомой степени Иоффе⁴⁷. Он понимал, что его «Синтетическая история искусства» не вписывалась в установленные рамки специальностей. Культурологии как синтетической специальности, тогда еще не было, но И. Иоффе уже стоял у истоков новой области гуманитарного знания в России – культурологии, и назвал ее «культуроведением»⁴⁸.

В кругу близких и родных

Круг общения И.И. Иоффе ограничивался родственниками и старыми друзьями, которых он приобрел в ранней молодости и годы учебы в институте. Развлечений в его близком кругу было немного: семейные обеды по выходным и праздникам, посещение старых друзей, поездки на дачу, реже – отдых на море – Балтика, Крым, курорты Краснодарского края, Кисловодск⁴⁹.

Особое значение А. Бахарев придавал отдыху на даче под Всеволожском. Рассказывая о семейном загородном отдыхе, Бахарев прислал шуточный стишок «Небоскреб» И.И. Иоффе, сочиненный им для домашних. Стих посвящался открытию дачного сезона в новом доме, построенном сестрой Цирой:

Небоскреб небо скреб, скреб,
Пока не проскреб в небе дыру,
“Куда? Тпру”, - кричат небожители.
“В небо пру, Святотители,
Чтобы видел Бог, какой чертог,
прекрасен и строен, Цирой построен
На Всеволожской земле,
Где гостят Яков и Лэ”⁵⁰.

Может возникнуть представление, что Иоффе был мрачным человеком. Однако в кругу семьи он был остроумен и весел. Племянник вспоминал случай из дачной жизни: «“Вот бы сейчас чего-нибудь шипучего”». Это выражение я не раз слышал от дяди И. Речь шла не каких-нибудь газированных напитков. Но произносилось обычно довольно азартно. Это тоже относится к прояв-

⁴⁷ В личном деле Иоффе есть такое упоминание о датах последней защиты: «Дата защиты диссертации 29 декабря 1940 года в Педагогическом институте им. А.И. Герцена». Протокол ВАК о присуждении степени доктора филологических наук И.И. Иоффе от 27 марта 1943 года, № 6. Выписка из протокола датирована 15 апреля 1943 года.

⁴⁸ Иоффе 1927. С. 3.

⁴⁹ Документы и фотографии свидетельствуют о другом.

⁵⁰ «Лэ» – семейное прозвище И. Иоффе, сокращенное от его полного имени Вэелз-Вульф.

нию жизнелюбия дяди И. <...> Дядя Иеремия как-то на семейном собрании говорил о том, что ему мешают административные обязанности в качестве заведующего отделением, мелочи быта, вроде “там лампочка не горит”. И при этом ему приходилось испытывать определенное давление людей. Впоследствии, вскоре после этого я говорил тете Цире, что все это – слишком естественные жизненные вопросы, и дядя, как кажется, придает им лишнее значение. Тетя Цира мне на это отвечала: “Вэлэлэ – человек особенный. Человек его подавлял”. Само по себе не совсем ясное высказывание. <...> Я думаю, что... она коснулась существенной стороны души и характера дяди. Это внутренняя углубленность и определенная отъединенность от окружающих людей. А также определенная мягкость натуры и богатство внутреннего, душевного мира, еще что-то трудноуловимое для слова...»⁵¹.

Племянник понимал дистанцию между собой и дядей. Это была разница в восприятии жизни, которую он ощущал уже в детстве. И все-таки: «Помнится один момент, передавали (видимо, по радио) “Рассвет на Москва-реке” Мусоргского, <...>. дядюшка говорил о том, как по-своему ни с чем несравнимым средством является музыка для передачи чувств и мыслей композитора. И, как удивительно это узнается слушателями и передается ему. Дядя Лэ давал такие комментарии: “Вот торговки идут на базар”». Далее, А.Н. Бахарев приводит строки из «Евгения Онегина»:

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтинка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.

Видимо, разговоры о музыке были в семье достаточно частыми. Племянник вспоминал высказывание дядюшки Лэ о Бетховене: «Как он берет оркестр, и с какой силой он иногда (весьма нередко) берет его в руки. По словам Ольги Ефимовны, дядя Иеремия любил иногда слушать восточную музыку (из Турции)»⁵². Последнее замечание добавляет новую краску в разносторонность интересов Иоффе. Во всяком случае, не известно его увлечение восточной музыкой. Оно никак не отразилось в его научных трудах, в них внимание сосредоточено преимущественно на западноевропейской и русской культуре.

⁵¹ Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 2. 11-12 февраля 1992 года. Л. 24-26.

⁵² Там же. Л. 26.

Иоффе практически не участвовал в научных конференциях за пределами Ленинграда. По документам его личных дел, он всего два или три раза выезжал в Москву⁵³. Как и большинство советских гуманитариев, Иоффе никогда не бывал за границей.

В годы молодости на мировоззрение Иоффе оказал влияние историк старшего поколения Николай Александрович Рожков (1868–1928). Он был на 20 лет старше Иоффе⁵⁴. Николай Рожков в 1918–1922 гг. в качестве профессора преподавал в ряде петроградских вузов⁵⁵. Ко времени знакомства с Иоффе на рубеже 1920-х гг. Н. Рожков был зрелым ученым, и имел богатое революционное прошлое. Иоффе дружил с семьей профессора Николая Рожкова и его женой Марией⁵⁶.

Еще в 1911 году Рожков в книге «Основы научной философии» сформулировал идею «синтеза искусства» как важнейшую перспективу развития искусства⁵⁷. Вероятно, Н.А. Рожков оказал определенное влияние на складывание у И.И. Иоффе концепции синтетического развития искусства⁵⁸.

В начале 1920-х гг. И.И. Иоффе женился. Его супругой стала Ольга Ефимовна Иванова, выпускница Ленинградского университета. Она была из семьи старой петербургской интеллигенции, по образованию историк, занималась изучением истории славян,

⁵³ В воспоминаниях М. Кагана, написано, что Иоффе только один раз выезжал из Ленинграда, во время эвакуации с университетом в Саратов. Каган 2006. С. 6.

⁵⁴ В настоящее время наследие и жизненный путь Н.А. Рожкова находится в центре внимания российских и зарубежных историков. В Австралии (штат Новый Южный Уэльс) работает Центр изучения наследия Н.А. Рожкова (Rozhkov Historical Research Centre). Директор центра, проф. Дж. Гонсалес, написал ряд статей по многим аспектам жизни Рожкова. Он опубликовал первую биографию Рожкова на английском языке «Интеллектуальная биография Н.А. Рожкова: жизнь в Колоколе». – González 2017.

⁵⁵ Рожков Николай Александрович (1868–1927), историк, социолог, публицист, политический деятель. Окончил Московский университет в 1890 г. Магистерская диссертация была посвящена сельскому хозяйству Московской Руси в XVI в. С 1898 г. – приват-доцент Московского университета. В послеоктябрьский период преподавал в вузах Ленинграда, в т.ч. Педагогическом институте им. А.И. Герцена, где учился, позднее работал Иоффе.

⁵⁶ Рожкова, Мария Константиновна (1898–1982), доктор исторических наук, сотрудник Института истории АН СССР. Специализировалась по истории России: экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия; Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х – начале 80-х годов XIX в.

⁵⁷ Рожков 1911.С. 121–123, 127.

⁵⁸ Сыченкова 2007. С. 906–907.

преподавала в университете. Она была несколько старше Иеремии Исаевича, не отличалась яркой внешностью, как ее супруг, но их объединяла любовь к музыке, интерес к науке. Так сложилась типичная семья советских интеллигентов, в которой духовные ценности доминировали над материальными благами⁵⁹.

В 1987 г. я познакомилась с О.Е. Ивановой⁶⁰. Тогда она была уже в достаточно преклонном возрасте и жила в доме ветеранов для творческих и научных работников в Павловске. Она осталась вдовой в 1947 г., и к моменту нашей встречи уже четыре десятка лет жила одна⁶¹. Ольга Ефимовна долгое время продолжала трудиться доцентом на кафедре славистики Ленинградского университета. В Павловск ее перевезла Лариса Александровна Вайнштейн, которая посещала Ольгу Ефимовну до последних дней. Ольга Ефимовна занимала небольшую комнату, со всеми удобствами. На тумбочке был портрет Иоффе в рамочке, на котором у него было необычайно одухотворенное, красивое лицо⁶². Она рассказала мне, как они познакомились с Иеремией Исаевичем. По рассказам Ольги Ефимовны, они часто ходили в филармонию, слушали симфонические концерты. Супругов объединила любовь к музыке. Сохранилась семейная фотография, на которой Ольга Ефимовна за роялем, а супруг держит виолончель. Музыка, искусство, книги заполняли духовное пространство семьи молодых ученых. Фотографии четы Иоффе в интерьере их квартиры и на отдыхе отражают уклад жизни семьи советской научной интеллигенции. В воспоминаниях племянника Иеремии Исаевича подробно описана бытовая сторона его жизни. «Дом дяди находился в конце Кировского проспекта, на самом краю старой петербургской застройки. Далее, за большим садом протекала Малая Невка, один из рукавов Невы. А между ними располагался Каменный остров. <...> Дом № 73/75, в котором жил дядя Лэ, так его называли в семье, был построен в последние предреволюционные го-

⁵⁹ Эта была маленькая женщина в очках с очень толстыми линзами, добрая и располагающая к общению. Ольга Ефимовна с удовольствием рассказывала о своей жизни, об Иеремии Исаевиче.

⁶⁰ Якубский 2011: 201–206.

⁶¹ В воспоминаниях М.С. Кагана сказано: «его супруга скончалась через несколько лет» (имеется в виду, после смерти Иоффе в 1947 г.). Каган 2006. С. 9. На самом деле, Ольга Ефимовна прожила после ухода супруга еще более 45 лет. Он умерла в 1991 г. Ее похоронили Л.А. Вайнштейн и А.Н. Бахарев. – Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 фев-раля 1992 года. Л. 26.

⁶² К сожалению, после смерти Ольги Ефимовны портрет пропал.

ды. Квартира была на пятом этаже. Это была большая коммунальная квартира с замысловатой планировкой, как почти все квартиры того времени. У дядюшки в его квартире ряд стенок были уставлены полками с книгами. <...> Среди них, я помню, были прекрасные толстые широкоформатные альбомы с репродукциями, больше всего итальянских художников эпохи Возрождения. С другой стороны его письменного стола находился рояль. Душой этого хозяйства был, конечно, дядя Лэ»⁶³. «Ольга Ефимовна, воспитанная среде дореволюционной интеллигенции, была не приспособлена к ведению домашнего хозяйства, только иногда делала небольшие покупки. Но тогда это не составляло проблемы. У нее всегда была домработница»⁶⁴. «Ольга Ефимовна не была женщиной, обладавшей большой силой притяжения. Но была надежным, устойчивым партнером в жизни»⁶⁵.

Иоффе не входил в известный круг людей из литературно-художественного мира Ленинграда 1920-1930-х гг. Он не стремился к установлению новых контактов и знакомств, поскольку у него сложился своеобразный круг общения в молодости: Николай и Мария Рожковы, супруги Фингерты, В.А. Десницкий, супруги Цимберги⁶⁶. Это были люди иногда старше Иоффе, имевшие определенный жизненный опыт, иногда и богатое революционное прошлое. Рожковы входили в особый круг «партийной интеллигенции». Сопоставляя факты биографии жизни этих людей, неожиданные повороты судьбы, взгляды, с биографией Иоффе, можно определенно сказать, что их они оказали влияние на личность и концепцию Иоффе. Другая семья, с которой дружили супруги Иоффе, – это семья историка-медиевиста Осипа Львовича Вайнштейна⁶⁷. «После своего возвращения в Ленинград после

⁶³ Бахарев А.Н. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь. 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 5.

⁶⁵ Там же. Л. 6.

⁶⁶ «Из фамилий людей, которые упоминались в разговорах о работе, помню фамилии “Фингерт” и “Десницкий”. Вспоминаются еще супруги Цимберги, которые были иногда участниками встреч в квартире дяди. Он был – военный врач, впоследствии генерал медицинской службы. Вероятно, они были знакомы по учебе в Психоневрологическом институте. Это были “Саша” и “Ниня”, друзья семьи в то время». – Там же.

⁶⁷ Вайнштейн Осип Львович (1894-1980), историк-медиевист, в 1935-1950 гг. был профессором и заведующим основанной в 1934 г. кафедрой истории средних веков Ленинградского университета. Одновременно - директор

войны <...> я посетил дядю Иеремию. Они находились на отдыхе в Зеленогорске вместе с семьей Осипа Львовича Вайнштейна. Помню нашу совместную прогулку вокруг озера (1945 год). Жена Осипа Вайнштейна – Лариса Александровна была очень молодой и красивой. Профессор Вайнштейн женился на своей студентке. Ей симпатизировал и мой дядя»⁶⁸.

Конечно, на характер Иоффе оказало влияние время. Атмосфера всеобщего страха не располагала к откровенности. Под репрессии попали его близкие друзья: Десницкий, Фингерт. Племянник вспоминал случай, который свидетельствовал о том, что во время беседы даже в кругу семьи часто переходили на «эзопов язык». «Случай из довоенных лет. Происходил на квартире дяди И. Дядя И. и дядя Яков вели между собой разговор о политических вопросах. При этом, когда нужно было упомянуть имя Сталина, они употребляли только слово “ОН”. Я тогда находился в мальчишеском состоянии и задал им вопрос о причинах такого. “Не упоминай всуе имя Господа Бога твоего” – ответил мне дядя И. при посредстве цитаты из Библии. <...> Эта краткая реплика... характеризует ту эпоху, веяниям которой должны были все подчиняться»⁶⁹. Иоффе был в жизни осторожным человеком, возможно, это позволило ему избежать репрессий. Но М.С. Каган, на мой вопрос в 1987 г., почему Иоффе удалось избежать репрессий⁷⁰, ответил: «А вы думаете, что была какая-то программа репрессий, была какая-то логика в этих “чистках”? Иоффе избежал их случайно. Можно считать, что его упустили»⁷¹.

Воспоминания племянника заканчиваются описанием встреч с дядей в последние два года его жизни. «Я ходил домой пешком из института, путь мой пролегал мимо дома дяди Лэ. Часто встречал его, когда он направлялся на прогулку на Каменный и Елагин остров. В это время я обратил внимание на его бледный вид, он как-то постарел. Были какие-то передрыги на работе, и он приходил домой весь бледный и дрожащий. Это было за четыре

Научной библиотеки ЛГУ, с 1955 г. – старший научный сотрудник Ленинградского отделения института истории АН СССР.

⁶⁸ Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля. Л. 6.

⁶⁹ Там же. Л. 22-23.

⁷⁰ Тема «репрессий» только заново открывалась в середине 1980-х гг. Очень много о черных воронках, о бессонных ночах, о пережитом страхе, когда прислушивались к звуку шагов в парадных в Ленинграде, рассказывал мне другой ученик Иоффе Л.Я. Елькович.

⁷¹ Интервью с М.С. Каганом Ленинград, 31 октября 1987. Л. 3.

месяца до его гибели»⁷². А.Н. Бахарев описал также момент получения известия о смерти дяди: «И вот однажды к нам пришла Маруся Рожкова (“бабушка”, как именовала ее Ольга Ефимовна) и бросила с порога: “Вы знаете, ужасная новость, Иеремия Исаевич скончался”. Было лето 1947 года, кажется, месяц август. Мама была очень потрясена, горевала сидя на полу на подушечке, вспоминая старинный еврейский обычай. Ольга Ефимовна была как отключенная. Она рассказывала, что это произошло в Булдури, на Рижском взморье, где они отдыхали. Все произошло внезапно и очень быстро, неожиданно начались судороги. Ольга Ефимовна бросилась к проезжавшей машине и, конечно, в потрясенном состоянии обратилась к ним с просьбой отвезти: “Умирает профессор”. <...> Я присутствовал на траурном митинге (т.е. собрании в университете). <...> Начался новый учебный год, и все почувствовали утрату. В речах упоминался об особенностях его душевных свойств, но мне показалось, что об этом могло быть сказано несколько иначе. Ольга Ефимовна не могла этого слушать. В это время вообще получила распространение тенденция к утрированной канонизации»⁷³.

И. Иоффе был похоронен в Латвии в местечке Булдури на Рижском взморье, в 20 километрах от Риги. «В северовосточном углу местного кладбища, обращенного в сторону Ленинграда, надгробие украшает простая раковина, надпись на камне: “Профессор Ленинградского университета Иеремия Исаевич Иоффе”»⁷⁴. Эту могилку А.Н. Бахарев разыскал и посетил в 1977 г.

Эпилог

Осознавал ли И.И. Иоффе не востребованность своей профессии, своего дела на кафедре и в Эрмитаже, об этом мы уже не узнаем. Признаний не сохранилось, да и время было не для исповедей и тайных дневников. Но, видимо, какими-то сокровенными мыслями по этому поводу он делился с братом, раз тот сформулировал эту мысль. Горечь скользила и в признаниях Б. Бернштейна о том, что в конце 1940-х гг. искусстведение было профессией «не к месту и не ко времени»⁷⁵. Не востребованностью, а может быть, и небезопасностью профессии Б.М. Бернштейн объ-

⁷² Бахарев А.Н. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 13.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. Л. 8.

яснял и «уход» в конце 1940-х М.С. Кагана – лучшего ученика Иоффе в эстетику и философию.

Собирая на протяжении более двух десятков лет вспоминая родственников, осмысляя отраженные в них факты биографии Иоффе, я не стремилась создать идеализированный портрет ученого. В процессе поиска и узнавания новых подробностей, менялся авторский подход к анализу мемуаров и к оценке личности Иоффе. На первом этапе (1980–1990-е) важной задачей было восстановление полной биографии Иоффе, его научная реабилитация. Среди критиков Иоффе, обвинявших его в «богдановщине», в шпенглеризме, «вульгарном социологизме», были фигуры разного масштаба и степени известности: искусствовед И.Л. Маца⁷⁶, литературовед М. Добрынин⁷⁷, позднее к ним присоединились музыковед И.В. Нестьев⁷⁸, историк искусства В.С. Кеменов⁷⁹.

В течение двух десятилетий задача научной реабилитации и восстановления биографии была в общем решена и произошло, пусть не в полном объеме, возвращение имени и наследия Иоффе из забвения в историю российской науки⁸⁰. Собирая детали, новые имена, намеки, нюансы интонаций рассказчиков, критически сопоставляя их с архивными документами, я пыталась сделать его облик более реалистичным. Наступил момент переосмысления и уточнения деталей биографии ученого, создания более объемного его портрета. Возникла необходимость не только доказать ценность его творческого наследия, но выявить в нем то, что предвосхитило развитие искусствоведения, культурологии, способствовало продвижению научного знания, и что представляет интерес для современной науки. На этом этапе особое значение приобретает расширение представлений о его круг общения, личностных связях, глубине и характере взаимоотношений, о мотивах выбора научного направления. Следует признать, что Иоффе, не прошедший строгой научной школы в кружке крупного ученого – искусствоведа, литературоведа или философа, во многом благодаря своему природному таланту сумел оставить яркий след в истории российского гуманитарного знания. Его близкие друзья, талантливые историки разных поколений и исследовательских направлений исследования – Н.А. Рожков, затем О.Л. Вайн-

⁷⁶ Маца 1933.

⁷⁷ Добрынин 1931. С. 110–116.

⁷⁸ Нестьев 1939. С. 2.

⁷⁹ Ананьев 2020. С. 146–157.

⁸⁰ Иоффе Часть 1. 2010; Иоффе Ч. 2. 2010.

штейн, литературоведы В.А. Десницкий и Б.А. Фингерт выполняли роль наставников и собеседников. И. Иоффе оказал влияние на несколько поколений своих учеников: М.С. Каган, Т.П. Знаменаровская, Я.С. Лурье, Н.Н. Калитина, Б.М. Бернштейн, Л.Я. Елькович и др. Б. Бернштейн в своем письме от 14 июня 2014 г. на мой вопрос о том, почему Иоффе не сумел создать научную школу, высказался определенно о «когорте» учеников: «Состав кафедры никоим образом нельзя было назвать коллективом единомышленников. “Заединщиком” И.И. был по-настоящему только молодой Каган, поначалу еще только аспирант, да, может быть, на соучастие могла претендовать другая аспирантка – Гуткина, которая впоследствии очень скверно кончила, хотя была одаренным человеком. Пунин, Доброклонский, Левинсон-Лессинг, Каргер, Исаков – все очень значительные личности и ученые, были другими, каждый на свой манер. На более широкое зрение – из следующего призыва могла претендовать Татьяна Петровна Знамеровская. <...> Единой когорты под общим знаменем не было и, боюсь, не из кого было ее создать. Но есть другая сторона дела, куда более катастрофическая – дух эпохи, там и тогда, и обреченность “школы Иоффе”, если бы такую удалось создать. Я помню чей-то шепот после известия о смерти И.И.: “Может, так лучше...” Ставлю сто против одного, что в последующие годы И.И. был бы царской жертвой сразу на двух алтарях – идеологического террора и антисемитской истерии»⁸¹.

Н. Калитина в своих воспоминаниях о кафедре Иоффе отмечала, что после смерти И. Иоффе искусствоведческое образование в Ленинграде (и в СССР, в целом) стало развиваться по традиционному узкоспециализированному, формально-описательному пути. Н. Калитина с восхищением вспоминала, как ей повезло учиться в школе Сорбонны у знаменитого Пьера Франкастеля⁸². В личной беседе она признавалась, что к восприятию передовой методологии западного искусствознания она была подготовлена лекциями И.И. Иоффе. Однако, как считал Б. Бернштейн, и она по-настоящему не смогла продолжить дело своего учителя, хотя и понимала значение его оригинальной концепции истории искусств. Трагедия Иоффе состояла в том, что на кафедре не осталось

⁸¹ Письмо Б.М. Бернштейна от 16.06. 2012 года.

⁸² Франкастель Пьер (1900–1970), французский историк и социолог искусства. С 1948 г. профессор кафедры социологии искусства в Практической школе высших исследований (École pratique des hautes études) в Париже, созданной специально для него.

преемников его научной концепции, предложенной им передовой модели искусствоведческого образования. «После Иоффе, при Каргере о подобных программах и говорить забыли, а у Нины Калитиной, хотя она и слушала Франкастеля, не было ни власти, ни энергетика, ни идей подобного рода. Об Ильиной и говорить не приходится... Для подобного рода образовательного прорыва, на мой взгляд, требовалось то, что именуется научной школой; но в условиях тотальной гомогенизации, присущей советской системе по самой ее природе, никакие подобного рода образования не были терпимы, школу превращали посредством уничижительно-го суффикса в “школку” и стирали в порошок...»⁸³.

Воспоминания родственников и учеников, безусловно, имеют субъективный характер, нуждаются в верификации и корректировке другими источниками, но они существенно дополняют официальные сведения об Иоффе. При дальнейшем исследовании необходимо учитывать, что не всем сведениям в официальных автобиографиях, сохранившихся в архивных личных делах, которые даже написаны рукой Иоффе, можно абсолютно доверять. Это касается даты и места его рождения, первоначального образования, пробела в его биографии между получением документа о среднем образовании до поступления в Психонерологический институт в 1916 г. По разным причинам Иоффе мог что-то утаивать, намеренно искажать. Детали его биографии, восстановленные благодаря переписке с А.Н. Бахаревым, помогают установить круг его общения, обнаружить неожиданные связи, становится понятна подоплека принятия важных жизненных решений.

ИСТОЧНИКИ

- Архив РИИИ. Д. 105 (И.И. Иоффе) 9 л.
Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. оп. 13. Д. 312. Личное дело И.И. Иоффе. 6 л.
Архив Санкт-Петербургского университета. Ф. 1. Оп. 26. Связка 19. Д. 686 (Личное дело И.И. Иоффе). 27 л.
Письма Л.А. Динца к П.Е. Корнилову // Отделение рукописей Государственного Русского Музея (ОР ГРМ). Ф. 100. Оп. 1. Д. 385; Ф. 145. Оп. 2. Д. 367.
Бахарев А.Н. Воспоминания об И.И. Иоффе. Рукопись. Тетрадь 1. 11-12 февраля 1992 года. 12 л.; Тетрадь 2. 4 апреля 1992 года. 31 л. // Личный архив Л.А. Сыченковой.
Интервью с Л.Я. Ельковичем, Казань, 17 октября 1987 г. 3 л. // Там же.
Интервью с М.С. Каганом, Ленинград, 31 октября 1987 г. 2 л. // Личный архив Сыченковой Л.А.
Интервью с О.Е. Ивановой, Павловск, 1 ноября 1987 г. // Там же.

⁸³ Письмо Б.М. Бернштейна от 16.06. 2012 года.

- Письмо А.Н. Бахарева от 14 мая 1996 года. 10 л. // Там же.
Письмо А.Н. Бахарева от 9 марта 2006 года. 8 л. // Там же.
Письмо А.Н. Бахарева от 28 ноября 1995 года. 3л. // Там же.
Письма А. Н. Бахарева от 20 декабря 1996 года. 2 л. // Там же.
Письмо Б.М. Берштейна – Л.А. Сыченковой от 16 июня 2012 года // Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ананьев В.Г. «И.И. является автором очень интересных концепций, но...»: из научной биографии И.И. Иоффе конца 30-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 146-157.
- Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 259-312.
- Волобуев О.В., Гонзалез Дж.А. Николай Александрович Рожков. К 150-летию со дня рождения // Вестник московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки, 2018. 5. С. 61-77.
- Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко (в Нежине): [Юбил. сб.]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881.474 с.
- Гранин Д.А. Причуды моей памяти. М.: Центрполиграф, 2009. 441 с.
- Добрынин М.П. Против механистов и эклектиков. М.: Федерация, 1931. 232 с.
- Дымшиц С.И., Шаталова Н.А. Владимир Николаевич Пясецкий – архитектор, педагог, историк искусства // VIII Анциферовские краеведческие чтения, 5–6 декабря 2015 года. СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 34-43.
- Иоффе И.И. Избранное. Часть 1. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. М.: ООО «РАО Говорящая Книга», 2010. 654 с.
- Иоффе И.И. Избранное. Часть 2. Культура и стиль. М.: ООО «РАО Говорящая Книга», 2010. 925 с.
- Иоффе И.И. «Мертвые души» и русский реализм // Ученые записки Ленинград. ун-та. Сер. Гуманит. наук. Саратов, 1943. № 87. С. 173-203.
- Иоффе И.И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств; Ленинградский коммунистический ун-т. Л.: Прибой, 1927. 366 с.
- Иоффе И.И. Проблема всеобщей истории искусств в Петербургском университете // Ученые записки Ленинград. ун-та. Серия исторических наук. Вып. 15, 1947. Л.: ЛГУ. С. 126-132.
- Каган М.С. О культурологической и эстетической концепции И. Иоффе // И.И. Иоффе. Избранное: 1920-30 гг. / Составители М.С. Каган, И.П. Смирнов, Н.Я. Григорьева. СПб.: ИД «Петрополис», 2006. С. 6-40.
- Калитина Н.Н. Странички воспоминаний. СПб.: СПбГУ, 2005. 225 с.
- Маца И.Л. Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / Под ред. с вводн. статьями и примечаниями И. Маца; Сост.: И. Маца, Л. Рейнгардт, Л. Ремпель; Секция пространственных искусств Ин-та Лий Комкадемии. М.; Л.: Изогиз, 1933. 663 с.
- Отчет Нежинской женской А.Ф. Крестинской гимназии. Нежин, 1912-1915. 24 с.
- Нестьев И. Псевдонаучная стряпня: О книге И. Иоффе «Музыка советского кино» // Советское искусство. 1939. 18 янв. № 9 (589).
- Огрызко В. Не приоткрыв склепа // Литературная Россия, № 2012, от 23. 07. 2015 // <https://litrossia.ru/item/5580-oldarchive/>

- Отчет о деятельности Психоневрологического института за 1911 год. Сост. ученый секретарь Института проф. А.И. Гербер. СПб.: Тип. «Грамотей», 1913. 102 с.
- Рожков Н.А. Основы научной философии. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1911. 134 с.
- Смирнов С.Б. Судьба петербургского интеллигента. Первый проректор третьего педагогического института в Петрограде Василий Алексеевич Десницкий // Вестник Герценовского университета. 2007. 1. С. 65-77.
- Сыченкова Л.А. «Дорогие ошибки» советской культурологии: штрихи к портрету Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) // Обсерватория культуры, 2007. № 2. С. 82-90.
- Сыченкова Л.А. Синтетический метод в историко-культурных исследованиях И.И. Иоффе 1930-1940-х годов // Обсерватория культуры, 2018.15 (1). С. 82-89.
- Якубский В.А. К десятилетию кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ // Петербургские славянские и балканские исследования, 2011 2 (10). Июль – декабрь. С. 201-206.
- González J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov: Life in a Bell Jar. Leiden: Brill: 2017. 380 p.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, l.sichenkova@yandex.ru

The image of Jeremiah Isaevich Joffe in letters and memoirs of relatives and students

The article rethinks the facts of the biography of the Soviet art historian and culturologist I. Ioffe (1888-1947) through the prism of unpublished memoirs of his relatives, students and colleagues. Subject to analysis is unique material from the memoirs of the nephew of I. Ioffe - A.N. Bakharev, the widow of the scholar - O.E. Ivanova. The main idea of the author: the implementation of the history of the family, the national environment, education, the circle of communication in Petrograd-Leningrad of 1916-1947. New details of the biography of the researcher allow us to identify several important figures that influenced the formation of the personality of I. Ioffe and his concept of synthetic development of art. Among them: art historian V.I. Pyasetsky, historian N.I. Rozhkov, literary researchers V.A. Desnitsky and B.A. Fingert, Historian-Medievalist O.L. Vaynsteyn. The memoirs of relatives significantly supplement and correct information from archival documents, allow us to reconstruct the environment of the Leningrad teaching intelligentsia, make the historiographic portrait of Ioffe more voluminous and concrete.

Keywords: I.I. Ioffe, family history, A.N. Bakharev, N.A. Rozhkov, V.A. Desnitsky, Leningrad of the 1930s-1940s, memories, intellectual environment.

Sychenkova Lidiya, Dr. Sc. (History) Professor, Kazan Federal University; l.sichenkova@yandex.ru

Д.Е. МАРТЫНОВ

ДЖОН КИНГ ФЭРБЭНК И СОВЕТСКИЕ КИТАЕВЕДЫ

Статья посвящена взглядам Дж.К. Фэрбэнка (1907–1991) на советское китаеведение. Известный американский синолог, создатель Гарвардской школы, один из авторов «парадигмы революции», в 1960-е гг. стремился создавать международные интеллектуальные сети, объединявшие специалистов по Китаю из всех стран мира. Между 1960–1977 гг. Фэрбэнк трижды побывал в СССР и пытался привлечь к своим проектам специалистов Ленинградского университета и московского Института востоковедения АН СССР. Неудачи в интеллектуальном взаимодействии он пытался объяснять политическими причинами. Для ознакомления прилагается комментированный перевод 31-й главы мемуарной книги Фэрбэнка «Китаем связанный» (1982), которая впервые вводится в российский научный оборот.

Ключевые слова: историческая наука, синология, международное научное сотрудничество, Международный Конгресс востоковедов, Дж. Фэрбэнк, Г.В. Ефимов, С.Л. Тихвинский, Л.А. Березный, Л.П. Делюсин

Имя Джона Кинга Фэрбэнка (1907–1991) известно каждому специалисту-китаеведу в любой стране мира. Речь, посвященную 100-летию со дня основания Коммунистической партии Китая, генеральный консул КНР в Казани г-н У Инцинь начал с цитирования монографии Фэрбэнка «Великая китайская революция 1800–1985». Сама по себе эта книга, очень наглядно излагавшая концепции своего автора, была лишь «выжимкой» из главной работы Фэрбэнка – «Кембриджской истории Китая». Джон Фэрбэнк был инициатором этого международного проекта и лично участвовал в написании десятого, одиннадцатого и четырнадцатого томов, посвященных современности. В конце жизни он подытожил свои более чем шестидесятилетние штудии изданием монографии «Китай: новый взгляд на историю», которая многократно переиздавалась и вошла в золотой фонд китаеведческой литературы, используемой в американских университетах.

Биография Фэрбэнка в очередной раз может доказать, что реальная жизнь и реальная история намного фантастичнее литературного вымысла. Он происходил из старого американского семейства, чьи родоначальники прибыли из Англии на берега Массачусетского залива в начале XVII века. Сын преуспевающего адвоката Артура Фэрбэнка и суфражистки Лорин Кинг (которая прожила 105 лет) не мог не сделать блестящей карьеры, хотя и не

слишком типичной для его социального круга. Получив специализацию историка в Гарвардском университете, он защитил в 1929 г. выпускную работу на тему «Некоторые аспекты и предпосылки Мартовской революции 1917 года в России».

Знакомство с дипломатом Чарльзом Уэбстером (1886–1961) определило его интерес к Китаю, которая требовала уникальных исследовательских навыков и сулила огромные возможности для исследователя. Выиграв стипендию Родса, молодой американец получил возможность учиться в Бэллиольском колледже (*alma mater* Томаса Мора, Адама Смита, Арнольда Тойнби, Олдоса Хаксли, Уолта Ростоу, и множества иных гениев), а далее поехать в Китай. В Шанхае Джон оказался в январе 1932 г., во время первой попытки японцев захватить этот город. До 1935 г. Фэрбэнк, преимущественно, жил в Пекине, изучая китайский язык, работая с источниками и выдающимися китайскими исследователями, такими как Ху Ши¹ и Цзян Тинфу², вместе с женой стал другом супружеской четы архитекторов Лян Сычэна³ и Линь Хуэйинь⁴.

¹ Ху Ши (胡适, 1891–1962) в 1910 г. был направлен на обучение в США, где окончил философский факультет Колумбийского ун-та, обучаясь у Дж. Дьюи. После возвращения в Китай был одним из главных мыслителей либеральной ориентации, признанным гоминьдановским руководством. Являлся одним из главных авторитетов «Движения за новую культуру». В 1938–1942 гг. был послом Китайской республики в США, в 1946–1948 гг. ректор Пекинского ун-та. После эвакуации на Тайвань, с 1958 г. был президентом *Academia Sinica*.

² Цзян Тинфу (蒋廷黻, 1895–1965) – учёный и политик. Обучался в миссионерской школе, где освоил английский язык, в 1912–1923 гг. за счет миссионеров обучался в США, защитил диссертацию в Колумбийском ун-те. Далее вернулся в Китай, преподавал историю дипломатии, в 1929 г. перешел в Ун-т Цинхуа, где его учеником стал Фэрбэнк. В 1935 г. был командирован как неформальный представитель Чан Кайши в СССР и Европу, в 1936 г. назначен послом Китайской республики в СССР, участвовал в подготовке договора о ненападении между Китаем и Советским Союзом (1937). После отзыва служил в Чундине директором политического департамента, руководил эвакуацией и спасением научных работников Китая. В 1942 г. отправлен в США, участвуя в конференциях по послевоенному устройству мира. С 1947 г. – постоянный представитель Китая в Совете Безопасности ООН. В 1961–1963 гг. посол Китайской республики в США.

³ Лян Сычэн (梁思成, 1901–1972) – сын выдающегося китайского философа и реформатора Лян Цичао (1873–1929). Родился в Токио, где его отец находился в эмиграции. В 1915–1923 гг. обучался в ун-те Цинхуа, в 1924–1927 гг. обучался на факультете архитектуры Пенсильванского ун-та (США). Работал в университетах Шэньяна и Пекина, спроектировал вместе с женой

После защиты в Оксфорде диссертации на тему «Создание китайского Управления морской торговли (1850–1858)», вся профессиональная жизнь Фэрбэнка была связана с Гарвардским университетом. В начале его работы в Гарварде деканом исторического факультета был выдающийся русско-французский японист С. Елисеев (1889–1975), но китаеведение как самостоятельное научное направление отсутствовало. Фэрбэнк начинал работу на отделении международных отношений и впервые ввёл курсы по китайской дипломатике, а его магистранты начинали работать с китайскими первоисточниками уже после двух лет обучения.

В 1941–1946 гг. Фэрбэнк дважды командировался в Китай по делам американской разведки, углубив свои политические связи в Вашингтоне и Чунцине, и понимание текущей политики Китая. После возвращения в университет Фэрбэнк испортил отношения с американской элитой, подвергался «расследованиям» в период маккартизма, ФБР завело на учёного дело. Университет в этой обстановке полностью встал на сторону своего ведущего специалиста по Китаю.

В конце 1960-х гг. благодаря знакомству с Г. Киссинджером, Фэрбэнк косвенно способствовал визиту Р. Никсона в Китай и началу политики «разрядки». По личному приглашению премьер-министра Чжоу Эньлая, Фэрбэнк в 1972 г. посетил Китай, и в 1979 г. участвовал в приёме Дэн Сяопина у президента Дж. Картера. Главным детищем его жизни был Центр восточноазиатских исследований (основан в 1955 г.), в котором были подготовлены

Линь Хуэйинь здания кампуса университета Северо-Востока, геологического факультета Пекинского ун-та, Национального музея Китая в Нанкине, и др. В 1946–1947 гг. находился с курсом лекций в США, входил в проектную группу здания Штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. До конца жизни преподавал в ун-те Цинхуа. Именно он придумал китайское имя Фэрбэнка – Фэй Чжэнцзин (费正清).

⁴ Линь Хуэйинь (林徽因, 1904–1955) – первая женщина-архитектор Китая, поэтесса и прозаик. Дочь политика Линь Чанминя (1879–1925), соратника Лян Цичао. Обучалась в миссионерской школе Пэйхуа, а далее в лондонском колледже Сент-Мэри. В 14-летнем возрасте была помолвлена с Лян Сычэном, с которым вместе обучалась в Пенсильванском университете (1924–1927) и вступила в брак в Канаде в 1928 г. Работала в семейной проектной фирме вместе с мужем, занималась историей архитектуры. Опубликовала более 60 стихотворений и модернистский роман «99 градусов» (1934). После создания КНР, участвовала в разработке государственного герба и в возрождении ремесла перегородчатой эмали. Скончалась от последствий длительного заболевания туберкулезом.

более 100 докторов, которые в период 1950–1970-х гг. занимали все китаеведные кафедры в университетах США. Общее число его личных учеников превышало тысячу человек. Иными словами, Фэрбэнк воспитал целое поколение американских синологов, японистов и корееведов. Не менее поразительной была его научная продуктивность: к концу жизни Джон Кинг Фэрбэнк опубликовал 44 монографии (многие в соавторстве), был редактором-составителем 18 коллективных монографий и сборников конференций, автором 52 предисловий к монографиям, выпустил 187 научных статей (и ещё 18 в соавторстве) и 160 рецензий, вышедших в академических изданиях⁵. С 1977 г. основанный Фэрбэнком центр носит его имя.

Фэрбэнка можно считать синологом-универсалом, однако всю жизнь главные его интересы были сосредоточены на вопросах современного Китая. В Китае, впервые увиденным Фэрбэнком, шла революция и гражданская война, среди причин которых были несхожие проекты преодоления отсталости. Этот вопрос был одним из центральных в творчестве Фэрбэнка. Будучи историком по складу мышления, он не мог не рассматривать глубокой обусловленности настоящего прошлым. Проблему отсталости американский историк решал диалектически: достигнув в средневековье высочайшего уровня цивилизации, доступного для традиционного аграрного общества (в эпоху Сун⁶ были достигнуты впечатляющие успехи в урбанизации, сельской промышленности и торговле, было изобретено книгопечатание, что явилось одной из причин глубокой социальной трансформации), одновременно Китай был разгромлен в военном отношении, а затем подчинён государственным образованиям северных кочевников. Пришельцы со своей военной организацией стали органической частью китайской политической системы, всячески развивая присущий китайцам «разумный пацифизм»⁷.

Согласно мнению Дж. Фэрбэнка, основные проблемы, которые китайская цивилизация решала на протяжении XX в., были заложены намного ранее, в эпоху династий Мин и Цин. Это предопределило то, что Китай «оставался в пределах старой матрицы имперской автократии и общества *шэньши*», когда началась за-

⁵ Evans 1989.

⁶ Время правления этой династии обычно подразделяется на два периода: Северная Сун (960–1127) и Южная Сун (1127–1279).

⁷ Бергер. С. 187-188.

падная агрессия за пределы Европы. По мысли Фэрбэнка, в эпохи Мин и Цин экономический рост сопровождался политическим распадом, когда государство осуществляло всеобъемлющий контроль над обществом и государством лишь в теории, ибо не вторгалось на локальный уровень. В монографии «Китай: новый взгляд на историю» этому явлению посвящена целая глава, содержание которой сводится к формуле «роста без развития»: торговля в Китае не создала условий для индустриализации, способной стимулировать рост науки, техники, промышленности, транспорта, связи, социальных изменений. Фэрбэнк полагал глубочайшее несходство доиндустриальных обществ Китая и Европы. Поэтому «прогрессивность» западных инноваций, внедряемых в Китае (в т.ч. системы образования), оценивается исключительно с западной точки зрения, тогда как для китайцев новшества подрывали основы традиционной цивилизации и образа жизни. Очень оригинально Фэрбэнк оценивал Синьхайскую революцию 1911–1913 гг. Для него смысл революции сводился не к ликвидации самодержавия или внедрению новых форм государственности – нации-государства, это рассматривалось как вторичные явления. Фактически Синьхайская революция завершила процесс «коммерциализации аграрно-бюрократической структуры», который был актуальным ещё с эпохи Мин⁸. Л. Березный также отмечал, что тенденции развития Китая были уловлены Фэрбэнком верно⁹.

Фэрбэнк отличался огромной международной активностью. Ещё не имея репутации, во время возвращения из Китая в Оксфорд, он объехал все университетские центры США, в которых хоть как-то изучался китайский язык и Китай. В 1953 г. он совершил длительную поездку в Японию, в 1960 г. на средства стипендии Гуггенхайма Фэрбэнк объехал 26 стран, где посетил все научные центры, в которых занимались китаеведением. На средства Американского совета научных обществ в 1964 г. Фэрбэнк совершил длительную поездку в Юго-Восточную Азию, в Южную Корею и на Тайвань. Летом 1966 г. он ездил по научным центрам Великобритании, Франции и Чехии; именно во время этой поездки был анонсирован проект многотомной «Кембриджской истории Китая». Во время годичного отпуска 1972–1973 гг. Джон Фэрбэнк совершил кругосветное путешествие, посетив СССР, Китай, Японию, Тайвань и Великобританию, и Францию.

⁸ Там же. С. 188-189.

⁹ Березный 2001. С. 205; Смирнова 2018.

История взаимоотношений великого американца и его советских коллег известна в России очень мало, имеющиеся публикации либо скудны, либо содержат неверную информацию. Поэтому мы представляем на суд читателей тридцать первую главу мемуаров Фэрбэнка, красноречиво им озаглавленных «Китаем связанный» (*Chinabound*, 1982). И название этой главы не менее красноречиво: «Неудача с Советами» (*Failure with the Soviets*).

* * *

Дж. Фэрбэнк. Неудача с Советами¹⁰

За полвека моей работы в области современной истории Китая (1929–1979) мировая политика изменялась самым обескураживающим образом. В первые шестнадцать лет (1929–1945) Япония осуществляла агрессию в Китае, именно эти проблемы и американский ответ на них определяли положение Восточной Азии. Но с начала ядерной эры в 1945 г., советско-американское соперничество на целых тридцать пять лет «магнетизировало» мир. Холодная война была направлена и против китайской революции, здесь были [Тайваньские] кризисы, Корейская и Вьетнамская войны. Однако за всеми этими событиями стояла советско-американская гонка вооружений, вероятно, самое затратное предприятие за всю историю. Это было соперничество народов, которые имели достаточно общего между собой, чтобы понимать, почему они боялись друг друга. От времён войны Афин и Спарты вплоть до франко-германского соперничества, наиболее ожесточённые схватки были между представителями культур, сходства и различия которых были очевидны обеим сторонам. Я трижды посещал СССР, в 1960, 1972 и 1977 гг., и каждый раз сознавал, что мои русские друзья и знакомые стремились одержать над американцами верх. (Эмоционально это напоминало моё первое посещение Йельского университета, когда все разговоры велись только о Гарварде. Соперничество затихло лишь недавно.)

Первый мой контакт с Советским Союзом состоялся в начале 1960 г., когда в Гарварде принимали делегацию Ленинградского университета, в которую входил глава кафедры истории Китая, автор учебников профессор Г.В. Ефимов¹¹. На вид это был довольно пухлый джентль-

¹⁰ Fairbank 1982. P. 425-432.

¹¹ Геронтий Валентинович Ефимов (1906–1980) – советский востоковед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1969). Кандидатская диссертация (1939) защищена на тему «Сунь Ятсен в борьбе за независимость Китая». В 1949–1952 гг. занимал пост декана Восточного факультета ЛГУ, в 1961–1965 гг. проректор, в 1958–1980 гг. зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока. Был заместителем председателя Ленинградского отделения Советского комитета защиты мира (1953–1974), председателем правления Ленинградского отделения Общества советско-китайской дружбы (1958–1979). Делегат XXI съезда КПСС (1959). Автор работ по революции 1911 г., внешней политике Китая, биографии Сунь Ятсена.

мен. Обе стороны сочли встречу волнующей, Гарвард устроил банкет в Бальном зале на Куинси-стрит (там была самая красивая люстра). Когда профессор Ефимов был у меня дома (Уинтроп-стрит, 41)¹², он заметил, насколько неудобны наши окна против русской зимы. В своём рабочем кабинете в библиотеке Уиденера я продемонстрировал ему нашу печатную продукцию – брошюры, справочники по персоналу, иные публикации, которые, как я полагал, для русских должны были считаться секретными. Когда наша делегация в конце 1960 г. оказалась в Ленинграде, мы обедали на квартире Ефимовых.

Отдача от моей библиографической щедрости последовала в 1968 г., когда сотрудник кафедры Ефимова Л.А. Березный¹³ опубликовал 260-страничный том с тысячьо сносок «Критика американской буржуазной историографии Китая: проблемы общественного развития в девятнадцатом и начале двадцатого веков» (*A Critique of American Bourgeois Historiography on China: Problems of Social Development in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries*)¹⁴. Большею частью он критиковал гарвардские публикации, особенно мои собственные, и высказал предположение, что так называемая либеральная американская наука (*so called liberal scholarship in America*) была сознательно посвящена поддержке нашего капиталистического империализма на Востоке. Он хотел противопоставить этому «марксистско-ленинское научное понимание исторического процесса». По словам Березного, «историки-марксисты исходят из общих законов общественного развития, определяющих всемирную историю, и, после обобщения результатов эмпирических исследований, приходят к формулировкам конкретного исторического процесса в данной стране»¹⁵. Вновь примат идеологии! Достаточно при-

¹² Дом Фэрбэнка располагался в самом центре университетского кампуса, здесь более 40 лет по четвергам собирался неформальный дискуссионный клуб преподавателей и студентов.

¹³ Лев Абрамович Березный (1915–2015) – историк-китаевед. Начав работу в промышленности, в 1936 г. поступил на исторический факультет ЛГУ. Участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны I степени и других боевых наград. В 1946 г. поступил в аспирантуру на кафедре новой истории Востока. Кандидат исторических наук, тема диссертации: «Интервенция американского империализма в Китае в период революции 1925–1927 гг.» (1951). С 1969 г. – профессор кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного ф-та ЛГУ. Автор более 190 научных работ, в том числе четырех монографий, автор статьи о Фэрбэнке в энциклопедическом словаре «Китайская философия» (1994). Активно критикуя Фэрбэнка, он впоследствии отмечал идеологизированный характер этой критики [Березный 1993].

¹⁴ Автор искажил название работы: «Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX – первой половине XX вв.)».

¹⁵ «Marxist-Leninist historians, says Berezni, can proceed from their general social laws concerning world history and, after distilling the results of empirical research, arrive at formulations concerning the specific working out of the historical

крепить на вещи правильные ярлыки, и история становится понятной и даже может быть предсказанной.

Основная мысль Березного заключалась в том, что мы, американские историки, – сплошь апологеты капиталистического империализма и националистических взглядов Мао, извращавших марксизм-ленинизм, и приведших Китай к катастрофе. Некоторые из его критических замечаний следовало принять и обдумать. По крайней мере, нам оказали честь аргументированной критикой, в которой наши ошибки трактовались как следствие неправильных идей, а не просто «подлого заговора». Ко времени, когда я встретился с ним в Ленинграде в 1972 г., Березный выпустил ещё один критический том¹⁶. Это был безобидный человек, скорее философ по своей натуре; реалисты-практики из московского Института Дальнего Востока смеялись над его чрезмерно теоретическими схемами.

На международный [Двадцать пятый] Конгресс востоковедов 1960 года в Москве мы поехали вместе с Вильмой¹⁷. Мы остановились в сталинской высотке «Советская Украина» в номере на двадцать девятом этаже, и стали постигать, как бюрократия способна испортить жизнь. Если мы задерживались, и не могли воспользоваться талонами в столовой, приходилось сначала привлечь внимание официанта, потом занимать очередь на обслуживание, выстоять в очереди в кассу, чтобы отдать собственные деньги. Завершающим актом было выстоять очередь, чтобы показать чек официанту и получить еду. Мы решили, что столь неэффективное общество вряд ли могло представлять серьезную угрозу для Америки¹⁸. Мы вспомнили, как наш соотечественник из Бостона г-н Мугар (основатель сети супермаркетов «Star Market»)¹⁹ крайне нелицеприятно отзывался о советских поставщиках продуктов питания.

process in a given country» [Fairbank 1982. С. 426]. Фэрбэнк цитирует реферат монографии Березного; подобных формулировок в его монографии нет.

¹⁶ Начало колониальной экспансии...

¹⁷ Вильма Кеннон (китайское имя Фэй Вэймэй [费慰梅], 1909–2002), супруга Фэрбэнка. Дочь психофизиолога Уолтера Кеннона (1871–1945). Окончила факультет искусств Рэдклифф-колледжа, в 1932 г. вышла замуж за Фэрбэнка в Пекине (они были знакомы с 1929 г.), сделалась ближайшей подругой Линь Хуэйинь. Её муж Лян Сычэн придумал Фэрбэнкам китайские имена. Сестра Вильмы Мэриан была замужем за историком Артуром Шлезингером. У Джона и Вильмы было двое детей: Холли и Лора. Во время Тихоокеанской войны Вильма работала в Госдепартаменте США по линии культурных связей с Китаем. Опубликовала на английском языке «Иллюстрированную историю китайской архитектуры» Лян Сычэна (1984), напечатала двойную биографию Лян Сычэна и Линь Хуэйинь (1994). Переписка Вильмы и Холли Фэрбэнк с вдовой Лян Сычэна Линь Чжу была опубликована на китайском языке в 2016 г.

¹⁸ Примечательны параллели с рассуждениями Роберта Хайнлайна, который в том же 1960 г. вместе с женой посетил Москву и написал язвительное эссе «“Интурист” изнутри».

¹⁹ Стивен Мугар (Мугардякян, 1901–1982), новоанглийский предприниматель, основатель семейного бизнеса. По происхождению армянин, родился

Конгресс востоковедов был масштабным шоу на две тысячи делегатов, открывался он в главном зале Московского университета, а я был более всего поражён восемью громадными шестиярусными люстрами, которые были окружены двадцатью одной трёхуровневой люстрой меньших размеров. Каждого оснастили небольшим приёмником с наушниками, передававшими синхронный перевод выступлений на английский язык. С этим материальным великолепием контрастировал тон выступающих, превозносивших марксистско-ленинское мышление как способ изучения истории, литератур и проч. у народов Азии и Африки. Привнесение политики в любой предмет казалось мне антиинтеллектуальным, по существу, даже саморазрушительным. Впрочем, в магазинах книги о Китае на русском языке были многочисленны и дешевы, и мы отправили на родину несколько дюжин томов.

Конгресс проходил под эгидой советско-китайского раскола, который начался в 1958 г., и драматически иллюстрировался отсутствием китайских учёных. Советский Союз буквально за несколько недель до открытия конгресса отозвал своих технических специалистов со множества китайских строек. Политический мир в очередной раз изменился, на повестку дня вставало американско-китайское сближение. По до сих пор не проясненным причинам (не считая глупостей, наделанных Холодной войной), советско-китайский раскол мало повлиял на умы американцев, явно неготовых к столь очевидному шансу. Как только кто-то объявляет, что всё происходящее суть следствие глобального тайного заговора, подлинность выдающихся по значимости событий становится почти невозможно распознать.

Главным скандалом, который произошел на конгрессе, по крайней мере, для нас, американцев, стала попытка советского оргкомитета подвергнуть цензуре нашу книжную выставку. Из 155 выставленных томов 25 были изъяты, включая мою монографию «Соединенные Штаты и Китай», а также «Восточный деспотизм» А. Фейерверкера, Р. Уокера и К. Витфогеля. Мы в ответ были вежливы, но настойчивы. В извинение нам было сказано, что данные книги были «чрезмерно политизированы» в содержательном отношении. След привёл к профессору С.Л. Тихвинскому, известному историку, и одновременно дипломату и аппаратчику (*apparatchik*)²⁰. Жесткие переговоры вернули недостающие тома на

в Элягизе (Османская империя). В 1916 г. его семья приобрела продуктовую лавку «Star Market» в Уотертауне, пригороде Бостона. После гибели отца в автокатастрофе, Стивен стал управляющим, и с 1932 г. стал выстраивать сеть продуктовых магазинов, после войны преобразованную в сеть семейных супермаркетов. В 1970-е гг. сеть слилась с компанией «Jewel», однако с 2006 г. новые владельцы вернули историческое название.

²⁰ Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018). В 1935 г. поступил на китайское отделение ЛИФЛИ, где учился у академика В.М. Алексеева (1881–1951). По комсомольскому набору с 1938 г. зачислен в Наркомат иностранных дел, в 1939 г. был переводчиком при беседе И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна и В.П. Потёмкина с председателем Законодательной палаты Китайской Республики Сунь Фо. В 1943 г. сопро-

стенд в последний день конгресса, увы, слишком поздно, чтобы их могли заметить.

На одной из китаеведных секций колумбийский социолог представил доклад о методах и перспективах полевых работ на Тайване. Из переполненного зала поднялся Тихвинский, и язвительно выступил по-английски, заявив, что эти ненаучные занятия не должны отнимать ни у кого времени. Далее взял слово я и категорически с этим не согласился, отметив, что представители социальных наук должны делиться сообщениями о планируемых и незавершенных работах. Американские ученые умеют извлекать пользу и из таких работ, а документированной историей наша наука не исчерпывается. Разумеется, на научных конгрессах можно было бы больше внимание уделять подобным сообщениям.

С профессором Тихвинским я первоначально познакомился в Пекине, а далее встречался на Конгрессе молодых китаистов в Европе. Это был очень пронизательный ученый и организатор науки, самоуверенный и вечно занятый авторитет, про которого было известно, что у него *очень* хорошие связи (я разумею государственные органы). В Москве он сердечно развлекал нас в большом китайском ресторане, где была прекрасная китайская и фальшивая русская кухня. Мы с Вильмой на правах «старых пекинцев» были возмущены, когда наш хозяин деловито залил полдюжины блюд соевым соусом, без всякого разбора. Я рассказал, как его пекинская приятельница Мэри Райт²¹ чуть не проломила головой

вождал посла США в СССР У. Стэнли в поездке в Сталинград, далее переведен в посольство СССР в Чунцине. В 1946–1950 гг. вице-консул и управляющий Генконсульством СССР в Бэйпине, затем советник посольства СССР в КНР. Именно через С.Л. Тихвинского Москва официально признала Китайскую Народную Республику. В 1953–1956 гг. служил в посольстве СССР в Лондоне, с мая 1956 г. – глава дипломатической миссии СССР в Японии, чрезвычайный и полномочный посланник I класса. С 1958 г. – профессор МГИМО, в 1960–1961 гг. директор Института китаеведения АН СССР, далее зам. директора Института народов Азии. С 1966 г. на работе в Ин-те востоковедения. Заведующий отделом Азии Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР (1965–1975), с 1967 г. имел дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла. В 1968–1974 гг. – член Исполнительного совета ЮНЕСКО от СССР. Член-корреспондент (1968), академик АН СССР (1981). Список занимаемых им должностей далеко не полон. Монография «Движение за реформы в Китае 1898 г. и Кан Ювэй» трижды издавалась в СССР и России, дважды переводилась на китайский язык. Выпущено шеститомное собрание сочинений С.Л. Тихвинского (2006–2012). В последние годы жизни возглавлял проект издания академической «Истории Китая» в 10 томах.

²¹ Мэри Клабо Райт (1917–1970), ученица Фэрбэнка (1939), первая женщина-профессор Йельского университета. Познакомилась со своим супругом Артуром Райтом на фэрбэнковских «четвергах». В 1940–1941 гг. супруги Райт находились в Японии, в 1941–1943 гг. работали в Пекине, далее были помещены в концлагерь. После освобождения в октябре 1945 г. работали в Пекине как представители Гуверовской библиотеки (Стэнфорд), встречались

потолок, когда Тихвинский назвал её книгу «фальсификацией истории», потому что по-английски это слово означает сознательное искажение, а не ошибочную интерпретацию. Но вообще стиль Тихвинского всегда казался мне деспотичным.

Вновь мы приехали в Москву в 1972 г., сразу после поездки в Китай²², и остановились в гостинице «Националь» (также в стиле «сталинского ампира»); далее мы смогли посетить и Ленинград. Я выступал перед разными аудиториями, в основном, научными сотрудниками разных институтов, рассказывая об американских изданиях о Китае и отвечал на компетентно поставленные вопросы о положении в самом Китае.

Оказалось, что мои слушатели вполне готовы принять идею о конвергенции курсов СССР и США – технологии толкали обе державы в новый мир, в котором нас сближало все больше и больше, в первую очередь, стремление выжить. Я утверждал, что советские люди должны стать больше похожими на нас, позволяя индивиду стать более свободной личностью. Возможно, некоторые советские ученые молчаливо с этим соглашались, но другие, безусловно, сохраняли веру в то, что Америка в конце концов придет к социализму, который, как они полагали, существовал в СССР. Концепция конвергенции, таким образом, не помогала разрешить основные вопросы, это всего лишь риторика, но она позволяла нам свободно общаться и искать точки соприкосновения.

В 1960 г. Тихвинский познакомил меня со своим усердным коллегой В.Н. Никифоровым²³, и мы немного прогулялись, обмениваясь на ходу банальностями. Под конец он смущенно спросил, верую ли я в Бога? Мой отрицательный ответ, казалось, его успокоил, подозреваю, что он укрепил свою веру. Мы договорились о необходимости сопоставления наших взглядов на мир, но в итоге переписки так и не сложилось. С Никифоровым мы мельком виделись и в 1972 г., а в 1977 г., когда он, наконец, приехал в Америку, мы обедали в Гарвардском факультетском клубе. Я заметил вслух, что, несмотря на семнадцать лет контактов, наше общение так и не сложилось, с чем он мрачно согласился.

с Мао Цзэдуном. В 1947 г. супруги вернулись в США. В 1951 г. Мэри Райт защитила докторскую диссертацию. С 1959 г. супруги работали в Йельском ун-те, с 1964 г. Мэри Райт была назначена ординарным профессором. Основательница Общества изучения Цин. Основная работа – «Последний рубеж китайского консерватизма» (1957), основанная на материалах докторской диссертации.

²² Джон и Вильма Фэрбэнк провели в Китае 43 дня в мае – июле 1972 г., посетив Гуанчжоу, Пекин, Шицзячжуан, Аньян, Сиань, Яньань и Шанхай. Официально супруги считались гостями Института иностранных дел МИД КНР. В Пекине Фэрбэнки отпраздновали 40-летие своей свадьбы, и встречались со старыми друзьями. 16 июня прошла и встречал с Чжоу Эньлаем, на которой Фэрбэнк предложил готовить переводчиков китайского МИД в своём Центре восточноазиатских исследований.

²³ Владимир Николаевич Никифоров (1920–1990), доктор исторических наук (1967), сотрудник ИВ АН (1950–1970, 1984–1990), ИДВ АН СССР (1970–1984). Известен обобщающими работами «Восток и всемирная история», «Очерк истории Китая»; общее число публикаций превышало 200.

К 1976 г. тенденция к нормализации по линии Пекин – Вашингтон казалась мне необратимой, и для меня оставался последний шанс установить контакт с советскими китаеведами до того, как полностью погрузиться в новые китайско-американские отношения. Я верил, что наука – универсальный избавитель от страха и ненависти, и я действительно хотел навести связи и начать по-настоящему общие проекты для историков-китаеведов во всем мире. Придерживаясь таких взглядов, я, конечно, выглядел наивным идеалистом. (А что, такие ещё существуют?).

Я вступил в состав совместной комиссии Американского совета научных обществ и Академии наук СССР по социальным и гуманитарным наукам. Задача заключалась в том, что американским китаистам следовало установить контакты не только с Китаем, но и с Советским Союзом. Я опросил более десятка своих коллег, мнения разделились поровну. Одни утверждали, что связи с СССР – это неотъемлемое профессиональное академическое право; другие говорили, что такие контакты ничего не дадут и всячески дискредитировали идею. Я уклонился от мероприятий Совместной комиссии в США в марте 1975 г., но решил, что должен быть на второй встрече в Москве в июне 1977 г.

В Москве я обнаружил, что убогие закоулки Института востоковедения²⁴ переполнены больше, чем когда-либо. Однако совместная комиссия заседала в большом зале нового здания Института информации, обе команды расположились по обеим сторонам узкого стола, накрытого, как можно догадаться, зеленой скатертью. С моим коллегой-китаеведом Львом Делюсиным²⁵, руководителем китайского отдела Института востоковедения, и с помощью С. Тихвинского как главы комиссии, мне удалось договориться о выделении восточноазиатских исследований (*East Asian studies*) как отдельного предмета, отличного от юриспруденции, экономики, литературы и т.д. Мне также удалось отбить попытку председателя Совета классифицировать восточноазиатские исследования как часть исторической науки. Меня пригласили в комнатку для переговоров, где пришлось свидетельствовать, что Ассоциация исследователей Азии (*Association for Asian Studies*) независима от Американской исторической ассоциации (*American Historical Association*) как в организационном, так и в интеллектуальном плане. Мы с Делюсиным разработали программу посещения американских центров китаеведения совет-

²⁴ В оригинале «Institute of Oriental Culture».

²⁵ Лев Петрович Делюсин (1923–2013) – китаевед. Принимал участие в Сталинградской битве. После демобилизации, в 1945 г. поступил на китайское отделение Московского института востоковедения. В 1950–1958 гг. иностранный корреспондент газеты «Правда» в Пекине, с 1960 г. – референт-консультант в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Кандидат исторических наук (1961), доктор исторических наук (1971). С 1965 г. перешел из аппарата ЦК КПСС в Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, принимал участие в создании Института Дальнего Востока. В 1967–1990 гг. заведовал Отделом Китая Института востоковедения АН СССР, параллельно был директором ИНИОН АН СССР (1970–1972).

скими синологами, чтобы поверить, какой интерес к сотрудничеству можно вызвать у американских специалистов по Китаю.

В последний день работы подписание протокола было сорвано «поломкой» множительной техники в этом огромном новом здании, а затем «поломки» охватили весь прилегающий квартал. Через час оказалось, что сверка советской и американской версий протокола потребует нескольких рабочих дней. Очевидно, что закулисные игры спецслужб или других властных структур, сильно сдерживали нас. Даже самые разумные руководители институтов и кафедр, при всей их научной квалификации, были бессильны. Мы расстались, но неофициально договорились сотрудничать, как если бы протокол был принят и осуществлялся. По китайскому направлению была организована поездка Делюсина в США, о его рейсе нам телеграфировали, но, когда самолёт приземлился, его на борту не было. Потом его командировку отложили на неопределенный срок.

Я начал учить русский язык слишком поздно, чтобы хоть чего-то добиться. Я пытался заниматься аннотированной библиографией русских китаеведческих исследований, но безуспешно. Теперь отвергнутой оказалась и идея личных контактов посредством научных конференций. Я сдался и вышел из состава совместной комиссии.

Очень трудно дистанцироваться от эмоциональной неприязни к советскому стилю работы. Ученые, по-видимому, работают потому, что их терпит власть, которой не нужны иностранцы. Если в Пекине проект может быть «заколот отравленным стилетом», то в Москве это будет мясницкий топор. У меня всегда фоном маячил мучительный вопрос: как русские могут быть настолько душевными в личностном плане, и настолько третировать всех и каждого в общественной сфере?

Проблема советского китаеведения остается для меня загадкой. Китаеведы в американских академических структурах попросту не уделяли должного внимания истории советско-китайских отношений. Это хороший пример сковывающего влияния политического климата своего времени. Также это хороший пример сложной ситуации²⁶, причины которой являются комплексными.

Для синоведа, по предмету своему погруженного в чтение китайской и японской литературы, использование ещё и русской литературы потребует либо наличия волшебника-полиглота (который не обязательно будет хорошим аналитиком), либо навыки «марафонца от науки» (*long-distance-runner type of scholar*), который не сможет заниматься осмыслением, пока не переведет текста. Получить достойный результат в короткое время не удастся. Ещё одной трудностью является то, что советские библиотеки и научные учреждения редко могут похвастаться радушностью. Сами советские историки ограничены, и довольно строго, в пределах того, что они имеют право изучать и обсуждать. Американцев не слишком привлекает изучение русского языка, поскольку русский взгляд на историю Китая маргинален, а сложности организации

²⁶ Фэрбэнк использует термин «case study».

науки в России слишком неаппетитны. Сами китайцы, разумеется, подерживали негативное отношение к России у американцев.

В результате российский опыт изучения Китая был проигнорирован, и, как следствие, была утрачена возможность сравнения, например, советского участия и помощи в революционных событиях середины 1920-х гг., в период борьбы за единый фронт и американских попыток создать коалицию в 1940-е гг. Это серьезное упущение. Русские появились на горизонте династии Цин²⁷ с момента её создания в начале XVII в., то есть за полтора столетия до того, как американцы прибыли в Кантон (1784). В стратегических планах Пекина России было гораздо больше, чем Америки, на всем протяжении XIX в., и эта ситуация сохраняется до сих пор. У русских есть своя мечта об экспансии на Восток, как у нас – о покорении Запада. Да и в нашей истории пребывания в Азии гораздо больше общего, чем мы думаем. Китайцы и в дальнейшем будут настраивать нас друг против друга. Но поскольку мы разделяем единую заботу по выживанию, то должны пытаться взаимодействовать как можно эффективнее.

Я также размышлял о своих спорадических академических контактах с Сергеем Тихвинским на протяжении многих лет. Он – быстрый, умный человек, высокопоставленный дипломат, мнение которого много значит в правительстве, и одновременно автор книги о маньчжурском правлении в Китае²⁸ и другой – о Сунь Ятсене²⁹, редактор ведущего исторического журнала³⁰. Мои самые суровые критики из левого лагеря даже называли Тихвинского «советским Фэрбэнком».

Вспоминаю один наш разговор, в котором он осуждал китайцев за нападение на советские войска на спорном участке границы и затягивание переговоров. Он хлопнул при этом по столу, и сказал: «Они очень хорошо знают, что мы сможем добраться до Пекина за сорок восемь часов!» Это прозвучало очень по-американски, и я понял, что он восхищался Макартуром³¹.

²⁷ Правила в 1644–1911 гг.

²⁸ Имеется в виду «Новая история Китая» (1972), часть разделов которой и предисловие были написаны С.Л. Тихвинским.

²⁹ «Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа)» (1964). Более известная монография «Завещание китайского революционера» вышла в свет только в 1986 г., уже после публикации мемуаров Фэрбэнка.

³⁰ С.Л. Тихвинский в 1974–1982 гг. являлся главным редактором журнала «Новая и новейшая история».

³¹ Дуэглас Макартур (1880–1964) – выдающийся американский полководец. Начиная служить во время вторжения в Мексику в 1914 г., а далее в звании полковника был направлен с Американским экспедиционным корпусом во Францию. Много лет командовал войсками на Филиппинах. После 1942 г. возглавлял союзные войска на Тихом океане, разработал план разгрома Японии. Как главнокомандующий оккупационными войсками союзников в Японии, Макартур проводил послевоенные реформы и участвовал в разработке конституции 1947 г. С июля 1950 г. Макартур командовал войсками

Естественно, я никогда не планировал какие-либо совместные проекты с Тихвинским. Он бы пытался навязывать собственные идеи, тогда как я стремился следовать велению разума (как я это понимал). Такова проблема.

* * *

Интересно сравнить с мемуарами Фэрбэнка устные воспоминания патриарха советского Китаеведения С.Л. Тихвинского. Из интервью, записанных В.Ц. Головачёвым для проекта «Китаеведение – устная история» в 2009 г., можно почерпнуть некоторые сведения, придающие нашему источнику многомерность. Сергей Леонидович утверждал, что впервые встретился с Фэрбэнком в августе 1954 г. на XXIII международном конгрессе востоковедов в Кембридже. Тихвинский был тогда советником посольства СССР в Лондоне. Он отмечал, что отношения с американцами были «вполне плодотворные», хотя советские специалисты «вопросов современной истории, где были споры, ...старались избегать»³². Суждение более чем красноречивое.

Суровое, и быть может, пристрастное суждение Фэрбэнка о недавнем прошлом отечественного Китаеведения, может побудить к серьёзному сравнительному исследованию организации гуманитарной науки в эпоху Холодной войны. В этом непреходящая ценность его мемуаров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Evans P.M., Stevens P.M. The writings and published statements of John K. Fairbank: a chronological bibliography, 1924–1989. Toronto, 1989. 59 p.
- Fairbank J.K. Chinabound: A Fifty-Year Memoir. N.Y.: Harper and Row, 1982. XIV. 480 p.
- Бергер Я.М. Рец.: Дж. Фэйрбэнк. Китай: новый взгляд на историю = Fairbank J.K. China: a new history // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 186-191.
- Березный Л.А. История Китая в трудах профессора Д.К. Фэрбенка: основные концепции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. 1993. Вып. 3 (16). С. 24-34.
- Березный Л.А. Рец.: J.K. Fairbank, M.Goldman. China. A New History // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 2. С. 205-209.
- Ефимова Л.М. Мой Учитель и Наставник Сергей Леонидович Тихвинский // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 264-268.

ООН в Корейской войне. Получил скандальную известность лоббированием ядерной бомбардировки Китая, в 1952 г. был снят с должности.

³² Ефимова 2011. С. 266; Интервью...

Интервью с академиком С.Л. Тихвинским. Интервьюер В.Ц. Головачев (Москва, 28 апреля, 22 мая, 27 июня 2009) // Проект: «Китаеведение – устная история». <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/11544/11545.html>

Начало колониальной экспансии в Китае в современной американской историографии. М., 1972. 222 с.

Смирнова Н.В. Исследования Л. А. Березного по американской историографии проблем новой истории Китая // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 101-106.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета; dmitrymartynov80@mail.ru

John King Fairbank and Soviet Chinese Studies

The article is devoted to the J.K. Fairbank's (1907-1991) views to Soviet Chinese Studies. Fairbank was a famous American sinologist, founder of the Harvard School, one of the authors of the "paradigm of revolution", who was in the 1960s deep involved for creation the international intellectual networks bringing together China experts from all over the world. Between 1960-1977 Fairbank three times visited the USSR and tried to involve specialists from Leningrad University and the Moscow Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR in his projects. He tried to explain the failures in intellectual interaction with political reasons. For acquaintance, a commented translation of the 31st chapter of Fairbank's memoir book named "Chinabound" (1982), which is being introduced into Russian Oriental Science for the first time, is attached.

Key words: historical science, sinology, international scientific cooperation, International Congress of Orientalists, J. Fairbank, G.V. Efimov, S.L. Tikhvinsky, L.A. Berezny, L.P. Delyusin.

Dmitry Martynov, Dr. Sc. (History), Professor, Kazan State University; dmitrymartynov@mail.ru

В.Н. ЕРОХИН

АРТУР ДЖЕФФРИ ДИККЕНС И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению научной деятельности одного из крупнейших британских либеральных историков второй половины XX века Артура Джеффри Диккенса (Arthur Geoffrey Dickens, 1910–2001). В статье характеризуются содержание, роль и значение разработанной Диккенсом концепции английской Реформации. Рассмотрена полемика Диккенса с представителями ревизионистского направления в изучении английской Реформации. Автор приходит к выводу, что историки ревизионистского направления не опровергли основные положения либеральной концепции истории английской Реформации, разработанной Диккенсом. При этом представители ревизионистского направления привлекли к изучению значительный объём фактического материала и внесли большой вклад в углубление знаний о ходе Реформации в Англии на местном уровне. Автор статьи считает, что либеральное и ревизионистское направление в изучении английской Реформации в современной британской исторической науке дополняют друг друга.

Ключевые слова: Реформация, Англия, современная британская историография, либеральное направление, А.Дж. Диккенс, ревизионистское направление, социальная история, интеллектуальная история.

Артур Джеффри Диккенс, один из виднейших британских историков, написавший ряд трудов по истории английской Реформации, занимает особое место в современной британской исторической науке. Ему удалось сочетать активную творческую деятельность, большую организаторскую работу и внутри британского исторического сообщества, и в развитии научных связей британских историков с коллегами из других европейских стран, особенно из Германии. 70-летие А.Дж. Диккенса в среде коллег было отмечено сборником статей в его честь¹. Сразу после кончины в 2001 году его личность и творчество стали предметом анализа в нескольких публикациях в виде статей, появившихся вслед за его уходом из жизни, как это обычно бывает после завершения жизненного пути крупных историков². Однако в дальнейшем изучение творческого наследия Диккенса неза-

¹ Reformation Principle and Practice... 1980.

² Geoffrey Dickens. <https://www.theguardian.com/news/2001/aug/10/guardian-obituaries>; Bernasconi 2004; Clark 2003; Collinson 2004; Cross 2004; Duffy 2004; Haigh 2004; Newton 2004; Pettegree 2004; Pörtner 2004; Von Friedeburg 2004.

служенно приостановилось: перестали даже появляться новые статьи, не говоря о более крупных исследованиях, хотя 31 июля 2021 года исполнилось уже двадцать лет со времени кончины историка. В данной статье автор делает попытку обобщённой характеристики его важнейших концептуальных идей и подчёркивает, что либеральная концепция в понимании истории английской Реформации, разработанная Диккенсом, сохраняет своё научное значение и стимулирующее влияние на дальнейшее развитие исследований в этой предметной области.

Либеральное направление, к которому своим творчеством принадлежит Диккенс, оказало глубочайшее влияние на историческую, политическую мысль в Великобритании и английскую интеллектуальную культуру в целом. Изучение истории Реформации в Англии изначально было глубоко созвучно идейным устремлениям либералов и привлекало их со времени оформления либерального направления в первой половине XIX в., поскольку эпоха Реформации, истолкованная с либеральной точки зрения, способна предоставить фактический материал для иллюстрации базовых идей либерального мировоззрения. Можно было утверждать, что борьба за религиозные, политические и экономические свободы, за освобождение личности от чрезмерного давления и опеки государства даёт стимул экономическому и политическому развитию страны. Сочетание исследовательского интереса к изучению истории Реформации с более или менее заметно выраженными симпатиями к протестантизму стало характерной чертой, сохранявшейся у либеральных историков Реформации и во второй половине XX века, и в настоящее время.

Изучение религиозной истории и Реформации занимает видное место в британской историографии. Высоко ценил изучение религиозной истории А. Тойнби, также рассматривавший Реформацию в Англии в русле либеральной традиции. По его словам, «если нашим первым правилом должно стать исследование нашей истории не ради неё самой, а с точки зрения той роли, которую Запад сыграл в унификации человечества, то нашим вторым правилом (в исследовании истории в целом) должны быть низведение экономической и политической истории в подчинённое положение и отведение первенства религиозной истории»³.

При всех сложностях идейной эволюции британского общества в XX – начале XXI в. либеральная идеология всегда со-

³ Toynbee 1948. С. 26 // Цит. по: Шарифжанов 1990. С. 102.

храняла и сохраняет в Великобритании значительное число приверженцев. Соответственно, по сей день либеральное направление является важной частью британской историографии.

Одним из обсуждаемых историками английской Реформации вопросов является определение её хронологических рамок и установление времени утверждения протестантизма в Англии. Либеральные историки в 1960-е годы пришли к мнению, что все важнейшие события в истории английской Реформации уже произошли ко времени на рубеже 1550–1560-х гг. Завершение религиозной Реформации они связали со вступлением на престол королевы Елизаветы I Тюдор в 1558 г. При этом либеральные историки придерживались мнения о том, что действия королевской власти по законодательному утверждению протестантизма получили быстрый отклик и сочувствие в народной среде.

В современной британской историографии определяющее влияние на развитие либерального направления в изучении истории Реформации в Англии оказали именно работы Диккенса.

Артур Джефффри Диккенс (Arthur Geoffrey Dickens, 1910–2001) родился в городе Кингстон-апон-Халл (носящем это название с 1299 г., но в обиходном словоупотреблении именуемый в сокращённом виде как Халл). Интерес к изучению религиозной проблематики, истории Реформации, в определенной мере, видимо, объясним формированием взглядов Диккенса семейным окружением: его дед по отцу был старостой в приходе официальной Церкви Англии, а дед по матери, занимаясь сельским хозяйством, был по совместительству также методистским проповедником. По воспоминаниям самого Диккенса, развитие его религиозных взглядов сначала испытало сильное влияние методизма, а затем, уже в более сознательном возрасте (*in his teens*), он обратился к англиканству. Религиозные интересы проявлялись в Диккенсе и в последующие периоды его жизни: в 1970–1980-е гг., проживая в Лондоне, он был активным прихожанином Церкви Англии, принимал участие в материальной поддержке и визитах к пожилым прихожанам, даже, бывало, выступал с проповедями в своём приходе⁴.

Начав обучение в Хаймерс-колледже (Hummers College) Университета Халла, он быстро обратил на себя внимание трудолюбием и одаренностью, получив в 19-летнем возрасте в 1929 г. стипендию на обучение в Оксфордском университете, и в 1932 г.

⁴ Clark 2003. P. 83, 90.

окончил Модлин-колледж Оксфордского университета (Magdalene College) первым в списке выпускников по учебным достижениям со специализацией по новой истории.

Первым научным наставником Диккенса был молодой, но быстро приобретший в Модлин-колледже научное влияние историк Кеннет Брюс Макфарлейн (1903–1966), известный специалист по истории раннего нового времени, который дал Диккенсу тему исследования о католических рекузантах⁵ в Йоркшире при поздних Тюдорах (это в дальнейшем прямо сказалось в развитии научных интересов Диккенса). Но молодой студент первоначально занялся темой, далёкой от истории английской Реформации – исследованием живописи итальянского Возрождения. Этот интерес к искусству сохранялся у Диккенса в течение всей дальнейшей жизни. Большое впечатление на студентов-историков колледжа производил также преподававший в нём широко известный писатель и светский богослов Клайв Стейплз Льюис (1898–1963), пробуждавший у слушателей интерес к религиозной истории, что, видимо, не прошло бесследно и для Диккенса⁶.

Возможность для самостоятельной научно-преподавательской деятельности появилась у Диккенса с устройством в 1933 г. в Кибл-колледж (Keble College) в Оксфордском университете, где до начала Второй мировой войны он был преподавателем, тьютором, и в штате которого пребывал до 1949 г. В довоенное время (в 1936 г.) Диккенс женился, в семье, уже после войны, родились два сына. С началом войны Диккенс находился на военной службе в структуре ведомства Королевской Артиллерии – он был офицером её разведывательного подразделения, чему способствовало то, что ещё в ранние студенческие годы он начал изучать немецкий язык. Знание Диккенсом немецкого языка далее было использовано британским военным командованием и для его определения с мая до октября 1945 г. на службу в Германии в британскую оккупационную администрацию в Любеке, где он осуществлял надзор за деятельностью местной печати, фактически контролируя издание городской газеты. По свежим следам воспоминаний об этом служебном назначении Диккенс опубликовал в 1947 г. «Любекский дневник», являющийся интересным

⁵ Рекузанты (recusants) – английские католики, во второй половине XVI – первой половине XIX в. (до восстановления с разрешения властей в Англии в 1850 г. церковно-административных структур католической церкви) отказывавшиеся посещать религиозные службы в официальной Церкви Англии.

⁶ Clark 2003.

свидетельством о ситуации в послевоенной Германии и сразу же благожелательно встреченный в Западной Германии⁷. В дальнейшем Диккенс не терял интереса к германской теме: он уделял внимание истории Реформации в Германии, стал публиковать посвященные ей специальные исследования⁸, способствовал открытию в 1968 г. Германского исторического института в Лондоне. В Германии ценили отношение Диккенса к стране, начиная с симпатий немцев к нему во время службы в Любеке, и в 1980 г. к 70-летию Диккенс был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германии».

После возвращения с военной службы Диккенс некоторое время работал в Кибл-колледже в Оксфорде, но в 1949 г. вернулся в свой родной город в Университет Халла, где ему была предложена должность профессора. Там он работал деканом факультета искусств (1950–1953), а также – про-вице-канцлером (1959–1962) университета, и в это время в течение года преподавал ещё в Университете Рочестера (США, штат Нью-Йорк). В 1962 г. Диккенс переехал в Лондон, став профессором Кингс-колледжа (King's College) Лондонского университета.

На рубеже 1950–1960-х гг. у Диккенса сформировалась концепция истории английской Реформации, которая стала основой для развития либерального направления в изучении Реформации в Англии на современной стадии его существования. Эта концепция была обоснована и воплотилась в нескольких важнейших работах Диккенса, опубликованных в конце 1950-х – 1960-е годы и в концентрированном виде содержащих все основные результаты его исследований⁹. Эти результаты были замечены в британском историческом сообществе. Два следующих десятилетия, 1960–1970-е гг., были для Диккенса чрезвычайно насыщенными, они стали временем кульминации его научной деятельности, а также принесли ему важные административные должности: историк буквально пожинал лавры. В 1966 г. он был избран членом Британской Академии. Далее Диккенс стал директором Института исторических исследований (1967–1977), сохраняя и профессорство в Лондонском университете. В 1966–1968 гг. Диккенс выполнял ещё и обязанности президента Общества церковной истории (Ecclesiastical History Society), был со-

⁷ Dickens 1947.

⁸ Dickens 1974.

⁹ Dickens 1959; 1964; 1966; 1969; 1987.

ветником в Государственном архиве Великобритании (1968–1976), консультировал в эти же годы Совет Великобритании по экспорту произведений искусства (его увлечением было коллекционирование произведений фламандского и голландского искусства XVII в., а затем также британской живописи XX века: большую часть этой коллекции он впоследствии передал Университету Халла), занимал должности секретаря, председателя, затем генерального секретаря в Британском Национальном Комитете исторических наук (1967–1979), был секретарем по иностранным делам Британской Академии наук (1969–1979) и посетил за это время для заключения и развития договоров о научном сотрудничестве практически все страны Западной Европы и некоторые страны Восточной Европы (в Румынии встречался даже с генеральным секретарём Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску (1918–1989)). Диккенс пытался также наладить академические контакты с историками из стран советского блока (но по отношению к СССР был непримирим из-за ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г.). Накануне выхода в отставку Диккенс работал ещё и в должности вице-президента Британского архивного общества (1978–1980)¹⁰.

Жизнь и деятельность Диккенса является примером активной и результативной научной работы, сочетавшейся со служением на важных административных должностях, что свидетельствовало о его авторитете в британском учёном мире. В 70 лет Диккенс вышел в отставку. В 1985 г. к 75-летию он был награжден медалью Британской исторической ассоциации.

Свой методологический подход к историческому исследованию Диккенс определял как разновидность социальной истории, при этом отмечая, что хорошо было бы подыскать и более точное название для этого подхода, поскольку социальная история довольно широка, но более точно не самоопределился в её рамках, по сути дела, сам Диккенс¹¹. В подходе к изучению истории Реформации у Диккенса прослеживается глубоко укоренившееся в британской историографии внимание к конкретным фактам, проявляется эмпирическая ориентация историка. Свою концепцию английской Реформации он тщательно выстраивает не через рассуждения общего характера, а посредством детального изложения и анализа подобранных им фактов, чтобы подве-

¹⁰ Geoffrey Dickens...

¹¹ Clark 2003. P. 98.

сти читателя к своим выводам, сделать так, как будто за себя говорят в подкрепление излагаемой версии сами факты. Главная задача историка, по Диккенсу, состоит в том, чтобы объяснить, как и почему события развернулись именно таким образом¹².

Самым важным из трудов Диккенса в концептуальном отношении является его книга «Английская Реформация»¹³. Изданная впервые в 1964 г., в течение примерно 20 лет она была вне конкуренции и оставалась лучшей целостной историей этого вопроса, написанной в объеме одного тома, и по широте охвата проблемы, и по систематичности изложения и истолкования Реформации. Эта книга, фактически, не только исследование, но, благодаря удачно найденному автором стилю и тональности изложения, и учебник, влиявший на изучение истории Реформации на всех уровнях в британской системе образования. Второе издание этого труда Диккенс опубликовал в 1989 г.¹⁴, впоследствии выходили в свет также его допечатки и перепечатки. Во второе издание автором была добавлена глава, содержащая дополнительные свидетельства о раннем утверждении протестантизма в Англии, и о том, что антиклерикализм в стране был одним из факторов английской Реформации. Такой целостной концепции, воплощенной в одном труде, нет ни у кого из современных британских либеральных историков английской Реформации.

При этом главный труд Диккенса отличает не только изложение его понимания хода и содержания Реформации, но также формулировка им плодотворных программных идей для организации дальнейших исследований реформационного периода. Ещё до появления в 1970-е гг. ревизионистского подхода в изучении Реформации в Англии Диккенс призывал обратиться к изучению хода Реформации в отдельных регионах страны, и на этой основе корректировать изучение Реформации в общенациональном масштабе. Диккенс показал и подчёркивал в своей основной работе, что англичане, особенно в отдаленных районах страны, медленно и с недоверием воспринимали реформационные идеи, при этом специально обращая внимание на то, что королевская власть (и политическая элита в стране в целом) имеет преимущественные возможности для навязывания населению страны и продавливания своих интересов. Это важное в самом широком

¹² Dickens 1973. P. 5.

¹³ Dickens 1964.

¹⁴ Dickens 1989.

смысле соображение Диккенса в понимании политической истории о том, что наиболее значимую роль в развитии страны и ходе политических событий играет то, что происходит в столице, в среде политической элиты, значимо и для понимания не только Реформации, но и других явлений и периодов в истории разных стран. Таким актом, проведенным волевым решением королевской власти, была, как вполне осознавал Диккенс, и английская Реформация. Оценивая религиозную ситуацию в Англии к окончанию правления Эдуарда VI (1547–1553), Диккенс писал, что в 1553 г. «большая часть нации не была ни страстными протестантами, ни сознательными католиками». Все яркие свидетельства распространения протестантизма в стране этих лет, отмечал он, происходят из Лондона и местности вокруг него¹⁵.

Как пишет современный исследователь английской Реформации Э. Петтигри, роль позиций и интересов политической элиты были особенно значимы «в глубоко недемократичном XVI веке» (остается только добавить, что такой ситуация может быть в разных странах даже и в новейшее время). В XVI в. бывали случаи, когда, как в Швеции, страна становилась в итоге протестантской не более чем с 300 первоначальными протестантами в окружении шведского короля Густава I Вазы (1523–1560), или же, наоборот, политические элиты могли не дать утвердиться протестантизму в той или иной европейской стране, где были десятки тысяч протестантов (примеры не единичны), но сторонники реформированной религии не могли победить, если политическая элита выступала против них¹⁶.

Э. Петтигри обращает внимание на ещё некоторые важные моменты в понимании хода английской Реформации и темпов распространения протестантизма. Постоянные сетования протестантских проповедников в Англии во второй половине XVI века на то, что в стране медленно утверждается истинная вера, были ещё и характерной для жанра проповеди риторической фигурой, которую не следует воспринимать буквально как фактическое положение дел в том или ином приходе. С первых веков существования христианства священники в проповедях постоянно осуждали то, что в христианском сообществе никак не исчезают упрямые неблагодарные прихожане, не желающие воспринимать сокровища истинной веры: это едва ли не вечная тема в истории

¹⁵ Dickens 1973. P. 351–352.

¹⁶ Pettegree 2004. P. 43.

христианства. Соответственно, такие рассуждения о медленном утверждении протестантизма в стране, регулярно встречающиеся в проповедях английских священников, особенно с пуританскими наклонностями, вплоть до Английской революции середины XVII в., несли в себе в значительной мере литературную по характеру образность, это ведь риторическая модель выступления проповедника, а не стремление к здравому анализу явления, как у социального историка: любые письменные свидетельства следует стремиться тщательно контекстуализировать¹⁷.

Диккенс вполне осознавал, что в темпах утверждения Реформации в Англии в разных регионах были заметные различия: он хорошо знал материалы местных архивов ряда районов страны. При этом он считал, что для утверждения королевской Реформации в Англии были также и внутренние идейные предпосылки: в частности, не прошла без последствий деятельность лоллардов, чьи взгляды в ряде отношений предвосхитили реформационные идеи, и в среде англичан среди некоторых социальных групп (торговцы, юристы общего права) накануне Реформации проявлялись антиклерикальные настроения.

В результате полемики между либеральными историками и развернувшими свою деятельность в 1970–1990-е гг. представителями ревизионистского направления (Кристофер Хейг, Джек Скарисбрик, Имон Даффи и др.) вопрос об утверждении протестантизма в Англии был проблематизирован. Ревизионисты намеренно и заостренно выстраивали своё понимание Реформации в Англии на критике и отталкивании от либеральной концепции, не воспринимая содержание главного труда Диккенса «Английская Реформация» во всей его широте, разноплановости и глубине. В этой работе Диккенса немало рассуждений о медленности и сложности утверждения реформированной религии в Англии, и встречаются формулировки и оценки, которые неотличимы от последующих рассуждений по этому поводу историков-ревизионистов. Диккенс, при всех своих симпатиях к протестантизму, тоже не идеализировал его, высказывал немало леволиберальных по характеру суждений, в частности, критиковал британский протестантизм за то, что протестантские священники «долго не осуждали рабство, детский фабричный труд и тяжёлые условия работы времен раннего индустриализма»¹⁸. Диккенс

¹⁷ Ibid. P. 49.

¹⁸ Dickens 1973. P. 458.

мыслил как христианский историк в широкой исторической перспективе и заявлял, что исследователь эпохи Реформации должен способствовать взаимопониманию современных христианских церквей. Историография, по его мнению, должна «освободить людей от мёртвой хватки прошлого и его конфликтов. В современном мире крепнут антихристианские силы, а часть этого мира еще ожидает христианского обращения. Необходимо и укрепление взаимопонимания с католиками, и тенденция к этому прослеживается с обеих сторон, но ещё очень далеко до доктринального согласия или институциональной интеграции»¹⁹.

К. Хейг с начала 1980-х превратился в основного научного оппонента Диккенса в вопросах о происхождении, ходе, темпах развития и результатах Реформации в Англии, заявляя, что Реформация была политическим актом, развернутым в интересах королевской власти, поэтому с трудом и медленно воспринимаемым англичанами. К такому пониманию английской Реформации Хейг и ревизионисты пришли на основе углубленных региональных исследований хода Реформации, в сущности, реализуя исследовательскую программу, предложенную самим Диккенсом. При этом ревизионисты активно, порой и резко, критиковали подходы, выводы и оценки либеральных историков английской Реформации. Диккенс К. Хейг определил как сторонника «быстрой Реформации снизу»²⁰. Как высказался по поводу отношения Хейга к Диккенсу Э. Петтигри, «я никогда более не видел, чтобы кого-либо из историков с его взглядами так упрощенчески насаживали на вертел одной фразой»²¹. Ревизионисты были настроены на то, чтобы не дополнить либеральный подход к изучению английской Реформации, а превратить его в устаревший. В 1983 г. Хейг даже заявлял, что либеральная концепция понимания английской Реформации, которую обосновал Диккенс, уже «превратилась в лохмотья»²².

Провоцировавшие на полемику утверждения Хейга о том, что Англия в результате Реформации стала не протестантской страной, а страной, расколотой в религиозном отношении, поскольку в ней сохранилось жизнеспособное католическое сообщество²³, всё же воспринимаются исследователями как край-

¹⁹ Ibid. P. 460.

²⁰ Haigh 1990. P. 19–33.

²¹ Pettegree 2004. P. 40.

²² Haigh 1983. P. 370.

²³ Haigh 1993.

ность. Влияние протестантизма на развитие английского общества, английской культуры успело стать слишком заметным и даже преобладающим по сравнению с другими религиозными традициями в Англии. В изучении вопроса о сроках и темпах распространения Реформации к настоящему времени намечается складывание постревизионистского консенсуса, согласно которому имеются основания датировать сознательное принятие протестантизма основной массой англичан последними годами правления королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603)²⁴. Рассуждения же ревизионистов о том, что Англия является не протестантской страной, а расколота в религиозном отношении, как думается, являются ещё и проекцией в прошлое ситуации в современной Великобритании, поскольку католицизм в стране действительно сейчас активно расширяет круг своих приверженцев, причем в такой степени, что количество постоянно посещающих службы прихожан в Церкви Англии уже не больше, чем количество постоянных прихожан в католических приходах страны.

Выдающаяся роль Диккенса в изучении английской Реформации стала осознаваться британским научным сообществом ещё при жизни учёного. К 70-летию Диккенса коллеги почтили его заслуги посвящённым ему сборником статей по вопросам изучения Реформации в Англии и Германии²⁵.

Кончина Диккенса вызвала организацию научных мероприятий и появление ряда аналитических публикаций, ему посвящённых. В 2002 г. на родине историка департаментом истории Университета Халла была организована конференция «Реформулирование Реформации – А.Дж. Диккенс: его научная деятельность и влияние», в работе которой приняли участие более 60 человек из 20-ти университетов. Девять статей участников конференции (конечно же, непропорционально мало, по сравнению с количеством участников), а также библиографические сведения о работах Диккенса опубликовал журнал «Historical Research» в 2004 г.²⁶ Посвященную Диккенсу статью, опирающуюся, наряду с характеристикой его трудов, на воспоминания коллег, учеников и членов семьи историка, опубликовала в сборнике трудов Британской академии Маргарет Кларк²⁷. Она отметила, что одной из исследовательских установок Диккенса, важной для по-

²⁴ Pettegree 2004. P. 39–58.

²⁵ Reformation Principle and Practice... 1980.

²⁶ Ambler, Burgess 2004. P. 1–4.

²⁷ Clark 2003. P. 83–101.

следующей полемики с ревизионистами, была идея о том, что задачей историка английской Реформации является понимание религиозных взглядов обычного человека, живущего в той или иной местности. Но историк должен смотреть шире, не сужая свой кругозор до горизонта, доступного лишь пониманию такого обычного прихожанина, чтобы происходившее в религиозном развитии региона не начало представляться картиной происходившего в религиозной сфере в стране в целом. Региональные исследования важны, но при этом нужно научиться их интерпретировать и вписывать в контекст общенациональной истории²⁸.

Значимым событием в осмыслении научной деятельности Диккенса стала публикация в Оксфордском национальном биографическом словаре (Oxford Dictionary of National Biography) очерка о нём, написанного известной исследовательницей истории английской Реформации Фелисити Хил (р. 1945)²⁹.

На уход Диккенса из жизни откликнулся в ноябрьском номере 2001 года журнал «History Today» и его оппонент Кристофер Хейг, взгляды которого в отношении Диккенса никак нельзя считать беспристрастными. Вслед ушедшему из жизни историку Хейг заявил, что Диккенс не отличался мягкостью по отношению к тем, кто с ним не соглашался и его критиковал, и что, хотя Диккенс продолжал писать после публикации своего фундаментального исследования «Английская Реформация» (1964), с переходом к административной работе «оригинальная исследовательская деятельность Диккенса закончилась»³⁰. При этом Хейгу было хорошо известно, что в конце 1960-х – 1990-е гг., после того, как Диккенс внёс выдающийся вклад в изучение английской Реформации, его интересы стали перемещаться на исследование и осмысление хода Реформации в Европе. В таком развитии научных интересов Диккенса была своя логика: рассмотрев развитие Реформации в Англии, он стал стремиться глубже понять Реформацию как общеевропейское явление, с учётом ее английского варианта. Диккенс опубликовал ещё ряд первоклассных исследований (некоторые из них выполнены в соавторстве)³¹, в том числе ответив и ревизионистам, подвергавшим сомнению раннее распространение протестантизма в Англии и его превращение в неискоренимую силу в стране ко времени восшествия на престол

²⁸ Clark 2003. P. 91.

²⁹ Heal 2006.

³⁰ Haigh 2001.

³¹ Dickens 1966; 1968; 1974; Dickens, Tonkin 1985; Dickens, Jones 1994.

Марии Тюдор. Если бы протестантизм только насаждался королевской властью в правление Генриха VIII (1509–1547) и Эдуарда VI (1547–1553) без отклика из народной среды, то во время католической реставрации в правление Марии Тюдор (1553–1558), перестав насаждать протестантизм и объявив его ересью, королевская власть могла бы с ним справиться, чего, тем не менее, не произошло, как раз из-за укоренения протестантизма в народе, в результате чего власти сожгли на кострах около 300 протестантов, объявив их еретиками, и большинство из сожжённых были по социальному происхождению выходцами из народной среды.

Статью «А.Дж. Диккенс и его критики: новые нарративы английской Реформации», подчеркнувшую научную актуальность либеральной концепции истории английской Реформации, разработанной Диккенсом, в журнале «Исторические исследования» опубликовал Э. Петтигри³². В ней он справедливо отметил, что правление короля Эдуарда VI в ревизионистский нарратив английской Реформации не вписывается, поскольку в то время развитие протестантизма в Англии заметно ускорилось, и реформационные идеи стали получать более широкий отклик в народной среде³³. По мнению Петтигри, к настоящему времени в изучении английской Реформации, учитывая результаты полемики историков либерального и ревизионистского направлений, необходимо учитывать несколько моментов, в значительной мере свидетельствующих о правоте Диккенса в ряде его выводов.

Во-первых, следует признать явную эффективность ранней королевской Реформации в Англии при Генрихе VIII в разрушении основывавшейся на католических постулатах церковно-административной системы в стране и законодательном утверждении строя управления церковью во главе с монархом. Но при этом в правление Генриха VIII Церковь Англии пока ещё представляла собой сочетание реформированной структуры управления с богословскими элементами католицизма в доктрине, и фактически находилась в переходном, нестабильном состоянии, которое даже вызывало у реформаторов опасения по поводу возможности возврата в католицизм.

Во-вторых, следует признать заметные успехи протестантизма в Англии в правление Эдуарда VI (1547–1553), в такой степени, что в условиях того времени, когда после поражения

³² Pettegree 2004.

³³ Pettegree 2004. P. 53–54.

в германских землях войск протестантского Шмалькальденского союза в битве при Мюльберге 24 апреля 1547 г. в ходе войны против католических сил, возглавляемых императором Карлом V (1516–1556), Англия превратилась в надежду и опору для европейского протестантизма, и английская королевская власть предоставила в своей стране приют для многих континентальных протестантов, в том числе известных европейских богословов (Маргин Буцер (1491–1551), Пётр Мартир Вермигли (1499–1562), и др.). В Англии в правление Эдуарда VI к власти пришла, при всех спорах о мотивах действий этих людей, однозначно протестантская политическая группировка, которая развернула процесс дальнейшего утверждения реформированной религии. Хотя эти силы в окружении малолетнего короля и опирались на относительно небольшую группу знати, юристов, духовных лиц, но эта группировка, имевшая тотальный контроль над печатным станком и средствами пропаганды в стране, стала получать поддержку значительной части провинциальных элит в графствах.

В-третьих, католическая реставрация при Марии Тюдор выявила ограниченные организационные, политические и интеллектуальные возможности католиков. Диккенс подчёркивал, что развитие Реформации в Англии, по сути дела, не приостановилось даже в годы католической реставрации. В ревизионистской же концепции Реформации в Англии как политики, насаждавшейся королевской властью сверху, обнаруживаются и логические противоречия. Хотя, в толковании ревизионистов, английские протестанты были малочисленны, якобы не имели в своей деятельности отклика в народе, опираясь лишь на поддержку королевской власти, в итоге они оказались поразительно эффективными по результатам своей деятельности в стране, так что протестантизм не смогла искоренить даже реставрация католицизма той же королевской властью при Марии³⁴.

Далее, когда после неудачного восстания против католического режима в январе 1554 г. под предводительством Томаса Уайатта католическая власть в лице королевы Марии, тем не менее, приняла решение не казнить вызывавшую опасения своей протестантской религиозностью дочь Анны Болейн Елизавету Тюдор, и стало известно о ложной беременности королевы Марии, об ухудшении состояния её здоровья, то даже сама католическая королева Мария, пришедшая к власти на основе принципа

³⁴ Dickens 1987. P. 187–222.

легитимизма как старшая по возрасту наследница Генриха VIII, стала осознавать неизбежность восшествия на престол, в соответствии с этим же принципом, следующей за ней по возрасту сводной сестры Елизаветы Тюдор. Это практически влекло за собой законодательное восстановление протестантизма в Англии, что и произошло после восшествия на престол Елизаветы I (17 ноября 1558 г.), путем законодательного утверждения протестантизма в английском парламенте в конце апреля 1559 г. Получается, что прямо в соответствии с либеральной концепцией английской Реформации, наиболее глубоко разработанной Диккенсом, все ключевые события в истории английской Реформации как раз и произошли к 1558–1559 гг. Затем же, в правление Елизаветы I, в английском обществе пошёл процесс еще более глубокого утверждения протестантизма в английской культуре, в рутинных практиках повседневной жизни, который, и в самом деле, занял несколько десятилетий³⁵.

Можно утверждать, что полемика между либеральным и ревизионистским направлениями в изучении английской Реформации, разворачивавшаяся в 1970–1990-е гг., привела к введению в научный оборот большого объёма нового фактического материала, к переосмыслению того, что уже было известно, но не опровергла основные положения и выводы либеральной концепции Реформации, дополнив её материалами и выводами историков-ревизионистов о медленности и сложности процесса утверждения реформированной религии в стране. В современной британской историографии сосуществуют и взаимодействуют либеральное и ревизионистское направления в изучении английской Реформации, но ни одно из них не может полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами³⁶.

В данной предметной области наглядно демонстрирует свою познавательную продуктивность принцип взаимодополнительности научных парадигм. Ещё в 1990-е годы Л.П. Репина сформулировала этот эффективный в эвристическом отношении методологический подход для исторических и историографических исследований, в котором предлагает опираться на принцип взаимодополнительности различных научных парадигм, отстаивающих отличные друг от друга и даже противоположные способы описания одного и того же явления, дающие в итоговой

³⁵ Pettegree 2004. P. 58.

³⁶ Ерохин 2020. С. 142–153.

комбинации более сложную и полноценную картину прошлого³⁷. В современной британской историографии подобные идеи высказывает Питер Бёрк, убеждённый в необходимости синтеза различных теоретических моделей истории – марксистской, позитивистской, веберовской, современных западных социально-научных и культурологических подходов «Школы Анналов», поскольку все эти методологические подходы по-своему продуктивны в познавательном отношении³⁸. На возможность и эффективность такого подхода обращает внимание также И.И. Шарифжанов³⁹. Принцип взаимодополнительности различных научных парадигм обосновывает, при этом, правда, учитывая влияние постмодернизма на современную историческую науку, также известный британский историк Кит Томас. По его словам, у современных историков углубилось понимание сложности прошлого, что повлекло за собой осознание невозможности изложить происходившие в истории события лишь с какой-то одной, избирательной точки зрения. В среде историков стало распространяться понимание того, что по поводу тех или иных событий могут существовать самые разнообразные мнения, и соблюсти объективность в сопоставлении этих многообразных мнений – это, по сути дела, «искусство»⁴⁰.

Остаётся признать, что либеральная концепция английской Реформации, разработанная А.Дж. Диккенсом, по своим основным позициям выдержала критику со стороны представителей ревизионистского направления, и эти две концепции в понимании реформационного периода в истории Англии дополняют друг друга, сосуществуют, взаимодействуют, и обогащают современную британскую историческую науку.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ерохин В.Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 752 с.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 278 с.
- Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 240 с.

³⁷ Репина 1998. С. 7, 20-21, 48.

³⁸ Burke 2005.

³⁹ Шарифжанов 2004. С. 181.

⁴⁰ Thomas 2006.

- Шарифжанов И.И. Эволюция теоретико-методологических основ английской немарксистской историографии в XX веке (1900–1980). Дисс. ... доктора исторических наук. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 1990. 381 с.
- Ambler R., Burgess G. Introduction // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 1-4.
- Bernasconi J.G. A.G. Dickens as art collector // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 9-13.
- Burke P. *History and Social Theory*. Ithaca: Cornell U.P., 2005. XII, 224 p.
- Clark M. Arthur Geoffrey Dickens 1910–2001 // *Proceedings of the British Academy*. Vol. 120. Oxford: Oxford U.P. / British Academy, 2003. P. 83-101.
- Collinson P. A.G. Dickens // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 14-23.
- Cross C. A.G. Dickens as a Yorkshire historian // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 111–126.
- Dickens A.G. *The Counter Reformation*. L.: Thames & Hudson, 1968. 216 p.
- Dickens A.G. *The Early Expansion of Protestantism in England, 1520–58* // *Archiv für Reformationsgeschichte*. 1987. LXXVIII. P. 187-222.
- Dickens A.G. *The English Reformation*. N.Y.: Schocken Books, 1964. X, 374 p.
- Dickens A.G. *The English Reformation*. London; Glasgow: Collins, 1973. 511 p.
- Dickens A.G. *The English Reformation*. 2nd ed. Penn State U.P., 1989. 460 p.
- Dickens A.G. *The German Nation and Martin Luther*. L.: Edward Arnold, 1974. XI, 254 p.
- Dickens A.G. *Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509–1558*. Oxford: Oxford U.P., 1959. 272 p.
- Dickens A.G. *Reformation and Society in Sixteenth-Century Europe*. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1966. 216 p.
- Dickens A.G. *Thomas Cromwell and the English Reformation*. N.Y.: Harper and Row Publishers, 1969. 169 p.
- Dickens A.G. *The Shape of Anti-Clericalism and the English Reformation // Politics and Society in the Reformation Europe*. Basingstoke: Macmillan Press, 1987. P. 379-410.
- Dickens A.G. *Lübeck Diary*. London: GOLLANCZ, 1947. 349 p.
- Dickens A.G., Jones W.R.D. *Erasmus the Reformer*. L.: Methuen, 1994. XIV, 367 p.
- Dickens A.G., Tonkin J. *The Reformation in Historical Thought*. Cambridge (Mass.): Harvard U.P., 1985. X, 443 p.
- Duffy E. A.G. Dickens and the late medieval church // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 98-110.
- Geoffrey Dickens. URL: <https://www.theguardian.com/news/2001/aug/10/guardian-obituaries.books>
- Haigh C. A.G. Dickens and his Reformation // *History Today*. Vol. 51. Issue 11. 2001 // <https://www.historytoday.com/archive/ag-dickens-and-his-reformation>
- Haigh C. A.G. Dickens and the English Reformation // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 24-38.
- Haigh C. (ed.). *The English Reformation Revised*. Cambridge: U.P., 1990. X, 229 p.
- Haigh C. *English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors*. Oxford: Clarendon Press, 1993. XI, 367 p.
- Haigh C. Rev. of M. Bowker, *The Henrician Reformation: the Diocese of Lincoln under John Longland, 1521-47*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1981 // *English Historical Review*. 1983. Vol. XCVIII. P. 370–373.

- Heal F. Dickens, Arthur Geoffrey (1910–2001). 2006 // <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-76115>
- Newton J. A. A. G. Dickens (1910–2001): a personal appreciation // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 5–8.
- Pörtner R. A. G. Dickens and the continental Reformation // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 59–78.
- Pettegree A. A.G. Dickens and his critics: a new narrative of the English Reformation // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 39–58.
- Reformation Principle and Practice. Essays in Honour of Arthur Geoffrey Dickens. Edited by Peter Newman Brooks. L.: Scholar Press, 1980. XII, 256 p.
- Thomas K. History Revisited // *The Times Literary Supplement*. October 11, 2006.
- Toynbee A.J. The Unification of the World and the Change in Historical Perspective // *History*. 1948. Vol. XXXIII. № 117–118.
- Von Friedeburg R. Dickens, the German Reformation, and the issue of nation and fatherland in early modern German history // *Historical Research*. Vol. 77. Issue 195. February 2004. P. 79–97.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор, Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан); erohin_vladimir@inbox.ru

Arthur Geoffrey Dickens and Contemporary Discussions on English Reformation History

The article deals with analysis of scientific and research activity of Arthur Geoffrey Dickens (1910–2001) as a significant British liberal historian of the second half of 20th century. The author of the article analyses contents, role and significance of the concept of English Reformation formulated by A. G. Dickens. The author examines polemics waged with Dickens by historians of revisionist trend in the study of English Reformation. The article concludes that historians of revisionist trend didn't manage to refute the main ideas and conclusions of the liberal concept of English Reformation worked out by Dickens. At the same time representatives of revisionist trend have drawn into study considerable volume of sources and facts on English Reformation and have made considerable contribution into deepening of knowledge about Reformation on local level. The author of the article believes that liberal and revisionist trends in the study of English Reformation coexist in contemporary British historiography usefully for historical science and supplement each other in this field of historical study.

Keywords: Reformation, England, contemporary British historiography, liberal trend, A. G. Dickens, revisionist trend, social history, intellectual history.

Vladimir Yerokhin, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor, North-Eastern State University (Magadan); erohin_vladimir@inbox.ru

З.А. ЧЕКАНЦЕВА

«ИСТОРИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ» ВО ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОВОРОТА

Во второй половине прошлого века *история настоящего времени* утвердилась как особая субдисциплина не только в Европе, но и во многих странах мира. Во Франции такая история вписывается в рефлексивный поворот, одновременно «историографический и эпистемологический» (Ф. Артог), а также предполагает осмысление современного *режима историчности*, в котором доминирует настоящее. Историческое знание такого типа, связанное с эпистемологическими проблемами, влияет на устоявшиеся нормы социокультурного исследования, содержание исторического поиска и роль историка в современном мире. «Легендарная легитимация» и «тривиализация» *истории настоящего времени* во Франции убеждают в том, что этот продукт исторического мышления является полезным инструментом для понимания наших отношений с историей и временем.

Ключевые слова: *история настоящего, рефлексивный поворот, историчность, темпоральность, презентизм, эпистемология историков*

Мысль о том, что восприятие истории во многом определяется настоящим прочно вошла в теорию истории. В последние десятилетия обновляются давно известные и появляются новые термины, связанные с этой мыслью. Такие, например, как *событие, анахронизм, презентизм, время, темпоральность, историзм, историчность, история настоящего, современность несовременного* и проч. Однако содержание этих понятий остается дискуссионным. Более того, они не всегда влияют на сложившиеся в эпоху модерности (Modernity) представления об истории как науке о прошлом и о том, как устроено историческое знание. Отчасти это связано с тем, что многие «практикующие» историки, продолжают работать в соответствии с принятыми в последние два века правилами своего ремесла, игнорируя то, что мешает им сегодня делать свое дело так, как их учили много лет назад, хотя в XX–XXI вв. глубокие трансформации переформатировали базовые основания исторического познания.

Текст нахзаца одной из книг Ф. Артога, приглашающей приглядеться к миру историков, философов и литераторов с тем, чтобы найти адекватные ответы на вызовы современности, так представляет ситуацию: «Во времена модерности история была великой силой и великой верой. Подобно деятельной идеологии, она организовала мир и придала ему смысл. Люди служили ей

вплоть до слепоты, совершая во имя истории даже худшее. Как верховный судья поступков и событий история волновала и пугала. Будучи делом историков, она претендовала на статус науки, в то время как романисты стремились рассказать о мире, плененном историей. Начиная с восьмидесятых годов прошлого века это всемогущество было поставлено под сомнение. Наше отношение к прошлому – скорее дело памяти, а не истории: слишком непредсказуемое или слишком предсказуемое будущее исчезло кажется из нашего горизонта и историк включен в безотлагательность настоящего (*l'urgence du présent*). Заслуживающая оправдания, а не осуждения история изо всех сил пытается выполнить роль дефиса между настоящим, прошлым и будущим. Каким смыслом наделять слово история сегодня?»¹. Поскольку история как знание – это то, что делают историки, такая постановка вопроса предполагает переосмысление статуса историка в современном мире.

Появление в России историографического сборника «Мир историка» свидетельствует о понимании, что реабилитация субъектности ученого способна обогатить научное познание в XXI в. Рождение такого сборника в сибирском городе не укладывается в устойчивое восприятие научных процессов в России сквозь призму «центра» и «периферии». Материалы дискуссии, организованные «Антропологическим форумом» вокруг статьи петербургских социологов М. Соколова и К. Тутаева «Провинциальная и туземная наука. Академическая коммуникация как разговор», показывают, что в социокультурном познании до сих пор доминирует бинарное мышление, устойчивая вера в источниковое знание и нормы, установленные дисциплинарным сообществом. Для понимания истории науки базовыми установками остаются фактография, целостность, телеология, типология, систематизация и иерархизация форм по принципу прогрессивности /цивизованности². Отсутствует также единодушие в понимании предметности отдельных дисциплин, в том числе антропологии, социологии и истории. Опыт историков, работающих как в провинции, так и в столице свидетельствует, что географический фактор имеет значение в судьбе конкретного ученого и в деятельности исследовательских групп, однако многое зависит от случая, стечения обстоятельств, мобильности ученых, характера коммуникативных связей, институций, политики и проч. В условиях глобализации

¹ Hartog 2013.

² Антропологический форум... 2013.

необходимо научиться говорить о познании на языке науки мировой. Добиться этого не просто, потому что речь идет помимо прочего о лингвистических возможностях ученых и о концептуальном языке, постижение которого является условием продуктивности современного профессионального знания.

Один из самых изобретательных мыслителей нашего времени, Бруно Латур, предлагает анализировать в современной истории науки не только конкретные сюжеты или наследие определенного автора, но и становление аргументов, меняющих традиционные установки и подходы³. Темой изучения при этом становится формирование исследовательского инструмента на пересечении теории и практики. Речь идет по сути о прагматической эпистемологии научного исследования. Историографы в этой связи размышляют об «эпистемологии историков» (К. Делакура). Есть основания полагать, что такой подход позволит лучше понять процесс формирования новых исследовательских полей и содержание рефлексивного поворота в социокультурном познании.

Во второй половине XX века французские историки осознали важность «непосредственной истории» (*l'histoire immediat*), назвав ее «историей настоящего времени» (*l'histoire du temps present*) [далее – *НТП*]. Понятие ввел в науку Ф Бродель в начале 1960-х⁴. В отличие от других наименований, используемых в историографии, *НТП* позволяет яснее связать такой тип истории с темой времени, которую французские историки переоткрыли в 1980-е годы⁵. После Второй мировой войны *НТП* превратилась в специальную область исследований во многих странах мира, а ее широкое распространение стало основой для сравнительного изучения этого историографического поля. Аналитики высоко оценивают потенциал такого сравнения как «школы дистанцирования» и «прозрения», что позволяет понять и использовать его возможности, избегая предвзятостей национально-центрированного взгляда⁶. В российской историографии понятие *НТП* практически отсутствует⁷. Его просто заменили на *современную историю*⁸. Между тем дискуссии об истории такого типа проявляют

³ Латур 2017.

⁴ Wolikow

⁵ Чеканцева 2010. С. 66–78.

⁶ Lagrou 2013.

⁷ Чтобы убедиться в этом, достаточно спросить об *истории настоящего* на русском языке в интернете.

⁸ Историография истории новой и новейшей истории... 2000. С. 278-279.

природу исторического знания, его апории, тупики, ограничения и возможности. В наши дни, они вписываются в темпоральный поворот, связанный с обновлением представлений об историчности времени и с переопределением базовых оснований не только историографии, но и исторического познания в широком смысле⁹.

Во Франции *НТР*, заявившая о себе после Первой мировой войны, была институализирована как особая субдисциплина для изучения недавней и текущей истории только в конце 1970-х гг. В 1978 г. *Комитет истории второй мировой войны* был преобразован в лабораторию CNRS под названием *Институт истории настоящего времени*. *l'Institut d'histoire du temps présent (l'ИНТР)*. Название это приняли почти по умолчанию, поскольку одновременно была создана еще одна лаборатория *Институт истории модерности и современности* (*L'Institut d'histoire modern et contemporaine*). При этом надо понимать, что «слово *present* не является синонимом слова *contemporaine*» (П. Гарсия). Включение этого названия в исторический дискурс связывают с первым директором *l'ИНТР* Франсуа Бедарида, контампоранеистом, специалистом по истории Великобритании, и через него – с наследием А.-И. Марру, который понимал историографическую операцию как отношение между настоящим и прошлым и придавал большое значение понятию *presence* (присутствие). В 1976 г. П. Нора был избран руководителем исследовательского направления *история настоящего* (*histoire du présent*) в Школе перспективных исследований социальных наук (EHESS), обозначившего «настоящий разрыв отношений во французской историографии»¹⁰. За несколько десятилетий *НТР* из периферийной области историографического поиска превратилась в уважаемый и даже лидирующий сегмент академического ландшафта. Она также прочно закрепилась в университетах, школах, редакциях и СМИ. В течение двух десятилетий адепты такой истории доказывали ее право на существование как истории особенной, отличной от других. В 1992 г. Рене Ремон заявил, что «битва выиграна». Однако дискуссии вокруг проблем *НТР* продолжаются до сих пор.

«История настоящего» – дитя своего времени и во многом продукт «эпохи крайностей». Так Э. Хобсбаум назвал короткий XX век (1914-1991). Режим историчности, сложившийся в эпоху модерности не выдержал небывалых проявлений насилия «желез-

⁹ Rethinking Historical Time... 2019; Чеканцева 2021. С.5-19.

¹⁰ Garcia 2010. P. 282-294.

ного века». Потребность в радикальном переосмыслении существующих способов понимания и организации жизни породила новый тип историчности. Роль *истории настоящего* в этом процессе, на мой взгляд, трудно переоценить. Послевоенный контекст стимулировал ожесточенные споры о последствиях второй мировой войны и о «травматическом опыте» военного времени. Во Франции особое место в этих спорах занимала тема сотрудничества в период оккупации в годы режима Виши, дебаты по поводу Сопротивления, «Черной книги коммунизма», а с конца 1990-х – полемика вокруг алжирской войны и проблем колонизации. Изучая эти «темные стороны» недавнего прошлого, историки осознали, что имеют дело с «прошлым, которое не проходит»¹¹.

Рождение *НТР* связывают также с «волной памяти» (П. Нора). Ворвавшаяся в публичное пространство на рубеже 1970 и 1980-х гг. память способствовала развитию идеи о возможном существовании прошлого в настоящем. Являясь носителем такого прошлого, память в различных формах (индивидуальная, коллективная, социальная, культурная, историческая) проявляется как культурная практика, реально влияющая на процессы идентификации. Одновременно она проблематизировала ряд устоявшихся дисциплинарных установок. Например, разделение прошлого и настоящего, как основы политики времени, исторической теории и практики эпохи поздней модерности. Такое разделение было закреплено пониманием анахронизма как грубой темпоральной ошибки и породило недооценку истории современности.

Легитимация этой субдисциплины сопровождалась мобилизацией аргументов, призванных включить ее в устоявшиеся нормативные требования исторического исследования. Так, отсутствие темпоральной дистанции историки стремились компенсировать, демонстрируя на материалах *настоящего* использование традиционного метода критического анализа источников. Ограниченный доступ к официальным архивам обходили, используя прессу, изображения, обосновывая эвристические возможности устных источников. В отличие от традиционных историков, работавших с теми, кого уже нет, историки настоящего времени подчеркивали, что изучают живых. При этом они апеллировали к дисциплинарной традиции. Однако довольно скоро выяснилось, что этого недостаточно¹².

¹¹ Rousso 1998.

¹² Bedarida 2001; Rousso 2000.

В процессе легитимации *НТП*, ее сторонникам пришлось основательно переосмыслить основы исторического понимания и характер историчности, отличающий историю такого рода от других. Среди главных вопросов выделяются следующие: поиски адекватного наименования специфической субдисциплины; переосмысление понятия *время*, его основных модусов и отношений между ними; проблема источников, в т.ч. архивных и устных; проблемы периодизации и исторической дистанции; взаимоотношения истории и памяти; содержание и значение междисциплинарности; связь истории с политикой и использование истории; проблемы нарратива; тема истории и общества, включая «социальный спрос» и социальную роль историка. Это были не только методологические вопросы, но и эпистемологические. Не удивительно, что в контексте дебатов о специфике такой истории усилился интерес к прагматической эпистемологии ученого, отличающейся от установок философской эпистемологии как раздела аксиологии и разрабатывающей правила исследования для дисциплинарного знания.

Эпистемологическим стержнем легитимации *l'НТП*, на мой взгляд, является переход «от истории современности к историческому настоящему» (*présent historique*). Важный вкладом в понимание такой траектории – «история настоящего» М. Фуко, представленная в ряде его исторических работ¹³. А также большое количество конкретно-исторических и историографических исследований, созданных в русле истории настоящего времени¹⁴. «Современная история, как известно, долгое время считалась невозможной... – писал П. Нора. – Это привело, как мы тоже знаем, к фактическому запрету современной истории в учебных заведениях, в частности в Сорбонне или в Hautes Études, а современная история укрылась скорее в параллельных учреждениях, таких как Свободная школа, затем Институт политических исследований, где Рене Ремон, учениками которого мы все здесь являемся, установил связь между современной историей и политологией»¹⁵.

Утверждение *НТП* во Франции совпало с рядом важных трансформаций в социокультурном познании. Прежде всего, это ослабление позиций социальной истории и сближение исторической дисциплины с другими социальными науками, что породило

¹³ Garland 2014. P. 365-384.

¹⁴ См.: Écrire l'histoire du temps présent... 1993.

¹⁵ Nora 1992. P. 43-44.

критический поворот во французской историографии. Важнейшей составляющей такого поворота стала серия «возвращений» в исследовательское поле исторического знания: *события, субъекта, биографии, политики и политического*¹⁶. Во многом такие возвращения были связаны с «маленькой интеллектуальной революцией» в современной истории¹⁷. Например, стало ясно, что работа над незавершенными процессами, позволяет избавиться от «ретроспективной иллюзии фатальности», стимулируя внимание к «полю возможностей». Реабилитация субъектности историка, отход от коллективного в историческом процессе и обостренное внимание к индивидуальному, череда когнитивных поворотов (антропологический, лингвистический, прагматический, визуальный, культурный), работа с памятью заставили историков интенсивно размышлять об эпистемологических проблемах своего ремесла. Кроме того, в условиях презентизма свидетели получили в обществе большее признание и доверие, чем профессиональные историки, которые поначалу сами стали жертвами этих перемен. Усилились сомнения в возможностях истории как науки и ее будущем. Попав в капкан памяти, французские историки не ограничились тем, что создали новую область исследования – историю памяти. обстоятельно изучив это явление в междисциплинарном режиме, они использовали мемориальный инструментарий для того, чтобы исследовать особый вид коллективной памяти, о которой писал еще М. Хальбвакс, – память историческую. Родилась история историков и история истории, т.е. эпистемологически ориентированная историография.

В новом тысячелетии в контекстах бытования *НТР*, многое изменилось. Прежде всего утратила лидерство национальная модель историописания. В исследовательском пространстве ее теснят модели истории транснациональной, связанной, глобальной. Исторический поворот в социальных науках значительно расширил и усложнил пространство исторической культуры¹⁸. На смену междисциплинарности приходит трансдисциплинарность¹⁹. Социальные науки собирают и анализируют огромное количество эмпирических данных, которые историки активно используют, наряду с концептами и подходами этих дисциплин. Развивается

¹⁶ L'Histoire et le métier d'historien en France... 1995.

¹⁷ Ibid. P. 80.

¹⁸ Herbert 2018. P. 295–312.

¹⁹ Osborne 2015.

сотрудничество не только между научными дисциплинами, но и с философией. Меняется понимание структуры темпорального опыта. Все больше историков разделяют мнение о том, что *время* теперь «совсем не то, что было раньше». Теоретики истории в контакте со всеми формами освоения мира размышляют о состоянии современного исторического знания в поисках другой исторической оптики и даже другой истории, отличающейся от той, что мы знаем сегодня²⁰.

Проблема идентичности историка, актуализированная мемориальным натиском, стала предметом обстоятельной дискуссии внутри исторического сообщества в 1980-1990-е гг. В XXI в. вопрос о влиянии на историческое знание социального спроса и роль историка в обществе остается одним из самых сложных²¹. Присутствие прошлого в публичном пространстве провоцирует размышления об этике современных историков, о связи истории с политикой. Обсуждая социальную роль историка, французские ученые пришли к заключению, что в идеале историк не должен быть ни судьей, ни журналистом, ни экспертом, ни жертвой, ни свидетелем. Устаревшим представляется и образ ученого-эрудита, специалиста по конкретному историческому периоду, проводящего большую часть жизни в пыли архивов /библиотек и не склонного покидать свою башню из слоновой кости²². «Историк – часть настоящего времени, – пишет Ф. Артог, – он может лучше видеть прошлое, поскольку умеет обращаться со своим собственным настоящим. Я бы назвал историка путешественником, который совершает разезды между прошлым и настоящим. Его путешествия представляют собой повторяющуюся схему уходов и возвращений. Этим действием он создает перспективу, которая

²⁰ Ethos of History... 2018.

²¹ Delacroix 2004. P. 106-119.

²² Roche D. Les Historiens aujourd'hui. Remarques pour un debat // Vingtieme siecle. Revue d'histoire, octobre-decembre 1986; Bedarida F. L'historien régisseur du temps? Savoir et responsabilité // Revue historique, janvier-mars 1998; Jeanneney J-N. Le passe dans le pretoire. Seuil 1999; Olivier D. Le role social de l'historian. Albin Michel 2003; Bedarida F. L'Histoire et le metier d'historien en France 1945-1995, Editions de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1995; Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquietude. Paris, Albin Michel, coll. Bibliotheque Histoire, 1998; Gauvard C., Sirinelli J-F., Cauchy P. Les historiens françaises à l'euvre/1995-2010, Paris, PUF, 2010. Попутно в процессе осмысления «смешения ролей» была поставлена под сомнение независимость любой интеллектуальной группы, включая сообщество историков.

постоянно повторяется и всегда открыта. Он ищет в ней неувязки, и случается так, что сама попытка определить, прошлое это или настоящее, оказывается выведена из строя неопределенностью»²³. Разумеется, по всем этим вопросам в историческом сообществе нет единого мнения. Неоспоримо только то, что, «историк должен быть наделен критическим взглядом, позволяющим ему отвлечься от текущих обстоятельств» (Ф. Бродель).

Напряжения между историей и политикой – явление не новое, однако инициативы французских президентов, особенно Никола Саркози, направленные на воскрешение «национального романа» накалили их до предела²⁴. По случаю десятилетнего юбилея ежедневной передачи «Фабрика истории» на канале Франция-Культура, по просьбе известного журналиста Эммануэля Лорантена, сорок историков, преимущественно университетских, ответили на вопрос «Для чего нужна история?». Большинство из них отметили широкое распространение практик политической манипуляции историей и решительно отказались подчиняться новым правилам мемориальной политики властей²⁵. По мнению П. Нора, историки восстали против «мемориальных» законов, предложений создать национальный музей военной истории в духе традиционной истории победителей и прочих политических проектов не потому, что обладают особым корпоративным правом на научную «память» о прошедшем и считают себя носителями истины в последней инстанции. На борьбу за интеллектуальную и политическую свободу их мобилизует гражданская и профессиональная ответственность. «Безусловно, историк – носитель настоящего» – пишет Ф. Артог. Но именно работая с настоящим, он оказывается запертым между «сложнейшими вопросами и ясными ответами, между давлением общества и одиноким упорством собственных исследований, между чувствами и знаниями. Как бы он ни был скромен, он обязан стать историком настоящего, это его право, и в этом все его искусство».

Молодые историки, размышляя о статусе *НТР* в наши дни, обосновывают мысль, что она больше не нуждается в особом положении, поскольку в течение нескольких десятилетий утвердилась как полноценная составляющая исторической науки. Аргументируя возможность отказаться от выделения такой специаль-

²³ Артог 2013.

²⁴ Offenstadt 2009.

²⁵ A quoi sert l'histoire... 2010.

ной области исторического знания, они призывают обеспечить формирование «*истории как социальной науки настоящего*»²⁶. Соприсутствие множества темпоральностей делает современность в разных ее проявлениях предельно гетерогенной, что затрудняет возможность ее адекватного постижения значительной частью живущих в этой современности людей. С укоренением истории как *социальной науки настоящего* в пейзаже социальных наук современность станет исследовательским полем с очень высокой конкуренцией, поскольку с ней будут работать историки, этнологи, социологи, экономисты, политологи, географы, философы, лингвисты, специалисты по литературе и т.д. Отличие от привычного подхода заключается во взгляде на настоящее, способах его изучения, схватывания и объяснения.

«Тривиализация» *НТР* позволяет перевернуть страницу травматической национальной истории, сосредоточенной на «темных страницах», а также способствует «темпоральному открытию» этого историографического поля. Речь идет о возможности отойти от концепции *настоящего* как методологического *презентизма*²⁷ и принять наличие разных темпоральностей, включенных в многочисленные слои прошлого, присутствующие в настоящем. Такая перспектива с учетом транснационального настоящего расширяет возможности для совместной работы *контампоранеистов* с историками древности, медиевистами и модернистами.

Признание наличия разных опытов времени и множества режимов темпоральностей актуализирует проблему присутствия в настоящем не только прошлого, но и будущего. Приведу только один пример. Историк и антрополог Жером Баше написал книгу о том, как освободиться от «тирании настоящего» и обрести способность открывать или изобретать будущее, отличное от предсказуемого и планируемого будущего модерности²⁸. Медиевист по образованию, Ж. Баше в конце XX в. увлекся *НТР*. Эта переориентация отчасти связана с леворадикальным движением сапатистов в южной Мексике (штат Чьяпас), зародившегося в начале 1980-х гг. Изучив борьбу сапатистов за права коренного населения и более справедливый социальный порядок, историк вписывает свое исследование в транснациональный масштаб. Разделяя

²⁶ Droit, Reichherzer 2013. P. 121-145.

²⁷ Историки науки давно знакомы с идеей «презентизма», для них это тип исторического письма, в котором познание прошедшего сознательно подчиняется настоящему. См., напр. Савельева, Полетаев 2005. С. 63-88.

²⁸ Baschet 2018.

идеи Артога о переменах в восприятии времени, Баше дополняет синтагму *режим историчности* более определенной, на его взгляд, синтагмой – *режим темпоральности*. Презентизм он понимает, как «*режим темпоральности*, который пытается играть роль *режима историчности*, не имея возможности по-настоящему достичь этого»²⁹. В отличие от Ф. Артога и других ученых, сосредоточенных на презентизме, Баше интересуют прежде всего формы будущего, присутствующие в настоящем. В поисках путей преодоления «тирании настоящего» для Баше важны не только концепции, но также их прагматическое использование. Усиление презентизма он связывает с новым, неолиберальным этапом развития капитализма, который начался в 1970–1980 гг. Для этого времени характерно структурное слияние экономики и политики, быстрый рост управленческих форм государства, утверждение торгашеской логики в поведении³⁰. По мнению историка, это эпоха, в которой «экономика устанавливает прямой контроль над всеми сферами жизни»³¹. Рассматривая разные формы будущего, сохраняющиеся в нашем настоящем, Баше, ссылаясь на опыт сапатистов, анализирует возможности нового порядка, основанного на автономных сообществах, где государство больше не играет главной роли и где мир освобожден от диктата экономики Запада. Предлагает он и ряд эпистемологических идей. В частности, подчеркивает необходимость преодолеть оппозицию между историей и памятью, а также сделать нормой эпистемологический плюрализм, заменив характерную для постмодерна дихотомию объективность/релятивизм. При этом Баше отвергает претензии науки на обладание истиной и предлагает добиваться того, чтобы все формы постижения мира, включая обыденное мышление учитывались как равноправные. Иными словами, для того чтобы что-то понять или объяснить надо учитывать «все созвездие знаний»³².

Написание истории настоящего или недавнего прошлого во Франции, как и в других странах, остается весьма конфликтной почвой, где множатся инициативы государств. Кроме того, исторические и историографические исследования в этом поле неизбежно обнажают связь исторического знания с политикой и социальным заказом. Ситуация осложняется тем, что историк на рубе-

²⁹ Ibid. P. 171-172.

³⁰ Ibid. P. 161-162.

³¹ Ibid., P. 162.

³² Tamm 2020/ P. 448-458.

же тысячелетий оказался «между Харибдой неопозитивизма и Сциллой постмодернизма» (Ф. Бедарида). В этих условиях *история настоящего времени* остается исключительно полезным продуктом исторического мышления, который необходимо сохранять и развивать.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антропологический форум «Провинциальная и туземная наука» № 19, 2013.
Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? // Гефтер. 15.03.2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/8000>
- Историография истории новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Под ред. И.П. Деметьева, А.И. Патрушева. М. Простор. 2000. С. 278-279.
- Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Логос. Том 27. N1. 2017.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / под ред. Л.П. Репиной. М. ИВИ РАН. 2005. С. 63-88.
- Чеканцева З.А. Время и история в интеллектуальной культуре Антропоцена // Диалог со временем. Вып. 74. М. Аквилон. 2021. С. 5-19.
- Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад. М. Кругъ. 2010. С. 66-78.
- A quoi sert l'histoire aujourd'hui? Sous la direction d'Emmanuel Laurentin. Bayard éditions. Paris. 2010.
- Baschet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalités émergentes et futurs inédits. La Découverte. Paris. 2018.
- Bedarida F. L'historien régisseur du temps? Savoir et responsabilité // Revue historique, janvier-mars 1998.
- Bedarida F. Le temps présent et l'historiographie contemporaine // Vintième siècle. Revue d'histoire. № 69, 2001.
- Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquietude, Paris, Albin Michel. 1998.
- Claude G. Sirinelli J.-F., Pascal C. Les historiens français à l'œuvre, 1995-2010, Paris, PUF, 2010.
- Delacroix Ch. Demande sociale et histoire du temps présent, une normalisation épistémologique? // Espaces Temps, 84-86, 2004. L'opération épistémologique. Réfléchir les sciences sociales. P. 106-119.
- Droit E., Reichherzer F. La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2013/2 (№° 118). P. 121-145.
- Dumoulin O. Le role social de historian. Albin Michel. Paris. 2003.
- Écrire l'histoire du temps présent. En hommage à François Bédarida. Paris: CNRS Ed., 1993.
- Ethos of History: Time and Responsibility / Eds. St. Helgesson, J. Svenungsson. N.Y.: Berghahn Books, 2018.
- García P. Histoire du temps présent // Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. // Historiographies: concepts et débats . T. I. Paris. Gallimard. 2010. P. 282-294.

- Garland D. What is a “history of the present?” On Foucault’s genealogies and their critical preconditions // *Punishment & Society*, vol. 16, no. 4, 2014. P. 365-384.
- Hartog F. Croire en l’histoire. Flammarion. Paris. 2013. 380 p.
- Herbert S. Klein The “Historical Turn” in the Social Sciences // *Journal of Interdisciplinary History*, XLVIII: 3 (Winter, 2018). P. 295–312.
- Jeanneney J.-N. Le passe dans le pretoire. Seuil 1999.
- L’Histoire et le metier d’historien en France. 1945-1995. Sous la direction de F. Bedarida. Paris. 1995.
- Lagrou P. De l’histoire du temps présent à l’histoire des autres. Comment une discipline critique devint complaisante // *Vingtième Siècle. Revue d’histoire*, 2013/2 N° 118. P. 101-119.
- Nora P. De l’histoire contemporaine au présent historique // *Ecrire l’histoire du temps present: en hommage a Francois Bedarida*, Paris, CNRS éditions.1992. P. 43-44.
- Offenstadt N. L’Histoire Bling-Bling. Le retour du roman national. Stock, Paris. 2009.
- Osborne P. Problematizing Disciplinarity. *Transdisciplinary Problematics // Theory, Culture & Society* 2015. Vol. 32(5–6) / P. 3–35.
- Rethinking Historical Time. *New Approaches to Presentism*. Edited by Tamm M. and Olivier L. Bloomsbury academic. 2019.
- Roche D. Les Historiens aujourd’hui. Remarques pour un debat // *Vingtieme siecle. Revue d’histoire*, octobre-decembre 1986.
- Rouso H. L’ histoire du temps présent, vingt ans apres, in dossier L’ histoire du temps présent, hier et aujourd’hui // *Bulletin de l’IHTP*. № 75, 2000.
- Rouso H. La hantise du passé. Textuel. 1998.
- Tamm M. How to reinvent the Future? // *History and Theory* 59. (3).2020. P. 448-458.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; chekantsev@mail.ru

French “History of the Present Time” in the context of reflexive turn

This article discusses the French version of “history of the present time”, which established itself as a special subdiscipline not only in Europe, but also in many countries of the world in the second half of the last century. In France, this one fits into the reflexive turn, both “historiographic and epistemological” (F. Artog), as well as an understanding of the contemporary regime of historicity, where the present dominates. Historical knowledge of this type, associated with methodological and epistemological problems, affects the norms of sociocultural knowledge, the content of historical search, and the role of historians in the modern world. The “legendary legitimation” and “trivialization” of French “History of the Present” convince us that this unique product of historical thinking is a useful tool for understanding our relationship with history and time.

Keywords: history of the present, reflexive turn, historicity, temporality, presentism, epistemology of historians

Zinaida Chekantseva, Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; chekantsev@mail.ru

О.Б. ЛЕОНТЬЕВА

СУБЪЕКТИВНАЯ (РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ) ШКОЛА: В ПОИСКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКИ

Статья посвящена истории «субъективной школы в социологии», существовавшей в последней трети XIX – начале XX в., и ее основателями были П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Автор доказывает, что важную роль в конституировании научной школы играют не только ее члены, но также критики, рецензенты и историки науки, для которых понятие «школы» является инструментом систематизации и классификации. В статье прослеживается полемика вокруг предложенного основателями школы «субъективного метода» в социологии и истории; именно в ходе этой полемики происходила «сборка» целостной познавательной программы на основе оригинальных теорий лидеров школы, сглаживались внутренние противоречия между ними.

Ключевые слова: *схоларный подход, научные школы, субъективная школа, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев*

Историография как научная дисциплина переживает в настоящее время период расцвета. Востребованность историографических исследований в мировой и отечественной науке является признаком того, что историческая наука проходит этап период глубокой внутренней трансформации: предметом рефлексии в этой ситуации становится и предшествующий путь, пройденный исторической наукой, со всеми многочисленными «познавательными поворотами» на этом пути, и теоретико-методологический инструментарий исторических исследований, и историческая эпистемология, ключевым вопросом которой является вопрос о возможности научного познания прошлого. Именно поэтому историографические исследования все чаще приобретают теоретико-методологическую, науковедческую и культурно-антропологическую направленность.

Современная отечественная историография, облик которой сложился в 1990-2000-е гг., сочетает несколько продуктивных подходов к истории науки. В рамках парадигматического подхода история науки изучается как история смены научных парадигм; с точки зрения схоларного подхода история науки предстает сквозь призму истории научных школ, тогда как поколенческий подход ставит акцент на смене поколений в науке. Каждый из этих подходов обладает своими сильными сторонами; в совокуп-

ности они позволяют увидеть историю науки как многомерный, стереоскопический процесс.

Схоларный подход: перспективы и преимущества

Наиболее востребованным можно считать схоларный подход к истории исторической науки. Доказательство тому – не только множество исследований, посвященных «государственной школе», «московской» и «петербургской» школам, «школе Ключевского», «школе Герье» и т.д., но и появление обобщающих трудов по истории российской исторической науки, где история научных школ, их преемства и соперничества выступает как структурообразующая линия¹. Обращение к истории научных школ оказалось полезным опытом и для самоопределения современного научного сообщества: принадлежность к определенной школе все чаще артикулируется как важная опора профессиональной идентичности.

Полвека назад, в советской историографии, термин «школа» применялся для обозначения «узкой группы историков» внутри более широкого «течения» или «направления»; характерными чертами научной школы считались общность методических приемов и/или фактов научной биографии ее приверженцев – «то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого или группировались вокруг одного университета»².

В современной историографии представление о роли научной школы в развитии науки кардинально изменилось, и само это понятие трактуется более широко. Концептуально-теоретические основы современного схоларного подхода сформулированы Г.П. Мягковым в серии работ по «русской исторической школе»: он предложил считать именно научную школу – а не «течение» или «направление» – базовым понятием истории гуманитарных наук³. В качестве критериев научной школы Г.П. Мягков выделяет наличие общей парадигмы и исследовательской программы, а также неформальный характер научного объединения, систему коммуникативных связей – вертикальных (учитель – ученики) и центрированных (вокруг признанного научного лидера); связь с *alma mater*, на базе которой изначально сформировалась школа (хотя возможны и варианты, когда научная школа складывается на основе «незримого колледжа»); и, наконец, особый стиль об-

¹ Бычков, Корзун 2001; Очерки истории... 2005.

² Гутнова 1974. С. 9-11.

³ Мягков 1988; 2000.

щения и мышления, нормативные регулирующие ценности, присущие представителям данной школы⁴.

Изучение истории научных школ стало важным дополнением и коррективом парадигматического подхода к истории науки. Схоларный подход позволяет увидеть, что осязаемой платформой для существования той или иной парадигмы служит именно научная школа, что продуктивные научные идеи возникают и развиваются не в абстрактных трансцендентальных высях, а благодаря существованию научных сообществ, обмену идеями и взаимной поддержке, ученичеству и наставничеству.

Сочетание схоларного и парадигматического подходов оказалось особенно продуктивным при изучении такого важного периода в развитии отечественной исторической науки, как рубеж XIX–XX вв. Этот период характеризуется в современной историографии как время творческого соперничества нескольких разных подходов к изучению истории, смены парадигм: именно тогда наметился переход от познавательной программы «классического», или «первого», позитивизма к «критическому позитивизму», неокантианству, «раннему культурологизму»⁵. Научный поиск разворачивался в условиях взаимодействия и конкуренции разных научных школ и поколений, порой с кардинально несхожими представлениями о сценариях дальнейшего развития науки и о научном этосе⁶.

«Субъективная школа»: постановка проблемы

Одной из составляющих отечественной научной мысли на рубеже XIX–XX вв. была «субъективная школа в социологии». Эта школа редко становится объектом изучения современных исследователей как целостное направление научно-теоретической мысли – ее отдельным представителям, прежде всего П.Л. Лаврову и Н.К. Михайловскому, посвящено гораздо больше исследований, чем феномену этой школы в целом.

Сложности изучения «субъективной школы» как схоларного феномена связаны с несколькими ее важными особенностями. С момента своего возникновения она носила междисциплинарный характер: ее основоположники стремились разработать теоретико-методологическую программу социологических и истори-

⁴ Мягков 2011; Иванова, Мягков 2013. С. 165-185.

⁵ Нечухрин 1993; Жигунин, Мягков 1999; Рамазанов 1999-2000; Дорошенко 2010.

⁶ Свешников 2009; Серых 2011.

ческих исследований, и, более того, ставили вопрос о природе научного знания как такового. Поэтому впоследствии наследие «субъективистов» оказывалось в сфере научных интересов и профессиональных историографов, и философов, и специалистов по истории социологии как науки, а с позиций разных дисциплин по-разному выделялись очертания этой школы, комплекс ее идей. Кроме того, у данной школы не было общепринятого названия и самоназвания. Варианты ее наименования – «русская социологическая», «этико-социологическая», «субъективная» – служили не только инструментом научной идентификации, но и орудием полемики, в том числе внутри самой школы⁷.

Исследовательскую ситуацию осложняет и то, что полемика вокруг идей «субъективной школы» велась не только в научных кругах, но прежде всего – и острее всего – в идеологическом поле. Судьбы большинства ее основоположников и приверженцев были тесно связаны с народничеством, и потому на рубеже XIX–XX вв. обсуждение теоретико-методологических идей данной школы неизбежно перерастало в дискуссию о жизнеспособности народнических идеалов и их значении для России.

И наконец, контуры этой школы расплывчаты – остается спорным вопрос о принадлежности к ней видного российского историка Н.И. Кареева. Парадоксально, но одни исследователи говорят о нем как о ведущем представителе «субъективной школы», а другие даже не упоминают его имя в контексте истории этой школы. Крупнейшие отечественные историографы причисляют Кареева к другому научному сообществу – «русской исторической школе», представителями которой были также М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, И.В. Лучицкий⁸. Дискуссия о схоларной принадлежности наследия Кареева представляет собой отдельный интересный историографический сюжет⁹, она важна тем, что позволила поставить проблему интерференции научных школ (в данном случае – «русской исторической» и «субъективной») и роли «пограничных» фигур в их становлении.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть формирование в отечественной исследовательской традиции представлений о «субъективной школе» как о научной и идейно-теоретической общности. Исходная посылка состоит в том, что каждая

⁷ Леонтьева 2007.

⁸ См.: Бузескул 1929; Мягков 1988; Золотарев 1988.

⁹ Мягков 1997; Филимонов 2003; Леонтьева 2005.

научная школа представляет собой, с одной стороны, реально существующее или существовавшее сообщество, с другой стороны – интеллектуальный конструкт. В первую очередь границы научной школы определяют сами члены научного сообщества, признавая кого-либо своим учителем или единомышленником. Важную роль в конституировании научной школы играют также критики и рецензенты, выделяя то, что представляется им наиболее существенным, специфическим или спорным в программе научного сообщества; тем самым оппоненты побуждают сторонников школы четче артикулировать свою позицию, искать новые доводы в защиту своих воззрений. В ходе полемики создается узнаваемый образ научной школы, складывается канон ее восприятия, устойчивый набор характеристик. Наконец, едва ли не решающий вклад в процесс конституирования научной школы вносят историки науки, для которых понятия «школы», «направления» или «течения» являются инструментами систематизации и типологизации. Все эти аспекты можно выделить и в судьбе «субъективной школы» в русской научной мысли.

«Субъективная школа»: время основателей

Становление «субъективной школы» пришлось на конец 1860-х – 1870-е гг., когда, усваивая идеи позитивизма, задававшего тон в мировой научно-теоретической мысли, российские мыслители стремились к их творческой переработке и дальнейшему развитию. Конституирование школы шло вокруг программной идеи о допустимости и необходимости применения в социологических и исторических исследованиях «субъективного метода». Само понятие «субъективный метод» предложил в 1851 г. Огюст Конт, основоположник позитивизма как научно-теоретического направления и социологии как науки об обществе; по его представлениям, «субъективный метод», основанный на работе воображения, необходим для выдвижения предварительных гипотез о ходе развития человеческого общества, без которых было бы невозможно открытие объективных законов социологии¹⁰.

В России данное понятие первым применил П.Л. Лавров – мыслитель, которого по праву считают одним из основоположников и первых теоретиков социологии в России. Лавров считал субъективный метод приемлемым только в тех науках, которые заняты изучением человеческого общества – социологии и истории; таким образом, им была высказана идея о принципиальных

¹⁰ Конт 1910. С. 150-152.

различиях познавательного арсенала естественных и общественных наук. Субъективный метод, по Лаврову, применим там, где в исследовании неизбежны категории «желаемого, приятного, полезного, должного»; пользуясь данным методом, исследователь должен совершать «нравственный суд в приложении к личности, к обществу, к прошедшему и будущему в истории»¹¹, определять «цели, которым должен удовлетворять общественный строй» и «к которым личности должны направлять общественные реформы»¹². В одной из последних своих работ с программным названием «Задачи понимания истории» (1898) Лавров писал, что в исторической науке «научное приложение субъективных приемов мышления» необходимо для «оценки сравнительной важности» исторических явлений; для признания того или иного явления «здоровым или патологическим для определенной эпохи»; для допущения «общей возможности» тех или иных явлений или событий в данную эпоху¹³. Таким образом, по Лаврову субъективный метод предполагал оценку изучаемых явлений в соответствии с представлениями исследователя о «нравственных целях» развития общества, а также введение в социально-историческое познание категорий «должного» и «возможного».

Почти одновременно с Лавровым с обоснованием «субъективного метода» выступил публицист и литературный критик Н.К. Михайловский, практически на профессиональном уровне интересовавшийся проблемами социальных и естественных наук. В своих научно-публицистических статьях – «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Записки профана», «Философия истории Луи Блана» и многих других – Михайловский трактовал сферу применения субъективного метода шире, чем Лавров. С точки зрения критика, субъективная точка зрения неизбежно присутствует в любых науках, включая естественные, и проявляется как «предвзятое мнение» исследователя – предпосылочное знание, формирующееся на основе предшествующего опыта и «духовной пищи» ученого, – и воображение, необходимое для построения гипотез¹⁴.

Однако в истории и социологии, где субъект познания (человек) совпадает с объектом, субъективный метод, согласно Михайловскому, обогащается новыми гранями: здесь он предполагает

¹¹ Лавров 1965. С. 609-613.

¹² Лавров 1918. С. 102.

¹³ Лавров 1898. С. 90.

¹⁴ Михайловский Философия истории Луи Блана 1909. С. 8.

ет еще и способность к эмпатии, «сочувственному переживанию» по отношению к объектам своего исследования¹⁵, а «предвзятое мнение социолога» должно отражать не только его предшествующий опыт, как у естествоиспытателя, но и «его идеал справедливости и нравственности»¹⁶. В исторической науке, по Михайловскому, субъективный метод тоже применим, но здесь нравственная оценка деятелей прошлого допустима только в контексте эпохи, при условии сопоставления идеалов, целей и действий изучаемого исторического персонажа и его современников¹⁷.

Таким образом, и Лавров, и Михайловский связывали субъективный метод с привнесением в научное исследование нравственно-этического элемента. Для них это означало, что необходимой частью научной работы и критерием ее добросовестности должна быть рефлексия исследователя над своими ценностями, идеалами и «предвзятыми мнениями». По свидетельству их современников, сами мыслители признавались, что пришли к этим идеям параллельно, независимо друг от друга¹⁸.

Вероятно, парадокс «двуглавой» научной школы с двумя «отцами-основателями» можно объяснить не только сходным кругом научных интересов мыслителей, но и тем, что они оба смогли ответить на актуальный общественный запрос, переведя настроения и чаяния своих современников на язык научной теории. С одной стороны, познавательная программа позитивизма, самого влиятельного в то время научно-теоретического направления, требовала объективного познания в гуманитарных науках: представлялось, что чем более научно-беспристрастным будет познание человеческого общества и законов, по которым оно развивается, тем больше возможностей научно обосновать переход к лучшему будущему. С другой стороны, общественная атмосфера в России пореформенной эпохи формировала потребность в нравственной оценке прошлого и настоящего. Субъективный метод, как признавался Михайловский, и стал способом примирить противоречия между «задачами разума и потребностью знания», с одной стороны, и «задачами чувства и потребностью нравственного суда», с другой¹⁹.

¹⁵ Михайловский Что такое прогресс 1906. С. 72; Михайловский Записки профана 1909. С. 402.

¹⁶ Михайловский Что такое прогресс 1906. С. 30.

¹⁷ Михайловский Предисловие к книге об Иване Грозном 1909. С. 125-126.

¹⁸ Русанов 1905. С. 145; Кареев 1996. С. 67-68.

¹⁹ Михайловский Предисловие к книге об Иване Грозном 1909. С. 120.

Однако использование термина «субъективный метод» оказалось рискованным: поскольку субъективизм в представлениях той эпохи отождествлялся с ненаучностью и произволом, это понятие навлекало на Лаврова, Михайловского и приверженцев их идей интенсивный огонь критики – и побуждало творчески мыслящих адептов искать другие методы познания или хотя бы другие наименования для них.

Первый шаг в конституировании научной школы на базе идей Лаврова и Михайловского сделал народнический публицист С.Н. Южаков; в своих «Социологических очерках» (1872–1873) он очертил круг ее приверженцев (на том этапе еще весьма скромный – всего три мыслителя) и подверг критическому разбору «субъективный метод». Характерно, что Южаков сразу же предложил два альтернативных наименования для этой школы; его эссе о субъективном методе начинается со слов: «Субъективная школа в социологии может по справедливости быть названа русской социологической школой»²⁰. Определяя субъективный метод как «оценку важности явлений на основе нравственного идеала исследователя и построение научной теории на основе того же критерия», Южаков полностью разделял идею о необходимости нравственно-этического подхода в социальных науках; он был совершенно согласен с тем, «что известная высота нравственного уровня необходима для социолога, как зрение необходимо для микроскописта, как слух составляет неизбежное условие для музыканта»²¹. Согласно Южакову, «субъективисты» неправы только в одном: в социологических исследованиях следует исходить не просто из представлений о «желательном и приятном», а из научных знаний об «общежелательном и общеприятном» для всех людей; социолог, настаивал Южаков, «может построить этику объективно», и тогда это будет общечеловеческая этика²².

Работа Южакова обозначила водораздел между двумя течениями внутри формирующейся научной школы: между теми, кто считал необходимой нравственную оценку на основе идеалов, ценностей и убеждений самого исследователя (они, как правило, и использовали термины «субъективный метод», «субъективная школа») – и теми, кто полагал, что необходимо научным путем определить общечеловеческий идеал «общежития», а уже затем

²⁰ Южаков 1891. С. 235.

²¹ Там же. С. 247, 264.

²² Там же. С. 254, 258.

на его основе дать нравственную оценку общественным явлениям, которая вследствие этого станет строго объективной (к их числу можно отнести, помимо самого С.Н. Южакова, В.В. Лесевича и Л.Е. Оболенского)²³. На практике, впрочем, социальные идеалы «субъективистов» и «объективистов» совпадали – сторонники идей «русской социологической школы», как правило, были социалистами-народниками или по крайней мере сочувствовали народническим идеалам, а «площадкой» для их общения служили журналы народнической направленности – «Отечественные записки» и «Русское богатство».

На рубеже 1870-х и 1880-х гг. свою позицию по отношению к теоретико-методологическим идеям Лаврова и Михайловского сформулировал молодой ученый-историк Н.И. Кареев. В докладе «О субъективизме в социологии», прочитанном на заседании Московского юридического общества (1879), Кареев призвал слушателей «различать субъективный *метод*, которого я не защищаю, от субъективного *элемента*, без которого не может обойтись, по моему мнению, социальная наука»²⁴. Субъективный *метод* – построение социальной науки на основании представлений о должном – Кареев считал пережитком. Напротив, субъективный *элемент* – личное отношение исследователя к изучаемым социальным реалиям, способность сопереживать героям своего исследования, проникнуться их настроениями, принимать или не принимать их оценки происходящего – Кареев признавал необходимым не только в социологии, но прежде всего в изучении истории.

В дальнейшем Кареев, став крупнейшим отечественным методологом истории рубежа XIX-XX вв., неоднократно уточнял свою позицию относительно субъективизма в научном познании: «незаконным» субъективизмом он считал любые формы партийно-политической, конфессиональной или национальной пристрастности в научном исследовании, тогда как «законным» субъективизмом в его понимании было этическое отношение к действительности на основе признания высшей ценности человеческой личности, без чего недостижима «общая философская правда об истории»²⁵. Категории «желаемого», «должного», «идеала» он допускал не в конкретно-историческом исследовании, а лишь в сфере философии истории, или, используя введенный им тер-

²³ Лесевич 1877; Оболенский 1882.

²⁴ Кареев 1899. С. 222.

²⁵ Кареев 1913. С. 241, 278, 284-285

мин, в *историологии*²⁶. При этом Кареев как профессиональный историк внес ценные дополнения в программу исторического «понимания»: согласно его трудам, для понимания внутреннего мира людей прошлого и причин их действий необходима не только эмпатия (как у Михайловского), но и тщательная реконструкция «бессознательной философии общества» изучаемого периода, т. е. «общераспространенных мировоззрений, господствующих идей, общепринятых и защищаемых норм»²⁷. С позиций сегодняшнего дня это был важный шаг к формированию теоретической базы историко-антропологических исследований.

Все это позволяет понять особенности самоидентификации Кареева как ученого. Признавая огромное влияние, которое оказала на его мировоззрение «русская социологическая школа», представленная именами П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и В.В. Лесевича²⁸, и указывая на склоне дней свое имя в ряду приверженцев «этико-социологического направления в русской социологии»²⁹, Кареев в то же время не забывал уточнить, что является приверженцем «социально-этического субъективизма», а не «субъективизма» вообще и не «субъективного метода» в частности.

С 1880-х гг. современники все чаще отзывались о П.Л. Лаврове, Н.К. Михайловском и Н.И. Карееве как о представителях одной интеллектуальной общности, воспринимая различия их позиций как незначительные разногласия. Поиск названия этой общности шел довольно долго. Так, по словам издателя журнала «Русское богатство» Л.Е. Оболенского, в русской мысли возникло «нечто в роде школы социологов», которые «называют себя субъективистами»³⁰; обозреватель «Русского богатства» В.Л. Кигн, характеризуя судьбы позитивизма в русской литературе, особо выделял «Л-ва [Лаврова] и других русских субъективистов», а также «русскую школу индивидуализма», представленную именами Лаврова, Михайловского и Кареева (Кигн определял их взгляды как «антропологизм» и «индивидуализм», поскольку эти мыслители превыше всего ставят интересы и цели личности)³¹. В свою очередь, бывший народоволец Х. Раппопорт причислял труды

²⁶ Кареев 1890. С. 2.

²⁷ Кареев 1899. С. 196-197.

²⁸ Кареев 1918. С. 12.

²⁹ Кареев 1996. С. 74-81.

³⁰ Оболенский 1882. С. XII-XIII.

³¹ Кигн 1889. № 3. С. 37-40; № 4. С. 139.

Лаврова, Михайловского и «профессора Кареева» к «русской историко-философской литературе “субъективного” направления» или к «русской социологической школе»; главной заслугой этой школы он считал постановку вопроса «о роли критически мыслящей личности, другими словами, о роли интеллигенции как особенного культурного класса»³². Отметим, что распространившееся в народнических кругах с легкой руки С.Н. Южакова наименование «русская социологическая школа» имело апологетический оттенок: оно подразумевало, что именно воззрения Лаврова и Михайловского составляют важнейший вклад отечественной социологии в мировую науку, а это вызывало острую негативную реакцию представителей конкурирующих научных направлений.

Время полемики

В начале XX в. поколение сторонников «субъективной школы» сменилось физически³³ – с небольшим временным интервалом ушли из жизни П.Л. Лавров (1823–1900), Н.К. Михайловский (1842–1904), В.В. Лесевич (1837–1905), Л.Е. Оболенский (1845–1906). Поскольку с 1890-х гг. с острой критикой идее «русских субъективистов» выступали представители новых направлений в общественной и научно-теоретической мысли России – вначале марксисты, а затем и неокантианцы – отвечать на критику зачастую приходилось уже младшим сторонникам и последователям «субъективной школы». Произошла смена поколений в истории русской мысли и смена актуальной повестки.

Для марксистов критика «субъективной школы» была одним из многих аспектов полемики с народничеством, борьбы за лидерство и авторитет в русском революционном движении. В теоретическом плане острие их критики было направлено против субъективизма как такового: марксисты противопоставляли народническому «субъективизму» диалектический материализм Маркса как подлинно научный метод, позволяющий осуществить объективный анализ социальной жизни. По сравнению с научной мощью марксизма «субъективное мышление» представлялось им «пустой и вредной забавой»³⁴, «субъективная социология» – «ребячьей моралью, претендующей на наименование социологии»³⁵. В частности, В.И. Ленин язвительно высмеивал «субъективных

³² Раппопорт 1898. С. 42–43, 47, 56.

³³ Этот факт отмечает И.А. Голосенко. См. Голосенко 1996. С. 6.

³⁴ Плеханов Об «экономическом факторе»... 1956. С. 298–299.

³⁵ Ленин 1971. С. 134.

социологов» за стремление выяснить, «что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще», за попытки отыскать некий метафизический идеал «общества, которое удовлетворяет человеческой природе», не учитывая при этом классового деления общества и противоположности классовых интересов³⁶. С точки зрения Ленина, «корень субъективизма в социологии» - неспособность «отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления»; «субъективные социологи» «не умели найти объективного критерия для такого разграничения», поскольку «останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям»³⁷.

В свою очередь, неокантианцы, глубоко прорабатывая теоретические вопросы познания, ставили в вину «субъективистам» «шаткость гносеологического базиса»³⁸ и вытекающую из этого размытость, неопределенность критериев оценки социальных явлений. На практике критика марксистов и неокантианцев в адрес субъективистов иногда звучала на удивление сходно. Так, схожий с ленинским упрек в отсутствии объективных характеристик социального идеала предъявлял субъективистам молодой философ Н.А. Бердяев, стремившийся в начале своего философского пути соединить идеи марксизма и неокантианства: «Почему демократический идеал выше буржуазного, почему лучше, чтобы сердце приятно билось при словах – справедливость и благо народа, чем при словах – кнут и обуздание?.. Нам могут сказать, что нельзя доказать этих преимуществ, что их надо почувствовать... Но неужели нет никакой объективной санкции?»³⁹.

Анализ критических высказываний позволяет судить, какие именно идеи и подходы оппоненты считали конституирующими признаками «субъективной школы». Так, Г.В. Плеханов критиковал «“субъективных” мыслителей» Михайловского и Кареева за злоупотребление категорией «должного», а философ-неокантианец Б.А. Кистяковский, анализирувавший идеи «русской социологической школы» на примере трудов Михайловского, Кареева и народника-экономиста В.П. Воронцова, считал отличительным признаком данной школы использование категории «возможно-

³⁶ Там же. С. 133-134.

³⁷ Там же. С. 37.

³⁸ Кистяковский 1902. С. 359.

³⁹ Бердяев 1901. С. 67-69.

сти» при анализе социальных явлений⁴⁰. Марксист Плеханов и неокантианец Кистяковский сходились в том, что недостаточная проработка теоретических проблем является одной из причин практической бесплодности народнического движения: «“мир должного, мир истинного и справедливого” стоит у них [субъективистов] вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь – “должное”, там – “действительное”, и эти две области отделены одна от другой целой пропастью»⁴¹; «идеи русской социологической школы были лишены прочных связей с реальным миром, так как русские социологи настаивали только на возможности их осуществления; а даже не обращаясь за справками к теории познания, всякий признает, что возможность не дает прочных гарантий»⁴². Таким образом, основные претензии к «субъективистам» со стороны их оппонентов состояли в том, что субъективный подход к анализу социальных явлений не носит строго научного характера и не позволяет получить общезначимых научно-теоретических результатов.

Оказавшись под перекрестным огнем критики, представители «субъективной школы» восприняли полемику как стимул к упорядочению, кодификации идей школы и к обновлению ее методологического арсенала. Как сформулировал бывший народовец С.И. Гальперин, «возвещение о смерти русского субъективизма [к его сторонникам Гальперин относил Лаврова, Михайловского и Кареева. – *О.Л.*] ...не может не казаться смешным наряду с несомненной жизнью школы, бьющей сильным ключом неуваждающей энергии»⁴³. Вслед за «временем основателей» для русской «субъективной школы» наступило «время учеников», второго поколения.

Время учеников

Теоретические поиски в русле идей «субъективной школы» были частью интеллектуальной работы по формированию «новой парадигмы народничества» или «неонародничества». Представители этой новой парадигмы – В.М. Чернов, Р.В. Иванов-Разумник, Н.С. Русанов и другие – с гордостью подняли на щит термины «субъективный метод», «субъективная школа», подчеркивая гуманизм и антропоцентризм субъективного подхода к личности,

⁴⁰ Кистяковский 1902. С. 297-393.

⁴¹ Плеханов К вопросу о развитии... 1956. С. 549-550.

⁴² Кистяковский 1902. С. 371.

⁴³ Гальперин 1903. С. 150-151.

обществу и истории. Они стремились не только систематизировать идейное наследие своих предшественников, но и интерпретировать наследие Лаврова и Михайловского в контексте появившихся к тому времени новых философских и научных течений. Интересно, что Л.Э. Шишко, Н.С. Русанов, Е.Е. Колосов считали перспективной задачей синтез субъективистской методологии с марксизмом (прежде всего, с классовым подходом, в игнорировании которого Ленин упрекал Михайловского)⁴⁴, Чернов – с эмпириокритицизмом⁴⁵, Иванов-Разумник – с неокантианством⁴⁶.

Отводя упреки в ненаучном характере «субъективной социологии», публицисты «Русского богатства» находили аналогии между идеями «субъективистов» и теориями зарубежных ученых – немецких историков Э. Мейера и Р. Иеринга, французского социолога Г. Тарда, американского социолога Л.Ф. Уорда и др.⁴⁷; они указывали, что отмеченное Лавровым и Михайловским принципиальное различие между целями и методами естественнонаучного и исторического познания легло в основу концепции философа-неокантианца Г. Риккерта, и потому Риккерт, «как честный немецкий профессор, должен отвести Лаврову особое почетное место среди своих предшественников»⁴⁸. Теоретические искания русских «субъективистов» представляли в трудах второго поколения этой школы как интегральная, неотъемлемая часть развития всемирной научно-теоретической мысли.

Наиболее глубоко проблемы «субъективного метода» на том этапе разрабатывал ведущий теоретик неонародничества и лидер партии эсеров В.М. Чернов; он предпринял масштабную попытку построить на основании «социологической доктрины, связанной с именами Лаврова и Михайловского», развернутую теорию познания. Чтобы снять – или, по крайней мере, смягчить – противоположность объективного и субъективного в научном познании, Чернов выдвинул смелый тезис, что любая «объективная» истина в человеческом обществе, в т.ч. и в науке, всегда имеет относительный, утилитарный и конвенциональный характер (это положение было сформулировано им в русле эмпириокритической философии Р. Авенариуса, с которой восемь лет спустя яростно

⁴⁴ Шишко 1897. С. 31; Колосов 1912. С. 7-9; Русанов 1905. С. 176.

⁴⁵ Чернов Субъективный метод... 1901.

⁴⁶ Иванов-Разумник 1997. С. 282, 289.

⁴⁷ Кудрин 1905. С. 145; Мокиевский 1904. С. 47-49.

⁴⁸ Камков 1917. С. 8-10.

полемизировал В.И. Ленин.). Индивидуальный опыт отдельных людей бесконечно многообразен; но «могучая социологическая потребность общения между людьми» заставляет их последовательно отбирать из индивидуального опыта такие представления, «в которых между собою гармонизирует наибольшее число личностей»; критерием истинности тех или иных положений служит их «пригодность для жизни», «способность служить практическим потребностям». «Объективным» в этом смысле является то, что соответствует «общему представлению массы», «субъективным» - то, что носит индивидуальный характер⁴⁹.

В.М. Чернов полагал, что Лаврову и Михайловскому удалось «поднять неизбежный субъективизм до степени научного приема мышления»; он признавал их заслугу в постановке трех важнейших вопросов: о субъективных элементах в «нашем социологическом мышлении»; о том, «какие из этих элементов приходится признать неустранимыми, необходимо присущими нашему мышлению по самой его природе»; и, наконец, о том, «как возможно регулировать эти субъективные элементы для того, чтобы избежать индивидуального произвола в социологических построениях и расчистить путь торжеству общечеловеческой правды». Чернов отмечал, что в постановке и решении задачи превращения «субъективных элементов в наше мышление» в «научно-методический прием» Лавров и Михайловский опередили современную им западноевропейскую мысль, которая лишь позже, в начале XX в., «во всех важнейших пунктах подтвердила учение о субъективном методе в социологии»⁵⁰. Предложенную Михайловским и Кареевым программу «понимания» в историческом исследовании как «переживания чужого внутреннего опыта» Чернов сопоставлял с методологическими построениями крупнейших теоретиков и практиков исторической науки: Г. Зиммеля, Т. Моммзена, Г. Риккерта и В. Дильтея, считая, что эта познавательная программа является одним из самых ценных достижений российских мыслителей. Особенно важным ему представлялось то, что Михайловский поставил проблему социальных предпосылок «сочувственного опыта»: «чем более неравенства в обществе..., тем более суживается для большинства сфера сочувственного опыта»⁵¹.

⁴⁹ Чернов Субъективный метод... № 7. С. 235-241.

⁵⁰ Чернов Субъективный метод... № 11. С. 115, 141-142, 160.

⁵¹ Там же. С. 143-153, 157-159.

Сам Чернов признавал «три способа проявления субъективизма неизбежного и законного»: конструирование субъективного мира психологии других людей по аналогии с собственным внутренним миром исследователя («понимание»); «рациональное построение идеала нормального общежития»; применение этого идеала в качестве критерия классификации социальных явлений по степени важности и оценки их как «прогрессивных и регрессивных, нормальных и патологических»⁵². Для Чернова этот «неизбежный и законный субъективизм» был неразрывно связан с обоснованием социально-политической программы, «которая бы посылно приближала нас... к недостижаемому идеалу общечеловеческой социальной правды»⁵³. «Субъективный метод» в трактовке Чернова должен был играть ту же роль, что и диалектический материализм в учении Маркса – не только теоретического обоснования познания мира, но и практической санкции его революционного переустройства.

Время исследователей

Бурные политические события 1917 – начала 1920-х гг. – революция и гражданская война, поражение народничества как социально-политического движения, раскол российской культуры на советскую и эмигрантскую, возникновение феномена «русского зарубежья» привели к тому, что «субъективная» или «русская социологическая школа» фактически прекратила свою научно-теоретическую деятельность. Однако в 1920-е гг. начинается новый этап в истории «субъективной школы» – «время исследователей». Сама школа уходила в прошлое, но ее историографический образ продолжал развиваться; в него вносили свои коррективы исследователи, акцентируя внимание на одних чертах школы и оставляя в тени другие, стремясь определить место «субъективной школы» в панораме русской мысли.

Эту задачу решал, в частности, социолог-эмигрант П.А. Сорокин в статье «Русская социология в XX веке», опубликованной в 1927 г. в «Американском социологическом журнале» («*American Journal of Sociology*»). Он охарактеризовал Лаврова, Кареева, Южакова, а также Колосова и Ю. Делевского (Я.Л. Юделевского) как представителей «субъективной школы в социологии» или «русской субъективной социологии», отметив, что эта школа «очень близка к психологической социологии Л. Уорда» и доби-

⁵² Чернов Субъективный метод... № 12. С. 163.

⁵³ Чернов Субъективный метод... № 11. С. 159.

лась плодотворных результатов в изучении социальных антагонизмов и форм разделения труда (отдельно был назван Н.К. Михайловский, который «несколькими годами прежде Г. Тарда и, по всей вероятности, не менее блестяще разработал свою теорию внушения-подражания, массовой психологии и психологии толпы»), а также был «одним из первых и самых глубоких критиков организмической теории общества и социал-дарвинизма») ⁵⁴.

К концу 1920-х гг. относится работа Н.И. Кареева «Основы русской социологии», которая стала подведением итогов его научной деятельности; она была написана «в стол», без надежд на публикацию, и впервые издана лишь в 1990-е гг. В этой работе Кареев дал развернутую характеристику «этико-социологического направления в русской социологии», к которому причислял П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова, Л.Е. Оболенского, В.М. Чернова и самого себя. Кареев по-прежнему не использовал наименования «субъективная школа», и, более того, высказывал мнение, что сам термин «школа» едва ли применим «при отсутствии у представителей этого направления какого-нибудь общего догмата и при сохранении каждым своих особых идей, находившихся даже в несогласии между собою» ⁵⁵. Тем не менее он выделил основные, конституирующие идеи «этико-социологического направления»: идею принципиальных отличий социальных наук от естественных, социологического процесса – от биологического; антропологизм, проявившийся в глубоком интересе к проблеме взаимоотношений личности и общества; психологическое объяснение общественных явлений; наконец, субъективный, т.е. нравственный критерий оценки общественных явлений. «Субъективный метод» Кареев определял здесь как «оценку действительности с точки зрения идеала», то есть с точки зрения представлений об обществе, «каким оно должно было бы быть и могло бы стать в будущем» ⁵⁶. Таким образом, Кареева можно считать последним представителем и первым историком данного научно-теоретического направления.

В труде выдающегося экономиста Н.Д. Кондратьева «Основные проблемы экономической статики и динамики» (он работал над рукописью в 1930-1932 гг., находясь под следствием по политическому обвинению в Бутырской тюрьме) теоретические

⁵⁴ Сорокин 2000. С. 30, 32-33.

⁵⁵ Кареев 1996. С. 67-68.

⁵⁶ Там же. С. 58, 64.

идеи «субъективной школы» анализировались в контексте развития мировой социально-экономической и философской мысли. Рассматривая вопрос о возможности применения в социально-экономических науках категории «должного», Кондратьев отмечал, что ее активно использовали в своих трудах представители германской этической школы в политической экономии, фрейбургской школы неокантианства, а также «самобытное русское течение, известное под именем субъективной школы в социологии»: «как в лице своих основоположников Михайловского и Лаврова... так [и в лице] своих продолжателей, например Кареева, [Че]рнова и др., эта школа твердо стояла на позиции необходимости и неизбежности для общественных наук категории должного и оценочных суждений»⁵⁷. Кондратьев признавал притягательность такого подхода: «этот взгляд на действительность под категорией должного, находящий свое выражение в суждениях ценности, по самому существу пронизан духом активности, духом стремления изменить действительность, перестроить ее»⁵⁸. При этом Кондратьев был убежден, что задача введения в науку «суждений ценности» принципиально неразрешима: любые суждения ценности и представления о должном имеют социальную природу, выражают взгляды и идеалы различных общественных групп, а потому не могут иметь общезначимого научного характера⁵⁹.

В исследовательской литературе середины XX века, с 1930-х вплоть до 1960-х гг., термины «субъективная школа», «этико-социологическая школа» или «русская социологическая школа» употреблялись крайне редко, даже когда тот или иной автор подробно рассматривал теоретические воззрения Лаврова или Михайловского; для исследователей эта школа как особый феномен словно исчезла, растворившись в более широких течениях русской мысли. Так, философы-эмигранты, разрабатывавшие проблемы истории русской философии – Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, С.А. Левицкий – предпочитали характеризовать воззрения Михайловского, Лосского и Кареева как «позитивизм» или «полупозитивизм», уточняя, что эта несколько нетипичная версия позитивизма сочеталась с «этическим энтузиазмом», «этическим индивидуализмом»⁶⁰. Лишь Н.А. Бердяев, когда-то полемизиро-

⁵⁷ Кондратьев 1991. С. 247.

⁵⁸ Там же. С. 258.

⁵⁹ Там же. С. 258-263.

⁶⁰ Зеньковский 1991. С. 151-152; Лосский 1991. С. 471; Левицкий 1996. С. 188.

вавший с «субъективистами», характеризовал Лаврова и Михайловского как сторонников «так называемой субъективной социологии, т.е. точки зрения, которая признает необходимым для социологии производить нравственную оценку социальных явлений»; иронически называя Лаврова и Михайловского «домашними философами радикальной интеллигенции», Бердяев отмечал, что «их поверхностный позитивизм мешал им философски обосновать принцип личности, который был положительной стороной их социалистической теории»⁶¹.

В советской историографии «субъективная школа» как научно-теоретическая общность также долгое время не рассматривалась, а «субъективный метод» обычно упоминался в контексте истории народничества как способ теоретического обоснования народнических идей и идеалов. Интересный опыт реконструкции «субъективного метода» на основе «разрозненных положений», разбросанных в трудах Н.К. Михайловского, был предпринят Э.С. Виленской; ею была предложена следующая формула «субъективного метода»: «создание идеала на основе сочувственного опыта и оценка всех общественных явлений с точки зрения этого идеала»⁶². При этом Виленская подчеркивала, что теория познания Михайловского строилась на утверждении «практического разума», социальной активности и свободы человека, деятельностного начала в противовес созерцательному⁶³.

О «субъективной школе» как целостном и самостоятельном явлении в истории мысли впервые после долгого перерыва написал И.Г. Лиоренцевич в 1975 г.⁶⁴ В статье, опубликованной в журнале «Социологические исследования», он очертил круг приверженцев «субъективной социологии» и выделил три периода в ее развитии (конец 1860-х – начало 1870-х гг. – период становления, связанный с публикацией работ Лаврова и Михайловского; 1880-1890-е – обогащение ее идей за счет внимания к экономическому фактору и к психологии, труды Л.Е. Оболенского и Н.И. Кареева; середина 1890-х – 1917 г. – попытки систематизации идей школы и объединения народнических заветов с марксизмом и махизмом в трудах В.М. Чернова, Л.Э. Шишко и др.). Лиоренцевич выделил четыре группы проблем, выдвинутых сторонниками «субъектив-

⁶¹ Бердяев 1990. С. 57.

⁶² Виленская 1979. С. 120.

⁶³ Там же. С. 95, 123.

⁶⁴ Лиоренцевич 1975. С. 165-176.

ной социологии» (соотношение истории и социологии; проблема свободы и необходимости; построение социологической системы на психологической основе; теория социального прогресса) и рассмотрел решения этих проблем, предложенные в творчестве трех лидеров школы – Лаврова, Михайловского и Кареева. По существу, это была попытка после долгого перерыва заново определить очертания и охарактеризовать теоретическую платформу школы, которая, по оценке Лиоренцевича, «больше всего отвечала социальной природе и психологии народнической интеллигенции, ее жажде быть независимой от исторического хода событий, ее иллюзиям о суверенности личности»⁶⁵.

Интерес к наследию «субъективной школы», к теоретическим исканиям ее представителей ярко вспыхнул в 1990-е гг., на переломе исторических эпох. Причин тому было немало: в их числе – отход отечественной науки от общеобязательной марксистско-ленинской идеологии; интерес к «забытым страницам» русской мысли; дискуссии о том, чем был марксизм в истории России – «выбором или судьбой?» – и закономерный интерес к тем теоретическим направлениям, которые в начале XX в. могли бы составить альтернативу марксизму. Характерным для того периода было такое, например, высказывание: «Откровенно говоря, “субъективный метод” Михайловского представляется мне куда более человечным, чем так называемые объективные или железные законы истории по Гегелю или по Марксу»⁶⁶. И само развитие гуманитарных наук, методологические повороты, рождение новых научных направлений, в т.ч. интеллектуальной истории, открывало возможность посмотреть на историю русской мысли с непривычных ракурсов, поставить новые вопросы и применить новый научный инструментарий при поиске ответов.

В этой интеллектуальной ситуации «субъективная школа» как особая научно-теоретическая общность вновь оказалась вписанной в историю русской мысли. Более того, она стала предметом своеобразной междисциплинарной конкуренции: попытки очертить ее контуры, реконструировать ее интеллектуальный багаж предприняли социологи, историки российской общественной мысли, специалисты в сфере философии и методологии истории.

В работах специалистов по истории социологии – И.А. Голосенко и В.В. Козловского – «субъективная школа» охарактери-

⁶⁵ Там же. С. 168.

⁶⁶ Слова М.Г. Петровой. См.: Петрова, Хорос 1995. С. 23.

зована как одна из ведущих школ в истории отечественной социологии XIX в. (характерно, что ее упоминание сопровождается эпитетом «знаменитая субъективная школа») ⁶⁷. Выделив в рамках этой школы два поколения – «отцов-основателей» (Лавров, Михайловский, Кареев, Южаков) и продолжателей их идей (Чернов, Русанов, Колосов и многие другие), Голосенко и Козловский отметили особую роль Кареева в истории этой школы – как лидера обоих ее поколений. Характерный для этой школы «субъективный метод», с точки зрения Голосенко и Козловского, предполагал объективное рассмотрение социокультурных форм, но при этом их оценку со стороны идеала, который носит общечеловеческий характер; «в методологическом отношении, - как пишут исследователи, - это была ранняя заявка, сходная с поздними и широко известными попытками в лице “возрождения естественного права” в философии права и риккертовско-веберовской программы “отнесения к ценности”» ⁶⁸.

В области историографии и методологии истории интерес к теоретическим построениям «субъективной школы» связан с изучением смены парадигм в отечественной исторической науке рубежа XIX–XX вв. Исследуя поворот российской исторической мысли от «классического», или «первого», позитивизма к иным моделям исторического мышления, логично было поставить вопрос о том, какую роль в этом процессе играли теоретические построения не только крупнейшего методолога истории того времени – Н.И. Кареева, но и «субъективной школы» в целом (тем более, что принадлежность Кареева к этой школе по-прежнему остается предметом дискуссий).

Оценка вклада субъективистов в «познавательные повороты» рубежа XIX–XX вв. неоднозначна, консенсуса по этому вопросу нет. А.Л. Шапиро трактует «субъективную социологию» Лаврова и Михайловского как одну из разновидностей «первого позитивизма» ⁶⁹. В.В. Блохин охарактеризовал «субъективный метод» Михайловского как «этическую переработку позитивизма» на основе сочетания этического субъективизма, классового подхода и психологического метода, объединенных «мыслью о творчески преобразующей роли личности в истории» ⁷⁰. Напротив, Г.П. Мяг-

⁶⁷ Голосенко Козловский 1995. С. 73; см. также: Голосенко 1996; Козловский 1998.

⁶⁸ Голосенко Козловский 1995. С. 86-87, 75.

⁶⁹ Шапиро 1993. С. 501.

⁷⁰ Блохин 1994. С. 54, 62, 249; Блохин 2019. С. 50.

ков доказывает, что «по своей гносеологии создаваемая “субъективистами” социология была антипозитивистской»⁷¹, и подчеркивает методологическую продуктивность идей «субъективных социологов». С его точки зрения, заслуга «русских субъективистов» была в том, что они поставили проблему принципиального различия методов естественных и социальных наук, предвосхитив тем самым теоретические искания Виндельбанда, Риккерт и М. Вебера, а также предложили «метод постановки познающим субъектом себя на место наблюдаемого», позднее «фактически переоткрытый учеными школы “Анналов”»⁷². Переходный характер теоретико-методологических построений «субъективной школы» отметила автор этих строк, считая, что идеологи субъективной школы, осознав неудовлетворительность позитивистской парадигмы исторического познания, вступили на путь ее корректировки: их воззрения от классического позитивизма отличало обращение к культурно-антропологической проблематике и признание активной роли субъекта в историческом познании⁷³.

Наконец, в работах ведущих современных специалистов по народничеству и неонародничеству «субъективный метод» интерпретируется как своеобразный ключ к пониманию не только народнического мировоззрения, но и ментальности российской интеллигенции на историческом переломе. По мнению В.В. Зверева, высказанному в масштабном обобщающем труде о реформаторском народничестве, «одновременное открытие» субъективного метода Лавровым и Михайловским стало ответом со стороны русской интеллигенции на изменения в социокультурной обстановке конца 1860-х гг.: «гигантский разлом в жизни России, причиной которого стал развивающийся (и попутно разрушающий традиционное общество) капитализм, повлек за собой кардинальный пересмотр критериев научности и их замену категориями морали и субъективизма»⁷⁴. По В.В. Блохину, в основе «этической переработки позитивизма», предпринятой Михайловским и его единомышленниками, лежали «глубокие социально-культурные корни», в частности, религиозная или «квазирелигиозная» ментальность российской интеллигенции – присущие ей «вера в возможность достижения абсолютного добра и справедливости, ...стремление бороться с причинами мирового зла, строить пра-

⁷¹ Мягков 1997. С. 97.

⁷² Там же. С. 100.

⁷³ Леонтьева 2004.

⁷⁴ Зверев 1997. С. 119.

ведное царство»⁷⁵. Тем самым история интеллектуальных поисков идеологов народничества становится частью «процесса самоидентификации части отечественной интеллигенции»⁷⁶.

В целом современные исследователи, восстанавливая теоретическую платформу «субъективной школы» и определяя ее место в истории развития российской научно-теоретической мысли, используют две различные стратегии – историзирующую и актуализирующую. Историзирующая стратегия предполагает изучение тех особенностей научной школы, которые были порождены спецификой конкретно-исторической ситуации и «принадлежат своему времени», которые невозможно понять и объяснить вне контекста эпохи. Актуализирующая же стратегия направлена на то, чтобы выделять те стороны теоретического наследия школы, которые «опередили свое время» или «выдержали испытание временем», нашли развитие в трудах следующих поколений мыслителей и могут быть востребованы в наши дни. Так, в современной научной литературе историзирующая стратегия часто применяется при характеристике нравственно-этического и социального идеала «субъективистов», актуализирующая – при анализе их методологических и гносеологических идей, предложенной ими программы познания в гуманитарных науках.

Вместо заключения

Оглядываясь на историю «субъективной» («русской социологической») школы с расстояния полутора столетий, прошедших с тех пор, как были опубликованы программные труды ее отцов-основателей – П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, - можно заключить следующее. На первом этапе своего существования она едва ли могла соответствовать всем критериям научной школы в современном понимании этого слова. Наличие двух основателей и интеллектуальных лидеров, чьи идеи далеко не всегда и не во всем совпадали друг с другом; разные самоназвания школы, предложенные ее последователями; расхождения по ключевому эпистемологическому вопросу – о характере и значении субъективизма в научном познании; наконец, разные версии того, какие познавательные приемы соответствуют «субъективному методу», - все это могло бы стать «центробежными факторами» в истории школы. Однако следует воздать должное Лаврову и Михайловскому: им удалось создать удивительно притягатель-

⁷⁵ Блохин 1994. С. 54; Блохин 2019. С. 48.

⁷⁶ Зверев 1997. С. 5.

ную модель социологического и исторического познания, которая отвечала не только интеллектуальным, но и нравственным запросам российской интеллигенции с ее оппозиционностью, социалистическими идеалами и «комплексом вины» перед народом. Современники признавали авторитет Лаврова и Михайловского не только как идеологов народнического движения, но и как новаторов в сфере социальных наук и достойных представителей российской мысли в мировой науке.

Важную роль в конституировании школы сыграли мыслители, которые первыми отметили принципиальное сходство научно-теоретических идей Лаврова и Михайловского, объединили их имена в рамках одной «школы», предприняли попытку систематизировать, обобщить и развить их идеи – С.Н. Южаков, В.В. Лесевич, Л.Е. Оболенский, В.Л. Кигн. Всегда сохранявший теоретическую самостоятельность, но никогда не отрицавший своей близости к «этико-социологической школе» Н.И. Кареев воспринимался современниками как третий по значимости ее лидер.

В ходе бурной полемики приверженцев данной школы со сторонниками марксизма и неокантианства на рубеже XIX-XX вв. определилось, какие именно идеи, концепции и подходы стали считаться характерными чертами, узнаваемыми особенностями этой школы. Происходила своеобразная «сборка» целостной познавательной программы на основе оригинальных и несхожих друг с другом теорий лидеров школы, сглаживались внутренние противоречия между ними, выявлялись общие черты. Определось и название, под которым эта школа вошла в историю русской мысли: наименование «субъективная школа», «субъективная социология» стало узнаваемым «брендом», тогда как наименование «этико-социологическая школа» (возможно, более корректное с научной точки зрения) осталось в статусе самоназвания, используемого лишь некоторыми ее приверженцами.

Комплекс идей, который стал отождествляться с «субъективной школой», включал прежде всего следующие постулаты:

- принцип антропоцентризма («индивидуализма»), под которым понималось отношение к человеку как к высшей ценности и мере всех вещей;
- тезис о принципиальном различии между целями и методами естественных и гуманитарных наук;
- признание необходимости исследовательской рефлексии и регулирования неизбежных «субъективных элементов» в научном мышлении;

– нравственно-этическая оценка явлений прошлого и настоящего на основе этических принципов исследователя, общечеловеческой этики или социального идеала;

– использование категорий «должного» и «возможного» при анализе социальных явлений;

– программа «понимания» в социальных науках, стремление реконструировать историческую психологию и ценности других людей, а также сопереживание, эмпатия исследователя по отношению к объектам его изучения.

Эта познавательная программа не принадлежит какому-либо «субъективисту» в отдельности, но складывается из работ разных представителей школы. На ее основе современники и позднейшие исследователи определяли место и роль «субъективной школы» в истории отечественной мысли. О жизнеспособности, востребованности многих из этих принципов спорят вплоть до сего дня.

Вопросы, поднятые представителями «субъективной школы», неизменно попадали в «болевы́е точки», задевали «нерв» самосознания научного сообщества. И в наши дни остаются актуальными проблемы критериев научности и научного статуса гуманитарных дисциплин; поиск путей к пониманию людей иных культур стал одной из магистральных линий развития гуманитарных наук; в эпоху постмодерна на острие дебатов вновь оказалась проблема роли субъекта в научном познании, а идеал объективного знания предстает гораздо более туманным и недостижимым, чем в конце XIX века. Острота этих проблем, их непреходящая значимость для науки определила драматизм истории «субъективной школы» и ее посмертной судьбы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб.: Изд-е О.Н. Поповой, 1901. 268 с.
- Блохин В.В. Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба / предисл. Р.А. Арсланова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2019. 256 с.
- Блохин В.В. Исторические взгляды Н.К. Михайловского: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М.: Российск. ун-т Дружбы народов, 1994. 320 с.
- Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 218 с.
- Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. 359 с.

- Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М.: Наука, 1979. 302 с.
- Гальперин С.И. Современная социология (Обзор социологической литературы за 1902 г.). Екатеринбург: Тип. книгоизд-ва Л.М. Ротенберга, 1903. VI, 375, VI с.
- Голосенко И.А. Предисловие. Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева // Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С.5-26.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX-XX вв.: Пособие. М.: Онега, 1995. 287 с.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: «Высшая школа», 1974. 400 с.
- Дорошенко Н.М. Методология общественных наук: смена парадигм. Учебное пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2010. 186 с.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX-XX вв. // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 215-222.
- Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М.: УНИКУМ-ЦЕНТР, 1997. 366 с.
- Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х тт. Т. 1, ч.2. Л.: «Эго», 1991. 280 с.
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 155 с.
- Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. Т.2. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. 400 с.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165-185.
- Камков Б. Историко-философские воззрения П.Л. Лаврова. Пг.: Типогр. Центр. Ком. Партии Социалистов-Революционеров, 1917. 46 с.
- Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Л. Лаврове // Былое. 1918. Т.IX. № 3 (31). С. 11-23.
- Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. Изд. 2-е, с переменами. СПб.: Изд-е СПб. Акционерного Общества Печатного Дела «Издатель», 1899. 518 с.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
- Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1890. 627 с.
- Кареев Н.И. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теория исторического процесса. Часть I. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 320 с.
- Кигн В.Л. Позитивизм в русской литературе (Милютин, П.Л.-в, Троицкий, де-Роберги, Лесевич, Михайловский, Кавелин, Кареев) // Русское богатство. 1889. № 3. С.3-41; № 4. С.116-140.
- Кистьяковский Б.А. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма: Сборник статей С. Н. Булгакова [и др.] / под ред. П. И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 297-393.

- Козловский В.В. Социологическое наследие Николая Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2 т. / Отв. ред. В.В. Козловский. СПб.: Алетей, 1998. Т. 1. С. V-XXI.
- Колосов Е.Е. Очерки мировоззрения Н.К. Михайловского. Теория разделения труда, как основа научной социологии (Схема и анализ). СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. 434 с.
- Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз / изд. подгот.: В. В. Иванов, М. С. Ковалева. М.: Наука, 1991. 569 с. (Социологическое наследие).
- Конт О. Катехизис промышленников (третья тетрадь) или система позитивной политики. Т.1, ч.1 // Родоначальники позитивизма. Вып. 2-й. Сен-Симон, Ог. Конт. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1910. С.150-152.
- Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1965. С.609-613.
- Лавров П.Л. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М.: Изд-е М. Ковалевского, 1898. 371 с.
- Лавров П.Л. Научные основы истории цивилизации // Лавров П.Л. Собр. соч. П.Л. Лаврова / Под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. IV серия. Вып. I: Статьи историко-философские. Пг.: Изд-ское т-во «Революционная мысль», 1918. С.88-122.
- Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. 496 с.
- Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1971. С. 125-346.
- Леонтьева О.Б. Дискуссия о схолярной принадлежности наследия Н.И. Кареева в отечественной историографии // История и историки в Казанском университете: К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сборник научных статей и сообщений. Ч. 2. Казань: Казанский государственный университет, 2005. С. 225-232.
- Леонтьева О.Б. Субъективная, русская или этико-социологическая? Название научной школы как способ самоидентификации и инструмент полемики // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / Отв. ред. Л.П.Репина, Л.А.Фадеева. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 106-109.
- Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 2004. 200 с.
- Лесевич В.В. Опыт критического исследования основаначал позитивной философии. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1877. 295 с.
- Лиоренцевич И.Г. Основные этапы развития субъективной школы в русской социологии // Социологические исследования. 1975. № 2. С. 165-176.
- Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
- Михайловский Н.К. Записки профана // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т.3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С.275-904.
- Михайловский Н.К. Предисловие к книге об Иване Грозном // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т.6. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С.111-126.
- Михайловский Н.К. Философия истории Луи Блана // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С. 1-72.
- Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Сочинения Н.К. Михайловского. 4-е изд. Т. 1. СПб.: Книгоизд-во «Русское Богатство», 1906. С.9-164.

- Мокиевский П. Н.К. Михайловский и западная наука // Русское богатство. 1904. № 3. С.47-49.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.
- Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С.206-214.
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции / [Предисл. Б.Г. Могильницкого]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.
- Мягков Г.П. «Субъективный метод» в контексте отечественной социальной науки // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: СГУ, 1997. С.96-103.
- Нечухрин А.Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории, 80-е гг. XIX в. – 1917 г.: дисс. ... д-ра исторических наук: 07.00.03. Гродно, 1993. 540 с.
- Оболенский Л.Е. Субъективный и объективный методы в социологии и их относительное значение // Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб.: Изд-во ж-ла «Мысль», 1882. С.III-XXXII.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века / [С.П. Бычков и др.; под ред. В.П. Корзун]. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.
- Петрова М.Г., Хорос В.Г. Диалог о Михайловском // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С.6-47.
- Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С.507-772.
- Плеханов Г.В. Об «экономическом факторе» // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти тт. Т.2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С.267-299.
- Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 1999-2000.
- Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб.: Изд-е Ф. Павленкова, 1898. 180 с.
- Русанов Н.С. Н.К. Михайловский, как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. 135-179.
- Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С.42-72.
- Серых А.А. «Связь/разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX веков // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 278–291.
- Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. 221 с.
- Филимонов В.А. Н.И. Кареев о соотношении объективного и субъективного в дискурсивной практике историка: эпистемологический аспект // Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск 1. СПб., 2003. С.344-353.

- Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 7. С.231-256.
- Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 8. С.219-262.
- Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 10. С.107-156.
- Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 11. С.115-162.
- Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. 1901. № 12. С.123-175.
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Культура», 1993. 761 с.
- Шишко Л.Э. К вопросу об исторической необходимости // Русское богатство. 1897. № 9. С.21-33.
- Южаков С.Н. Социологические этюды: Изд. пересмотр. и дополн. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1891. 278 с.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева; oleontieva@yandex.ru

The subjective (Russian sociological) school: In search of research optics

The article is devoted to the history of the “subjective school in sociology” founded by Pyotr Lavrov and Nikolai Mikhailovsky and existed in the last third of the 19th - early 20th centuries. The author argues that an important role in the formation of a scientific school is played not only by its members, but also by its critics, reviewers, and historians of science who use the term “scientific school” as an instrument for systematization and classification. The author traces the course of controversy around “subjective method” in sociology and history, proposed by the founders of the “subjective school”; it was during the discussion that a holistic cognitive program was formed on the basis of various ideas of the school leaders and internal contradictions between them were smoothed out.

Keywords: scholar approach, scientific school, subjective school, Pyotr Lavrov, Nikolai Mikhailovsky, Nikolai Kareev.

Olga Leontieva, Dr. Sc. (History), Associated Professor, Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev; oleontieva@yandex.ru

С.И. ПОСОХОВ

М.С. ДРИНОВ И ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

В статье автор предпринял попытку осуществить деконструкцию некоторых историографических мифов, связанных с харьковским периодом жизни Марина Дринова (1838–1906). В частности, рассмотрены имеющиеся в литературе утверждения и характеристики, касающиеся направлений деятельности, особенностей творчества и типичных черт мировоззрения ученого. Их анализ осуществлен на основе сопоставления частного и общего, с учетом специфики соответствующих исторических и историографических периодов. Тем самым автор не только акцентировал внимание на ряде дискуссионных моментов, но и предложил пути дальнейших исследований жизненного и творческого пути Марина Дринова.

Ключевые слова: *Марин Дринов, Харьковский университет, биографистика, историографические исследования*

О Марине Дринове на сегодняшний день имеется обширная литература, в которой прежде всего характеризуется его научное творчество, а также направления общественной деятельности². Неоднократно авторы писали и о харьковском периоде его жизни³. Порою кажется, что сегодня сложно найти какие-то новые сюжеты, иначе интерпретировать уже устоявшиеся мнения. Так, Л.П. Лаптева сделала вывод, что «к настоящему времени не исследована лишь незначительная часть дриновского наследия, обращение к которой едва ли может кардинальным образом изменить общую оценку творчества ученого»⁴.

И все же в науке нет и не может быть «окончательного результата». Мы можем лишь констатировать, что в данный момент ученые придерживаются того или иного мнения, которое, возможно, имеет парадигмальный характер. Соответственно, для развития научных исследований очень важны историографическая оценка того, что уже сделано в конкретной области, а также понимание тех общих тенденций, которые наблюдаются в развитии науки и изучении ее истории.

¹ Впервые эта статья была опубликована на болгарском языке: Посохов 2018.

² См.: Марин Стоянович Дринов 1985; Марин Дринов 1990 и др.

³ Ильчук 1960; Куделко, Попов 1991; Куделко, Посохов 2008; Лиман, Страшнюк 2009; Посохов 2009.

⁴ Лаптева 2005. С. 823.

В частности, в настоящий момент, учитывая объем накопленной информации о жизни и творчестве Марина Дринова, пришло время сосредоточить внимание на выявлении и деконструкции некоторых историографических мифов⁵. Очевидно, что мифологизированные образы прошлого служат опорными точками прежде всего для осмысления настоящего. Они не только характеризуют массовое сознание определенного периода, но и фиксируют идеологический уровень научного дискурса. Сегодня достаточно убедительно звучит вывод о том, что историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Тема мифов в истории, роли доминирующих и конкурирующих образов прошлого, сложившихся спонтанно или умело внедренных в массовое сознание, привлекает все большее внимание мировой историографии⁶. При этом научная задача состоит не в том, чтобы «развенчать старые мифы», «освободить историческое сознание», а в том, чтобы понять, как возник (конструировался) тот или иной историографический миф, какую роль он выполнял в соответствующих идейных построениях. Это может касаться и отдельных утверждений, ремарок, интерпретаций, с точки зрения анализа их включенности в определенный мифологизированный контекст, т.е. речь идет о применении метода деконструкции. Впрочем, деконструкция вряд ли когда-либо была четко охарактеризована как метод. Как известно, сам Ж. Деррида, предложивший этот концепт, считал, что лучше говорить не о деконструкции вообще, а о деконструкциях, которые неповторимы в каждом конкретном случае. Тем не менее, как правило, в этом случае идет речь о «разрушении центрации», поскольку именно «центр также и закрывает игру, которую сам открывает и делает возможной»⁷. Таким образом, «разрушение центра» становится методом.

Еще одной важной задачей при изучении как творческого наследия Дринова, так и перипетий его жизненного пути, следует признать изучение всего того, что можно назвать «социокультурным контекстом». Л.П. Репина в своей монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI веков», анализируя тенденции в развитии интеллектуальной истории, сделала вывод о том, что

⁵ Отметим, что одной из первых историографических работ, в которой анализировались исследования советских авторов, посвященные М.С. Дринову, стала статья В.В. Кравченко (См.: Кравченко 1991).

⁶ Репина 2011. С. 23.

⁷ Деррида 2000. С. 377–402.

«смещение внимания исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой из них в контексте собственного времени, места и окружения знаменует переход от абсолютизации объекта своего изучения к его последовательной релятивизации»⁸. Сегодня речь идет о «контекстуальном направлении» в биографистике, которое характеризуется повышенным вниманием к контексту, когда своеобразие судьбы героя объясняется атмосферой его эпохи, среды, ближайшего окружения⁹. В частности, в последнее время при изучении межличностных взаимодействий все активнее применяется сетевой анализ. Как известно, построение таких сетей коммуникации осуществляется преимущественно на основе источников личного происхождения. В этой связи обращает на себя внимание эпистолярное наследие Дринова, которое поистине огромно (переписка ученого насчитывает более 300 корреспондентов и охватывает период с 1860 по 1905 г.). Нельзя сказать, что оно совсем не изучено. Однако для того, чтобы использовать этот материал для осуществления сетевого анализа, следует создать единую базу писем. Такая задача была поставлена несколько лет тому назад¹⁰ и ее реализация близка к завершению. Возможно, что благодаря этому мы сможем не просто назвать учеников Марина Дринова и перечислить его корреспондентов, но установить степень интенсивности коммуникации с разными лицами, зафиксировать «дальних» и «ближних» корреспондентов в определенные периоды жизни и т.д.

Известно, что первоначально незнакомый Дринову Харьков и непривычное окружение, как писала Л. Горина, «тяготили молодого преподавателя»¹¹. Однако постепенно круг его общения расширялся и со временем уже охватывал многих жителей города, преимущественно сотрудников и выпускников университета. Можно напомнить, например, тот факт, что во время похорон Дринова министр народного просвещения Болгарии И.Д. Шишманов обратил внимание на скромный венок технических работников университета, заметив, что это редкий случай такого уважения и любви к профессору со стороны служителей¹². Сетевой анализ позволяет выявить как «вертикальные» (типа учитель-ученик), так и «горизонтальные» (коллеги, друзья) цепочки тако-

⁸ Репина 2011. С. 363.

⁹ Репина 2005. С. 57.

¹⁰ Радкова 2009; Иващенко, Костина, Посохов 2012.

¹¹ Горина 1986. С. 33.

¹² Ильчук 1960. С. 100.

го рода связей. Впрочем, применение этого, по сути, социологического метода не исключает анализа содержания писем, поиска эмоциональных акцентов, «зон умолчания» в текстах и т.п.

На необходимость исследования «харьковского контекста» биографии М. Дринова указали в 1991 г. Г.Н. Попов и В.З. Фрадкин: «Изучая харьковский период жизни М. Дринова и последующее, не подвластное времени особое отношение харьковской научной общественности к его деятельности, невольно задаешься вопросом: что послужило побудительным мотивом столь прочной привязанности его к Харькову? Что удерживало болгарского ученого «на берегах тихой и милой сердцу, - по словам А.И. Кирпичникова, – Лопани», как, впрочем, и других прогрессивно настроенных харьковских коллег М. Дринова, отвергших лестные предложения с приглашением в столичные университеты? Этот вопрос немаловажен, ибо его выяснение помогает не только глубже познать мировоззренческие устои и личностные качества Дринова, но и представить «ту среду обитания, в которой он оказался и благодаря которой обрел свою вторую родину»¹³. В частности, отвечая на эти вопросы, В.З. Фрадкин обратил внимание на характеристики харьковской интеллигенции и роль Дринова в университетском (и шире – местном) сообществе.

Очевидно, что в этой связи мы можем говорить как о тех процессах, которые возникли и развивались в университете благодаря Марину Дринову, так и о том влиянии, которое оказал университет на личность и судьбу ученого. В этом плане вполне уместно, на наш взгляд, выделить «дриновский период» в истории Харьковского университета, принимая тот постулат, что каждый исторический актер не только формируется под воздействием определенных «обстоятельств», но и является важным элементом этих «обстоятельств», а нередко и причиной их появления. Другими словами, Харьковский университет был бы иным без Дринова, а Дринов не был бы тем, кем мы его знаем, без Харьковского университета.

И, тем не менее, в ряде случаев важно не только понимать те или иные «харьковские обстоятельства», непосредственно связанные с деятельностью М. Дринова и его окружения, но и более общий социокультурный контекст. В частности, следует уделить внимание общим процессам в развитии науки и образования,

¹³ Фрадкин 1991. С. 30; Аналогичные вопросы тогда же сформулировал Г.Н. Попов [Попов 1991. С. 9].

учесть, что вторая половина XIX в. стала временем бурного развития университетов Российской империи, происходила дифференциация в системе гуманитарных наук и пр.). Не менее важны процессы либерализации общественной мысли и формирования национального сознания, которые существенно повлияли и на научную деятельность ученых-гуманитариев.

Рассмотрим последовательно некоторые из историографических мифов, распространенных в литературе, освещающей жизненный и творческий путь М. Дринова в «харьковский период».

Начнем с мнения о том, что «напряженной оставалась преподавательская нагрузка профессора», что четвертьвековой период жизни Дринова в Харькове насыщен «неустанным трудом», что он «много и напряженно трудился на кафедре»¹⁴. Отчасти, такое мнение основано на письмах Дринова, в которых он отмечал, что лекции отнимают «много времени», «все время», что он «завален своими университетскими занятиями». Насколько это связано с общим положением профессора в университете того времени? Некоторые исследователи и сегодня, как и сто с лишним лет назад, пишут о том, что «высокий статус профессора “оплачивался” в России беспрецедентной перегрузкой»¹⁵. При этом, в качестве аргумента, авторы оперируют цифрами соотношения преподаватель-студент, указывая, что на 1898/99 уч. год на одного преподавателя приходилось 13 студентов. Следует, однако, учесть, что эта цифра «общая». Как известно, на историко-филологических факультетах училось мало студентов, в университетах существенно преобладали студенты медицинского и юридического факультетов. В Харьковском университете на конец XIX в. ситуация выглядит следующим образом: медицинский факультет – 565 студентов, юридический – 405, физико-математический – 222, историко-филологический – 39 (всего в университете учился 1231 студент)¹⁶. Это была более или менее типичная ситуация. По общероссийским данным на 1875 г. на медицинских факультетах обучалось более 37% студентов, юридических - 35%, физико-математических - 16%, историко-филологических - 8%¹⁷. Профессиональную повседневность профессора Казанского университета второй половины XIX в. исследовала Л.А. Бушуева.

¹⁴ Горина 1986. С. 45, 50, 55.

¹⁵ Иванов, Кулакова 2013. С. 115.

¹⁶ Носалевич 1907. С. 24–25.

¹⁷ Посохов 2004. С. 146.

Приведенные ею данные вполне приложимы и к Харьковскому университету. В частности, она отмечает, что Устав 1884 г. ввел норму преподавательской нагрузки в размере шести часов в неделю, однако на протяжении рассматриваемого времени она не соблюдалась: в реальности количество часов в неделю среди профессоров распределялось неравномерно и варьировалось от 4 до 10¹⁸. Учитывая современные реалии, такую нагрузку сложно назвать чрезмерной. Не удивительно, что некоторые исследователи, отмечая по традиции, что наблюдалась «перегруженность преподавателей российских университетов того времени», обращают внимание на то, что, как следует из «Обозрения преподавания предметов», общий курс славяноведения в 1873/1874 уч. г. М.С. Дринов читал всего 1 час в неделю¹⁹.

Может быть, причина таких ремарок об усталости и загруженности в письмах Дринова кроется в возрасте ученого, состоянии здоровья, семейных обстоятельствах? Возможно, он тяготился преподаванием и стремился больше времени уделить научной работе? Анализ публикаторской активности ученого дает следующие результаты: при жизни М.С. Дринова им было опубликовано 139 работ. В среднем за 40 лет его творчества им печаталось 3-4 работы в год. Назвать эти цифры впечатляющими нельзя. Особенно на фоне его современников и коллег по Харьковскому университету. Например, Д.И. Багaley стал автором около 500 научных публикаций, Н.Ф. Сумцов – более 1000 и т.д. Этот факт заставлял биографов М. Дринова искать «объективные» причины, якобы мешавшие ученому, так сказать, развернуть во всю мощь его талант. В частности, А.И. Митряев и А.Н. Сурков выделили третий этап в жизни и деятельности Дринова (с 1879 по 1906 г.) и объяснили низкую публикаторскую активность сразу несколькими причинами: пожилой возраст ученого и связанные с этим обстоятельством болезни, кризис «буржуазного славяноведения» конца XIX – начала XX в., отсутствие в Харькове, где почти безвыездно жил ученый, необходимых источников, стремлением источниковедов тех лет ограничиться разработкой узких тем или локальных исторических сюжетов²⁰. По нашему мнению, низкая публикаторская активность является характерной для данного ученого, можно сказать, является чертой его научного творчества.

¹⁸ Бушуева 2012. С. 94–95.

¹⁹ Лиман, Страшнюк 2009. С. 53.

²⁰ Митряев, Сурков 1978. С. 72.

Безусловно, определенный акцент на «непосильном труде» профессора связан с доминированием «героического» типа биографии в советский период. Вообще, тема труда в это время была повсеместно поднята на уровень морального подвига. Но значит ли это, что образ «профессора-труженика» сконструирован искусственно, без каких-либо оснований? Конечно же, нет! Интенсивность труда не следует измерять только количественными показателями (количество лекций, публикаций). Вряд ли можно согласиться и с таким утверждением, что «лекционные курсы требовали тщательной подготовки и занимали большую часть времени ученого, отличаясь большим разнообразием»²¹. Не курсы сами по себе, а конкретные преподаватели – в данном случае М. Дринов – требуют от себя тщательности в подготовке лекций. Впрочем, это касается и спектра дисциплин, так как, в значительной мере, он зависел от самого преподавателя, если иметь ввиду спецкурсы. Л.В. Горина достаточно аргументированно показала, что «чрезвычайно взыскательный по отношению к своим трудам, Дринов в последние годы своей жизни стал сверхтребовательным»²². Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить и небольшое число публикаций, и упоминания в письмах о напряженном труде. Вообще, вопрос о самооценке своего творчества Дриновым еще ждет своего исследователя. Авторы неоднократно подчеркивали скромность Марина Дринова в оценке своего вклада в науку. Такие оценки также базируются на словах самого ученого, которые были высказаны им в письмах. Однако, очевидно, что они должны уравниваться теми ремарками, которые обозначают видение Марином Дриновым своих приоритетов, позитивного результата своей деятельности.

Небезынтересен также сюжет, связанный с оценками Дринова-преподавателя. И.С. Ильчук, оперируя высказываниями непосредственных учеников М.С. Дринова, а также, очевидно, учитывая оценки, которые были озвучены в поздравительных телеграммах и скорбных некрологах, указала, что он «очаровывал» студентов, что студенты были «в восхищении»²³. В последующем, авторы старались учесть и некоторые критические замечания, которые можно обнаружить в воспоминаниях его слушателей. Так, В.П. Бузескул вспоминал, что «лектором Дринов был

²¹ Лиман, Страшнок 2009. С. 53.

²² Горина 1986. С. 46.

²³ Ильчук 1960. С. 80. 81.

далеко не блестящим: он не обладал даром слова, говорил с некоторым акцентом, читал по запискам, текст которых, по-видимому, не вполне был обработан, и нередко затруднялся в выражениях, подыскивая слова»²⁴. Пытаясь оправдать в этом плане М. Дринова, современные исследователи пишут о том, что речь идет о начальных годах его преподавательской карьеры, когда им только вырабатывался собственный стиль изложения материала, что до этого он имел только опыт работы домашнего учителя, а университетское преподавание требовало совершенно иной методики²⁵. На наш взгляд, стоит обратить внимание на те слова В.П. Бузескула, которыми завершается процитированный абзац: «Зато он был незаменимым руководителем при более специальных занятиях». Этот же стиль преподавания зафиксировал также М.Г. Халанский: «Лекции его носили характер простой, непринужденной беседы о серьезных и иногда случайных темах. ... Часто у Дринова изложение лекций получало сократический характер: профессор спрашивал, студенты отвечали...»²⁶. Другими словами, есть смысл порассуждать о Марине Дринове как об определенном типе преподавателя, да и вообще о стиле его жизни.

Е.А. Вишленкова на материале Казанского университета выделила два типа университетского преподавателя – «камерный» и «человек-оркестр»²⁷. Собственно, эти названия уже в значительной мере являются «говорящими» (по сути, речь идет об интровертах и экстравертах). Для первого типа, по ее мнению, характерна более закрытая частная жизнь, по крайней мере, она предназначалась для немногих посвященных. Второй тип представлен людьми, «заставлявшими жизнь кипеть вокруг себя». Отмечено, что такие различия фиксировали уже современники, называя первых «кабинетными учеными», а вторых «просветителями» (студенты делили своих наставников на «доступных» и «недоступных»)»²⁸. Конечно, такое разделение на типы условно, а граница между ними является весьма расплывчатой. Вообще следует согласиться с М. Дингесом, что реконструкция стилей жизни и стилей поведения всегда будет условной²⁹.

²⁴ Бузескул 2010. С. 140.

²⁵ Лиман, Страшнок 2009. С. 57.

²⁶ Халанский 1908. С. 56.

²⁷ Вишленкова 2004. С. 172; Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005. С. 342–344.

²⁸ Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005. С. 343–344.

²⁹ Дингес 2009. С. 117.

Впрочем, характеризуя и стиль преподавания, и стиль жизни профессора нужно помнить о том, что разные мнения в этом случае могут свидетельствовать о разных стандартах, которых придерживались современники, даже если они и принадлежали к одному социальному слою и одной профессиональной среде. Рассуждая о контексте, следует учесть эволюцию стилей, выявить «законодателей моды» в конкретном сообществе. Отличия в восприятии лекций в то время можно объяснить переходом от норм романтизма к принципам «позитивной науки». Вообще, притягательность образа того или иного профессора для современников можно объяснять разными факторами. Воспоминания не только наглядно демонстрируют тот факт, что источники не просто отражают, а интерпретируют прошлую реальность, но и позволяют зафиксировать историческую память как результат взаимодействия динамичных, субъективных по своему существу, систем³⁰.

Весьма интересной является имеющаяся в литературе характеристика мировоззрения М.С. Дринова и его ценностных установок. Не затрагивая весь спектр мнений, сосредоточимся на тех характеристиках, которые можно отнести к «историографическим мифам» и «харьковскому периоду». Конструирование одного из таких мифов происходило в середине 1950-х гг., и это символично, поскольку, в то время началась либерализация общественно-политической жизни в стране. В марте 1956 г. в Москве и Харькове состоялись заседания славяноведов, которые были приурочены к 50-летию со дня кончины М.С. Дринова, тогда же были опубликованы соответствующие статьи в научных изданиях и прессе. Безусловно, актуализация имени этого ученого требовала соответствующих метафор. Собственно, такую метафору мы видим уже в названии диссертации И.С. Ильчук «Марин Степанович Дринов – поборник русско-болгарской дружбы»³¹. Более того, в выводе Дринов даже назван «пламенным поборником русско-болгарской дружбы»³². В попытке придать образу ученого актуальные мировоззренческие черты, автор упомянула о том, что на формирование общественно-политических взглядов Дринова повлияла не только славянофильская идеология, но и либеральная профессура Московского университета, а затем дополни-

³⁰ Иващенко, Посохов 2011. С. 139.

³¹ Ильчук 1959.

³² Ильчук 1959. С. 14. Позже его охарактеризуют как «одного из фундаторов российско-болгарских научных и культурных связей» [Сохань 1991. С. 6].

ла эти рассуждения таким мнением: «Следует предположить, что Дринову-студенту и научному работнику были известны и основные положения революционно-демократической идеологии, которые освещались на страницах «Современника» и других изданий Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым и др.»³³ И позже авторы писали о том, что «идею народности», которую Дринов «впитал» в Московском университете, он, со своими единомышленниками, пытался «трансформировать в практическую плоскость: поставить науку на службу народу, приобщить его к достижениям мировой культуры, повысить его образовательный уровень»³⁴. Таким образом, в советской историографии, как это заметил В.В. Кравченко, наблюдался постепенный отход от «одностороннего представления о консерватизме мировоззрения Дринова» к мнению о том, что «на всем протяжении жизни он руководствовался демократическими идеалами» или, по крайней мере, что происходила постепенная демократизация его взглядов³⁵. Мы не говорим, что «демократизм» не был присущ мировоззрению М.С. Дринова, а лишь обращаем внимание на те идеологические моменты, которые стали частью и научных построений. Очевидно, что тема «народа» в советское время противостояла теме «самодержавия». Безусловно, образ М.С. Дринова как передового по своим общественно-политическим взглядам «ученого-демократа» был необходимой составляющей образа «борющегося с самодержавием университета».

В целом, можно утверждать, что в советской историографии второй половины XX в. возник свой образ университетов Российской империи³⁶. В значительной мере методологический поворот произошел именно посредством формирования образа противодействующего самодержавию университета. Авторы по-прежнему придерживались классового подхода и делали акцент на социально-политической истории, но в своем большинстве они начали противопоставлять университет самодержавию (в довоенный период университет трактовался как «орудие самодержавия»). Более того, теперь университеты стали рассматривать как жертвы

³³ Ильчук 1959. С. 5-6.

³⁴ Фрадкин 1991. С. 32.

³⁵ Кравченко 1991. С. 39, 45. Автор вполне резонно заметил, что тезис о революционно-демократических чертах мировоззрения М. Дринова (выдвинутый И.С. Ильчук и поддержанный Н.С. Шумадой) слабо обоснован, что ряд авторов был склонен к идеализации Дринова.

³⁶ См.: Посохов 2018.

царизма. «Ущемление автономии», консервативные (но чаще «реакционные») подходы в учебном процессе, преследование «передовых ученых» - эти метафоры и сюжеты постепенно заняли ведущее место в советской историографии. Гуманитарные факультеты императорских университетов выделялись теми структурами, где прежде всего и разворачивалась идейная борьба. Как отмечается в юбилейной истории Харьковского университета (1955 г.), «здесь чаще, чем на других факультетах, бывали случаи неизбрания на кафедры и отклонения диссертаций прогрессивных ученых»³⁷. В этой связи приобрел актуальность вопрос о борьбе «русской» и «немецкой» партий на историко-филологическом факультете Харьковского университета, когда «прогрессивные» ученые боролись с «консерваторами»³⁸.

Вообще, тема «борьбы» является маркером советской историографии. Как заметил Ю.Н. Афанасьев, «самым популярным и наиболее распространенным термином в советской историографии, начиная с первых самостоятельных произведений советских историков и до конца 1980-х, станет слово “борьба”»³⁹. Никоем образом не отрицая наличие идейных противоречий и групповой борьбы в университетской среде⁴⁰, следует учесть, что тема борьбы названных партий в российских университетах и Петербургской академии наук стала активно обсуждаться в советской историографии в конце 1940-х гг., в связи с «борьбой с космополитизмом». Тогда «славянофильство» после периода резко негативных оценок начинает постепенно реабилитироваться. Отчасти это наложило свой отпечаток и на образ Марина Дринова, который был зачислен в разряд «прогрессивных деятелей». По крайней мере, встречается мнение о том, что избрание Дринова председателем Харьковского историко-филологического общества, среди прочего, означало победу «прогрессивных сил» над «реакционе-

³⁷ Харьковский государственный университет 1955. С. 76.

³⁸ Г.Н. Попов назвал их «фракциями» и охарактеризовал так: «одной группировке были свойственны консервативные и даже реакционные воззрения, другая занимала либерально-демократические позиции». Дринов назван среди лиц, которые стали «во главе прогрессивных сил факультета» [Попов 1991. С. 27].

³⁹ Афанасьев 1996. С. 21.

⁴⁰ Сделаем ремарку о том, что, по мнению Л.В. Гориной, «преподавательская корпорация историко-филологического факультета Харьковского университета выглядела в целом активным, жизнеспособным и доброжелательным коллективом» [Горина 1986. С. 56].

рами и ретроgrадами»⁴¹. В последующем авторы стали делать ремарку о том, что «не совсем точно» партии стали называть «немецкая»/«консервативная» и «прогрессивная»/«русская»⁴². Действительно, такие метафоры несколько упрощали контекст, делали его более контрастным.

Как отмечает И.А. Христофоров, понятия «прогресс» и «консерватизм» в то время не просто понимали по-разному, а они становились объектом мифологизации, инструментом в общественной борьбе, соответственно эпитеты «консервативный» и «либеральный», «реакционный» и «прогрессивный», которые широко применялись во второй половине XIX в., каждый раз наполнялись ситуативным, а потому неоднозначным содержанием⁴³. Наполнить эти понятия конкретным смыслом, соответствующим конкретному времени может микроисторическое исследование. Это становится понятно, как только мы начинаем глубже знакомиться с историческими источниками.

М.С. Дринов в письмах начала XX в. выражал сожаление и даже тревогу, узнав о конфликтах на факультете. В частности, в письме к В.П. Бузескулу (ноябрь 1904 г.) он писал: «Вполне разделяю Вашу скорбь по поводу недавно начавшегося и все более и более усиливающегося в нашей факультетской семье разлада, который остается для меня совершенно неожиданным и необъяснимым явлением»⁴⁴. Тональность процитированного письма никак не вяжется с образом «борца». Примечательно, что лидер харьковских монархистов проф. А.С. Вязигин (его традиционно упоминают как идейного оппонента, представителя «консервативной партии»), среди прочих, тепло приветствовал М. Дринова в связи с юбилеем в 1903 г. В его телеграмме, отправленной из Курска, читаем такие слова: «Сердечно почитаемому юбиляру представителю славяно-русского культурного единения привет и лучшие пожелания. С л а в а! [такая разрядка в тексте. – С.П.]»⁴⁵. Таким образом, прежде чем делать оценочные суждения, следует внимательнее относиться к сохранившимся свидетельствам эпохи.

В полной мере сказанное относится и к характеристике национальной идентичности и соответствующих мировоззренче-

⁴¹ Страшнюк 1991. С. 10.

⁴² Лиман, Страшнюк 2009. С. 68.

⁴³ Русский консерватизм 2001. С. 117–118.

⁴⁴ Иващенко, Костина, Посохов 2012. С. 420.

⁴⁵ Чествование 1908. С. XV.

ских ценностей и установок Дринова. Очевидно, что в этом плане еще предстоит провести специальное исследование. Пока же в литературе встречаем противоречивые тезисы. Так, если В.З. Фрадкин писал о том, что Н.Ф. Сумцов, являясь «духовным наследником Дринова», «стоял на интернационалистических позициях»⁴⁶, то Л.П. Лаптева считает, что для Дринова, в частности, для его концепции истории южных славян характерен «болгарский национализм»⁴⁷. Полагаем, что однозначные характеристики вряд ли способствуют адекватному пониманию идейной позиции ученого и системы его ценностных ориентаций. Либерализм или консерватизм, национализм или интернационализм/космополитизм не являются сами по себе некой единой идейной позицией, а имеют множество оттенков.

Говоря о Марине Дринове следует учитывать, что он имел чин действительного статского советника, был награжден многими орденами. Это был достаточно высокий уровень признания со стороны государственной власти. Дринов никогда не проявлял явных симпатий к студенческому движению⁴⁸, а тем более революционному. Советские историки объясняли это так: «Бросается в глаза почти полное отсутствие не только в его трудах, но и в личной переписке откликов на политические события в России. Возможно, что с его стороны это было своего рода тактикой. Его положение иностранца, да еще состоящего на государственной службе, постоянно таило опасность быть высланным, подобно Д. Благоеву, из России»⁴⁹. Такие гипотетические суждения вряд ли можно назвать научными.

В то же время было бы весьма желательно специально проследить его связи с деятелями украинского национального воз-

⁴⁶ Фрадкин 1991. С. 34.

⁴⁷ Лаптева 1996. С. 35.

⁴⁸ По нашему мнению, утверждение о том, что М.С. Дринов принимал участие в устройстве в Харьковский университет студентов, исключенных из Казанского университета за «беспорядки» [Ильчук 1960. С. 87; Горина 1986. С. 125, 126] является преувеличением. По крайней мере, письмо Дринова Бодуэну-де-Куртинэ, на которое ссылаются авторы можно интерпретировать и несколько иначе (См. текст письма: Никитин 1960. С. 206). Г.Н. Попов ошибочно (но симптоматично!) считал, что «это было знаменитое антиправительственное выступление казанских студентов 1887 г., деятельным участником которого был В.И. Ленин [Попов 1991. С. 28]. На самом деле, указанное письмо М. Дринова датировано 26 июля 1883 г.

⁴⁹ Попов 1991. С. 22.

рождения. Биографы Дринова, начиная с 1990-х гг., стали все активнее подчеркивать роль «украинского контекста». И действительно, из неполных 68 лет своей жизни 34 года самого зрелого возраста он прожил на Украине – в Киеве и Харькове. Среди его близких коллег традиционно называют А.А. Потebníю, Н.Ф. Сумцова, Д.И. Багалея, которые известны своим «укаринофильством». Примечательны даже такие отдельные факты: в 1903 г., во время празднования юбилея, М. Дринов получил поздравление от Научного общества имени Т. Шевченко за подписью М. Грушевского, а на похоронах М.С. Дринова Н.Ф. Сумцов произнес свою речь на украинском языке. Вместе с тем, этот аспект биографии Марина Дринова еще ждет своих исследователей.

С темой «борьбы» связана история о том, как М.С. Дринов выступал за специализацию в системе гуманитарного образования. В частности, И.С. Ильчук указала, что проект учебного плана Потební /Дринова был «отвергнут» в министерстве, в той части своей статьи⁵⁰, где идет речь об усилении реакции в России после убийства Александра II. Об этом проекте довольно подробно изложено в книге об историко-филологическом факультете Харьковского университета, подготовленной к 100-летию университета⁵¹. Однако следует иметь в виду, что вопрос о «специализации» и «унификации» в учебном процессе в университетах Российской империи не так прост. Безусловно, когда речь идет о середине 1880-х гг., следует учитывать консервативные тенденции в правительственной политике, внимательнее отнестись к предложениям «идеологов», таких как А.И. Георгиевский, Н.А. Любимов, М.Н. Катков. И все же не стоит только этим ограничиваться. Развитие системы образования имеет свою логику. Конечно, в этом плане можно говорить о мировом опыте и российской специфике. Отметим, что историки уже обращались к этой проблеме⁵², хотя она по-прежнему продолжает оставаться актуальной.

Итак, переосмысление некоторых устоявшихся мнений может дать импульс новым исследованиям, а изучение жизни и творчества М.С. Дринова в контексте разнообразных процессов, происходивших в Харьковском университете и вокруг него, позволит лучше понять как перипетии судьбы, так и идейные искания великого историка в так называемый «харьковский период».

⁵⁰ Ильчук 1960. С. 88.

⁵¹ Историко-филологический факультет 1908. С. 143 и далее.

⁵² Чесноков 1999 и др.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 7-41.
- Бузескул В.П. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века: (личные воспоминания) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. Харків: САГА, 2010. Т. 2. С. 130-148.
- Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863 – 1917 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
- Горина Л.В. М. Дринов - историк и общественный деятель. М.: Изд-во МГУ, 1986. 196 с.
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 500 с.
- Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века // Адам и Ева. 2004. №7. С. 172-201.
- Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.
- Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 96-124.
- Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX – XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 114-134.
- Ивашенко В.Ю., Костина Т.В., Посохов С.И. Письма М.С. Дринова В.П. Бузескулу (1904–1905 гг.) // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 417-427.
- Ивашенко В.Ю., Посохов С.И. Образы профессоров XIX в. в воспоминаниях преподавателей и воспитанников Харьковского университета // Мир историка. Омск. 2011. Вып. 7. С. 110-139.
- Ильчук И.С. Деятельность М.С. Дринова в Харьковском университете (1873–1906 гг.) // Исследования в чест на Марин Дринов. София. 1960. С. 77-104.
- Ильчук И.С. Марин Степанович Дринов – поборник русско-болгарской дружбы. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Харьков. 1959. 14 с.
- Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 – 1905). Харьков. 1908. 168, 390, XII с.
- Кравченко В.В. Марин Степанович Дринов в советской историографии // Марин Дринов: Исследования харьковских ученых, посвященные 150-летию со дня его рождения. София. 1991. С. 37-49.
- Куделко С.М., Попов Г.Н. Дринов и Харьков: памятные места и события // Марин Дринов: Исследования харьковских ученых, посвященные 150-летию со дня его рождения. София. 1991. С. 103-123.
- Куделко С.М., Посохов С.И. Харьков в 70-е гг. XIX – начале XX вв. (социокультурный контекст творчества Марина Дринова) // Дриновский сборник. Харьков-София. 2008. Т. 2. С. 265-268.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
- Лаптева Л.П. Преподавание истории славян в университетах России XIX – начала XX века // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж. 1996. Вып. 2. С. 29-43.

- Лиман С.И., Страшнюк С.Ю. Харьковский период научно-педагогической деятельности Марина Дринова. Критическое прочтение источников // Сборник на случай 170-годишнината от рожденисто на проф. Марин Дринов. София. 2009. С.52-76.
- Марин Дринов (1838-1906): Био-библиографски указател и документално наследство. София. 1990. 205 с.
- Марин Стоянович Дринов – профессор Харьковского университета: Библиографический указатель работ на русском языке. Харьков: Изд-во ХГУ, 1985. 35 с.
- Митряев А.И., Сурков О.М. До питання про оцінку Марина Дринова як історика-славіста // Вісник Харківського університету. Серія "Історія". 1978. Вип. 10 (№ 167). С. 66-73.
- Никитин С. А. Переписка М. С. Дринова с русскими учеными // Исследования в чест на Марин Дринов. София. 1960. С. 205-216.
- Носалевич М.И. Материалы для истории студенчества Харьковского университета за сто лет (1805–1905гг.) // Записки имп. Харьковского университета. 1907. Кн.2. С. 1-35.
- Попов Г.Н. Город Харьков в жизни и деятельности Марина Дринова // Марин Дринов: Исследования харьковских ученых, посвященные 150-летию со дня его рождения. София. 1991. С. 9-36.
- Посохов С. Марин Дринов и Харьковскит университет: историографски бележки // Списание на БАН. 2018. №5. С. 18-26.
- Посохов С. Творческо наследство Марина Дринова. Попытка систематизации // Сборник на случай 170-годишнината от рожденисто на проф. Марин Дринов. София. 2009. С. 87-94.
- Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1238-1255.
- Посохов С. Харківський університет у другій половині XIX ст. // Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2004. С. 126-216.
- Радкова Р. Доклад-отчет за изпълнението от българска страна на международния проект «Епистолярното наследство на Марин Дринов» // Сборник на случай 170-годишнината от рожденисто на проф. Марин Дринов. София. 2009. С. 77-86.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI веков. М.: Кругъ, 2011, 560 с.
- Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Кругъ, 2005. С. 55-76.
- Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения [И.А. Христофоров] // Отечественная история. 2001. № 3. С. 117-118.
- Сохань П.С. Вклад Марина Дринова в развитие российско-болгарских научных связей (вместо предисловия) // Марин Дринов. Исследования харьковских ученых, посвященные 150-летию со дня рождения. София. 1991. С. 5-8.
- Страшнюк С.Ю. Болгаристика в Харьковском университете (XIX – начала XX в.) // Харьков и Болгария. Материалы науч. конф. М., 1991. С. 3-14.

- Фрадкин В.З. М. Дринов и харьковские ученые // Харьков и Болгария. Материалы науч. конф. М., 1991. С. 30-38.
- Халанский М.Г. Марин Степанович Дринов как представитель кафедры славяноведения // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1908. Т. 15. С. 51-59.
- Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков: Изд-во ХГУ, 1955. 387 с.
- Чесноков И.В. К вопросу о влиянии устава 1884 года на университетское историческое образование в России // Российские университеты в XVIII – XX веках. Воронеж. 1999. Вып. 4. С. 50-70.
- Чествование заслуженного ординарного профессора Императорского Харьковского Университета Марина Степановича Дринова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1908. Т. 15. С. III-XXIV.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; sposokhov@karazin.ua

M.S. Drinov and Kharkov University: historiographical notes

The article presents one of the plots of a large research topic, which can be conditionally designated as “Reflections of historians on the tasks, subject matter and usefulness of history in the context of intellectual culture of the 19th – early 21st cc.”. Interest in such topics is associated with the actualization in modern historiography of professional reflection on the question of the status and social functions of history, the role of historical knowledge in society, as well as new ideas about the history of historiography as a part of intellectual history, which, along with the results of intellectual activity, studies professional standards, forms of communication, ethical norms and values of scientific communities, material, social, cultural, psychological conditions of scientific creativity in general and in their historical dynamics, features of professional identity. The name of William Edward Hartpole Lecky (1838–1903) is well known to the specialists in the history of modern historiography. Therefore, the author presents only a brief biographical note. The main attention is paid to the analysis of two essays by W. Lecky (“Thoughts on History” and “The Political Value of History”) from the collection “Historical and Political Essays”, published posthumously in 1908.

Keywords: William Lecky, historiography, intellectual culture, historicism, historical criticism, the individual in history, history of morals

Sergiy Posokhov, Dr. Sc. (History), Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine; sposokhov@karazin.ua

Н.И. НЕДАШКОВСКАЯ

НАУЧНЫЕ БИОГРАФИИ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СЛАВИСТИКИ

В статье проблематизируется роль научных биографий в процессе профессионализации славистики как научной дисциплины и нацистроительского проекта. Корпус источников по истории славистики рассматривается как целостная семиотическая система, в которой биографии являются значимым инструментом производства иерархий, пантеонов, собраний классики, а, следовательно, и создания идеологических конструкций. Предлагается антропологическая оптика исследования историографии, которая позволяет, на наш взгляд, сократить дистанцию между современным исследователем и актором историографического дискурса славистики XIX столетия, актуализировать роль последнего для понимания процесса складывания нарратива истории славистики. Проанализированы внутренние причины непродуктивности его деконструкции с точки зрения линейной логики развития, поскольку, вполне в духе романтической интеллектуальной традиции трактовки завершенности произведения, нарратив этот оказалось невозможно завершить или придать ему целостность.

Ключевые слова: *научная биография, славистика, историография, профессионализация, идеологема, нация, романтизм, антропология*

Славяноведение – сравнительно молодая дисциплина в семье историко-филологических наук. Хотя оно базировалось вокруг своего аналитического объекта «славянский мир» на методологическом синтезе всего гуманитарного блока, имеющего долгую интеллектуальную традицию, сам объект этот представляет собой типичную конструкцию Modernity, а точнее – эпохи нацистроительства. И потому новая наука неизбежно должна была заново изобретать инструменты и стратегии профессионализации, лишь отчасти опираясь на опыт генетических предшественниц. Славяноведение проектировалось и создавалось интеллектуалами романтизма. Среди прочих проектов «нового мироздания», наряду с музыкой, литературой, фольклором, языкознанием и в тесной связи с ними¹, они создавали новое многообразие, «сочиняя» народы и даже языки². Закономерно, что порожденный ранним Новым временем механизм создания канона и классики должен был быть трансформирован. Творцы славянове-

¹ Махов 2017.

² Вульф 2003; Белов 2007.

дения рефлексировали и многократно вербализовали во всевозможных манифестах свою мессианскую роль, роль основоположников, с самого начала существования науки проектируя пантеоны живых (еще) корифеев-классиков, «патриархов», и потому борьба за право на увековечивание и экспертность, за все значимые аспекты производства знания велась целенаправленно и от-рефлексированно – нужно было написать свою историю славяноведения, не надеясь на правильную версию ее в будущем благодаря продвижению определенных научных школ и опасаясь исторической случайности. Во многом поэтому на всем протяжении существования славяноведения историография науки представлена прежде всего биографическими трудами, которые впоследствии кроме функции строительства иерархии получили еще и функцию инициации молодых через старых и приобщения таким образом к определенным, часто конкурирующим версиям самого проекта науки), а не «историями» славистики, которые появились значительно позже и у них сложилась довольно непростая судьба.

В XIX – начале XX в. наряду с множеством научных биографий славистов, которым посвящались помимо малых и средних жанров целые тома докторских диссертаций, были созданы только два панорамных труда, посвященных развитию всего славяноведческого комплекса – «первым годам» (десятилетиям) славяноведения в Российской империи посвящена книга А.А. Кочубинского «Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцов. Начальные годы русского славяноведения»³, истории европейской славистики всего XIX века – «История славянской филологии» И.В. Ягича⁴. Несмотря на масштаб этих работ, их оказалось недостаточно для формирования историографической традиции больших нарративов целой науки. Историографы XX века закономерно оказались в сложном положении. Когда в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве была учреждена Международная комиссия по истории славистики для структурирования и координации проекта создания всемирной истории славистики, кризис в ее историографии стал очевиден. Однако потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы он был признан самими славистами⁵. Но уже тогда, когда комиссия начала подготавливать проекты систематических исследований и будущих изданий, оказалось,

³ Кочубинский 1887-1889.

⁴ Ягич 1910.

⁵ Сибинович 1995. С. 21.

что не существует единого взгляда на предмет и метод славистики и, соответственно, не представляется возможным создание целостного нарратива ее истории. На симпозиумах в Вене (1960) и Геттингене (1964) была сформулирована концепция, в соответствии с которой исследования по истории славистики должны быть посвящены прежде всего изучению «таких дисциплин, как славянское языкознание, славянское литературоведение, славянский фольклор и т.д.»⁶. Эта работа должна была привести к написанию всеобъемлющей «истории славянской филологии, составленной в виде энциклопедии, в которой будет уделено внимание как общетеоретическим вопросам, так и совершенно конкретным проблемам, как, например, деятельность выдающихся филологов-славистов»⁷. Таким образом, славяноведение искусственно превращалось в исключительно филологическую дисциплину, а «персональная», биографическая история славистики оказывалась механически оторвана от самого процесса развития науки, превращаясь в прикладную область историографии.

Только на симпозиуме в 1967 г. (Штиржин) исследователи снова обратились к истокам проекта – романтической модели славистики как комплекса, в который входят языкознание, литературоведение, история искусств, история славянских народов, этнография, древности, история культуры. Однако наследники позитивистской методологии славистики предсказуемо вступили в противоречие с первоначальным замыслом и выработать стратегию достижения поставленной цели не удалось. Прения по этому вопросу, как и по вопросу о принципах отбора материала (история изучения общего или особенного в славянских культурах), продолжают до наших дней, и весьма показательно, что проект истории славяноведения так и не осуществился. В 1990-е гг. в результате актуализации исследования природы и истории национализма возникли предложения заменить в славистике этнический подход, например, на географический, что могло, по мнению словацкого компаративиста Д. Дюришина, расширить контекст истории научных школ и методов⁸. При таком подходе славяноведение, как и его история, полностью откажется от своего предмета. Однако подобные проекты весьма показательны для иллюстрации состояния науки и ее историографии. Они подтвер-

⁶ Прокофьева 1980. С. 35.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Дюришин 1993.

ждают наличие ситуации кризиса не меньше, чем непосредственный анализ материалов славистических съездов и комиссий⁹. Сам междисциплинарный замысел этой науки, сформировавшийся под влиянием метаидей эпохи, предполагает, что история славяноведения должна представлять собой междисциплинарные исследования стратегий создания славянской идентичности разными поколениями славяноведов в контексте интеллектуальной истории России и Европы. Уже в 1980–1990-е гг. в Восточной Европе сложилась традиция изучения процессов взаимодействия научного сообщества с идеологическим строительством как составляющей проектов национального возрождения славян¹⁰. Такой подход позволяет актуализировать для истории науки повседневность научной деятельности, раскрыть взаимосвязь между качеством научной коммуникации (диалог, конфликт поколений, мифологизация истории науки) и интеллектуальной историей эпохи, сократить дистанцию между историографом и его героем, и следовательно, найти истинные интенции создания тех или иных научных трудов и целых научных направлений, т.е. раскрыть суть самого замысла данной науки и ее предмета, который в современной славистике оказался практически утрачен. Завершение дебатов по проекту всеобщей историографии славистики отказом от проекта показало, что деконструкция истории славяноведения¹¹ возможна только при помощи теорий для гетерогенных объектов. Для изучения наследия славяноведения оправдано парсонсовское понимание сообщества и общества в целом¹² как системы отношений и взаимосвязей, а не совокупности действующих лиц и акций, что отнюдь не противоречит антропологическому фокусу новой историографии, но позволяет расшифровывать историю науки как движущееся явление, как процесс конструирования сознания, и не подвергать редукции социальный контекст возникновения идей и самого проекта славяноведения.

Таким образом, новая историография этой науки должна ставить задачу метарефлексии, т.е. преодоления ограниченности интерпретативных методов, деконструкции внутренних закономерностей нарративов, составляющих ткань историографии, с позиции наблюдателя извне. Как пишет Л.П. Репина в статье, пред-

⁹ Прокофьева 1980. С. 21-31.

¹⁰ Kulecka 1997; Macura 1983.

¹¹ Мягков 2017.

¹² Парсонс 2002.

варяющей публикацию уникальных интервью современных историкографов, «отвечая вызовам и потребностям современного общества, история неизбежно вовлекается в процесс непрерывной смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев»¹³. Антропологическая оптика позволяет при этом найти органичные ракурсы изучения главного актора историографического дискурса – человека – интеллектуала и творца, писать «историю с человеческим лицом»¹⁴. В таком случае весь корпус текстов от дневников и писем до историографических трудов и энциклопедий будет прочитан без редукции как единая семиотическая система.

В качестве внешней аналитической рамки новой историографии славяноведения, позволяющей раскрыть механизмы формирования дискурса во всей его полифонии, может быть взята профессионализация этой науки¹⁵. Она позволяет уйти от жестких эволюционных схем нарратива истории, включить в исследовательское поле все многообразие дискурсивных связей славяноведения, провоцировавших такое же многообразие практик. Задача изучения истории науки как истории ее профессионализации закономерно превращает человека – субъекта дискурса в центральный объект исследования и позволяет избежать кумулятивистской модели анализа, которая неизбежно описывает мнения, не выявляя условий их возможности. Таким образом, в новую историографию славистики возвращается целый пласт мнений, устных свидетельств, «субъективных» или даже очевидно ангажированных воспоминаний, а наблюдатель преодолевает традиционную роль адвоката или судьи.

Все аспекты профессионализации славяноведения в России XIX в. имеют репрезентативную источниковую базу, детально отражены в историографическом нарративе рассматриваемого периода, но в силу дальнейшей специализации отдельных составляющих, не изучались до наших дней как единый дискурс.

Первый этап существования славистики как сообщества антиквариев, которое усложняется в первой половине XIX столетия методологическими идеями романтиков и порождает проект комплексной науки о славянском мире, в России развивался преимущественно по модели и под влиянием патронажа вельмож и госу-

¹³ «Из первых уст...»; Репина 2020. С. 5.

¹⁴ Репина 2013.

¹⁵ Тоштендаль 2014. С. 267; Савельева, Полетаев 2010.

дарственных чиновников. О деятельности самых значимых из них - Н.П. Румянцева и С.С. Уварова - существует обширная научная литература¹⁶. Важно отметить, что профессора «уваровского призыва» по проекту и при поддержке министра, развивая новую науку, осуществили не только кадровую экспансию, но и трансформацию карьерной модели, своеобразную принудительную модернизацию ряда аспектов профессионализации (порядок экспертизы, коммуникации, получения степени, должности и т.д.)¹⁷. Этим блестяще объясняется негативный прием некоторых уваровских профессоров в университетах, столкновения при «скоропалительной» подготовке диссертаций и программ путешествий в славянские земли (новые источники – гарантия открытий и быстрая слава), а также парадоксы репутаций этих профессоров в историографии. Достаточно вспомнить противоречия в оценках наследия практически всех первых университетских славистов – О.М. Бодянского, П.И. Прейса, И.И. Срезневского, В.И. Григоровича¹⁸.

Корпус классики российской версии науки начал формироваться почти одновременно с корпусом источников. Как и вся коммуникация славистики, корпус классических трудов был во многом наднациональным и изначально интегрировал в себя труды европейских славистов. И здесь в круг действующих лиц (акторов дискурса) оказались вовлечены не только ученые-антиквари и ученые-«нациестроители», но и интеллектуалы – переводчики из смежных областей науки – классической филологии, русской истории. Один из известных примеров – приглашение Н.П. Румянцевым И.М. Снегирева, М.П. Погодина, О.М. Бодянского для переводов трудов Добровского, Шафарика и др.

«Пантеон» классиков славяноведения далеко не полностью дублирует по персоналиям корпус классических текстов, хотя и начинает выстраиваться одновременно с ним. В первой половине века «первый ряд» славистов был представлен преимущественно европейскими именами – Й. Добровского, Ю. Крижанича, В. Караджича, П. Шафарика, рядом с которыми встали имена доуниверситетских славистов – собирателей и мыслителей: П.И. Кеппена, К.Ф. Калайдовича, А.Х. Востокова. Метафорика вокруг имен этих ученых сразу была оформлена в высоком «штиле»: «будители», «отцы славяноведения», «патриархи». Именно за пра-

¹⁶ Майофис 2008; Молчанов 2004.

¹⁷ Вишленкова 2013.

¹⁸ См. напр.: Ягич 2010; Лаптева 2005.

во вносить коррективы в состав пантеона будут конкурировать во второй половине века авторы «больших» историй славистики – В.И. Ламанский, А.А. Кочубинский, И.В. Ягич и др.

Показателен жанровый состав историографических работ представителей первого поколения университетских славистов и их ближайших учеников: это преимущественно научные биографии разных модификаций – от полного монографического исследования наследия одного ученого до некролога – и обширная переписка, которая, прежде всего тщательно конструируется, а затем уже хранится и будет опубликована сразу или значительно позже. «Истории», т.е. нарративы, истории, пусть даже только о первых годах славяноведения в России, появятся лишь в позитивистской славистике, которая сделает попытку порвать с первоначальным проектом и методологией славяноведения эпохи романтизма¹⁹.

Второе поколение университетских славистов перепишет историю и создаст свою историографию этой науки, поскольку ее история оказалась стратегически значимой частью нарратива славянской идентичности. Ими будут созданы сюжетные схемы и тропы, которые структурировали искания ученых и позволяли транслировать идеологемы славяноведения в «массовое» научное и общественное сознание, они же «отредактируют» и состав героев/антигероев метанарратива, узурпировав таким образом его власть (показательны случаи редактирования, если не полной фальсификации текстов «отцов-основателей» славистики, как это произошло с трактатом Л. Штура²⁰).

Сложившийся к началу XX в. нарратив истории российского славяноведения представляет собой сложный, многослойный и «многоязычный» текст, в котором бессмысленно искать единую линейную логику развития науки или субъективные траектории карьеры и политических интересов славистов – такой путь только усиливает власть нарратива. История этой науки представляет собой корпус научных, публицистических, художественных, эпистолярных, мемуарных текстов, записанных устных суждений и свидетельств о научном быте, оценочных суждений, каждое из которых должно прочитываться в контексте других.

Таким образом, именно в опытах самоописания славистики второй половины XIX в., и особенно в биографиях, нашел реализацию первоначальный интеллектуальный проект славяноведения

¹⁹ Макарова 2005.

²⁰ Недашковская 2017.

и, что еще важнее, происходило дальнейшее переконструирование этого проекта в соответствии с интересами новых поколений политиков и славистов.

Исследование конкурирующих «историй» славистики, созданных разными научными поколениями, в контексте методологических поисков науки позволяет рассмотреть научное наследие славяноведов XIX века с позиций историзма как часть интеллектуального проекта славянского национализма вне зависимости от традиционной эволюционной схемы историографии. Последующая специализация развела истории отдельных славистических дисциплин, а без учета первоначального замысла славистики в наши дни происходит утрата и ее предмета.

Исследуемый нами корпус источников никогда не рассматривался как единый текст, единая знаковая система. До настоящего времени не предпринималось также и попыток объяснения неоднократной резкой смены методологических установок славяноведов на протяжении всего XIX века, анализа процесса специализации, причин «переписывания» историографии науки. Проблематизация указанных «темных мест» истории славистики на материале текстов самоописания позволяет сформировать подход к изучению истории славистики, который вслед за основоположником интерпретативной (герменевтической) антропологии К. Гирцем²¹ ставит задачу приобрести доступ к категориям миропонимания изучаемых людей через признание всех участников и всех высказываний дискурса, дополняет арсенал истории гуманитарного знания, демонстрируя пути реализации антропологического поворота в историографии. В настоящее время это особенно актуально, поскольку история славистики на современном этапе продолжает транслировать неотрефлексированные и потому сохраняющие свою власть нарративы и идеологемы национального и государственного строительства. Также важно, что именно история профессионализации славистики позволяет установить связи между исторической рефлексией и критическим анализом современного состояния ее историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития: конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 540 с.

²¹ Гирц 2004.

- Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // НЛО. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html>
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 548 с.
- Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОСПЭН, 2004. 560 с.
- «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Сост. и общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.
- Дюришин Д. Проблемы особых межлитературных общностей. М.: Наука: Восточная лит-ра, 2019. 264 с.
- Кочубинский А.А. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцов. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887-89. 492 с.
- Кулаковский П.А. В. Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с.
- Макарова (Недашковская) Н.И. Проблема методологического синтеза в славяноведении: наследие В.И. Григоровича / Н.И. Макарова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 243-248.
- Майофис М.В. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
- Махов А.Е. Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула: Аквариус, 2017.
- Молчанов В.Ф. Государственный канцлер России Н.П. Румянцев. М., 2004. 575 с.
- Мягков Г.П., Недашковская Н.И. Несостоявшийся проект транснациональной истории славяноведения: к проблеме реконструкции замысла науки // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: научный альманах'2017. Ижевск: ООО «Изд-во «Шелест», 2017. С. 5-12.
- Недашковская Н.И., Мягков Г.П. Полемика вокруг трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века // Учен. зап. Казан. унта. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 4. С. 856-871.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
- Петровский М.П. Григорович и Преис // ИОРЯС. 1897. Т. II. Кн. 3. С. 722-744.
- Петровский Н.М. Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906.
- Прокофьева Н.А. Международная комиссия по истории славистики // Славяноведение и балканистика за рубежом: Сб. статей и материалов. М., 1980. С. 34-39.
- Репина Л.П. Историческая наука в предметном поле интеллектуальной истории // История и историки в прошлом и настоящем. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5-22.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. М.: Изд. дом Гос. унта Высшей школы экономики, 2010. 336 с.

- Сибинович М. Некоторые актуальные вопросы современной славистики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 21-31.
- Снегирев И.А. Иосиф Добровский, его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяноведения. Казань: тип. Ун-та, 1884. 360 с.
- Срезневский И.И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб., 1878. С. 1-2.
- Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый Хронограф, 2014. 346 с.
- Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. 961 с.
- Kulecka A. Miedzy slowianofilstwem a slowianoznawstwem. Idee slowianskije w zyciu intelektualnym Warszawy lat 1832–1856. Warszawa: Neriton, 1997. 232 s.
- Macura V. Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ. Praga: Československy spisovatel, 1983. 540 s.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Research biographies as part of the professionalization of Slavic studies

The article problematizes the role of research biographies in the process of professionalizing of Slavic studies as a research discipline and a nation-building project. The bulk of sources on the History of Slavic studies is considered as a holistic semiotic system in which biographies are a significant tool for the production of hierarchies, pantheons, collections of classics, and, therefore, the creation of ideological constructions. Anthropological optics of the study of historiography is proposed, which, in our opinion, allows us to reduce the distance between the modern researcher and the actor of the historiographic discourse of Slavic studies of the 19th century, to update its role to understand the process of formation of the narrative of History of Slavistics, which quite in the spirit of romantic intellectual tradition turned out to be impossible to complete or give it integrity.

Key words: *research biography, Slavic studies, historiography, professionalization, ideologemes, nation-building, romanticism, Anthropology*

Nadezhda Nedashkovskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, N.Nedashkovskaya@yandex.ru

В.П. КОРЗУН

**НАЗНАЧЕНИЕ В КУМИРЫ: ПРАКТИКИ
КЛАССИКАЛИЗАЦИИ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ
ИСТОРИКОВ (1920 – СЕРЕДИНА 1930-Х ГОДОВ)**

В статье рассмотрена проблема этоса научного сообщества историков через практики классикализации в советской историографии 1920-х – середины 1930-х гг. Выделены две основные модели классикализации – разрушительная и присваивающая. Отмечено также существование гибридной модели, сочетающей черты каждой из двух вышеобозначенных. Выявлены основные формы классикализации и деклассикализации. На примере празднования 60-летнего юбилея М.Н. Покровского раскрыта роль коммеморации в пересмотре пантеона классиков отечественной историографии, в трансляции нового этоса науки. Коммеморации в среде историков «старой школы» представлены как «тихая альтернатива» новым конвенциям.

***Ключевые слова:** этос науки, советская историография, профессиональная самоидентификация, классикализация и деклассикализация, пролетарская историческая наука, М.Н. Покровский*

Концептуализация: кто такие «классики» и как ими становятся?»¹

Общеизвестно, что «социальным клеем» научного сообщества является наличие знаковых фигур / образцов для подражания, составляющих пантеон классиков, носителей научного этоса. Классикализация в академической традиции связана с профессиональной самоидентификацией, отражает конвенционально разделяемые вершинные достижения ученых, внесших значительный вклад в ту или иную дисциплину, с включением их имен в образовательную практику, что закрепляется в учебных пособиях и программах. В истории науки бывают периоды, когда эта проблема чрезвычайно актуализируется, приобретает не только эпистемологический, но экзистенциально-конфликтный характер, для одних групп ученых повышаются, для других – опровергаются ценности корпоративной памяти, пантеон классиков изменяется. Как правило, это происходит в эпохи перемен – масштабных социальных трансформаций, наиболее болезненно борьба за «классиков» разворачивается в тех областях науки, которые напрямую связаны с выбором / оценкой пути исторического развития страны. Для отечественной исторической науки, безусловно,

¹ В основе статьи – фрагменты главы, написанной автором в недавно опубликованной монографии: Этос социальных групп... 2020. С. 55-78.

такой период – 1920-е – середина 1930-х гг., сопровождавшийся «перебором» классиков на научном Олимпе. В статье рассматриваются практики классикализации в этот период в тесной связи с более общим процессом – трансформацией этоса науки.

Предварительно сделаю несколько отступлений, проясняющих авторский подход и намерения. Первое касается тезиса о тесной связи классикализации с ценностными установками, разделяемыми большинством ученой корпорации. Наряду с другими поведенческими нормативами, обязательными для научного сообщества, они оказываются встроенными в этос науки. Концепция этоса науки была разработана в 1940-е гг. Робертом Мертонем и представлена в его статье «Наука и демократическая социальная структура»². Этосом науки Мертон называл эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимизируются в терминах институциональных ценностей³. По Мертону, основные нормативы научной деятельности: 1) Универсализм, предполагающий, что научная деятельность основывается на интерсубъективных принципах доказательности, достоверности, научной значимости; 2) «Коммунизм» или «коммунальность» – нацеленность на сотрудничество в поиске истины. Результаты открытия предназначены для всеобщего обсуждения, являются достоянием всего научного сообщества, а в перспективе – всего человечества; 3) Незаинтересованность. Требование бескорыстного служения истине, чисто познавательный интерес как главный источник мотивации деятельности ученого, эмоциональная нейтральность. 4) Организованный скептицизм. Ничего не признавать бездоказательно и каждую гипотезу исследовать критически вплоть до получения всех необходимых подтверждений, уметь признавать свои ошибки.

Научное позиционирование Мертона одновременно было и почетно – заслуженная принадлежность к «Избранной Раде» основоположников современной социологии знания, социальной геометрии. И в то же время критически уязвимо – первая попытка определить нормативно-регулятивные, ценностные рамки это-

² Как отмечает Н.В. Демина «Первоначально указанная статья была опубликована под заглавием “Science and technology in a democratic order” в Journal of Legal and Political Sociology. 1942. Vol. 1. P. 115-126. Позднее она вышла под названием “Наука и демократическая социальная структура” (Science and Democratic Social Structure, 1949)» [Демина 2005. С. 4].

³ Цит. по: Демина 2005. С. 4.

са науки неизбежно должна была выявить существенный разрыв между четырьмя нормами – мертоновскими заповедями и научными реалиями (по жизни)⁴. Указанный разрыв осознавал и сам Мертон, отсюда обращение его в конце 1950-х – 1960-е гг. к концептам «патологии науки» и «социологической амбивалентности» ученого, рассмотрение реального процесса производства научного знания как единства нормативности и отклонения от нее (анти-нормы). Концептуальные построения Мертона основывались прежде всего на опыте науки XIX века, со вступлением в эпоху «большой науки» (что стало вполне очевидно к середине XX в.) они неизбежно размывались, дефункционализировались. Тем не менее роль Мертона в истории науки весьма значительна – он основатель поведенческого подхода, в рамках которого процесс познания рассматривается как деятельность по правилам.

«Главная заслуга Мертона, – указывает Е.З. Мирская, – это четкая экспликация основополагающих ценностей науки и соответствующих им идеальных принципов научной деятельности, <...> а также непоколебимая уверенность в их действительности. Эта уверенность постепенно вошла в коллективное сознание научного сообщества и до сих пор составляет важную часть менталитета людей, «искренне преданных науке»⁵. Данная оценка, высказанная в научном сообществе почти 20 лет назад, представляется верной и на сегодняшний день. Общепризнано и то, что мертоновская концепция «этоса науки» представляет синтез познавательных принципов и этических норм. Именно в таком ракурсе, эта проблематика вновь актуализируется в современной историографической ситуации методологического плюрализма, трансформации /слома привычных познавательных и этических принципов, яростного переписывания истории, перестраивания пантеона национальных героев, в том числе историков. Несколько наивно, хотя по-человечески понятно, выглядят попытки преодоления обозначившегося нормативно-ценностного вакуума путем принятия «Хартии историков». Результатом такой инициативы должно стать торжественное обещание историков («честное пионерское!») «не... следовать соображениям политической, этнокультурной, религиозной или идеологической конъюнктуры»⁶.

⁴ С критикой мертоновской концепции этоса науки выступали в разное время С. Коул, Н. Сторер, С. Уест, Р. Богуслав, И. Митроф, С. Фуллер и др. См. подробнее об этом: Демина 2005. С. 17-41.

⁵ Мирская 2005. С. 26-27.

⁶ Соколов 2011. С. 339.

Классикализация отражает и проясняет подвижность ценностных установок и естественный дисбаланс между возвышенным и земным. Понятно, что этот процесс связан с репрезентацией образа ученого, его репутацией, как внутри научного сообщества, так и в публичном пространстве.

Второе отступление касается общего процесса классикализации в отечественной исторической науке, который имеет свои реперные точки, связанные с историографическими революциями, сменой образов науки в самом широком понимании этого термина, с социальными потрясениями и степенью встраивания науки в жизнь большого социума, властным давлением на нее, со сложной и меняющейся стратификацией самого научного сообщества и т.д. Многие из перечисленных факторов могут совпадать во времени и провоцировать различные практики конструирования пантеона классиков, в т.ч. иногда явно микшированные. Классикализация, как проявление академической культуры, как бы оттеняет такие мертоновские характеристики «этоса науки», как «универсализм» и «коммунальность», и наполняет их «эмоциональной насыщенностью», дополнительными ценностными установками – равнение на образцы, но, с другой стороны, демонстрирует и контр-норму – партикуляризм, частный интерес, состязательность, конкурентную борьбу, стремление к более высокому статусу в карьерной лестнице. Это яркое отражение субъектности науки и ученого. Да и классики – это те, которых считают классиками⁷ в результате гласных и негласных конвенций, т.е. речь идет о «назначении в кумиры».

В отечественной традиции выделяются следующие вехи / периоды классикализации, связанные с изменениями социокультурного контекста развития науки: «конец XVIII – начало XIX в. (когда историописание приобретает статус науки в современном ее понимании); вторая половина XIX в. (пореформенный период активизации общественно-политической и научной жизни, институализации науки, ее дифференциации)»; конец XIX – первые десятилетия XX в. (прогрессирующее самопознание науки, ее внутренняя легитимация в условиях социально политического кризиса); социальные и парадигмальные сдвиги конца XX – начала XXI в. Эти своеобразные реперные точки отмечены интересом к истории науки и ее деятелям, и в жизни научного сообщества сопровождалась всплеском мемориальных публикаций и

⁷ Савельева 2009. С. 295.

иных коммеморативных событий. Историческая память скрепляет единство профессиональной «МЫ-ГРУППЫ», задает идеологию профессии»⁸. Можно выделить несколько моделей классикализации. Первая – «живой классик» или классик-памятник и его низвержение для расчистки пространства и самоутверждения нового претендента на эту роль. Эта модель востребована в периоды ломки прежних и освоения новых парадигм и связана с борьбой за перераспределение пространства внимания в научном поле, она отражает жесткую конкурентную борьбу внутри научного сообщества. Показательной фигурой в этом плане является Н.М. Карамзин, который становится одновременно героем и антигероем отечественного историописания. Именно в социокультурном пространстве 1820–1830-х гг., когда разворачивалась болезненная смена просветительской парадигмы историописания гегельянской версией истории, складывается модель самоидентификации научного сообщества, основу которой составляет оппозиция «свой – чужой». Ее условно назовем разрушительной.

Профессиональная самоидентификация не может строиться только на отрицании. Наука, как культурная форма, предполагает преэминентность идей, накопление научного капитала и способов его постижения. Она предполагает организацию не только специфических институций, но обустройство внутреннего мира сообщества и его акторов, включая, специальные практические действия, обряды и церемонии. Очевидно, что для осуществления данных функций актуализируется иная модель самоидентификации. Назовем ее «присваивающей». Она обнаруживается в юбилейных «текстах памяти» посвященным признанным и объединяющим фигурам. Для дореволюционной историографии на пике ее развития в качестве таких фигур выступают С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Причем такая модель востребована и в условиях «нормальной науки» (по терминологии Т. Куна), и в условиях научных революций и социальных потрясений, «борьбы (зачастую неосознанной или по крайней мере открыто не проговариваемой) за автономность науки, за приоритет внутринаучной мотивации ее деятелей»⁹, она сосуществует наряду с разрушительной моделью, более того может в усеченном, препарированном виде даже быть инкорпорированной в нее. Отметим возможность достаточно парадоксальной ситуации, когда борьба между традици-

⁸ Корзун, Колеватов 2012. С. 259.

⁹ Корзун, Колеватов 2011. С. 260-261.

оналистами и новаторами может разворачиваться за присвоение одних и тех же классиков. И дело не только в том, что классики выступают ритуальными фигурами самоидентификации для той или иной корпорации профессионалов, придают новым идеям доказательность и укорененность, набрасывая на них «старые одежды» (авторитет «старины» и прецедент – как устоявшиеся мыслительные коды), а корпорации – повышение ее репутации. Но прежде всего в том, как замечает И.М. Савельева, что идеи классиков обладают значимым эвристическим потенциалом, отличаются фундаментальностью, являются «источником гипотез для проведения эмпирических исследований»¹⁰. И шире – для создания принципиально нового знания, новых направлений исследования. Интересно в этом плане размышление Анкерсмита: «Мы восхищаемся великими историками, вроде Ранке, Токвиля, Бурхардта, Хейзенги, Мейнеке или Броделя, не из-за точности данных или описаний исторических событий, но из-за предложенных ими панорамных интерпретаций больших частей прошлого»¹¹.

Классикализация и деклассикализация в первом приближении соотносятся как плюс и минус, норма и анти-норма, по звучанию, по смыслу они напоминают до боли знакомый классовый подход. В этом процессе присутствуют наборы бинарных оппозиций. Формы классикализации и деклассикализации весьма разнообразны и отражают как внутринаучные процессы, включая личностный фактор, так и внешние – социально-политические. Классикализация со знаком плюс дает примеры введения и увековечивания имен ученых в реестр профессионального преклонения, памяти корпорации, и даже шире – формированием культурной памяти общества. «Разрушительная» модель демонстрирует низвержение былых классиков и их вытеснение новыми кумирами, а затем, возможно, и забвение. К закрепляющим формам отнесем академическую традицию празднования юбилеев выдающихся историков и институций с устоявшейся практикой научных докладов, посвященным отцам-основателям, издание и переиздание трудов ученых, сборников статей в их честь, проведение памятных чтений и конференций, создание личных фондов, выставочных экспозиций в музеях и архивах, книжных выставок в библиотеках и других институциях, составление библиографии научных трудов, написание некрологов и мемуаров, включение имен исто-

¹⁰ Савельева 2009. С. 327.

¹¹ Анкерсмит 2009. С. 102.

риков в учебные пособия и в списки рекомендованной литературы, утверждения именных премий и медалей, в университетской традиции – открытие именных аудиторий и присуждение премий и стипендий. Важнейшим атрибутом этики научного текста и одновременно мощной формой академической памяти является цитирование, корректное оформление ссылок (другая жизнь текста, независимая от автора). Стоит обратить внимание и на вписывание историков-классиков в интеллектуальный ландшафт города, что отражается в топонимике, сооружении памятников, открытии музеев и мемориальных досок. Классикализация может принимать даже космические масштабы – с присвоением планетам имен выдающихся ученых. К примеру, в знак признания заслуг В.О. Ключевского «международный центр по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая лаборатория, США) присвоил его имя одной из планет. Отныне малая планета № 4560 КЛЮЧЕВСКИЙ – неотъемлемая частица Солнечной системы»¹².

Каковы формы деклассикализации? Предельно кратко, по контрасту с вышеперечисленным – забвение или полужабвение прежних классиков, упоминание имен предшественников, как и некоторых современников, с обязательными отрицательными коннотациями, вычеркивание нежелательных имен из научной и учебной литературы, как впрочем, и сочинений неудобопоминаемых авторов, запрет на цитирование, помещение их работ в спецхраны, уничтожение рукописей, задержка публикаций иногда на десятилетия и пр. Подчеркну еще раз, мы имеем дело с двумя сторонами единого процесса, где наличествует много переходных, непроговариваемых, недоотрефлексированных состояний, к примеру, т.н. признание по умолчанию – особо не критикуем, практически используем, но прежние отрицательные коннотации не дезавуируем (пример – отношение поздней советской историографии к имени и творчеству А.С. Лаппо-Данилевского). Наконец, стоит иметь в виду многосоставность самого термина «классика» применительно к гуманитарным наукам. Мне близок инструменталистский подход, в рамках которого под классикой понимается «корпус работ, получивших статус классических» – классические тексты и «свод имен» /пантеон классиков¹³. Классические тексты выступают своего рода долгожителями. Современные наукометрические практики позволяют отследить этот процесс, сошлось

¹² Киреева 1995. С. 140.

¹³ Савельева, Полетаев 2009. С. 6-7.

на опыт анализа цитирования признанных классиков дореволюционной исторической мысли в длительной хронологической перспективе, представленный в совместной статье Е.А. Ростовцева и И.П. Потехиной¹⁴. Но не стоит абсолютизировать этот критерий. На примере работ А.С. Лаппо-Данилевского, авторы зафиксировали несовпадение масштаба цитирования с репутацией ученого в современном научном сообществе. Такая непрямая корреляция – дополнительное свидетельство сложности проблемы конструирования классиков. При этом подчеркну, что мемориализация не всегда является отражением «назначения» в классики, также как и высокая репутация ученого не всегда может быть связана с его выдающимися достижениями в науке, а, к примеру, с его морально-этической позицией или зигзагами памяти корпорации. Да и ранжирование классиков многосложное и, как неоднократно отмечалось, весьма субъективное явление, даже в рамках одной дисциплины. В различных проблемно-организованных сообществах есть своя иерархия классиков (в качестве образцов для подражания) и их имена не всегда закрепляются в учебниках, то же можно увидеть и в региональной историографии, когда герои второго плана зачастую приобретают статус местных классиков.

С учетом этих общих размышлений обратимся к феномену классикализации в советской исторической науке 1920-х – середины 1930-х годов.

Наука для народа: развенчание «классовой сущности досоветской исторической мысли»

Данный период в мировой науке характеризуется переосмыслением модели научности (начало перехода от классики к неклассике). В отечественном научном пространстве наблюдается утверждение марксистско-ориентированной науки и складывание сообщества историков-марксистов. Ситуация обогащается и усложняется наличием представителей «старых научных школ», ориентированных в основном на позитивистскую или постпозитивистскую традицию. Вследствие выссылки 1922 г. происходит разлом в отечественном научном сообществе и по другой линии – на центр (метрополию) и периферию (эмигрантская ветвь российской науки).

Применительно к метрополии можно говорить о сложившейся в первое послереволюционное десятилетие ситуации «сложного переплетения старых дореволюционных и новых со-

¹⁴ Ростовцев, Потехина 2013. С. 23-28.

ветских элементов исследовательской традиции»¹⁵. И соответственно картина классикализации представляется достаточно напряженной. Классики марксизма-ленинизма постепенно занимают вершину научного Олимпа. Но этот сюжет остается за рамками данной статьи. В фокусе дальнейшего повествования – выстраивание пантеона классиков представителями становящейся советской историографии, с одной стороны, и «удержание» в памяти поколений «старых» классиков как образцов профессиональных традиций, с другой. Последнее свойственно, преимущественно, представителям прежнего академического сообщества.

Понятно, что сознательно выбранное ограничение, не позволяет в полной мере понять вариативность данного процесса, его формы, коммуникативную составляющую классикализации, соотношение персональной и групповой корпоративной памяти, проявляющееся в насыщении культурного пространства символическими фигурами. Ведь утверждалась советская историографию не только в борьбе с дореволюционной наукой, но в борьбе с живыми носителями этоса этой «старой» науки здесь и сейчас. Комплексное исследование такого мозаичного процесса представляется актуальной проблемой современной историографии.

Времена масштабных социальных трансформаций – это, как правило, и времена переоценки ценностей, в т.ч. и научных. Меняются как сами персонажи, теории, институции, так и отношение к ним в обществе. Наиболее явственно такая картина прорисовывается в историографических текстах и коммеморациях. Для историков-марксистов прежний пантеон классиков значительно обесценивается. Работа М.Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, прочитанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3–7 мая 1923» (Петроград, 1923) становится образцом нового подхода к оценке как прошлого, так и текущего историографического процесса и соответственно – персоналий. М.Н. Покровский педалирует классовую обусловленность концептуальных построений историков, последние наделяются функцией представительства интересов непролетарских социальных групп – помещиков, буржуазии, интеллигенции и т.д. В качестве единственно верной теоретической доктрины, позволяющей понять и объяснить исторический процесс, признается марксизм, сражающийся и побеждающий на историческом фронте. Прежние классики наделялись отрицатель-

¹⁵ Сидоров 2001. С. 13.

ными коннотациями в силу того, что не были марксистами и, тем более, как правило, не принадлежали к нужному классу. Так, у автора курса Н.М. Карамзин - отрицательный персонаж российской историографии. Его «История государства Российского» устарела уже «в момент выхода книги», поскольку автор смысл русского исторического процесса свел к «образованию огромного государственного тела». По Покровскому, «это была действительно официальная “историография” той России, того режима, который привел декабристов к убеждению, что, не вырезав всех Романовых, нельзя сделать шагу вперед. Это была книга, написанная по заказу Александра I и для него, – но нужно, чтобы она угодила и Аракчееву»¹⁶. Для него Карамзин даже не наука, а циничная публицистика. В то же время для Покровского существует «красная линия», которую не стоит переходить с гипертрофированным классовым подходом. При оценке творчества вершинных представителей дореволюционной историографии С.М. Соловьева и В.О. Ключевского приоритетными, или по меньшей степени равноправными с факторами классово-политическими становятся факторы внутринаучные. Более мягкой оценки удостоивается С.М. Соловьев. Накидывая сетку классового анализа, автор называет Соловьева представителем городского населения, отражающего взгляды буржуазии. С точки зрения методологии, он гегельянец с вкраплениями идей «экономического материализма» и даже «бессознательный марксист» (!). Из всей портретной галереи отечественных историков портрет Соловьева выписан с большей любовью – он «величайший историк XIX века» с «громкой исторической образованностью», хотя не признает значение классовой борьбы и отрицательно оценивает на-родные движения. По мысли Покровского, географический фактор Соловьева вписывается в его собственную концепцию роли торгового капитала. Соловьев «первый выяснил громадное влияние в русской истории речных путей. И действительно, если мы возьмем период торгового капитала, мы увидим, что в этом-то и суть дела, что группируется русская территория именно вокруг водных путей»¹⁷.

С В.О. Ключевским дело обстоит несколько сложнее. Еще в дореволюционный период, не прибегая к классовой инкриминации, Покровский в рецензии на «Курс русской истории» Ключевского, дает ему весьма критическую оценку, обвинив в эклектизм-

¹⁶ Покровский 1923. С. 28.

¹⁷ Покровский 1923. С. 60.

ме. «Ключевский, – пишет рецензент, – в разные периоды своей жизни был и позитивистом, и гегельянцем, индивидуалистом и сторонником “органического” понимания общества. Но нельзя быть всем этим сразу, как он предлагает сделать своему читателю в настоящее время»¹⁸. (Любопытно, что конце 1920-х гг. ученики Покровского в духе времени пытаются быть роялистами больше, чем сам король, и называют эту рецензию «увесистым камнем в огород буржуазной науки»¹⁹, очевидно, по аналогии с булыжником как орудием пролетариата).

Эту же линию, но более жестко, Покровский проводит и в работе «Борьба классов и русская историческая литература». В его хлесткой формулировке Ключевский – «Чичерин, помноженный на Соловьева или Соловьев, привитый к Чичерину»²⁰. В рецензии на 5-й том «Истории» Ключевского, опубликованной в том же 1923 г. в журнале «Печать и революция» он называет книгу архаичной²¹, возмущается, что она выпущена огромным тиражом и снабжена «немарксистскими» комментариями Я.Л. Барскова. Признавая популярность текстов Ключевского, закреплённость его имени в культурной памяти российского общества, он ставит перед историками-марксистами задачу – научить студентов дешифровать Ключевского, косвенно признавая тем самым опасность завораживающего воздействия имени и творчества великого историка на студенческую аудиторию. И не только студенческую – по подсчетам М.В. Нечкиной с октября 1917 г. до половины 30-х гг. вышло не менее 32 работ об историке²². Ключевский не до конца разгадан и «дешифрован» и самим Покровским. Как позже отметила Нечкина, определение классового лица Ключевского, этого центрального пункта раннемарксистского анализа, для Покровского оказывается сложным – то он «сгусток классовой идеологии, очевидно, буржуазной» то «типичный представитель интеллигенции»²³. Нечкина считала, что советский неоклассик Покровский «будто бы боялся своей связи с Ключев-

¹⁸ Покровский 1904. С. 213.

¹⁹ Сидоров 1928. № 249.

²⁰ Покровский 1923. С. 60.

²¹ Заметим, что подобную реакцию Покровского вызвала и «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского, вышедшая в 1923 г. См.: Покровский 1933. С. 97-104. Низведению классика он отводит и несколько страниц в «Борьбе классов...». См.: Покровский 1923. С. 73-87.

²² Нечкина 1974. С. 26.

²³ Нечкина 1974. С. 37.

ским и спешил отмежеваться от него самыми резкими оценками»²⁴. В то же время, не порывая окончательно с принципами научного анализа, Покровский не может отказать своему учителю в статусе классика – пусть, увы, и эклектика-немарксиста. Он не мог не фиксировать «влияние Ключевского на развитие отечественной науки, уникальность историка в плане художественного постижения прошлого, девиации – отгадывания смысла исторических событий»²⁵.

В подготовленных учениками Покровского, участниками его историографического семинара, сборниках «Русская историческая наука в классовом освещении»²⁶ наблюдается пиршество классового подхода и политико-идеологической инкриминации. В.В. Тихонов отмечает вписываемость этого двухтомника в политический мейнстрим: «С конца 20-х гг. в стране начался т.н. “Великий перелом”, частью которого стала борьба против «старых специалистов», в том числе и на «историческом фронте». В этой связи разоблачение классово-сущности немарксистской историографии приобрело сверхактуальное значение»²⁷. Целью издания, как справедливо полагает автор, было развенчание «классовой сущности досоветской исторической мысли»²⁸. Двухтомник демонстрирует агрессивные методы самоутверждения советской наррации – в ее рамках адекватное восприятие корифеев дореволюционной историографии невозможно, главным критерием их оценки становится весьма субъективно осуществляемая «проверка» на марксистскость – насколько они «не дотягивали до марксизма» или противостояли ему. Авторы стремятся в каждом историографическом тексте обнаружить корыстно классовый подтекст, наклеить классовый ярлык, обозначить врага. Новые задачи требуют и нового языка, грубости обличительных определений. Так, к примеру, Чичерин предстает как «выразитель лжи и лицемерия буржуазной науки», Миллюков – «как лжец и грязный клеветник». Коренное изменение языка науки отметил из своего «эмигрантского далека» еще А.А. Кизеветтер, зафиксировавший «митинговый жаргон» молодых авторов, чьи выпады были. с его точки зрения, «не столько наивны, сколько нахальны»²⁹.

²⁴ Нечкина 1974. С. 36.

²⁵ Корзун, Колеватов 2012. С. 262.

²⁶ Русская историческая наука 1927; Русская историческая литература, 1930.

²⁷ Тихонов 2020. С. 105.

²⁸ Тихонов 2020. С. 105.

²⁹ Кизеветтер 1931. С. 517-518.

Отметим, что даже в этом сборнике молодые исследователи, когда речь идет С.М. Соловьеве (статья З. Лозинского) и В.О. Ключевском (статья М. Нечкиной), стараются добросовестно излагать взгляды и признавать научный вклад историков в познание России – классовое вынуждено несколько посторониться, давая место классическому. Наблюдается сложный процесс отторжения / присвоения классиков. В статье З. Лозинского читаем: «С.М. Соловьев, – одна из самых замечательных фигур в ряду русских историков XIX века. Нельзя соглашаться с его концепцией, необходимо решительно возражать против ряда важнейших его взглядов, можно и должно признавать ошибочной всю его схему русского исторического процесса, но было бы верхом близорукости не видеть того вклада, которым обогатил Соловьев русскую историческую науку того времени»³⁰.

М.В. Нечкина, с одной стороны, как и Покровский, отмечает методологический эклектизм Ключевского. Еще в своей ранней работе, посвященной творчеству великого историка, она писала, что «в сложной и тонкой ткани его исторических исследований можно уловить все оттенки различных типов исторического мышления: от чистого идеологизма до экономического материализма, от глубокой убежденности в правоте путей божественного разума и самой теплой религиозности до глухих глубин исторического скептицизма и отрицания. Разлад Ключевского – один из видов трагедии русского интеллигента»³¹. С другой стороны, в варианте статьи, представленной в сборнике, повторяется характеристика Ключевского как эклектика, и в то же время подчеркивается значимость исторического синтеза, осуществленного историком, исследовательница считает несомненным достоинством выделение им роли экономических факторов в русской истории и наделяет его своеобразным статусом колеблющегося, сочетающего элементы материализма и идеализма в своих концептуальных построениях – этакий Алексей Михайлович от историографии³². Нечкина остроумно использует образ, нарисованный самим Ключевским. Отношение к классику может определяться и личными интенциями, личностными мотивациями. Для Нечкиной уже к 1930 г. Ключевский – многолетняя историографическая любовь. Базовым или, по крайней мере содержательно значимым,

³⁰ Лозинский 1930. С. 207.

³¹ Цит. по: Тихонов 2020. С. 103.

³² Нечкина 1930.

для нее является восприятие (интеллектуальное созерцание) творчества историка в целом, неоспоримость его статуса классика. Такой подход «предполагает выделение жизнеспособных, обогащающих науку элементов творческого наследия Ключевского, не вписывающихся без остатка в оппозицию «марксистский – немарксистский»³³. Меняется и классовая оценка историка (обязательный атрибут марксистско-советского историографического анализа). Согласимся с выводом В.В. Тихонова, который отмечает меняющиеся определения Нечкиной позиции Ключевского. В начале он «академический интеллигент», затем появляется другое определение – идеолог промышленного капитала, и, наконец, разночинец³⁴. На фоне жесткой критики «буржуазной» историографии, противопоставления ее советской, фигура Ключевского, как и других великих старых историков, выполняет примиряюще смягчающую роль (буржуазные историки, но значительны их научные достижения).

Радикализированный вариант деклассикализации представлен в историографических текстах О.А. Лидака³⁵, С.А. Пионтовского³⁶, Г.С. Зайделя и М.М. Цвибака³⁷. В целом авторы отразили изменившееся место науки в общей структуре государственности и соответственно меняющийся этос науки. В 1930-е гг., как замечает А. Дубровский, ученый по типу личности и формам поведения приближается к партийно-государственному чиновнику³⁸.

Классикализация в контексте культуры партийности

Наряду с деклассикализацией представителей дореволюционной академической науки наблюдается классикализация здравствующих современников. Процесс пошел уже в 1920-е гг., первым кандидатом на роль классика советской историографии стал Н.М. Покровский. Обратимся к коммеморациям, связанным с его 60-летием. При коммунистической Академии был создан специальный «Комитет об ознаменовании 60-летия М.Н. Покровского». Предполагалось проведение торжественного заседания (которое, кстати, было перенесено с августа на октябрь 1928 г.), издание сборника статей в честь юбиляра, выпуск специального

³³ Корзун, Колеватов 2012. С. 261.

³⁴ Тихонов 2020. С. 108.

³⁵ Лидак 1930. С. 133.

³⁶ Пионтовский 1930 (а). С. 21-26; 1930(б). С. 157-171; 1931 (а); 1931 (б); 1932. С. 85-99; 1933. С. 80-119.

³⁷ Зайдель, Цвибак 1931.

³⁸ Дубровский 2017. С. 111.

номера журнала «Историк-марксист»³⁹. В газетах «Правда» и «Известия» за 25 октября 1928 г. юбилею Покровского было посвящено несколько страниц, что свидетельствовало о придании событию государственного масштаба. «Чествование таких людей, – указывает в юбилейной статье А.В. Луначарский, – перестает быть личным делом. Революция сама себя чествует в таком своем сыне»⁴⁰. Иначе говоря, чествование Покровского – акт самопознания революции, ее персонификация. Но самопознание переходит в восхваление. Покровский представлен как «высокий тип марксистского коммунистического интеллигента», обладатель «чистейшего сердца, необыкновенно благородного характера и неистощимого запаса юмора»⁴¹. А Н. Бухарин называет Покровского одной из «самых ярких и оригинальных фигур в нашей партии», крупнейшим ученым и боевым партийцем, большим эрудитом и блестящим публицистом. Михаил Николаевич – профессор и воля партии и марксизма, «профессор с пикой»⁴².

В публикациях «Правды» и «Известий» Покровский изображается как революционер⁴³, как государственный деятель, марксист-просветитель и организатор науки⁴⁴, безусловно, как историк⁴⁵ и даже как художник слова⁴⁶. Такое воспевание, апологетика по всем азимутам, свидетельствует о складывании модели классикализации – «житийного» повествования советской эпохи. Эта модель найдет законченное выражение в рамках культа «великого вождя и корифея науки» И.В. Сталина. В профессиональном же плане значение Покровского заключается, с точки зрения авторов, в борьбе с буржуазными течениями и теориями, господствующими в русской исторической мысли, и это было сделать нелегко, «так как русский исторический процесс был необычайно засорен сорной травой буржуазной историографии»⁴⁷. Конкретизацию этого тезиса находим в статье А.Л. Сидорова в «Правде». В фокусе его внимания борьба Покровского со школой Ключевского. Пройдя через школу Ключевского, он, по Сидорову, очень

³⁹ От Комитета...

⁴⁰ Луначарский 1928.

⁴¹ Там же.

⁴² Бухарин 1928.

⁴³ Луначарский 1928; Фриче 1928.

⁴⁴ Луначарский 1928; Кривошеина 1928.

⁴⁵ Кривошеина 1928; Шестаков 1928 (а); Сидоров 1928; Кин 1928.

⁴⁶ Полонский 1928.

⁴⁷ Кривошеина 1928.

скоро порывает со всеми ее традициями. Далее следует противопоставление классика былых времен В.О. Ключевского «пытающегося приспособить буржуазно-помещичью теорию своих учителей» к нуждам и потребностям растущей буржуазии» и классика настоящего времени – М.Н. Покровского, рассматривающего исторический процесс с точки зрения пролетариата»⁴⁸. В первом случае классик дореволюционной науки характеризуется как блестящий эклектик, который дополнил и развил некоторые стороны теории государственной школы. Классик науки пролетарской, марксистской – как создатель принципиально нового видения исторического процесса, методологической основой его является материалистическое понимание истории и диалектический метод⁴⁹. Важнейшей заслугой Покровского авторы статей считают «вскрытие классовых пружин, толкавших русский исторический процесс»⁵⁰. Особо выделяют сформулированную Покровским теорию торгового капитализма – «с выяснения роли торгового капитала русская история получила свой стержень»⁵¹.

В классикализации Покровского прочитывается еще один ценностный момент, характеризующий изменения в «этосе» науки – актуализация популяризаторской, пропагандистской функции ученого. Для авторов юбилейных публикаций и выступлений, значение Покровского состоит и в том, что он несет науку в массы, тексты его образны, художественны, остры, понятны широкой аудитории. Из-под его пера «волшебным образом расцветают, словно цветы художественно-научного порядка, одна блестящая статья за другой». Популяризация имманентно присуща науке как социокультурной системе, на рубеже XIX–XX вв. в связи с научной революцией и переходом к массовой науке наблюдается популяризаторский всплеск. В рамках советской цивилизации этот всплеск был усилен таким фактором, как концептуальная установка на замену религиозных верований абсолютной верой в науку⁵². Такую культурную практику нельзя оценивать как безусловно положительную, стоит учитывать ее неоднозначные последствия: с одной стороны, происходит повышение статуса науки в обществе, с другой – неизбежно ее упро-

⁴⁸ Сидоров 1928.

⁴⁹ Сидоров 1928.

⁵⁰ Кривошеина 1928.

⁵¹ Сидоров 1928.

⁵² Абрамов 2013. С. 161-177.

щение, приспособление к «профанному» сознанию, что, в условиях «тотальной популяризации» может внести серьезные изменения в критерии истины и верификации полученных знаний.

В юбилейный ритуал чествования ученого обычно включались приветствия от различных научных институций. В случае с Покровским наряду с такими учреждениями, как Институт Ленина, Президиум коммунистической академии, Секция международного права I МГУ, обязательные приветствия поступали и от властных структур – от Московского Комитета ВКП(б), Московского Совета РК и КД, от председателя ЦИК Грузинской ССР Филиппа Махарадзе, а также от редакций «Правды» и «Известий», от некоторых партийно-государственных деятелей, например, Емельяна Ярославского и Н.И. Бухарина. Поздравления были как официально-казенными, так и лично и эмоционально окрашенными, с включением собственных воспоминаний о революционной молодости, и даже стихотворными.

«Известия» сообщают о юбилейных торжествах в вузах, научно-исследовательских учреждениях, сопровождающихся открытием выставок в ряде учебных заведений, в Музее Революции и Центрархиве. Заключительное заседание, посвященное шестидесятилетию М.Н. Покровского, состоялось 3 ноября в Институте Красной профессуры. Как видим, сценарий коммеморации объединял ритуалы академической культуры с ритуалами партийных форумов. Конструирование нового классика и вознесение его на Олимп исторической науки было одновременно и презентацией нового этоса науки, отражавшего «субкультуру партийности», которая проявлялась не только в церемониях, но и в «идеологической и организационной дисциплине, «строгой иерархии во главе с наднаучными инстанциями»⁵³.

Вышел, как и планировалось, юбилейный номер «Историка-марксиста»⁵⁴. Покровскому посвящены 4 статьи: А.В. Шестакова «М.Н. Покровский – историк-марксист к 60-летию с[о] дня его рождения», Д. Кина «М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции», П. Горина «М.Н. Покровский как историк первой русской революции», Н. Рубинштейна «М.Н. Покровский – историк внешней политики»⁵⁵. Здесь же помещена краткая биография

⁵³ См. об этом подробнее: Гордон 2009. С. 72-119.

⁵⁴ Историк 1928.

⁵⁵ Анализ этих работ дан в монографии: Юрганов 2011. С. 26-32. Нас же эти статьи интересуют в ином ракурсе, как показатель классикализации в профессиональном поле историка, как новая культурная практика.

историка, представлены материалы библиографии. Для авторов публикаций, а они все выпускники ИКП, Покровский – «живое олицетворение пути развития нашей марксистской исторической мысли»⁵⁶, он осуществляет мастерскую экспликацию марксистских социологических схем на русский исторический процесс. Его оценка роли торгового капитализма в истории России, развития революционного движения, первой русской и Октябрьской революции принимается авторами как последнее слово марксистской науки. То же можно сказать и о классовой инкриминации, герменевтике подозрения в отношении «буржуазной» и «мелкобуржуазной историографии» (Рожков, меньшевики), педалируемой Покровским. Как марксистский новатор он рассматривается и в области внешней политики – «отбросил великодержавную схему буржуазной историографии и впервые рассмотрел историю колониальной политики России»⁵⁷. С классиком не спорят, хотя «красные профессора» признают право учителя на самокритику. «Разработка русской истории М.Н. Покровским... в основном сделана мастерски. Лишь только ее отдельные моменты, в связи с появлением новых материалов, потребовали некоторых уточнений, – отмечает А.В. Шестаков и заканчивает этот пассаж словами самого Покровского: «Наука истории движется и я с нею»⁵⁸.

Классикализация фигуры Покровского безусловно связана с активной ролью его учеников, как представителей новой марксистской науки, стремящихся к собственной легитимации, и с интенциями власти, ее заинтересованностью в фигуре революционера и пропагандиста, создателя нового исторического образа страны на этапе расчистки властного пространства, разрушения прежнего государственного порядка. Изменившиеся политические условия вскоре приведут к деклассикализации фигуры Покровского, хотя игроки на этом поле окажутся теми же – власть и ученики, правда в последнем случае колода перетасуется и, как нам известно, с весьма трагическими последствиями. Но эти сюжеты достаточно подробно описаны в современной историографии⁵⁹.

Итак, «практика классикализации в оформляющейся новой советской науке разворачивается главным образом в рамках той

⁵⁶ Шестаков (б). С. 10.

⁵⁷ Рубинштейн 1928. № 9. С. 66.

⁵⁸ Шестаков (б). С. 15.

⁵⁹ См.: Артизов 1994. С. 34-48; Осадченко 2005. С. 449-557; Тихонов 2016. С. 33-38; Дубровский 2017. С. 99-111; Брачев 2015. С. 20-26; Брачев 2008. С. 33-54 и др.

модели, которую мы назвали разрушительной. На зачищенном пространстве появляются новые классики, пример тому – место М.Н. Покровского на историографическом Олимпе и признание его таковым в ближайшем окружении, правда, на весьма короткий срок. Постепенно пантеон историков пополнится именами представителей освободительного движения, основоположниками марксизма-ленинизма, включая – на определенный период – и И.В. Сталина, как «корифея всех наук», но это произойдет несколько позже и получит свое закрепление в учебниках и учебных пособиях по историографии⁶⁰. Наряду с этой моделью, которая была определяющей для Покровского и его сторонников, можно отметить и существование гибридной модели классикализации, в которой наличествовали черты и разрушительной, и присваивающей. Последнее в большей степени отражало такую норму мертоновского этоса, как организованный скептицизм и нацеленность на поиск истины. Присваивающий подход в наибольшей степени применялся в отношении историков эпического масштаба – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, ведущей мотивацией деятельности которых признавалась, хотя и с неизбежными марксистско-советскими оговорками, профессиональная самореализация, стремление к научному познанию.

«Тихая оппозиция»: академическая традиция классикализации

В противовес громкому историографическому мейнстриму традиция классикализации по уже сложившимся в дореволюционный период критериям, носящим часто невербализированный характер, сохраняется. Она выступает как неотъемлемая процедура историографического анализа – репрезентация выдающихся деятелей исторической науки и их трудов, их методического и методологического инструментария в контексте развития мировой и отечественной науки, складывания научных школ и социальных запросов, что отражало «многоуровневый подход к пониманию процесса развития исторического познания»⁶¹.

Трансляция этой традиции была существенно затруднена ввиду ликвидации исторических факультетов в высших учебных заведениях страны и ограниченного доступа старой профессуры к преподаванию в новых учебных заведениях, таких как, к примеру, ИКП, закрытию ряда профессиональных журналов, бывших важными коммуникативными площадками профессиональных

⁶⁰ Корзун 2020. С. 78.

⁶¹ Сидоров 1998. С. 13; Груздинская 2020.

историков. Тем не менее в первое послереволюционное десятилетие представители «старой школы» читали историографические курсы, издавали учебные пособия. Так, в литературе упоминаются курсы С.В. Рождественского «Русская историография от Карамзина до новейшего времени», прочитанный в 1919–1920 учебном году студентам Петроградского университета, А.А. Кизеветтера «Общие построения русской истории в русской историографии», прочитанный в это же время в Московском университете, А.Е. Преснякова по историографии, читанный на архивно-археологическом отделении Археологического института в 1919–1921 учеб. годах⁶². В 1923 г. вышел труд В.И. Пичеты «Введение в русскую историю (Источники и историография)»⁶³, в котором был представлен сложившийся на начало века пантеон классиков. Никакой классовой инкриминации в этом тексте не просматривается, оценивается вклад историков в разработку конкретной проблематики по истории России, анализируются теоретические основания концептуальных построений, а институциональное строение науки представлено через призму научных школ. Для второй половины XIX – начала XX в. в оценках историографии Северо-восточной Руси особое место отведено Ключевскому и его школе, его ученикам. Даже жупел становящейся советской историографии, эмигрант Милоков, характеризуется Пичетой как «автор ряда блестящих работ по русской истории», «многогранный исследователь разнообразных областей русского исторического прошлого, хорошо знакомый с методами западноевропейской исторической науки», он «всегда конкретен и обоснован в своих выводах»⁶⁴. Представляя «новую историческую школу» в Петербурге, В.И. Пичета дает высокую оценку А.С. Лаппо-Данилевскому, подчеркивает его вклад в разработку проблем истории России XVII–XVIII вв., «глубокую оригинальность» в решении «философско-исторических и методологических вопросов»⁶⁵. Демонстрируя объективность, историзм и следование критериям научности, он в качестве нового направления в развитии исторической мысли выделяет «Школу исторического материализма» к которой причисляет М.И. Туган-Барановского, В.И. Ильина, Н.А. Рожкова, М.Н. Покровского, Н.М. Никольского, Г.В. Плеханова⁶⁶. Ком-

⁶² Сидоров 1998. С. 13; Груздинская 2020. С. 43.

⁶³ Пичета 1923. С. 151–157.

⁶⁴ Пичета 2023. С. 152.

⁶⁵ Пичета 1923. С. 160.

⁶⁶ Пичета 1923. С. 173.

плимента удостаивается и сам М.Н. Покровский: «Особого внимания, – замечает автор «Введения...», заслуживает его «Русская история, написанная в сотрудничестве с Н.М. Никольским. Это сочинение – первая попытка дать с марксистской точки зрения, и притом очень удачно задуманная и прекрасно выполненная, в которой постоянно чувствуется живая, тонкая мысль и большой мастер исторического исследования»⁶⁷. И это в том же 1923 г., когда в работах Покровского прочитывается призыв к борьбе на «историческом фронте». Пичета ставит в один ряд «буржуазных» и советских историков, отмечает связь Покровского с историографической традицией: автор «очень сильно связан с предшествующей историографией, с выводами и наблюдениями, с которыми ему приходится считаться». Тем самым Пичета подчеркивает, что для него на первом плане – профессионализм, вклад историка в осмысление исторического процесса, его ремесло.

В основном различные формы присутствия прежней традиции классикализации в 1920-е гг. обнаруживаются в рамках либо академических институций (Комиссия по истории знаний (КИЗ), Археографическая и Постоянная историческая комиссия), либо на страницах профессиональных журналов, таковым стал на непродолжительный срок «Русский исторический журнал», издаваемый с 1917 по 1922 г. В это же время выходят в свет ряд мемориальных сборников и статей, посвященных как здравствующим «буржуазным» историкам⁶⁸, так и уже ушедшим из жизни⁶⁹. Такой «коммеморативный всплеск» может быть понят как дань традиции, как ответ на низвержение «старых классиков» и классовый подход к историографии, как способ самоидентификации в новых социально-политических реалиях.

В этом плане весьма показательна шестая книга «Русского исторического журнала» 1920 г., посвященная памяти А.С. Лаппо-Данилевского. В ней представлены статьи и воспоминания о нем и научные работы по проблематике исследований историка, и в т.ч. сохранившиеся фрагменты его последнего труда – «Очерка русской историографии», а также список трудов ученого и список лекций и практических занятий в Петроградском университете,

⁶⁷ Пичета 1923. С. 176.

⁶⁸ Из далекого 1923.

⁶⁹ Пресняков (в) С. 166-172; Платонов 1922. С. 225-228; Тхоржевский 1921. С. 152-179; Голубцов 1922. С. 178-202; Пресняков (б) С. 203-224; 1919. С. 521-523; Симонов 1921. С. 115-120; Пичета 1923. С. 151-157; 1922 (а); Вернадский 1919. С. 156-160; Греков 1919 С. 148-156 и др.

проводимых им в течение почти тридцати лет. В статьях его коллег, друзей и учеников Лаппо-Данилевский вписывается в культурный мир эпохи и «серебряного века русской науки». В наибольшей мере это отражено в статьях И.М. Гревса и С.Н. Валка⁷⁰. Соглашаясь с мнением Д.В. Боднарчук, что в этих статьях, собственно, и был достаточно полно представлен образ историка и его сфера деятельности, не могу полностью принять ее вывод о том, что к тому времени не было возможным давать «строгую научную оценку трудам покойного. Это было время переживания понесенной утраты, усиливавшееся общим настроением в русской науке и государственной жизни»⁷¹. Предшествующая оценка трудов историка по случаю 25-летия его научной деятельности (1915), вкуче с изданием мемориального сборника 1920 г., позволяет говорить о классикализации его имени. Реакция М.Н. Покровского и В.И. Невского на издание «Методологии истории» в 1923 г. это подтверждает: классик буржуазной историографии, его труд ничего нового не представляет, своего рода «болото идеализма», но в «книге можно найти богатейшую литературу вопроса, с которой бесполезно познакомиться каждому работающему в области истории»⁷².

Линию на меморизацию представителей дореволюционной науки последовательно проводит Комиссия по истории знаний, созданная в 1921 г. и продолжившая науковедческую традицию, заложенную несколькими годами ранее Комиссией по изданию сборника «Русская наука». Драматическая судьба Комиссии и ее юбилейные действия подробно освещены в современной историографии. Активное участие в деятельности КИЗ принимали И.Ю. Крачковский (зам. председателя в 1926–1929 гг.), А.И. Андреев, Т.И. Райнов, С.Ф. Платонов, С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, О.А. Добиаш-Рождественская, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье, Д.М. Петрушевский и др. С точки зрения классикализации представляет интерес совместное заседание КИЗ и Археографической комиссии 28 февраля 1929 г., приуроченное к 10-летию со дня кончины А.С. Лаппо-Данилевского. Упоминание об этом событии и перечень докладов мы находим у многих современных авторов, опубликован и Отчет о деятельности КИЗ за 1929 г.⁷³,

⁷⁰ Гревс С. 44-81; Валк С. 189-199.

⁷¹ Боднарчук 2019. С. 218.

⁷² Цит. по: Ростовцев 2004. С. 244.

⁷³ Отчет 1930. С. 245-247. Републикация в кн.: Смагина 2020. С. 640-642.

но, к сожалению, тексты самих докладов не обнаружены. Это заседание было последним публичным чествованием заслуг историка в советский период: имя А.С. Лаппо-Данилевского в анналы исторической науки вернется только в 1994 г.

А вот отношение к другому низвергнутому классику, Н.М. Карамзину, на какое-то время принятому советской властью, представлено в новейших публикациях В.С. Груздинской. Речь идет о докладе С.Ф. Платонова «Карамзин – историк», прочитанном на торжественном заседании Академии наук в июне 1926 г., посвященном столетней годовщине со дня смерти автора «Истории государства Российского»⁷⁴. В докладе С.Ф. Платонова явно прочитывается оппозиция оценкам Карамзина, наличествующим в работах М.Н. Покровского, хотя ни сам Покровский, ни его работы не упоминаются. Согласимся с предположением автора комментария к публикации, что это была стратегия профессионального выживания в сложившихся условиях – «не упоминать советских / марксистских авторов в историографических обзорах. Таким приемом пользовался также Н.И. Кареев»⁷⁵, В.С. Груздинская ссылается на работу историка «Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)». Карамзин представлен Платоновым в трех интеллектуальных срезах: Карамзин-историк, Карамзин-литератор, Карамзин-политик. Раскрывая эти этапы творческого пути, С.Ф. Платонов, по существу, объясняет, кто такой классик историографии и почему его имя является постоянным раздражителем научного сообщества. Несмотря на битвы «за Карамзина» и «против», по Платонову, неоспорим его вклад в создание монументальной картины русской истории, то есть национального нарратива в современной нам терминологии, историк фиксирует мощный культурный и эстетический резонанс карамзинской истории, широкое восприятия его труда за пределами научной аудитории – это то, что делает текст классическим, по определению Питера Байера. Литературные «достоинства («Истории государства Российского» – В.К.) в соединении с ученым аппаратом обратили ее в небывалое явление Русской общественности»⁷⁶. Он мягко, корректно противопоставляет классовому подходу социальную обусловленность исторического знания и

⁷⁴ Доклад обнаружен в личном фонде М.Н. Покровского (Ф. 1759. Оп.5. Д.63. Л 1-30) в Архиве Российской академии наук и недавно опубликован с комментариями В.С. Груздинской в кн.: Волошина 2020. С. 318-334.

⁷⁵ Груздинская (6). С. 319.

⁷⁶ Платонов 2020. С. 332.

ориентацию на поиск истины: «Сын своего века, представитель своего сословия, Карамзин мыслил и говорил, как дворянин конца XVIII столетия. Но в нем наибольшую силу имели не словесные инстинкты, а стремления к безусловной истине, к общему добру... На трудах Карамзина все мы в свое время учились тому, как честно следует работать историку. Не лишним будет заметить, что и в настоящее время многие могли бы не без пользы этому поучиться именно у Карамзина»⁷⁷.

Однако вскоре и эта «тихая» оппозиция классовому подходу и практикам разрыва традиций станет практически невозможна не только в связи с сужением пространства внимания для представителей дореволюционной генерации историков, благодаря новой институциональной политике, марксизации науки, но и в связи с «академическим делом», высылкой ее представителей за пределы столиц и отлучением от профессии. Процесс «назначения в кумиры» становится более регулируемым, тесно сопряженным с политической борьбой.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абрамов Р.О. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // *Время, вперед! Культурная политика в СССР / Под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М., 2013. С. 161-177.*
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // *Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34-48.*
- Боднарчук Д.В. Коммеморации, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому // *Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 188-208.*
- Брачев В.С. Историк Золман Борисович Лозинский (1898–1936) // *Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 20-26.*
- Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // *Terra Humana. 2008. № 2 (7). С. 33-54.*
- Бухарин Н. Профессор с пикой // *Правда. 1928. 25 октября. № 249.*
- Валк С.Н. Воспоминание ученика. (Прочтено в историческом кружке при Петроградском университете на собрании, посвященном памяти А.С. Лаппо-Данилевского. Характеристика семинария по дипломатике) // *Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920. С. 189-199.*
- Вернадский Г.В. А.С. Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века // *Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 156-160.*
- Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. 336 с.

⁷⁷ Платонов 2020. С. 334.

- Голубцов С.А. Теоретические взгляды В.О. Ключевского (1911 – 12 мая 1921) // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 178-202.
- Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с.
- Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920. С. 44-81.
- Греков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 148-156.
- Груздинская В.С. (а) Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Омск. 2020. 281 с.
- Груздинская В.С. (б) О работе С.Ф. Платонова «Н.М. Карамзин» // Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск, 2020. С. 318-319.
- Демина Н.В. Концепция этоса науки. Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 17-41.
- Дубровский А.М. Власть и историческая наука в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 662 с.
- Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле, Платонов и их школы. М.; Л.: Соцэкгиз. 1931. 240 с.
- Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетней научной жизни Н.И. Кареева. Петроград; Москва: Мысль, 1923. 304 с.
- Историк-марксист. 1928. № 9. 252 с.
- Кизеветтер А.А. Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. I. Труды Института красной профессуры // Современные записки. Париж, 1931. № 46. С. 517-518.
- Кин Д. Историк пролетарской революции // Правда. 1928. 25 октября. № 249.
- Киреева Р.А. Слово о Ключевском // Ключевский. Сборник материалов. Вып. I. Пенза. 1995. С. 132-140.
- Корзун В.П. Пантеон классиков в советской историографии: меняющийся этос науки (1920 – начало 1930-х гг.) // Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII – начала XXI в. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. С. 55-78.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 257-273.
- Кривошеина Евг. Воинственный историк-большевик // Известия. 1928. 25 октября. № 249.
- Лидак О.А. П.Н. Милоков как историк // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. II. Труды Института красной профессуры. М., 1930. С. 121-214.
- Лозинский З. Историк великодержавной России С.М. Соловьев // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / Ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. I. Труды Института красной профессуры. М., 1930.
- Луначарский А.В. Юбилар // Известия. 1928. 25 октября. № 249.

- Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11-28.
- Нечкина М.В. В.О. Ключевский // *Русская историческая литература в классическом освещении: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Покровского*. Т. 2. М., 1930. С. 215-350.
- Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука. 1974. 635 с.
- Осадченко Б.А. Историк в эпоху «большого террора». Борьба с концепцией М.Н. Покровского // *Очерки по истории исторической науки XX века: монография / Под ред. В.П. Корзун*. Омск, 2005. С. 449-557.
- От Комитета об ознаменовании шестидесятилетия М.Н. Покровского // *Известия*. 1928. 30 августа, № 201.
- Отчет о деятельности АН СССР в 1929 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 348 с.
- Пионтковский С.А. Борьба М.Н. Покровского с российской буржуазной историографией // *Историк-марксист*. 1932. № 6. С. 85-99.
- Пионтковский С.А. (а) Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.
- Пионтковский С.А. (а). Великодержавные тенденции в историографии России // *Историк-марксист*. 1930. № 17. С. 21-26.
- Пионтковский С.А. (б). Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // *Историк-марксист*. 1930. № 18-19. С. 157-171.
- Пионтковский С.А. Историография крестьянских войн // *Историк-марксист*. 1933. № 6. С. 80-119.
- Пионтковский С.А. (б). Что читать по истории России. М., 1931.
- Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1923. 205 с.
- Платонов С.Ф. К.Н. Бестужев-Рюмин // *Русский исторический журнал*. Кн. 8. Пг., 1922. С. 225-228.
- Платонов С.Ф. Н.М. Карамзин // Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 320-334.
- Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, прочитанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3–7 мая 1923. Петроград: Прибой, 1923.
- Покровский М.Н. Курс русской истории проф. В. Ключевского // *Правда*. 1904. Март.
- Покровский М.Н. О книге А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып. I // *Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов*. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 97-104.
- Полонский Вяч. М.Н. Покровский как художник слова // *Известия*. 1928. 25 октября. № 249.
- Пресняков А.Е. (а). Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. 95 с.
- Пресняков А.Е. (б). В.О. Ключевский (1911–1921) // *Русский исторический журнал*. Кн. 8. Пг., 1922. С. 203-224.
- Пресняков А.Е. (в). Н.К. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // *Дела и дни*. 1922. Кн. 3. С. 166-172.
- Пресняков А.Е. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского // *Исторический архив*. 1919. Кн. I. С. 521-523.
- Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.

- Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. 2013. № 12 (84). С. 23-28.
- Рубинштейн Н. М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 58-78.
- Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. II. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.
- Русская историческая наука в классовом освещении. Сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Т. I. Труды Института красной профессуры. М.: Изд-во Комакадемии, 1927.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Введение: должны ли ученые общаться с призраками? // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение. 2009. С. 5-8.
- Савельева И.М. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 294-331.
- Сидоров А. М.Н. Покровский и русская история // Правда. 1928. 25 октября. № 249.
- Сидоров А.В. Теоретико-концептуальные проблемы историографии на страницах научной периодики России первой половины 1920-х годов // История и историки: историографический вестник. 2001. М., 2001. С. 11-40.
- Симонов И.С. В.О. Ключевский. К десятилетней годовщине со смерти 1911–1921 // Педагогическая мысль. 1921. № 5-8. С. 115-120.
- Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Отв. ред. член-корр. РАН Ю.М. Батулин. СПб.: «Росток», 2020. 672 с.
- Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 321-340.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Тихонов В.В. Историографические исследования М.В. Нечкиной 1920-х гг.: освоение традиции и экспериментальные поиски // Советская гуманитаристика. Мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. Сб. статей М.: РГГУ, 2020. С. 77-114.
- Тхоржевский С.И. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. Кн. 2. Пг., 1921. С. 152-179.
- Фриче В. Творец пролетарской культуры // Известия. 1928. 25 октября. № 249.
- Шестаков А. (а). Пролетарский историк М.Н. Покровский // Известия. 1928. 25 октября. № 249.
- Шестаков А.В. (б). М.Н. Покровский – историк-марксист (К 60-летию с[о] дня его рождения) // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 3-17.
- Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII – начала XXI в.: коллективная монография / Ю.Б. Дроботенко, Л.М. Карпова, В.П. Корзун, Н.Г. Краснойрова, Н.С. Макарова, М.К. Чуркин, Н.И. Чуркина. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. 136 с.
- Юрганов А.Л. Русское национально государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Korzunv@mail.ru

**Appointment in idols: classicalisation practices
in the soviet historians community (1920s – mid 1930)**

This article examines the problem of the ethos of the scholars community of historians through the practice of classicalization in Soviet historiography of the 1920s – mid 1930s. We can speak about two main models of classicization: destructive model and appropriating model. Author also noted the existence of a hybrid model combining the features of each of the two above, and reveals the main forms of classicalization and declassicalization. On the example of the celebration of the sixtieth anniversary of M.N. Pokrovsky reveals the role of commemoration in the revision of the pantheon of the classics of Russian historiography, in the broadcast of the new ethos of science. Commemoration among historians of the "old school" is presented as a "quiet alternative" to the new conventions.

Key words: ethos of science, R. Merton's concept, Soviet historiography, professional self-identification, pantheon of classics of historiography, classicalization and declassicalization, proletarian historical science, academic anniversary, M.N. Pokrovsky

Valentina Korzun, Dr. Sc. (History); Professor, Leading Researcher, Omsk State University F.M. Dostoevsky; Korzunv@mail.ru

И.Г. ВОРОБЬЕВА

БИОГРАФИИ СЛАВИСТОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ ТВЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Российское славяноведение на протяжении последних десятилетий успешно развивалось на основе создания и публикации биографий ученых-славистов. Важнейшими центрами биографических разысканий стали кафедра истории южных и западных славян МГУ и Институт славяноведения РАН. Наряду с ними возникли и другие, прежде всего в университетах Санкт-Петербурга, Воронежа, Саратова. 30 лет назад в Твери был издан сборник «Биография исследователя как жанр славистики», положивший начало монографическим публикациям и диссертационным исследованиям по историографии славяноведения. С позиций современных подходов интеллектуальной истории необходимо детализировать и переосмыслить их, увидеть возможности исторической биографии как средства исторического познания.

Ключевые слова: *историческая биография, биографика, Тверь, славяноведение*

История изучения и исследования славянских народов в Твери (с 1931 по 1990 г. Калинин) связана с открытием на базе педагогического института в 1971 г. университета. В учебную программу исторического факультета вошла дисциплина «История южных и западных славян», требовавшая подготовленного специалиста, имевшего опыт исследовательской работы. Таким оказался М.М. Фрейденберг (1924–2008), избранный по конкурсу на кафедру всеобщей истории на место уехавшего в Москву медиевиста А.Я. Гуревича. В 1971 г. М.М. Фрейденберг защитил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР докторскую диссертацию на тему «Далматинский город и его сельская округа в XIII–XIV вв.» и опубликовал монографию. Профессор М.М. Фрейденберг разработал курс лекций и практических занятий по истории южных и западных славян, поставил специальные курсы по славянской истории, руководил дипломными работами, а с конца 1970-х гг. – аспирантскими диссертациями. В 1975 г. под его руководством мной была защищена дипломная работа по социально-политической истории Дубровницкой республики, в 1983 г. в Ленинградском университете – кандидатская диссертация «Социально-политическая структура далматинских городов под властью Венеции в XV–XVII вв.», в 2000 г. в МГУ – докторская диссертация «Славянство в научно-педагогической и общественной деятельности

Н.А. Попова». В процессе работы с 1975 г. на историческом факультете Тверского госуниверситета мне удалось участвовать во многих научных проектах, в том числе по исторической биографии славистов. Полагаю, что у меня есть основания проанализировать формирование и развитие сообщества славистов в Тверском университете с помощью применяемого в антропологии метода включенного наблюдения.

Первый коллективный проект тверских исследователей, связанный с изучением славянских народов, был реализован в 1978 г., когда под редакцией М.М. Фрейденберга, заведующего вновь созданной кафедры истории древнего мира и средних веков, вышел первый межвузовский тематический сборник по истории Балкан в Средние века. В нем публиковались статьи по истории южных славян сотрудников кафедры, приглашались исследователи из Москвы, Петербурга, Саратова, Воронежа. Всего было издано 12 сборников.

В 1988 г. вышел первый сборник по славянской историографии «П.А. Ровинский (1831–1916) и его время», посвященный столетию выхода книги этого автора «Черногория в ее прошлом и настоящем». Над проектом в течение нескольких лет работали студенты и преподаватели исторического факультета, сотрудники академических институтов. М.М. Фрейденберг разработал и прочитал специальный курс «Из истории отечественной славистики: жизнь и деятельность П.А. Ровинского», опубликовал совместно с Л.А. Котлярской учебное пособие «Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский в Черногории». Значимым подспорьем в той работе стала Научная библиотека университета, имеющая коллекцию дореволюционных книг и журналов, таких, как «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения» и др., содержащих источники для биографии ученых-славистов. В то время чтение научной литературы без необходимости поездок в столицы серьезно экономило время для исследовательской работы нашего сообщества славистов.

Изучение трудов П.А. Ровинского, его общественной и научной деятельности привлекло внимание к биографиям его современников. Началась работа над новым проектом, первые результаты которого и дальнейшие перспективы требовалось обсудить с коллегами. С этой целью в мае 1988 г. был проведен colloquium с приглашением сотрудников Института славянове-

дения и балканистики АН СССР и МГУ. В конце 1991 г. на основе прочитанных и переработанных докладов вышел сборник «Биография исследователя как жанр славистики».

Обращу внимание на то, что сборник готовился к печати после отъезда в Израиль в апреле 1990 г. М.М. Фрейденберга и подписан в печать 30 августа 1991 г., в новой политической ситуации в СССР. Калининский университет уже переименовали в Тверской университет, при историческом факультете была создана новая исследовательская структура – «Сектор исторической славистики».

В сборник «Биография исследователя как жанр славистики» вошли девять авторских статей. С программной статьей выступил доктор исторических наук В.А. Дьяков (1919–1995), являвшейся в то время председателем Международной комиссии по истории славистики, руководителем Сектора историографии и научной информации Института славяноведения и балканистики АН СССР, автором работ о деятелях польского освободительного движения. В статье «Биографистика в истории славяноведения: современное состояние и перспективы развития» В.А. Дьяков сформулировал важные теоретические положения и практические рекомендации, которые в дальнейшем развивались, аргументировались и реализовывались историками науки. Ученый предложил «легализовать» понятие «историческая биографистика», употребляемое в научной литературе и публицистике, и утверждал, что «полезность понятия... дает возможность выделить из общего потока и глубже изучить одну из разновидностей тех работ, которые давно существуют в широко понимаемой историографии»¹. В.А. Дьяков разъяснял, что «биографический жанр, уместный при освещении любых сторон исторического процесса, особенно плодотворен тогда, когда речь идет о духовной жизни, в которой на первый план естественно выдвигается индивидуальное творческое начало». Он был убежден, что «наука индивидуализирована больше, чем многие другие сферы человеческой деятельности»².

Предложенный термин «биографистика» в современном науковедении не прижился, более устойчиво понятие «биографика». О биографике как дисциплине гуманитарного цикла до публикации В.А. Дьякова писали А.Л. Валевский и И.Л. Белень-

¹ Дьяков 1991. С. 3.

² Там же: С. 15.

кий. Их работы обильно цитируются в монографии И.Ф. Петровской, рассмотревшей биографику как специальную историческую дисциплину с особым предметом изучения, методологией и источниковой базой³. В современной историографии возникло направление «Новая биографическая история», предлагающее «сосредоточить внимание именно на интерпретации поступков всех форм человеческой деятельности человека»⁴. Рассуждения В.А. Дьякова в конце 1980-х гг. во многом совпадали с принципами написания исторических биографий в современных формах, они вполне применимы к интеллектуальной истории в целом, хотя он не употреблял понятие «биографика».

Принципы написания биографии В.А. Дьяков изложил на примере составления первого в СССР биобиблиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России», изданного в издательстве «Наука» в 1979 г. тиражом 10000 экз. В нем он выступал как ответственный редактор при трех заместителях: С.Б. Бернштейн, А.Н. Горяинов, А.С. Мыльников. Последний вместе с В.А. Дьяковым стал автором вводной статьи – «Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России». Исходя из предложенных критериев, они выделяли два этапа, гранью которых были 1860–1870-е гг., когда стали заметны ведущие тенденции и особенности идейно-политического развития, общественной жизни, отразившиеся на биографиях славистов.

Словарь включал биографии лиц, связанных с историей и филологией славянских народов, и охватывал период с середины XVIII в. до 1917 г., в нем представлено около 400 имен. При отборе персоналий и подготовке статьи авторский коллектив рассматривал «место данного лица в исторической науке», от этого зависел объем статьи. Со временем такой подход начал вызывать критику, распределение по местам не имело четких критериев, но в то же время биограф того или иного слависта мог расширить свое исследование, найти связь между учеными и научными школами, методологическими направлениями.

Словарную статью В.А. Дьяков разделил по содержанию на две части. Первая включала общие биографические сведения: даты рождения и смерти, место рождения, сословное и имущественное положение, род занятий родителей, сведения о получе-

³ Петровская 2003.

⁴ Репина 2011. С. 324.

нии образования, краткое описание научной карьеры, характеристику политических позиций и участия в общественной жизни. В.А. Дьяков настаивал, что наиболее важна по содержанию вторая часть статьи, несущая максимальную исследовательскую нагрузку, характеризующая научную деятельность слависта и позволяющая определить научный вклад, внесенный в разработку той или иной проблематики. Он предлагал при «характеристике мировоззрения и методологии ученого не останавливаться на общих оценках, но указывать конкретные идейные направления или школы, к которым был близок ученый, а также специфические черты, присущие его взглядам». При изложении концепции ученого и результатов исследования необходимо было отметить соответствие или несоответствие современным представлениям, указать, когда и кем опровергнуты или поддержаны соответствующие выводы. Изложенная В.А. Дьяковым структура словарной статьи стала как бы матрицей для всех последующих авторов написания биографий славистов. Это подтверждает текст статьи сотрудницы Института славяноведения Е.П. Аксеновой, посвященной биографии публициста из российского демократического лагеря С.С. Шашкова и опубликованной в тверском сборнике⁵.

В.А. Дьяков охарактеризовал и другие вышедшие в СССР и славянских государствах библиографические словари, необходимые при составлении научной биографии слависта. Считая, что энциклопедии и словари не только облегчают исследовательскую работу и учебную работу, но и хорошо аккумулируют знания, постепенно накапливаемые наукой, он обратил внимание на возможности биограмм. Их информация выверена в словарях и определенным образом формализована, поэтому является «хорошей основой для статистических подсчетов и обобщающих выводов относительно численности и качественного состояния как научных, так и педагогических кадров в славяноведении». Важной задачей, по его мнению, должно стать увеличение числа монографий и статей биографического характера, «проведение систематической работы по тщательному изучению творческого наследия наших предшественников на научном поприще».

Тверской сборник «Биография исследователя как жанр славистики» следовал этому пожеланию. Все представленные статьи были самостоятельными и оригинальными исследованиями.

⁵ Аксенова. С. 42–53.

К участию в сборнике была приглашена профессор МГУ Людмила Павловна Лаптева (1926–2016) – автор обобщающих исследований по истории славяноведения. Она читала специальные курсы, наши аспиранты как вольнослушатели принимали в них участие. Ее методы работы по написанию биографии ученого несколько отличались от работы коллег из Института славяноведения. Л.П. Лаптева настаивала, что прежде чем охарактеризовать научное творчество ученого, следует тщательно изучить его личные документы, фонд университета, где он учился и преподавал, установить научные контакты, особенно с зарубежными славистами. Л.П. Лаптева дотошно перепроверяла формулярные списки, протоколы советов, отчеты факультетов, выясняла точные даты рождения, защиты диссертаций, времени нахождения в научных командировках и т.д. Она разработала для себя структуру текста биографии слависта и следовала ей неукоснительно. В 1988 г. она опубликовала обширную статью о преподавании славяноведения в Московском университете, из которой позднее выросла ее двухтомная монография, изданная уже в начале XXI в. и включившая десятки биографий славистов.

Для тверского сборника Лаптева предложила статью «Историк-славист Николай Владимирович Ястребов (1869–1923)», написанную по материалам из архивов Чехословакии, где историк скончался в эмиграции. Обширная статья сообщала основные вехи научной и профессорской карьеры Н.В. Ястребова, каждая дата и факт подкреплялись ссылкой на документ. Лаптева ставила цель исправить ошибки и неправомерные оценки, встречающиеся в литературе. Называя главные труды историка, она давала им краткую оценку, в то же время не вписывала в контекст научных школ, ограничиваясь ссылками на свои прежние публикации по историографии гуситского движения.

Молодые тверские исследователи последовали примеру Лаптевой и обратились к изучению архивных материалов. Так, Е.А. Макарова обследовала личные фонды слависта, профессора Московского университета Матвея Ивановича Соколова (1854–1906), хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Она же изучила сведения из личных фондов коллег Соколова, в частности из личного фонда В.И. Ламанского в Архиве АН. В 1991 г. Е.А. Макарова только начинала осваивать биографический метод, консультируясь с профессором МГУ Л.В. Гориной, известным болгаристом и автором мо-

нографии об историке Марине Дринове. Продолжая работу над изучением творческой биографии М.И. Соколова, Е.А. Макарова опубликовала ряд статей о научном пути слависта⁶ и успешно защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию⁷.

Статья О.Н. Хохловой была посвящена жизненному пути талантливого ученого и публициста, общественного деятеля Аполлона Александровича Майкова (1826–1902). Автор впервые вводила в научный оборот документы архивов Москвы, Петербурга, Владимира. Она предложила выделить три периода в творчестве А.А. Майкова как публициста и исследователя истории южных славян и национально-освободительного движения на Балканах, которое он поддерживал участием в благотворительных обществах. О.Н. Хохлова предприняла попытку охарактеризовать личность А.А. Майкова, понять его симпатии и антипатии, увлечения вне университетской среды. Позднее она развила этот сюжет, рассмотрев вопросы межличностного взаимодействия в преподавательской среде на примере длительных отношений А.А. Майкова с университетским профессором О.М. Бодянским⁸.

Опубликованные в сборнике статьи показали информативную ценность эпистолярного наследия славистов и трудности работы с письмами. Биография В.В. Качановского, практически неизвестная в славистике, была написана мной на основе переписки ученого с учителями и коллегами⁹. Проследив его научную и педагогическую карьеру, мне все же не удалось дать полную характеристику его личности, имеющейся информации оказалось недостаточно. К сожалению, мое исследование никто не продолжил, а я больше к этой теме не возвращалась.

С похожими трудностями столкнулся Ю.В. Пахомов (1958–2011). Работая над диссертацией о казанском слависте Н.И. Смирнове, он рассмотрел переписку ученого с издателем «Исторического вестника» С.Н. Шубинским. На ее основе Пахомов попытался определить в статье научные взгляды слависта, круг его чтения, общественные взгляды и даже некоторые черты личности. Но многое было высказано слишком прямолинейно, возможно, потому, что материалы архива Казанского университета, где преподавал Н.И. Смирнов, оказались недоступны автору. В дальнейшем Ю.В. Пахомов сосредоточился на анализе опубли-

⁶ Макарова 1995. С. 38–52; Макарова 2012. С. 72–86.

⁷ Макарова 1994.

⁸ Хохлова 2009: 48–56.

⁹ Воробьева 1991: 17–30.

ликованных трудов ученого, подготовил и защитил в 1994 г. в Институте славяноведения РАН кандидатскую диссертацию¹⁰. Он опубликовал несколько ярких статей о Н.И. Смирнове, его выводы о творчестве слависта процитированы в ряде современных работ, в том числе и казанских историков¹¹.

Статьи сборника показали значимость и в то же время сложность работы с перепиской ученых для составления биографического портрета. К письмам славистов как важному источнику биографии ученого мы вернулись, проведя в мае 1994 г. небольшую конференцию и пригласив к участию профессора Лаптеву и ее учеников. По итогам конференции был издан сборник¹², типографское качество которого было, к сожалению, очень низким, в отличие от качества самих текстов. Впоследствии большинство статей авторам пришлось опубликовать в несколько измененном виде в других изданиях.

В тверском сборнике 1995 г. Л.П. Лаптева впервые опубликовала с комментариями переписку О.М. Бодянского с чешскими учеными. О.Н. Хохлова предложила обзор эпистолярного наследия из фонда А.А. Майкова. О письмах из фонда В.И. Ламанского к М.И. Соколову писала Е.А. Макарова. О переписке В.И. Ламанского с Т.Д. Флоринским, хранящейся в архивах Украины, сообщила М.Г. Дубовик. И.В. Чуркина проанализировала письма И.А. Бодуэна де Куртене со словенскими учеными, А.В. Яхьева дала источниковедческую оценку переписки московских славистов А.Л. Дювернуа и Н.А. Попова. Письма и документы русских и чешских архивов для характеристики слависта А.Л. Петрова опубликовали с комментариями сотрудники Института славяноведения из сектора В.А. Дьякова – А.Н. Горяинов и М.Ю. Досталь. Судьбы советского славяноведения первой половины 1930-х гг. по письмам славистов рассмотрела Е.П. Аксенова.

Эпиграфом к сборнику были выбраны слова священника П.А. Флоренского из частного письма к В.В. Розанову: «Единственный вид литературы, который я признавать стал, – это ПИСЬМА. Даже в «дневнике» автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний вид писаний»¹³.

¹⁰ Пахомов 1994.

¹¹ Гибадуллина 2011.

¹² Переписка славистов...

¹³ Розанов 2010, Кн. 2. С. 614.

Учитывая эту особенность личных писем философа, исследователи эпистолярного наследия славистов, тем не менее, увидели и показали, что писались те письма неспешно. Молодой исследователь обдумывал свои вопросы, обращаясь к старшему коллеге, профессор отвечал ученику вдумчиво, обращался к официальному решению вопроса, например, в Совете университета, или пересказывая университетские конфликты, подбирая слова и выражения. Искренность писавшего письмо следовало проверять другими источниками.

Несомненно, что для создания полной биографии исследователю требовалось расширять источниковую базу, искать информацию о мотивации принятых решений в ситуации выбора, выяснять социокультурные условия творческого потенциала личности. Эти и другие вопросы рассматривались на научных конференциях, организованных сотрудниками Института славяноведения, участниками которых регулярно были тверские слависты. Как результат – защита кандидатских диссертаций по истории славяноведения с биографическим акцентом О.Н. Хохловой, Ю.В. Пахомовым, Е.А. Макаровой и докторской – И.Г. Воробьевой. Спецификой наших исследований стало пристальное и внимательное отношение к биографиям славистов, рожденных в Тверской губернии. Так, Е.А. Макарова обратилась к архивным материалам академика М.Н. Сперанского, опубликовав ряд статей¹⁴. Выяснились научные связи выпускника Тверской семинарии А.Д. Воронова – создателя книги о славянских первоучителях¹⁵.

Особое отношение сложилось к биографии выпускника Тверской гимназии, профессора Московского университета Нила Александровича Попова (1833–1892). Его богатый личный архив, книги и статьи по истории славянства, общественная и преподавательская деятельность неоднократно анализировались мною¹⁶. В биографическом словаре «Историки России» помещена статья о нем. Значимо, что Н.А. Попов и сам составлял биографии российских славистов, интерес представляет его метод работы с архивными документами¹⁷. Он же – автор первой биографии В.Н. Татищева; экземпляр этой книги с автографом Н.А. Попова хранится в Научной библиотеке Тверского государственного университета.

¹⁴ Макарова 1990. С. 44–56; Макарова 2011. С. 82–97.

¹⁵ Воробьева 1993. С. 6–11.

¹⁶ Воробьева 1999; Воробьева 2005. С. 21–41; Воробьева 2006. С. 29–41.

¹⁷ Воробьева 2009. С. 41–47.

Обращение к тверским архивам привело к открытию обширной переписки по изданию в 1880-е гг. рукописи Юрия Крижанича, находившейся в Тверской семинарии. Предварительные материалы были опубликованы И.Г. Воробьевой в вышеупомянутом сборнике 1995 г. В 2008 г. факсимиле рукописи, ее перевод на современный русский язык, а также история ее первой публикации были опубликованы к Празднику славянской письменности и культуры, который проходил в Твери в мае 2008 г. Это был значимый вклад тверских историков и филологов в историю российского славяноведения, высоко оцененный в научных изданиях¹⁸.

Обращение к тверским архивам позволило дополнить биографию профессора Петербургского университета И.А Шляпкина значимыми фактами¹⁹.

В XIX в. московские и петербургские слависты обращались в Тверь к государственному чиновнику, одному из создателей Тверского музея и первому председателю Тверской ученой архивной комиссии А.К. Жизневскому, чей личный архив сохранился довольно полно. Значительный интерес для науки представляют связи А.К. Жизневского с семейством академика Я.К. Грота, восстановленные на основе взаимной переписки, охарактеризованные и проанализированные в ряде статей²⁰. Архивный фонд его сына, слависта К.Я. Грота изучали Т.С. Ковыльникова и О.Н. Хохлова, попытавшиеся выяснить механизм формирования научной школы славистов Санкт-Петербургского университета. Они применяли разработанный Г.П. Мягковым биографический метод²¹, обратив внимание на отношения между преподавателями и студентами, которые, по их мнению, строились на «субъект-субъектной основе, когда обе стороны общались как равноправные участники образовательного процесса»²². Используя современную педагогическую терминологию, тверские исследователи увидели в представлении славистов идеальную модель межличностного взаимодействия в вузе на всех уровнях, мировоззренческие установки университетской интеллектуальной элиты не расходились с их жизненной практикой.

¹⁸ Аржакова 2008.

¹⁹ Воробьева 2009. С. 236–251.

²⁰ Воробьева. Штыков 2009. С. 149–165; Воробьева 2018. С. 17–33.

²¹ Мягков 2000.

²² Ковыльникова. Хохлова 2013. С. 189–198.

Понимание неразрывной связи между жизнью и творчеством ученого, между фактами психологической и интеллектуальной биографии стало яснее и четче во время участия в конференциях Российского общества интеллектуальной истории. Обсуждение докладов с коллегами-историками сформировало желание написать о российских славистах – наших современниках. В 2008 г. в Казани мной был сделан доклад о М.М. Фрейденберге и его учителе Е.А. Косминском²³.

Обращение к проблеме межличностного общения историков, не только славистов, стимулировало научное сообщество в Омском госуниверситете, выпускавшем сборник «Мир историка». В этом продолжающемся издании мной опубликованы статьи, содержавшие принципы создания интеллектуальной биографии²⁴. На основе архивных документов опубликованы статьи об университетской среде, общении профессора Н.А. Попова с коллегами и учениками²⁵.

Значимым событием РОИИ стала конференция, посвященная 200-летию со дня рождения слависта В.И. Григоровича, организованная в Казани в 2015 г. Г.П. Мягковым. По ее итогам был опубликован сборник научных статей с нашей публикацией переписки Н.А. Попова и В.И. Григоровича²⁶.

Успешным оказался опыт общения с профессором из Нижнего Новгорода А.А. Кузнецовым. Совместно с ним впервые на основе архивных документов написаны биографии Н.И. Радцига и С.В. Фрязинова – историков первой половины XX в., преподававших в Калинин, Нижнем Новгороде, Ярославле²⁷. Публикации их стали возможны благодаря альманаху РОИИ «Диалог со временем».

Активный член РОИИ, создатель интеллектуальных биографий людей второго плана В.С. Савчук обратился с просьбой написать о его воронежском учителе А.Е. Москаленко и его непростых отношениях с М.М. Фрейденбергом. Дело в том, что у тверских историков давно сложились прочные связи со славистами Воронежского университета, изучавшими городские сообщества Дубровницкой республики в Средние века. На опыте личных встреч, с привлечением переписки из личного архива

²³ Воробьева 2006. С. 419–422.

²⁴ Воробьева 2009 а. С. 276–290.

²⁵ Воробьева 2007а. С. 20–25; Воробьева 2011. С. 23–42.

²⁶ Воробьева 2015. С. 47–52.

²⁷ Воробьева, Кузнецов 2011. С. 377–402.

М.М. Фрейденберга с А.Е. Москаленко и Н.П. Мананчиковой мной была написана статья²⁸. В.С. Савчук процитировал ее в своей последней книге «Память историка и судьбы интеллектуалов», показав, что любая деталь биографии ученого становится значимой и социально обусловленной.

Интересный опыт написания биографии ученого сложился в общении с профессором МГУ Л.П. Лаптевой, обратившейся ко мне с просьбой написать статью к ее юбилею. Как уже упоминалось, Л.П. Лаптева разработала четкую структуру биографической статьи и предлагала ее использовать. По этому плану она и дала обширное устное интервью, рассказав о своей семье, годах учебы в пединституте, о своих учителях, об увлечениях студентов, о начале педагогической деятельности. Профессор объясняла мотивы обращения к славянской истории и историографии, говорила о своем методе работы в архивах, в том числе в Чехословакии, о работе со студентами и аспирантами. Составленная мной статья проверялась, вносились уточнения, сокращались эмоциональные оценки. Она получилась строгой и даже сухой, увидеть в ней психологический портрет автора довольно сложно²⁹. Материалы тех устных бесед с историком были использованы в статьях, посвященных ее памяти³⁰.

Таким образом, профессиональное сообщество историков в Тверском государственном университете на протяжении 30 лет, на наш взгляд, продуктивно взаимодействовало с коллегами других вузов, стремясь писать «историю истории в человеческом измерении». Важно объяснять это будущим историкам – студентам, для которых мы сами являемся носителями коллективной памяти, способными создавать источники устной истории и свидетельства субъективного переживания индивидуального опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксенова Е.П. Славянская тематика в научном творчестве историка-демократа С.С. Шашкова // Биография исследователя как жанр... С. 42-53.
- Аржакова Л.М. [Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И.Г. Воробьева, В.М. Воробьев. Тверь, ООО «Изд-во Сатори», 2008. 224 с.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2;

²⁸ Воробьева 2009b. С. 60-73.

²⁹ Воробьева 2007. С. 6-16.

³⁰ См.: Историки-слависты МГУ. 2020. С. 202-213.

- Биография исследователя как жанр славистики. Сб. науч. трудов / Ответ. ред. М.М. Фрейденберг. Тверь, 1991
- Воробьева И.Г. Материалы к биографии В.В. Качановского // Биография исследователя как жанр... С. 17-30.
- Воробьева И.Г. Архиепископ Савва и профессор А.Д. Воронов // Тверские епархиальные ведомости. 1993. № 10. С. 6-11.
- Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999;
- Воробьева И.Г. Зарубежная историография славянских народов в трудах Н.А. Попова // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 21-41.
- Воробьева И.Г. Труды слависта Н.А. Попова по истории русской исторической науки // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 29-41.
- Воробьева И.Г. Первая биография О.М. Бодянского // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. статей. М., 2009. С. 41-47.
- Воробьева И.Г. Профессор С.-Петербургского университета И.А. Шляпкин и Тверская ученая архивная комиссия // *Prospice sed respice*: Проблемы славяноведения и медиэвистики: Сб. науч. ст. в честь 85-летия проф. Владимира Александровича Якубского / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 236-251.
- Воробьева И.Г. Ученик Е.А. Косминского историк-славист М.М. Фрейденберг // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: материалы науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2006. С. 419-422.
- Воробьева И.Г. Университетское сообщество: В.И. Герье и Н.А. Попов // Мир историка: Владимир Иванович Герье: материалы науч. конф., Москва, 18–19 мая 2007. М., 2007. С. 20-25;
- Воробьева И.Г. К юбилею Л.П. Лаптевой // Вопросы истории славян. Сб. науч. тр. Воронеж, 2007. Вып. 18. С. 6-16.
- Воробьева И.Г. «Личное дело» историка-медиэвиста Арона Яковлевича Гуревича // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 276-290.
- Воробьева И.Г. Историки-слависты А.Е. Москаленко и М.М. Фрейденберг // Вопросы истории славян. Воронеж, 2009. Вып. 19. С. 60-73.
- Воробьева И.Г. Оппонент В.О. Ключевского Н.А. Попов // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Омск, 2011. Вып. 7. С. 23-42;
- Воробьева И.Г. Студент М.К. Любавский и профессор Н.А. Попов // Мир историка: историографический сб. / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Омск, 2013. Вып. 8. С. 23– 37.
- Воробьева И.Г. В.И. Григорович и Н.А. Попов: два университетских профессора (по данным их переписки) // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. Сб. науч. ст. /сост., ответ. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. Казань, 2015. С. 47-52.
- Воробьева И.Г. Людмила Павловна Лаптева: к 90-летию со дня рождения // Славянский сборник: Межвуз. Сб. науч. тр. Вып.14. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. С. 3-11.

- Воробьева И.Г. Август Казимирович Жизневский и семья академика Я.К. Грота // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2018. № 2. С. 17-33.
- Воробьева И.Г. Людмила Павловна Лаптева (09.09.1934–156.05.2016) // Историки-слависты МГУ: Кн. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян - 80 лет. Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисёнок. М. : Издатель Степаненко, 2020. С. 202-212.
- Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М., 2011. С. 377-402.
- Воробьева И.Г., Штыков Н.В. Славист К.Я. Грот и исследователь Тверского края А.К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 149-165.
- Гибадуллина Н.М. И.Н. Смирнов – профессор Казанского университета. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань. 2011.
- Дьяков В.А. «Биографистика в истории славяноведения: современное состояние и перспективы развития // Биография исследователя как жанр славистики. Сб. науч. трудов. Тверь, 1991. С. 3-6.
- Историки-слависты МГУ: Кн.13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян - 80 лет. Научный сборник. М., 2020.
- Ковыльникова Т.С. Хохлова О.Н. Модели межличностных отношений в университетах России в последней четверти XIX – начале XX века // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2013. Вып. 2. С. 189-198.
- Макарова Е.А. М.И. Соколов: опыт научной биографии // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991. С. 53-65.
- Макарова Е.А. Из истории отечественного славяноведения: переписка М.И. Соколова с М.Н. Сперанским // Историография балканского средневековья. Тверь, 1990. С. 44-56.
- Макарова Е.А. Биография ученого в его письмах: на примере переписки М.И. Соколова с В.И. Ламанским // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 38-52.
- Макарова Е.А. Академик М.Н. Сперанский и развитие научной мысли в Твери // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. Вып. 2. С. 82-97.
- Макарова Е.А. Из истории развития специальных дисциплин: археография в научном творчестве М.И. Соколова // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2012. Вып. 4. С. 72-86.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000.
- Пахомов Ю.В. Иван Николаевич Смирнов – историк, этнограф, общественный деятель. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Переписка славистов как исторический источник. Сб. науч. статей / ответ. ред. И.Г. Воробьева. Тверь, 1995.
- Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2003.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 324.

Розанов В.В. Литературные изгнанники. М., 2010. Кн. 2.

Хохлова О.Н. О.М. Бодянский и А.А. Майков: к вопросу о взаимоотношениях в университетской среде // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 48–56.

Воробыева Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; dubrovnik@mail.ru

Biographies of Slavists in the researches of scholars of Tver State University

Over the past decades, Russian Slavic studies have been successfully developed on the basis of the creation and publication of biographies of Slavists. The most important centres of biographical researches become the Department of History of the Southern and Western Slavs of Moscow State University and the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Along with them, others arose, primarily at the universities of St. Petersburg, Voronezh, Saratov. 30 years ago, the collection of articles ‘Biography of the Researcher as a Genre of Slavic Studies’ was published in Tver, which laid the foundation for monographic publications and dissertation studies on the historiography of Slavic studies. From the point of view of modern approaches of intellectual history, it is necessary to detail and rethink them, see the possibilities of historical biography as a mean of historical knowledge.

Keywords: historical biography, biographic history, Tver, Slavic studies

Irina Vorobyova, Dr. Sc. (History); Professor, Tver State University; dubrovnik@mail.ru

Г.В. РОКИНА

**«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ... КАЗАНЬ»: ИЗ ИСТОРИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА МАРИЙ ЭЛ И ТАТАРСТАНА**

В статье предпринята попытка показать роль Казани и Казанского университета в просвещении Марийского края, образовании высших учебных заведений в Йошкар-Оле и этапы формирования научного сообщества гуманитариев Марий Эл и Татарстана. Основное внимание уделено сотрудничеству ученых в области изучения всеобщей истории, в том числе славистики. Показана роль Российского общества интеллектуальной истории в институционализации научного сообщества историков двух соседних университетских городов.

***Ключевые слова:** Казань, Йошкар-Ола, Казанский университет, высшая школа Республики Марий Эл, сообщество историков*

Процесс формирования и развития научных сообществ соседних университетских центров, Казани и Йошкар-Олы, имеет давнюю историю, в которой важную роль играют не только географическая близость территорий, но и коллективная память о событиях прошлого, общих трагедиях и достижениях двух народов - татарского и марийского. Для ученых Йошкар-Олы авторитет казанских научных школ как в естественно-научных направлениях, так и в гуманитарной сфере, остается непререкаемым на протяжении двух столетий. Во многом это связано с тем, что формирование научного сообщества Республики Марий Эл проходило или под влиянием казанских ученых, или при их непосредственном участии в деятельности научного сообщества Казани. Особенно заметно это влияние в гуманитарной сфере: многие дипломированные историки, культурологи, педагоги, юристы прошли казанскую школу аспирантуры и докторантуры, защитили квалификационные работы в диссертационных советах казанских вузов. Чтобы понять, как складывалось соседство двух поволжских республик, обратимся к истории взаимоотношений этих территорий, миссионерской деятельности казанских просветителей в образовании нерусских народов Поволжья, роли казанских вузов в формировании высшей школы Марийской республики, а также к современному сотрудничеству ученых-гуманитариев (в первую очередь историков) Казани и Йошкар-Олы.

Исторический экскурс в XV-XIX века. Истоки культурного и научного сотрудничества столичных центров поволжских республик - Йошкар-Олы и Казани связаны с вековыми истори-

ческими контактами двух соседних территорий – Татарстана и Марийского края¹. Жившие на территории современной Республики Марий Эл марийские племена (черемисы) еще в IX в. попали под власть Хазарского каганата, а позднее вошли в состав Волжской Булгарии. С X в. здесь стал распространяться ислам, однако марийцы сохранили язычество. В середине XIII в. марийские земли вошли в состав Золотой Орды, откуда в XV в. выдвинулось Казанское ханство. В своё время народ мари принимал активное участие в набегах войск Казанского ханства на русские земли. Но уже в конце 1546 г. послы марийцев били челом великому князю Московскому Ивану IV, чтобы «тот их пожаловал и послал рать на Казань». В июне 1551 г. состоялись их переговоры с царем Иваном IV, и правобережная часть Марийского края вместе с соседними чувашинами вошла в состав Российского государства. Луговая часть Марийского края продолжала оставаться в составе Казанского ханства и лишь после его падения осенью 1552 г. присоединилась к Российскому государству. 2 октября 1552 г. Казань была взята русскими войсками, в составе которых находились и марийские отряды. Казанское ханство перестало существовать, а в Казань прибыли представители луговых марийцев, и 10 октября они дали присягу на верность царю. Этим актом юридически завершился процесс вхождения Марийского края в состав России. Окончательно Марийский край вошёл в состав России после 1557 года – в результате поражения в т.н. Черемисских войнах. В результате присоединения Марийского края к России были образованы первые города: в 1583 – Козьмодемьянск, а в 1584 – Царевкокшайск, ныне Йошкар-Ола. История взаимоотношений марийцев и Казанского ханства, вхождения Марийского края в состав Российской империи до сих пор остаются актуальными и во многом дискуссионными историографическими проблемами². Вхождение в состав российского государства принесло Среднему Поволжью мир. Переселившиеся в эти земли русские крестьяне приобщили марийцев к передовым на тот момент формам и способам сельскохозяйственного производства. Правда, из-за частых в первое время восстаний местного населения московское правительство ограничило народы Среднего Поволжья в развитии части ремёсел и некоторых видах торговли - в частности, им были запре-

¹ Термин «Марийский край» обозначает территорию, вошедшую в 1920 г. в состав МАО, а позднее - МАССР и РМЭ.

² Бахтин 2012.

щены металлообработка, а также торговля изделиями из металла, оружием и сырьем для него. В результате марийское население на протяжении многих лет оставалось исключительно сельским, что стало причиной заметной диспропорции в экономическом развитии с соседними территориями. С 1552 г. начинается и новая история Казани в составе русского государства, сначала в Московском царстве, позднее – в Российской империи и СССР. Так со времен средневековья установились тесные контакты двух соседних территорий, имевших разные уровни политического и экономического развития, разные религии, традиции и культуру.

Открытие Казанского университета и просвещение «иностранцев» Поволжья. Сотрудничество сформировавшихся в едином русском государстве представителей духовенства, просвещения и культуры Казани и Царевококшайска особенно активным становится в XIX в. И «первую скрипку» в этом процессе всегда играла Казань. История Казани XIX века сопряжена с открытием целого ряда образовательных учреждений общегосударственного уровня и с значительными достижениями в сфере науки. В 1804 г. был открыт Казанский университет. По значению и времени основания он стал третьим после Московского и Санкт-Петербургского университетов. Длительный период этот университет был самым восточным в стране и сыграл важную роль в просвещении и образовании в восточной части Российской империи, и в первую очередь для народов Поволжья. Первая грамматика марийского языка была подготовлена учеными Казанского университета. С 1860-х гг. в России большое внимание стало уделяться обучению «иностранцев» Поволжья. Предлагались различные образовательные системы, в т.ч. марийского просветителя С.А. Нурминского и профессора Казанской духовной академии Н.И. Ильминского. С.А. Нурминский реализовал идеи «новой системы просвещения» Н.И. Ильминского, будучи инспектором народных училищ Вятской губернии и тем самым внес неоценимый вклад в просвещение марийского народа³. В 1870 г. его усилиями началось обучение на марийском языке в деревнях Марийского края. И это дало результаты. По данным переписи 1897 г. Царевококшайск находился по числу грамотных (60,2%) на первом месте среди 12 городов Казанской губернии, а Царевококшайский уезд занимал третье место среди уездов.

³ Земцова 2006.

Революционные события 1917-1918 гг. и образование советских республик Поволжья. 1917 год стал поворотным в судьбах народов Поволжья. Одним из центров революционных событий в этом регионе стала Казань. В Казани представители марийской интеллигенции участвовали в создании Общества мелких народностей Поволжья, марийскую секцию организации возглавил студент Казанского университета В.М. Васильев, в будущем один из просветителей края. Марийский научно-исследовательский институт в Йошкар-Оле носит сегодня его имя. А первым директором МарНИИ был марийский ученый В.А. Мухин, выпускник Казанского педагогического института, также принявший активное участие в казанских событиях 1917–1919 гг. как представитель радикального крыла марийского национального движения. С августа 1917 г. в Казани стала издаваться первая марийская газета «Ужара». В Казани был создан и Центральный союз мари, одним из руководителей которого был учитель Л.Я. Мендияров, впоследствии первый директор Марийского пединститута в Йошкар-Оле. В феврале 1918 г. в Казани состоялся национальный областной съезд мари. На нем обсуждались вопросы областного самоуправления. В Казани на этом съезде было отменено название "черемисы" в пользу самоназвания "мари". Накануне и во время революции и Гражданской войны на формирование политических взглядов интеллигенции Царевококшайска огромное влияние оказали революционеры Казани, в первую очередь эсеры. В этом плане показательна судьба русского поэта, знаменитого царевококшайца, участника Белого движения в годы Гражданской войны, представителя русской эмиграции первой волны, почетного гражданина Праги – А.Е. Котомкина (Савинского), взгляды которого во многом сформировались во время учебы и жизни в Казани⁴. В начале 2000-х гг. в Йошкар-Оле ему был установлен памятник на одной из центральных площадей и учреждена литературная премия.

В годы Первой мировой войны через Казань в Царевококшайск и Козьмодемьянск шла транспортировка германских и австро-венгерских военнопленных⁵, их славянские представители впоследствии вошли в чехословацкий корпус. Период Гражданской войны принес еще одно «взятие Казани», в котором приняло участие и население восточных мари, многие из которых вступили в армию Колчака⁶.

⁴ Стариков 2012.

⁵ Рокина 2014.

⁶ События Гражданской войны в Казани 2012.

Процесс определения государственности народа мари был сложным. До 1920 года Марийский край (в территориальных границах нынешней Марий Эл) располагался сразу в трех губерниях. При этом большая часть - Козьмодемьянский (в его состав входили некоторые земли и поселения нынешней Чувашии) и Царевококшайский уезды были частью Казанской губернии. 4 ноября 1920 г. была образована Марийская автономная область (в 1936 г. преобразована в Марийскую автономную советскую социалистическую республику). В том же году образована Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика. С этого времени сотрудничество советской интеллигенции Краснококшайска (так был переименован Царевококшайск) и Казани происходило с новым идеологическим наполнением, это была дружба в духе идей коммунизма и интернационализма. История хранит немало трагических страниц этого периода общей истории народов Поволжья: продразверстка, голод 1920-1930-х гг., политика коренизации нерусских народов, репрессии национальной интеллигенции. И в это трудное время Казань продолжала подпитывать духовную жизнь молодой Марийской советской республики. Казанские вузы стали основой для образования высшей школы в столице Марийского края – Йошкар-Оле.

Открытие первых высших учебных заведений в Йошкар-Оле и помощь Казани. В дореволюционном Царевококшайске и советском Краснококшайске не было своих высших учебных заведений, лишь в начале XX в. здесь появились первые гимназии: в 1905 г. – женская, в 1913 г. – мужская. Чаще всего за университетским образованием местная просвещенная молодежь ехала в соседнюю Казань. Открытие первого высшего учебного заведения (Марийского агропединститута) в 1931 г. стало важным событием в развитии науки и культуры Марийской автономной области. Главная задача института заключалась в подготовке кадров для народного хозяйства. Еще на июльском пленуме 1928 г. партии большевиков было принято решение о расширении сети высших и средних учебных заведений. Кроме того, взятый курс на коренизацию потребовал от вузов и техникумов резкого увеличения национальных кадров. Состоявшаяся в апреле 1931 г. Всероссийская общевузовская конференция в своих резолюциях рекомендовала вести преподавание в национальных вузах и техникумах на родном языке⁷. Марийский пединститут должен был

⁷ Москвина 2007.

решить острую кадровую проблему. В его формировании принял участие Марийский государственный педагогический рабочий факультет, открытый в 1930 г. на базе марийского отделения рабочего факультета Казанского университета, и марийское отделение Восточного педагогического института Казани (1926-1931). Первыми выпускниками Марийского агропединститута были студенты Восточного педагогического института, переведенные для завершения учебы в Йошкар-Олу. Первыми преподавателями марийского вуза были выпускники учебных заведений Казани, Нижнего Новгорода, Москвы. Как свидетельствуют архивные документы «Книги приказов» МГПИ, в 1933 г. доцент Н.Н. Миткин был командирован в Казань «по вербовке преподавателей для Марпединститута». Как вспоминал один из первых профессоров марийского вуза Н.Т. Пенгитов, бывший в числе его первых студентов, лекции по некоторым предметам читали преподаватели Казанского университета и Восточно-педагогического института⁸. Первым директором Агропединститута в Йошкар-Оле был вызванный из Казани заведующий марийским отделением Восточно-педагогического института И.Е. Романов, который сменил временно исполняющего обязанности директора нижегородца А.И. Большухина, он был в 1920-1930-е заведующим кафедрой Казанского сельскохозяйственного университета и одновременно возглавлял марийское отделение Восточно-педагогического института. Вплоть до начала Великой Отечественной войны многие лекционные курсы в первом высшем учебном заведении марийского края читали ученые и преподаватели казанских вузов.

Подобную роль Казань сыграла и в образовании первого технического вуза Йошкар-Олы - Поволжского лесотехнического института, ныне Поволжского государственного технологического университета. История Марийского государственного технического университета началась в 1932 г., когда решением совещания при Управлении кадрами Наркомлеса СССР (5 июня 1932 г.) был признан необходимым перевод Казанского лесотехнического института с двумя факультетами (лесного хозяйства и лесоинженерным) в Йошкар-Олу. Это решение было продиктовано объективной причиной: Марийская автономная область обладала обширными лесными массивами (61% лесистости), целой сетью рек первоначального сплава и транзитным лесосплавом по Волге. В июне 1932 г. постановлением Наркомлеса СССР Казанский ле-

⁸ Сушенцова 2007. С. 17.

сотехнический институт был переведён из Казани в Йошкар-Олу и переименован в Поволжский лесотехнический институт. Институт был призван готовить в первую очередь инженеров лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности для национальных автономий. Институт сохранил тесные связи с Казанью и на первых порах казанские преподаватели и ученые помогли с организацией марийского технического вуза.

Период репрессий 1930-х гг. в отношении национальной интеллигенции Казани и Йошкар-Олы. В период массовых политических репрессий 1930-х гг. в Марийской автономной области по версии НКВД была раскрыта и ликвидирована контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, которая была «широко разветвленной, т.к. имела большое количество ячеек. Одной из самых активных объявили ячейку в педагогическом институте»⁹. «Казанские истоки» высшей школы в период репрессий 1930-х гг., коснувшихся в целом всей советской интеллигенции, первоначально стали причиной гонений на марийских ученых. Известно, что при организации Агропединститута в него влилось марийское отделение казанского Восточно-педагогического института, и именно в это время были репрессированы бывший заведующий отделением Л.Я. Мендияров и доцент В.М. Васильев. Их обвинили в пропаганде буржуазного национализма и идеи сближения с Финляндией. В 1934 г. в докладе на областной партийной конференции был сделан вывод об оживлении в Марийской автономной области местного национализма, о том, что националистические идеи группы «Мендиярова-Васильева» живы в среде марийской интеллигенции. С возмущением говорилось о «пропаганде финно-угорской общности» как проявления «буржуазного национализма», «федерализма» и «панфинизма». Первый секретарь обкома ВКП (б) Али-Гейдар Ширвани разоблачал подобные настроения преподавателей пединститута: «Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допускать, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это нужно судить строго!»¹⁰. Когда в 1937 г. курс на массовый террор был утверж-

⁹ Сануков 2001. С. 10.

¹⁰ Сануков 2001. С. 10-16.

ден на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б), в Марийской АССР усилились репрессии против пединститута, где якобы велась подготовка контрреволюционных кадров. В итоге были уволены лучшие кадры пединститута.

Похожая ситуация сложилась и в Казанском университете. Особенно больно репрессии ударили по историческому образованию. Историческое образование в вузах Йошкар-Олы всегда развивалось в тесной связи с казанской исторической школой. Это касалось и археологии, отечественной истории и истории зарубежных стран. В период репрессий ситуация с изучением зарубежной истории в целом по стране складывалась неблагоприятно. И в соседней Казани, откуда традиционно долгое время «подпитывалась» марийская наука, произошли кардинальные изменения в преподавании зарубежной истории. После закрытия историко-филологического факультета Казанского университета, многие историки перешли работать в Казанский пединститут¹¹.

В 1930-1931 гг. кафедра всеобщей истории Казанского пединститута называлась кафедрой классовой борьбы на Западе, но уже в 1931 г. была преобразована в кафедру всеобщей истории. Огромную роль в развитии преподавания вопросов всеобщей истории на кафедре играл С.П. Сингалевич. Но в апреле 1938 г. Сергей Платонович был арестован и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. После отбытия наказания ему было запрещено проживать в Казани, и в 1946 г. распоряжением Наркомпроса РСФСР он был назначен профессором кафедры всеобщей истории Марийского пединститута. Благодаря этим трагическим обстоятельствам в жизни известного ученого студенты-историки Марийского пединститута получили возможность слушать блестящие лекции по истории древнего мира эрудированного, знающего современные и древние языки профессора до-революционной школы. В 1950 г. в «Ученых записках» МГПИ была опубликована его статья «Гилоты в Древней Спарте», подготовлена к печати большая работа об аренде земли в Греко-Римском Египте. Одновременно ученый продолжал работу над учебными пособиями для вузов по истории Древней Греции и Древнего Рима, справочником по античной терминологии. К сожалению, неопубликованными остались многие подготовленные им в последние годы жизни научные материалы¹². Из воспомина-

¹¹ Кадыров 2006.

¹² Фишер 1996.

ний студента исторического факультета, кандидата исторических наук Г.И. Кириллова: «Уже на первом году обучения (1946 г.) нам довелось слушать замечательные лекции Сергея Платоновича Сингалевича по истории древнего мира. Видный казанский историк, подвергшийся опале и отбывший длительный срок, он нашел пристанище в соседней Йошкар-Оле. Видимо, сам въезд ему в Казань был закрыт, и он попросил однажды поехавшего в Казань нашего сокурсника Володю Хлебникова навестить его семью, одиноко живших жену и взрослую дочь. С.П. Сингалевич скончался в августе 1954 г., не дожив немного до XX съезда, похоронен в Йошкар-Оле на Марковском кладбище»¹³.

Сотрудничество ученых Йошкар-Олы и Казани в годы Великой Отечественной войны. Как это ни парадоксально, но во время войны между вузами и академическими учреждениями Казани и Йошкар-Олы сотрудничество стало развиваться более интенсивно. Оба города наряду с районными центрами и сельскими поселениями принимают огромное число эвакуированных людей с захваченных врагом территорий. В первые месяцы в Йошкар-Олу было эвакуировано 27 промышленных предприятий из Москвы, Одессы, Киева, Ленинграда и Ржева. Одновременно шла эвакуация учебных и научных организаций, а также мирного населения из разных советских республик и городов. Среди эвакуированных учреждений Ленинграда были Особое конструкторское бюро Наркомата вооружения СССР, Государственный оптический институт и Ленинградская военно-воздушная академия Красной армии (численность слушателей, преподавателей только этой академии и семей сотрудников составляла более 500 человек). Учебные корпуса пединститута и политехнического института были отданы эвакуированным учреждениям. А в соседнюю Казань через месяц после начала войны 22 июля из Москвы выехали 11 институтов и лабораторий. Всего в Казань были направлены 33 научных учреждения, 1884 научных сотрудников, среди них 39 академиков и 44 члена-корреспондента (с семьями – около 5 тысяч человек). Никогда еще в двух поволжских городах не было одновременно столько академиков и ведущих ученых страны. Среди них – академики И.М. Виноградов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, С.С. Наметкин, Е.В. Тарле, В.Г. Хлопин, С.М. Вавилов. В августе в Казань переехали вице-президенты АН СССР академики О.Ю. Шмидт и Е.А. Чудаков, начал работать Президиум

¹³ Кириллов 2007.

Академии наук, координирующий основные работы по военной тематике. Центром академической жизни стал Казанский университет, который предоставил Академии свои аудитории, лаборатории, все подсобные и служебные помещения. Знакомые еще по Ленинграду и Москве советские академики не только продолжили свое сотрудничество в эвакуации, но и вовлекли в него местные преподавательские и научные кадры, им часто приходилось ездить из Казани в Йошкар-Олу и наоборот. Курсанты Ленинградской академии, обучаясь в стенах марийского пединститута, на практику выезжали на предприятия Казани. 17 декабря 1942 г. в Йошкар-Оле состоялась первая в стране научно-техническая конференция, на пленарном заседании которой выступил академик С.М. Вавилов. «Той зимой столица Марийской автономной республики стала местом паломничества ученых. Они ехали сюда из Москвы, Казани, Куйбышева, Новосибирска... Триста семнадцать делегатов заполнили конференц-зал академии в день открытия научно-технической конференции... Вавилов выступил на конференции с глубоким, обстоятельным докладом «Физика и война» — о неутомимом труде советских ученых, о значении достижений науки для победы над врагом»¹⁴. «Ленинградская культурная прививка», которую получило местное население в период эвакуации, и опыт сотрудничества с академическими институтами Москвы, полученные в эти сложные годы интеллигенцией Йошкар-Олы и Казани, стали стимулом для дальнейшего развития научных контактов уже после окончания войны.

Научные и личные контакты историков Йошкар-Олы и Казани начались задолго до войны и продолжаются до сих пор. Важным рубежом в этом сотрудничестве историков стал 1972 год, когда Йошкар-Ола стала университетским городом: был открыт Марийский государственный университет. И вновь Казань, как и в 1930-е гг. становится донором для молодой университетской науки Марий Эл. На историческом отделении историко-филологического факультета работало большое число казанцев. Первым заведующим кафедрой истории Марийского университета стал выпускник Казанского университета А.Г. Симонов. Для чтения лекций в начальный период становления университетской исторической науки в Йошкар-Олу приезжали ведущие ученые-историки Казани. Именно они подготовили первое поколение профессиональных историков высшей школы Марий Эл. Среди

¹⁴ Рокина 2021.

них – профессор Казанского университета Г.Н. Вульфсон, который читал для первого выпуска историков Марийского университета методику научных исследований. Известный казанский славист-медиевист А.В. Сергеев читал курс по истории средних веков. Именно он, автор монографии о В.И. Григоровиче, впервые на кафедре истории Марийского университета заговорил о славистике. Впоследствии славистика стала одним из ведущих научных направлений кафедры всеобщей истории Марийского университета¹⁵. Многие ученые-историки Марийского пединститута, а позже Марийского государственного университета относят себя к научным школам Казанского университета. Первыми в этом плане стали марийские археологи, выросшие из научной археологической школы профессора Казанского университета А.Х. Халикова, который неоднократно приезжал в Йошкар-Олу, а в его экспедициях было воспитано не одно поколение марийских археологов. В сотрудничестве с антиковедами Казанского университета сформировались ученые-античники Марийского университета, доктора наук О.В. Кулишова и Ю.С. Обидина. Диссертации по истории Словакии и Ирландии преподаватели кафедры всеобщей истории Г.В. Рокина и Е.В. Лежнина защитили в диссертационном совете Казанского университета. И здесь важную роль сыграло сотрудничество с кафедрой новой и новейшей истории Казанского университета во главе с И.И. Шарифжановым¹⁶. Долгие годы в йошкар-олинских вузах не было своих диссоветов, поэтому большинство защит проходило в Казанском университете, и это еще более укрепило научные связи ученых.

В последние годы контакты йошкар-олинских и казанских ученых обрели новые формы. С созданием Российского общества интеллектуальной истории происходит институционализация научного сообщества гуманитариев Казани и Йошкар-Олы. Вступление ученых Йошкар-Олы в РОИИ и общение с председателем общества, членом-корреспондентом РАН Л.П. Репиной открыло новые возможности участия в академических мероприятиях и изданиях. Огромная заслуга в создании отделений РОИИ в Поволжье принадлежит профессору Казанского университета Герману Пантелеймоновичу Мягкову. Его подвижническая деятельность в области организации науки, высокий профессионализм историка, удивительные человеческие качества, и среди них не-

¹⁵ Рокина 2017.

¹⁶Рокина 2010.

вероятная корректность, дружелюбие и искренность в общении, привлекли в РОИИ интеллектуалов из Йошкар-Олы.

Казанские научные и научно-образовательные конференции последних двух десятилетий, организатором и вдохновителем которых был Г.П. Мягков, стали новыми яркими страницами в сотрудничестве казанских и йошкар-олинских историков¹⁷.

Историки марийских вузов, члены Йошкар-Олинского отделения РОИИ, поздравляют глубокоуважаемого Германа Пантелеймоновича Мягкова с юбилеем и желают ему новых успехов на научном поприще!

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бахтин А.Г. Марийский край в XIII-XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 659 с.
- Земцова О.Б. Церковь и школа: миссионерская деятельность и политика ассимиляции в Среднем Поволжье во второй половине XIX века // Запад-Восток. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2006.
- Кадьров И.Х. Проблемы всеобщей истории в трудах ученых ТГПУ // Филология и культура. Казань: КФУ. №6. С.79-90.
- Кириллов Г.И. Поколение послевоенных историков в МГПИ // Страницы истории Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. Материалы VIII Тарасовских чтений 14 апреля 2006 года / Отв. ред. В.Г. Сушенцова. Йошкар-Ола: МГПИ, 2007. С.25-31.
- Москвина Л.П. К вопросу об открытии Марийского агропединститута // Страницы истории Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. Материалы VIII Тарасовских чтений 14 апреля 2006 года / Отв. ред. В.Г. Сушенцова. Йошкар-Ола: МГПИ, 2007. С.10-12.
- Рокина Г.В. К юбилею наставника и друга профессора И.И. Шарифжанова // Британская ойкумена российской новистики / отв. ред. О.В. Бодров. Казань, 2010. С. 91-92.
- Рокина Г.В. Из истории преподавания зарубежной истории в Марийском государственном педагогическом институте в советский период // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. Т. 3. № 7. С. 62-68.
- Рокина Г.В. Становление высшего образования и преподавание зарубежной истории в Марийском государственном педагогическом институте (1930-1960-е годы) // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XIX – начале XXI в. Казань, 2016. С.93-99.
- Рокина Г.В. Славистика в Марийском государственном университете // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона. 2017. № 3(3). С. 48-54.
- Рокина Г.В. Йошкар-Ола в военной шинели // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола: Государственный архив Республики Марий Эл, 2021.

¹⁷ Эта деятельность проходила совместно с его единомышленником, большим ученым и добрейшей души человеком, безвременно ушедшим в это трудное время пандемии профессором Е.А. Чеглинцевым (1955-2021).

- Сануков К.Н. Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской и репрессии 1930-х годов // Актуальные проблемы истории и литературы. Материалы V Тарасовских чтений 18-19 мая 2001 г. / Отв. ред. Г.В. Рокина. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2001. С. 10-16.
- События Гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев.: ИСБ, 2012.
- Стариков С.В. Казань Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола, 2012.
- Сушенцова В.Г. Преподаватели Марийского пединститута в первое десятилетие его существования // Страницы истории Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. Материалы VIII Тарасовских чтений 14 апреля 2006 года. Отв. ред. В.Г. Сушенцова. Йошкар-Ола: МГПИ, 2007. С.12-25.
- Фишер И.Р., Адо В.Д., С.П. Сингалевич. Творческий поиск, судьба наследия // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара: Изд-во Самарского университета, 1996. С.187-198.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет; galina@rokina.ru

“All roads lead to ... Kazan”: from the history of cooperation between academicians of Mari El and Tatarstan

The article attempts to show the role of Kazan and Kazan University in the education of the Mari Territory, the formation of higher educational institutions in Yoshkar-Ola and the stages in the formation of the scientific community of the humanities in Mari El and Tatarstan. The main attention is paid to the cooperation of scientists in the field of the study of general history, including Slavic studies. The role of the Russian Society for Intellectual History in the institutionalization of the scientific community of historians of two neighboring university cities is shown.

Keywords. Volga republics, Tsarevokokshaisk, Kazan, Yoshkar-Ola, Kazan University, higher school of the Republic of Mari El, a community of historians

Galina Rokina, Dr. Sc. (History), Professor, Mary State University; galina@rokina.ru

Т.Н. Гелла

**НАУЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
И ИННОВАЦИОННОСТЬ**

На современном этапе научные школы, функционирующие на базе кафедр, научных лабораторий и центров, играют важную роль в развитии не только вузовской, но и общенациональной, а подчас и мировой науки. В данной статье предпринята попытка на основе уже имеющихся в отечественной исследовательской литературе общих оценок роли и места научных школ в генерации новых идей и направлений, в выработке собственной технологии создания, передачи и применения знания охарактеризовать деятельность данной научной структуры на региональном уровне. Предметом исследования стали научные школы, которые были созданы и работают в настоящее время в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева. В статье анализируются цели и задачи, лежащие в основе работы этих школ, приводятся характеристики их научных руководителей и оцениваются результаты их деятельности. Автор акцентирует внимание на наличие принципа преемственности, сочетающего традиционность и инновационность, в работе орловских научных школ.

Ключевые слова: научные школы, историческая наука, Орловский государственный университет, Е.И. Чапкевич, Д.В. Аронов, С.Т. Минаков, традиционность, инновационность

XXI век ознаменован небывалым всплеском важнейших достижений и открытий в различных сферах научной деятельности. Наука развивается быстрыми, можно сказать, гигантскими темпами. И, безусловно, вопросы преемственности традиционных и инновационных методов исследования приобретают актуальное звучание, нередко становятся предметом научных дискуссий. В связи с этим роль научных школ на современном этапе развития науки резко возрастает, а деятельность коллективов ученых и единомышленников во многом определяет перспективы развития мирового научного сообщества в целом.

Определений понятия «научная школа» много. Можно привести высказывание М.Г. Ярошевского: «Гермин “школа”... при всей своей неопределенности <...> означает, по общепринятому мнению историков, во-первых, единство обучения творчеству и процесса исследования, во-вторых, позицию, которую придерживается одна группа ученых относительно других»¹. На наш взгляд,

¹ Ярошевский 1977. С. 86.

нельзя не согласиться с мнением В.К. Криворученко, который отмечал, что: «Научная школа – это особый феномен, сопряженный с другими научно-социальными объединениями и структурами науки, такими как научная дисциплина, научное направление, организация (институт, лаборатория, сектор, кафедра) и др.»².

Одной из важнейших черт научной школы является ее социальная направленность. Она является неотъемлемой составной частью гражданского общества, выступая как своеобразная неформальная организация ученых, находящихся в постоянном и тесном научном контакте друг с другом.

Анализ литературы по проблемам научных школ показывает, что нередко наличие и функционирование научных школ авторы публикаций соотносят с деятельностью кафедр в высших учебных заведениях. С одной стороны, такой подход к оценке деятельности научных школ можно принять, поскольку именно кафедра является той университетской структурой, которая объединяет преподавателей-ученых, занимающихся разработкой одной или нескольких общих научных направлений и проблем во главе с ведущим ученым, членом той же кафедры. Как отмечал В.К. Криворученко, путь формирования научных школ достаточно «долгий и трудоемкий», но в условиях высших учебных заведения он «облегчается тем, что научный коллектив одновременно выполняет образовательные и научные функции. Творческая атмосфера, наличие талантливых учеников из аспирантов и студентов, учебно-вспомогательной и научной базы помогают ведущему ученому добиваться существенных результатов в науке»³. Однако, как считают некоторые исследователи, такой подход сужает сущность функционирования научных школ. Т. Ю. Красикова утверждает: «Работа кафедры в рамках отечественного образования больше направлена на образовательную деятельность. Научная школа рассчитана исключительно на генерацию и трансляцию научного знания, причем полезного для общества. Нередко в условиях современной системы высшего образования, преподаватель читает лекции в одной предметной области науки, а ведет исследования в другой. Таким образом, он воспроизводит в рамках кафедры капитал образовательных знаний, а в рамках своего исследования – капитал научных знаний...»⁴. Учитывая

² Криворученко 2011.

³ Криворученко 2011.

⁴ Красикова 2018. С. 53.

специфику отечественной системы высшего образования, с такой оценкой деятельности кафедры и научной школы можно согласиться. Безусловно, научная школа не может существовать без руководителя. Как правило, это ученый, генератор идей, способный объединить вокруг себя исследователей-единомышленников, обладающий не только исследовательскими, но и, что более важно, общечеловеческими качествами. При этом он «обладает не часто встречающимся талантом исследователя-учителя, который не опасается, что кто-то украдет у него идеи, но легко отдает их своим ученикам и последователям, <...>. Это не просто учитель, преподающий готовые знания, а учитель-новатор, учитель-творец, создающий свою научную школу, идущий впереди нее и вместе с ней по неизведанным путям научного познания»⁵.

В данной статье деятельность научных школ будет рассматриваться ее автором в традиционном формате, т.е. в рамках кафедральной научно-исследовательской работы.

Развитие вузовской науки, в том числе и на региональном уровне, на современном этапе является одним из приоритетных направлений научно-технологической политики Российского государства. Так, если в 2010 г. исследования и разработки выполняли менее половины вузов (46,4 %), то в 2019 г. – уже 83,3 % (603 из 724)⁶. Значительную роль в развитии университетской науки играют научные школы, действующие на базе вузовских кафедр, научно-исследовательских лабораторий и центров. Региональные вузы, наряду с ведущими отечественными университетами, вносят свою лепту в развитие российской науки как в рамках фундаментальных исследований в области естественных и точных наук, так и в гуманитарной сфере. На примере становления и функционирования нескольких научных школ на базе Орловского государственного университета рассмотрим роль и место исторической науки на региональном и общероссийском уровне.

Одним из основоположников формирования научной школы в области отечественной истории на Орловщине был доктор исторических наук, профессор Евгений Иосифович Чапкевич.

Евгений Иосифович Чапкевич родился 15 декабря 1936 года в Гомеле. В 1960 г. окончил Воронежский государственный университет. В 1967 г. защитил в Московском педагогическом институте им. Ленина диссертацию на соискание ученой степени кан-

⁵ Бабосова 2020. С. 206.

⁶ Вузовская наука...

дидата исторических наук на тему: «Е.В. Тарле и изучение им внешней политики России». С 1967 г. на протяжении более 35 лет он работал в Орловском государственном педагогическом институте / Орловском государственном университете. В 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «Отношение царского правительства и политических партий России к буржуазным революциям в Азии в начале XX в.». В 1989 году ему было присвоено звание профессора⁷.

Е.И. Чапкевич прошел путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой всеобщей истории, инициатором образования которой он и был в 1991 г. Состав кафедры он подобрал, руководствуясь собственными представлениями о научно-исследовательских, педагогических и человеческих качествах будущих преподавателей. Благодаря Е.И. Чапкевичу на кафедре сложилась «необыкновенная атмосфера интеллигентности, интеллектуальности, взаимоуважения и понимания между ее членами»⁸.

Заслугой Евгения Иосифовича как ученого и учителя была подготовка более полутора тысяч высококвалифицированных специалистов, которые в настоящее время работают ректорами, проректорами, профессорами, доцентами некоторых вузов нашей страны, а также ряда научных сотрудников академических институтов. Бывшие его выпускники с теплотой отзываются о нем как о прекрасном преподавателе. «Профессор с большой буквы», «<...> восхищали его эрудированность, энциклопедичность знаний и аналитический склад ума», «Прежде всего ученый-исследователь, он был замечательным лектором и педагогом», «<...> Он был очень эрудированным человеком, с великолепной памятью, широкими и глубокими знаниями, как по отечественной, так и по всеобщей истории. Наверное, не было ни одного вопроса в исторической, равно как и в других, области, по которому он не мог дать ответ или что-то прокомментировать»⁹, – это примеры отзывов его бывших студентов.

Но Е.И. Чапкевич был и крупным советским / российским ученым. Он являлся автором около 100 научных работ, среди них четыре монографии: «Евгений Викторович Тарле» (М., 1977), «Большевики и буржуазные революции в Азии начала XX века» (М., 1985), «Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле» (Орёл, 1994), «Русская гвардия в Первой

⁷ Историки России 2008. С. 268.

⁸ Свечникова 2016. С. 8-9.

⁹ Свечникова 2016. С. 4-5.

мировой войне» (Орёл, 2003). Также он являлся соавтором учебника «История Орловского края» (Орёл, 2003). Евгений Иосифович был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации»¹⁰. С начала 1990-х гг. стала формироваться научная школа под его руководством. Во-первых, с 1991 г. он начинает руководить аспирантами, а в 1995 г. стал председателем диссертационного совета по отечественной истории. Это был первый на Орловщине диссертационный совет по историческим наукам. Основным исследовательским направлением научной школы, которая формировалась и затем функционировала под его началом, стало изучение истории политических партий дореволюционной России. В результате ее работы и его талантливого руководства были успешно защищены 10 кандидатских диссертаций. Е.И. Чапкевич был прекрасным наставником для своих аспирантов. Его отличали, как замечал один из его учеников, к.и.н., доцент Ю.В. Кузнецов, «неравнодушие, искренний интерес к людям, любовь к своим ученикам, вера в них, сопереживание их успехам и неудачам, огромное желание помочь им как в науке, так и в жизни. Такими человеческими качествами Евгений Иосифович был наделен сполна»¹¹. Сколько раз еще имя Евгения Иосифовича служило его ученикам и коллегам визитной карточкой, рекомендацией, пропуском в научное сообщество¹². Высокая научная репутация Е.И. Чапкевича позволила Орлу и университету стать одними из важных центров по изучению политической истории дореволюционной России, в частности истории политических партий. Благодаря его усилиям в Орле проводились научные конференции, на которые съезжались известные историки из разных регионов страны и из-за рубежа.

3 января 2003 г. Е.И. Чапкевича не стало. Но исследовательская работа созданной им научной школы продолжается его учениками. Из школы профессора Чапкевича вышло несколько десятков кандидатов исторических наук, ряд из которых впоследствии защитили диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук под руководством коллег Евгения Иосифовича, В.В. Шелухаева и В.В. Журавлева¹³.

¹⁰ Историки России 2008. С. 268.

¹¹ Свечникова 2016. С. 7.

¹² Именно Евгений Иосифович дал, по сути, путевку в большую науку монографии Г.П. Мягкова, посвященной «русской исторической школе». См.: Чапкевич 1990.

¹³ Научная...

Инновационную направленность его школы по изучению политической истории России конца XIX-начала XX вв. продолжают его бывшие аспиранты, ныне д.и.н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России (2016 г.), Почетный работник науки и высшей школы Орловской области (2021 г.), заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» ОГУ имени И.С. Тургенева Дмитрий Владимирович Аронов и к.и.н., доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» Влада Владиславовна Вострикова. В русле направления школы Е.И. Чапкевича оба ученых защитили кандидатские диссертации по истории российских политических партий начала XX в.: «Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева» (Д.В. Аронов, 1999 г.) и «Образование и деятельность кадетских партийных организаций в губерниях Центрального Черноземья в годы первой российской революции» (В.В. Вострикова, 1998 г.). Более того, Д.В. Аронов продолжил заниматься исследованием российского либерализма и в 2005 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе. 1906-1917 гг.». В 2012 г. он получил ученое звание профессора.

Преемственность и инновационность в изучении политической истории России рубежа XIX – XX вв., во-первых, прослеживается в работе научной школы, созданной Д.В. Ароновым на базе кафедры теории и истории государства и права ОГУ. Как отмечено в информационной статье о данной научной школе, ее члены продолжают традиции, заложенные в середине 1990-х гг. Е.И. Чапкевичем. Научно-исследовательская деятельность школы посвящена изучению истории российского дореволюционного либерализма, биографике его виднейших представителей, их вкладу в развитие либеральной политико-правовой мысли. Научный багаж школы на настоящий момент состоит из более чем 200 научных статей, в т.ч. в журналах, индексируемых международных системах учёта научного цитирования, в изданиях из перечня ВАК, 15 монографических изданий, посвященных различным аспектам российской государственности¹⁴. В их числе можно назвать такие монографии Д.В. Аронова, как «Права человека в

¹⁴ Научная школа кафедры теории и истории государства и права ...

теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX – начале XX в.» (М., 2007), «От Лазавки до Таврического дворца: Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог (Орел, 2010), «Сергей Андреевич Муромцев – жизнь, отданная борьбе за право» (Орел, 2019) и др.

Во-вторых, отдельным направлением деятельности научной школы стало проведение по инициативе ее руководителя и при непосредственной поддержке и участии В.В. Востриковой, начиная с 2009 г., ежегодной всероссийской/международной научно-практической конференции «Муромцевские чтения», посвященной С.А. Муромцеву, известнейшему правоведу, Председателю Первой Государственной думы (1906), жизнь которого была неразрывно связана с Орловщиной. В 2020 г. прошли двенадцатые чтения, посвященные истории либеральной мысли в России. Достаточно перечислить проблематику всех двенадцати чтений, чтобы понять ее разнообразие, достаточную дискуссионность и актуальность в свете изучения истоков современного российского либерализма¹⁵. Популярность и результативность (изданы 12 сборников по итогам конференций) «Муромцевских чтений» придали им статус международной конференции. Достаточно отметить, что в последнем, двенадцатом, ее заседании, наряду с известными и еще только начинающими исследователями из российских городов – Москвы, Череповца, Перми, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Тамбова, Казани, Екатеринбургa, Томска, Петрозаводска, Орла приняли участие ученые из Польши и Белоруссии.

Подготовительная и организационная работа по проведению «Муромцевских чтений», а также ее научная составляющая полу-

¹⁵ 2009 г. – «Российский либерализм: теория, грамматика, практика, персоналии»; 2010 г. – «Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог»; 2011 г. – «Орловский мудрец, опередивший время (150-летию со дня рождения М.А. Стаховича)»; 2012 г. – «Время выбрало нас: путь интеллектуала в политику»; 2013 г. – «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции»; 2014 г. – «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии»; 2015 г. – «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, грамматике и политико-правовой практике российского либерализма»; 2016 г. – «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, грамматике, партийной практике и законодательстве российского либерализма»; 2017 г. – «Либералы и революция»; 2018 г. – «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения»; 2019 г. – «Российский либерализм и Государственная дума России 1906-1917 гг.»; 2020 г. – «Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.».

чили высокую оценку известных российских ученых. Известный историк, руководитель Центра «История России в XIX – начале XX в.» В.В. Шелохаев отмечает, что по инициативе Е.И. Чапкевича, а подчас и «по собственным ментальным пристрастиям» «стала формироваться когорта молодых аспирантов», которые «активно включились в разработку непростых проблем российского либерализма». Е.И. Чапкевич, как «от природы умный человек и талантливый историк», «неизменно ориентировал своих аспирантов на разработку новаторской исторической проблематики, включая историю русского либерализма». В.В. Шелохаев подчеркивает непосредственные заслуги учеников Е.И. Чапкевича – Д.В. Аронова и В.В. Востриковой, «которые взяли на себя непростые обязанности как организаторов, редакторов, так и публикаторов ежегодных сборников статей и материалов научно-практических конференций, которые активно используются исследователями и преподавателями высшей школы»¹⁶.

Говоря о научных результатах работы «Муромцевских чтений», В.В. Шелохаев подчеркнул, что они «стали уникальным явлением не только в отечественной, но мировой историографии российского либерализма, сумев сконцентрировать и мобилизовать усилия многих современных специалистов в области изучения истории русского либерализма». Причину этого ученый видит в том, что «интерес к прошлому русского либерализма мотивирован потребностями современного развития, наличием вполне определенного мирового тренда»¹⁷. «Муромцевские чтения» внесли существенный вклад в разработку таких проблем, как «понятийный аппарат (сущность, границы, периодизация); генезис, формирование и эволюция базовых мировоззренческих основ русского либерализма; разработка либералами-интеллектуалами как общего стратегического курса, так и тактики, применительно к конкретным историческим условиям; выработка программных и уставных документов; создание либеральных организационных структур разного уровня и их агитационно-пропагандистского аппарата; формы и методы взаимодействия либералов с их союзниками и противниками на разных стадиях идейно-политического противостояния; взаимодействие с властью и обществом и т.д.». По мнению В.В. Шелохаева, «Муромцевские чтения» «были и остаются подлинной творческой площадкой для на-

¹⁶ Шелохаев 2018. С. 7-8.

¹⁷ Шелохаев 2018. С. 10.

учного осмысления одного из важных сегментов истории общественной мысли и общественного движения в России как целого»¹⁸.

Высокие оценки «Муромцевским чтениям» были даны доктором философских наук, профессором, заведующим отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президентом национального фонда «Русское либеральное наследие» А.А. Кара-Мурзой, подчеркнувшим «огромную интеллектуальную роль», которую они «сыграли в поддержании и укреплении российской интеллектуальной среды (и, в первую очередь, сообщества историков отечественного либерализма)»¹⁹.

Нужно отметить, что одним из важнейших результатов деятельности орловских исследователей в качестве преемников школы Е.И. Чапкевича по изучению российского либерализма и его видных представителей стала установка в Орле в 2010 г. единственного в России памятника Сергею Андреевичу Муромцеву.

Таким образом, принципы традиционности и инновационности в деятельности научных школ на региональном вузовском уровне наглядно прослеживаются на примере научно-исследовательской работы школы Е.И. Чапкевича и его последователей в лице Д.В. Аронова и его коллег по изучению политической истории России рубежа XIX – начала XX вв.

Исследования в области исторической науки в Орловском государственном университете на современном этапе не ограничиваются деятельностью только научной школы Д.В. Аронова. Значительный вклад в изучение военной истории царской России и межвоенного периода в истории СССР вносят представители научной школы под руководством доктора исторических наук, профессора, Почетного работника высшего профессионального образования России Сергея Тимофеевича Минакова.

С.Т. Минаков (1946 г.р.), выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, защитивший кандидатскую диссертацию по истории средневековой Испании, с 1976 г. работает на историческом факультете ОГУ. С 1996 г. он является неизменным заведующим кафедрой истории России, и с того же года вплоть до 2012 г. был деканом факультета. Не забывая средневековые сюжеты (преподает курс «История средних веков»), он основным предметом своих научных изысканий выбрал военную историю СССР 20-30-х гг. и в результате в 2000 г. защитил дис-

¹⁸ Шелохаев 2018. С. 10-11.

¹⁹ Кара-Мурза 2018. С. 14.

сертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме: «Советская военная элита 20-х годов: состав, социокультурные особенности, политическая роль»²⁰. Перу Минакова принадлежат около 370 публикаций, включая 20 монографий, два учебника для средней школы по истории России XX–XXI вв. (в ходе Всероссийского конкурса признанных лучшими и рекомендованных Минобрнауки в 2001 г., последнее издание 2017 г.). Среди его трудов монографии: «За отворотом маршальской шинели» (Орёл, 1999); «Советская военная элита 20-х годов: состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль» (Орёл, 2000); «Сталин и его маршал» (М., 2004); «Сталин и заговор генералов» (М., 2005); «1937. Заговор был!» (М., 2010); «Заговор "красных маршалов". Тухачевский против Сталина» (М., 2018); «Первый русский генерал Венедикт Змеёв» (М., 2018) и др.

Вызывает уважение, как Сергей Тимофеевич понимает суть своей деятельности: «Для меня “история” – это не профессия. Это мировоззрение, мировосприятие <...>. Поэтому, прежде всего, я Историк, а преподавание истории – как одно из направлений применения своего исторического знания, хотя главным для меня является изучение истории и историческое исследование, как говорится – историческая наука»²¹. На юбилее, посвященном 70-летию со дня рождения С.Т. Минакова, орловский писатель Владимир Ермаков так отозвался о юбиляре: «Редкий дар, когда человек занимается увлеченно, глубоко, талантливо наукой и может говорить об этом обществу так, что достижения его науки становятся общественным достоянием, это замечательно. Не может быть культурной среды без таких людей»²². Такое отношение к истории во многом определяет роль С.Т. Минакова в качестве руководителя научной школы по изучению российской военной элиты второй половины XVII – первой половины XX вв.

Одним из важнейших предназначений научной школы является не только то, что она генерирует научные идеи, способствует их распространению, но и то, что она является платформой для подготовки нового поколения ученых. В.К. Криворученко отмечал, что «важной функцией научной школы является забота о научной смене, о подготовке кандидатов и докторов наук. Ученый-руководитель и его коллеги стремятся сформировать из чис-

²⁰ Известные ученые ...; Чернобаев 2017: 338.

²¹ Минаков Сергей Тимофеевич...

²² 70-летний юбилей отметил ...

ла начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников»²³. Это в равной мере относится к научной школе С.Т. Минакова. Под его руководством 21 аспирант защитил кандидатские диссертации, причем 15 из них – по предложенной им научной проблематике. Сергей Тимофеевич также являлся научным консультантом двух докторантов – А.Н. Гребенкина (2017) и В.А. Бобкова (2018), которые успешно защитили свои докторские диссертации по проблемам военной истории XVIII – начала XX вв. С.Т. Минаков, как наставник молодых исследователей, придерживается, по его словам, следующего: «Всякая прикладная сфера предполагает способности, талант, профессиональную интуицию, а в преподавательской деятельности обязательно нужно любить тех, кого обучаешь, и быть снисходительным к их слабостям, но никогда ими не пользоваться, быть великодушным к их проступкам. Быть сильным и добрым»²⁴. Бывшие аспиранты и докторанты С.Т. Минакова успешно работают в высших учебных заведениях и других образовательных организациях г. Орла, занимают высокие должности в городской и областной администрации, в культурно-просветительских структурах Орловской области, с успехом презентуют свои научные достижения на научных конференциях разного уровня и с гордостью заявляют о себе как о представителях его научной школы.

И, наконец, небольшой сюжет хотелось бы посвятить еще одной научной школе, функционирующей на базе кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета ОГУ им. И.С. Тургенева – это научная школа «Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия», научным руководителем которой является автор данной статьи²⁵. Научные интересы самого руководителя, связанные с

²³ Криворученко 2011.

²⁴ Минаков Сергей Тимофеевич

²⁵ Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России, выпускница историко-английского факультета ОГПИ. С конца 1979 г. работает на историческом факультете, пройдя трудовой путь от ассистента до заведующей кафедрой всеобщей истории и регионоведения (с 2003 г. по настоящее время) и декана исторического факультета (с 2012 по 2020 гг.). Кандидатская диссертация «Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX – начале XX века» (1984 г.) и докторская диссертация «Либеральная партия и Британская империя в конце XIX века: идеология и политика» (1996 г.) были защищены в Ин-

историей Великобритании XIX–XX вв. и социокультурными аспектами восприятия одних народов другими, определили и саму направленность, и проблематику деятельности научной школы.

В центре внимания членов научного коллектива школы изучение таких проблем, как: Россия в мире XIX – XX вв.; проблемы европейской и американско-канадской идентичности; вопросы социокультурного восприятия североамериканских и европейских народов друг друга; взгляды и воззрения представителей российских общественных кругов на особенности государственно-политического устройства западных стран; малоизученные вопросы о личных контактах европейцев, американцев и россиян; различные аспекты дипломатических и культурных связей России / СССР и западных стран; Россия и Запад в условиях холодной войны; Россия, США, Европа и проблемы глобализации. Преимущественно внимание уделяется изучению восприятия образа той или иной страны глазами русских современников. В центре исследования такие страны, как Великобритания, Франция, Германия, США. Как правило, результаты исследования представлены в многочисленных публикациях представителей школы, а также в выступлениях на национальных и международных конференциях, в том числе и за рубежом.

Как любая научная школа, презентуемая школа «Страны Запада в XIX–XX веках глазами русских...» ставит своей целью подготовку научных кадров. Предметы исследования членов научной школы, многогранны и географически достаточно разнообразны: здесь и британские, французские, немецкие и американские сюжеты. Результатами исследовательской работы аспиран-

ституте всеобщей истории АН СССР/РАН. Автор более 200 научных публикаций, 10 монографий, в т.ч.: «Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX века» (Орел, 1992); «Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.)» (в соавторстве. М.: ИВИ РАН, 1999); «У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века» (Орел, 2008); «Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков» (Орел, 2009), и соавторство в ряде коллективных монографий, среди них: «"Свой"/"Чужой" в кросс-культурных коммуникация в странах Запада и России» (СПб.: Алетейя, 2019); «"Свой" и "Другие": взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова)» (отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2020). Она успешно представляет российскую историческую науку на международных конференциях в Великобритании, Германии, Ирландии, Италии, Исландии, Испании, Словакии, Словении, Португалии, Турции, Франции, Швеции и др.

тов стали успешные защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в т.ч.: В.Н. Долговой «Русско-английские культурные связи в конце XIX – начала XX веков», в которой впервые ею была предпринята попытка воссоздать целостную картину русско-английских связей в области литературы, театра и музыкального искусства. Интерес также представляет диссертация Е.В. Жарких «Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начала XX веков: социо-экономические аспекты восприятия», в которой автором было доказано, что традиционные представления русских о немцах трансформировались в конце XIX – начале XX в., и наиболее популярным среди русских стал образ немца-предпринимателя. Не менее значимой для работы научной школы стала диссертация В.В. Борискина на тему: «Викторианская Англия в оценке русских либералов и демократов в 50–60-х гг. XIX в.». В работе были рассмотрены такие аспекты, как восприятие русскими современниками экономического и политического строя Англии в середине XIX в., уделено было внимание и проблемам восприятия россиянами быта и национального характера англичан в рассматриваемый период. Американские сюжеты нашли свое воплощение в диссертационных работах О.Ю. Казаковой «Америка и американцы в оценке русского общества, конец 1850-х – 1867 г.» и Н.А. Низовцева «Становление и функционирование русской диаспоры в Калифорнии во второй половине XIX – первой трети XX века». Активное участие в работе научной школы принимают студенты старших курсов и магистранты исторического факультета.

Члены научной школы, как сам ее руководитель и уже состоявшиеся преподаватели-ученые, так и аспиранты активно сотрудничают с Российским обществом интеллектуальной истории (председатель – член-корр. РАН, проф. Л.П. Репина) и Центром истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока ИВИ РАН (руководитель – гл.н.с. ИВИ РАН Т.Л. Лабутина). Результатом такого сотрудничества стали организованные совместные научные мероприятия, как международные конференции «Полтавская битва в контексте международных отношений в XVIII в.: историческая ретроспектива» (22-23 мая 2009 г. ОГУ, Орел), «Опыт мировой истории и проекты будущего в общественной мысли России и Запада в XIX – начале XXI века», посвященная 200-летию юбилею Т.Н. Грановского (25-28 сентября 2013 г., Орел), Российско-французский коллоквиум «Франция-Россия: два народа: единая история и культура» (23-24 сентября

2010 г., Орел), Всероссийский научно-практический коллоквиум с международным участием «Социокультурная жизнь Европы и России глазами интеллектуалов XIX века» (28-30 октября 2018 г., ОГУ им. И.С. Тургенева). Таким образом, на кафедре всеобщей истории и регионоведения ОГУ сложились прочные основы для развития научных традиций и воспитания научных кадров в рамках школы «Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия».

В целом, научные исторические школы в российских высших учебных заведениях, как правило, реализуют свою исследовательскую деятельность в рамках существующих кафедр. Возглавляемые ведущими специалистами в той или иной области исторической науки, вузовские научные школы, сохраняя и приумножая сложившиеся традиции, в современных условиях возрастающих запросов общества на формирование исторической идентичности и исторической памяти россиян, расширения и углубления их знаний как российской, так и всемирной истории, с одной стороны, а с другой, потребностью объективного осмысления исторического прошлого России в ее взаимосвязи с историческим развитием других стран, выступают инновационными исследовательскими площадками, представители которых являются генераторами новых идей и направлений в области истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бабосова Е.С. Роль научных школ в развитии мотивационной ориентированности молодежи на научную деятельность // Социологический альманах. 2020. № 1. С. 204-209.
- Вузовская наука в России и мире. URL: <https://issek.hse.ru/news/469127520.html>
- Известные ученые. Минаков Сергей Тимофеевич. URL: <https://www.famous-scientists.ru/9470/>
- Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. Изд. 2-е, испр. М., 2008.
- Кара-Мурза А.А. «Муромцевские чтения» в Орле и проект «Российский либерализм: идеи и люди» // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сб. материалов Международной научной конференции. 28–29 сентября 2018 г. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева / Под общ. ред. В.В. Шелохаева; Орел: ОГУ. Изд. Дом «ОРЛИК», 2018. С. 11-15.
- Красикова Т.Ю. Научная школа как точка роста научного знания // Университетское управление: практика и анализ. Том 22. № 1. 2018. С. 51-60.
- Криворученко В.К. Научные школы – важнейший фактор развития современной науки // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/
- Минаков Сергей Тимофеевич. URL: https://vk.com/@ist_ogu-minakov-sergei-timofeevich?ref=group_block

- Научная школа кафедры теории и истории государства и права «Историко-правовые аспекты развития российской государственности» // Кафедра теории и истории государства и права / Сайт Орловского государственного университета. URL: <http://oreluniver.ru/edustruc/chair/282/extra>
- Свечникова С.В. и др. Евгений Иосифович Чапкевич: Ученый и Учитель // Россия и Запад. Идеи, политика, культура. Конфликт – диалог – взаимовлияние: Сб. статей кафедры всеобщей истории и регионоведения, посвященный 450-летию города Орла и 25-летию кафедры. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С. Тургенева», ООО «Модуль-К», 2016. С. 3-11.
- 70-летний юбилей отметил один из самых известных преподавателей Орловского государственного университета – Сергей Тимофеевич Минаков. URL: <https://ogtrk.ru/novosti/47791.html>
- Чапкевич Е.И. [Рец.:] Г.П. Мягков. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. – Казань, 1988 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 208-209.
- Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Биобиблиографический словарь. В 3 т. М.: Собрание. Т. 2: «И-П». 2017. С. 338.
- Шелохаев В.В. Предисловие // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции. 28–29 сентября 2018 г. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева / Под общей ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева; Орел: ОГУ, Изд. А. Воробьев, Изд. Дом «ОРЛИК», 2018. С. 7-11.
- Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Гребера, Г. Штейнера. М., Наука. 1977. С.7-96.

Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, gellat@mail.ru

Scientific Schools of History in Contemporary Russian Universities: Personal Factors, Continuity and Innovations

At the present stage, scientific schools operating on the basis of departments, scientific laboratories and centers play an important role in the development of not only university, but also national, and sometimes world science. This article attempts to characterize the activities of this scientific structure at the regional level on the basis of already available in the domestic research literature the general assessments of the role and place of scientific schools in the generation of new ideas and directions, in the development of their own technology of creation, transfer and application of knowledge. The subject of the study was the scientific schools that were created and are currently working at the Orel State University named after I.S. Turgenev. The article analyzes the goals and objectives underlying the work of these schools, describes their academic leaders, and evaluates the results of their work. The author focuses on the presence of the principle of continuity, combining tradition and innovation, in the work of the Orel scientific schools.

Key words: scientific schools, historical science, Orel State University, E.I.Chapkevich, D.V. Aronov, S. T. Minakov, traditionalism, innovativeness.

Gella Tamara, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev, gellat@mail.ru

«ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ БУДЕТ...»
(КАК ИЗБРАТЬ ПРОФЕССИЮ ИСТОРИКА?)

Интервью с профессором
Германом Пантелеймоновичем Мягковым

Н.И.: Специалисты по когнитивным наукам говорят нам, что метафоры времени и пространства являются главными инструментами нашего восприятия, осмысления и репрезентации мира. Но, как сейчас становится все очевиднее, историческое сознание не только исторически изменчиво, оно может и не сформироваться вовсе в новой эре. История как глобальная матрица познания – все же лишь один из вариантов, это трудно представить людям Modernity, но это возможный путь развития.

Сложилась практика, когда гуманитарии, рассказывая о перипетиях истории своей науки, обращаются к перипетиям собственной научной биографии. Вот и Вы, наряду с созданием работ по истории исторической науки в Казанском университете¹, обращались к жанру воспоминаний, в которых создали выразительные портреты своих учителей, друзей и коллег, внося вклад в создание коллективной памяти нашего исторического сообщества².

Однако одним из существенных недостатков мемуарной литературы, воспоминаний является то, что их авторы явно недостаточно уделяют внимания осмыслению того, как в ходе становления их собственной идентичности зародилась идея превратить «это» в профессию. Как Вы обнаружили свое частное историческое сознание, иными словами, что подтолкнуло Вас к истории?

Г.М.: Очевидно, что так поступают не только гуманитарии. Но Вы правы в том, что именно гуманитарии и прежде всего историки много сделали для теоретического осмысления того феномена, «как в ходе становления ученого зарождалась его профессиональная идентичность, происходило становление его профессионального самосознания». Дело в том, что в сформировавшееся на современном этапе предметное поле истории историографии включается новый жанр: автобиоисториографические описания. Представленный ярче всего ставшими классикой автобиографическими эссе крупнейших историков современности П. Нора, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби и др., он был означен такими категориями, как «эго-история», «интеллектуальная автобиогра-

¹ Мягков 2005; Мягков, Недашковская 2011; Мягков, Хамматов 2013; Мягков, Хамматов 2019; Мягков, Хамматов 2007.

² Бухарасев, Мягков 2020; Жигунин, Мягков 2001; Королев, Мягков 2000; Мягков 2019; 2009; 2018; 2003; Мягков, Чиглинцев 2014; Мягков, Юсупов 2002.

фия» и др. Теоретически этот жанр осмыслен в трудах Л.П. Репиной, Т.Н. Поповой, Н.Н. Алеврас, И.И. Колесник, Ю.Л. Троицкого, Т.Н. Ивановой, А.Н. Дмитриева, С.И. Маловичко, Е.А. Чиглинцева, А.А. Сальниковой и др. Исследователи видят значение этого жанра в том, что он позволяет прийти к пониманию ценности творческой индивидуальности, неповторимости личности ученого как главного *объекта* историко-научного анализа. И речь здесь идет как об общей с историографией функции, знание которой, по актуализированному Л.П. Репиной определению Е.В. Гутновой, «позволяет ученому правильно оценивать степень новаторства современных исторических идей, концепций, исследовательских методов, отличать подлинное новаторство от перепевов уже давно известного»³, так и об обретении непосредственного объекта познания (в отличие от объекта изучения, которым выступает сам человек)⁴ для развития интеллектуальной истории, движения ее в условиях современной историографической революции к «новой культурно-интеллектуальной истории». Этот объект – это-документы, персональные тексты. Разумеется, он включает и все труды ученого во всех их «форматах» и видах, но, соглашусь с Л.П. Репиной, именно прогресс жанра интеллектуальных биографий и интеллектуальных исповедей историков выступает в качестве важнейшего показателя развития интеллектуальной истории.

Тайна жанра, а равно повышенного интереса к нему и в научном сообществе, и у широкого круга читателя, на мой взгляд, «схвачена» Полом Томсоном в его констатации: *«Автобиография – это наивысшая и самая поучительная форма, в которой мы сталкиваемся с пониманием жизни. Это видимый феноменальный, неповторимый жизненный путь, составляющий основу для понимания того, что именно породило его в определенных обстоятельствах»*⁵.

Естественно обращение к историку (физику, юристу и т.п.) с вопросом, когда и как он выбрал профессию историка (физика, юриста и т.п.)? При этом можно выделить по меньшей мере две формы постановки/ответов на него. Первая – это **воспоминания**, прежде всего «большие», охватывающие жизнь автора (грешен, этот жанр почитаю особо). Они, как правило, содержат подроб-

³ Репина 2015, с. 406.

⁴ Репина 2009, с. 264-267; Попова 2012, с. 281; 2017, с. 54, 134.

⁵ Томпсон 2003, с. 62.

ную родословную, описание детских и школьных лет, среды, учреждений, педагогов, под влиянием которых формировалась личность автора, и т.п. И вот как бы вдруг на фоне решения вопроса кем быть, в иных ситуациях – трудоустройства вообще, автор сообщает, что он сделал выбор в пользу той или иной профессии, например, возмечтав стать, скажем, историком. Принципиально важным в этом выборе оказывается пробуждение и развитие гуманитарных интересов и ощущение особой роли истории в жизни общества. Такова канва практически всех воспоминаний. Но поскольку воспоминания, соглашусь с А.Я. Гуревичем, – «это ведь такая вещь: в сознании всплывают разные пласты, не всегда контролируемые логикой...»⁶, да и жанр повышенной сложности, требующий и особой подготовки, и наличия подготовительных материалов, суммы источников (вряд ли случайно, что пока представители моего поколения, которое мой друг, историограф милостью божьей Владимир Бухараев (1948–2020), сам его представитель, предложил разместить между поколениями «шестидесятников» и «застойных времен»⁷, только приступают к деятельности на этом поприще⁸), в современных условиях историографическая наука не стала ждать милости, рассчитывать на активность таких авторов. Фактически возникла и стала очень популярна вторая форма – жанр *интервью*⁹, когда задается программа разговора и воспоминания создаются по принципу «направляемой демократии». Вот и Вы конкретно ставите вопрос, как стал я историком. Но так ли интересны такие воспоминания?

Н.Н.: Думаю, что «Да». Это интересно и в связи с антропологическим разворотом /запросом историографии, который мы много обсуждаем, и в связи с отказом современной педагогики от знаниевой парадигмы и поиском путей антропологизации обучения, и, конечно, для самых молодых историков, родившихся в цифровую эпоху и задающих нам сейчас на занятиях вопросы о новом гуманизме и вечных ценностях нашей профессии. Общество жаждет, как заметил известный историк В.П. Булдаков, «не только комфортного настоящего, но и комфортного прошлого». И важно понять, «из какого сора растут цветы, не ведая стыда...». Как вы сами можете рассмотреть свой ген историка?

Г.М.: Ну, хорошо, повспоминаю... Я родился в 1946 году в Ярославле. Детство и юность прошли в г. Данилове, куда пере-

⁶ Гуревич 2004, с. 11.

⁷ См.: Бухараев, Мягков, с. 235.

⁸ Лучшими полагаю воспоминания: Кабытов, 2008; 2012; Попова, 2020.

⁹ «Из первых уст...» 2020.

ехали мои родители в 1947 г., ибо встал вопрос о создании условий буквально выживания. Районный центр Ярославской области с его полуаграрной жизнью такие возможности давал, мы поселились в доме деда по материнской линии Николая Михайловича Милова. А еще город имел славную историю и, казалось, перспективы развития. Главное – для отца была интересная работа на местном заводе.

С детства слышал, правда, документально не подтвержденную легенду, что у истоков будущего города, названного Даниловым, были дачи, построенные по приказу путешествовавшего по северным землям князя Московского Даниила, младшего сына Александра Невского, на берегу реки Пеленги. Впервые же как село Даниловское он упомянут в одной из жалованных грамот князя Василия II, но это результат современных изысканий. Даниловцы любят вспоминать, как их предки в годы Смутного времени создали ополчение, которое участвовало в борьбе с польскими отрядами. Местом памяти была улица Земляной вал, что находилась, пересекая улицу Карла Маркса, где располагался наш дом, буквально в 150 метрах от него. В 1777 г. при учреждении Ярославской губернии Даниловская Слобода стала уездным городом. История Данилова во многом определялась тем, что он располагался на стратегическом пути из Москвы в Архангельск. В 1872 г. железная дорога связала Ярославль с Вологдой, пройдя через Данилов. Революцию 1917 г. город встретил, имея, как подчеркивают все его «истории», «13 улиц и менее 5 тыс. жителей».

Я же стал жителем города, численность населения которого перевалила за 15 тысяч. Это уже был крупный железнодорожный узел – через него проходили поезда на север (Архангельск, Мурманск) и на восток, в том числе знаменитый поезд № 1 «Москва – Пекин» (впервые прошел в 1954 г.), смотреть на китайских пассажиров которого часто сбегалась детвора на протяжении всех лет моего детства. По меньшей мере третья часть населения города была так или иначе связана с Северной железной дорогой. Условно еще одна часть – с предприятиями сельскохозяйственного назначения, а третья – с Даниловским заводом деревообрабатывающих станков, основанным в результате эвакуации в 1941 г. мотороремонтного завода из г. Торжка. Завод с 1952 года перешел на выпуск лесорам, став со временем предприятием союзного значения, поставляя свою продукцию не только на внутренний рынок, но и за границу.

Вот и вставал вопрос: как стать историком в нетипичной ситуации маленького городка, где все, казалось, подталкивало к решению пресловутого спор между «физиками»/технарями и «лириками» / гуманитариями в пользу первых.

Я вырос в семье, которую, наверно, можно отнести к заводской технической интеллигенции. Отец, Мягков Пантелеймон Федорович (1914–1997), как раз более 35 лет проработал на Даниловском заводе деревообрабатывающих станков, занимая должности главного технолога, возглавлял разные отделы (ОТК, БРИ-За); мать, Валентина Николаевна (1923–1997), многие годы возглавляла заводскую библиотеку. Заводской патриотизм был силен. Для меня запах синек, сверкание электродуг сварки, шум токарных станков – все было родным. Я видел, как уважался труд рабочего человека. Мой отец был удостоен ордена «Трудового Красного знамени». Низкий поклон моему наставнику дяде Саше Барышеву, слесарю 6 (!) разряда, который в течение трех месяцев «школил» меня, ученика 11 класса, в 1963 г. во время прохождения на заводе производственной практики («хрущевская» реформа школы в действии!). По итогам практики и специального экзамена мне была присвоена специальность «Слесарь монтажно-сборочных работ 2-го разряда». В том году завод изготовил 2735 лесорам (максимальный выпуск пришелся на 1972 г. – 4130 шт.). В таких условиях передо мной открыта была перспектива стать стипендиатом завода и получить образование в технологических вузах Ярославля или Владимира.

И тут надо сказать, город Данилов поры 50-х – начала 60-х годов жил своей культурной жизнью. Духовность города во многом связана с тем, что в нем сложился круг местной интеллигенции, в него вошли высылаемые в 30–40-е годы из столичных городов. Вот и мои родители были знакомы со многими из них, и оказались они в числе моих учителей. Это прежде всего семья Григорьевых: Валентина Васильевна была моей первой учительницей, ее муж Валериан Алексеевич, который вернулся после 1953 г. из лагерей; даниловцы его любили как руководителя драматического кружка при Доме культуры, фактически народного театра (созданный в 1918 г., к декабрю 1953 г. он поставил – по сообщению И.Е. Белосельского – 300 пьес и показал 2000 спектаклей). Помогая Валентине Григорьевне, Валериан Алексеевич поставил силами нашего 2^а класса маленькую пьеску, где мне выпала роль отца (!) героини; говорили, что грим удался... Делом жизни краеведов И.Е. Белосельского (бабушка особенно дружила

с его сестрой Анной Евлампьевной), П.К. Шарапова и художника С.Н. Сержпинского (он учил меня рисовать в кружке в Доме пионеров, а потом был учителем рисования в школе) стало создание народного краеведческого музея истории города. Вот и привлекалась к этой работе детвора. В результате в коллекции самоваров в музее одним из самых примечательных стал самовар, произведенный на медно-самоварном заводе местного купца Ф.Ф. Фомина в конце XIX века, сохранившийся в нашей семье.

Особую роль в судьбе города и моей сыграли направленные для работы в районную школу выпускники Казанского государственного университета. Еще конце 1930-х годов вместо аспирантуры у проф. Н.Г. Чеботарева в школу № 12 приехала по распределению преподавать математику Мария Константиновна (такова была практика приспособливать татарские имена, на самом деле она была Марьям) Акжигитова, а в 1953 г. учителем русского языка и литературы стал выпускник истфака КГУ Александр Григорьевич Ханин (годом позже приехала его жена, Ася Зиевна Ханнина, моя первая учительница географии). Оба они были завучами в школе, формировали, теперь я понимаю, академический дух, сами учили думать, были выдающимися педагогами. А в моей голове как-то возник «силуэт» Казанского университета...

Итак, в 1953–1964 гг. я обучался в средней школе № 12 г. Данилова, 11 классов которой закончил с серебряной медалью. Вспоминая годы детства и юности, могу сказать, что это было замечательное время. Печать на него накладывали такие важнейшие события, как XX съезд КПСС, освоение целины, запуски первых спутников, первого космонавта Земли Юрия Гагарина и многие другие. Буквально встают перед глазами такие картины.

Лето 1953 года... Мне 7 лет. Моя бабушка по линии мамы, Евдокия Федоровна Милова (1900–1954 гг.; в девичестве Генералова, да, верно, по преданию, из крепостных какого-то генерала...; стала учительницей, настоящей народной, любимой учениками, которым она преподавала родной язык и родную литературу; ее труд был вознагражден орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени) приводит меня первый раз в школу – скоро 1 сентября, и я стану школьником. Школа располагалась еще в старом здании на улице Карла Маркса. Помню, что в большом зале, на стенах которого висели портреты руководителей страны и партии, царил суета: какой-то мужчина стоял на высокой лестнице и снимал один из портретов. Тогда страна узнала, что «славный сталинский сокол» (характеристика из энциклопедии)

дии) Л.П. Берия исключен из партии «как враг Коммунистической партии и советского народа».

Другая картина: ...весна 1956 г. Теперь уже актовый зал нового здания школы. В него переносят стулья, а из спортзала – длинные скамейки. Быстро вечереет, но в школу идут родители – не все, а только члены партии; нас, детвору, пораньше отпускают домой. Я задерживаюсь в школе, поскольку родители пришли на собрание... И слышу: знакомый, очень красивый, внятный голос нашего завуча Александра Григорьевича: он читает такой текст, который даже десятилетнего школяра не мог оставить равнодушным. Ведь мы все жили всегда в политике, уже были приняты в пионеры, к очередному съезду – двадцатому – партии готовили свои подарки, боролись за звание лучшего отряда... Кроме того, где-то уже с 1955 г. бродили невнятные слухи... Так я узнал о докладе Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

А еще этой же весной из репродукторов звучала особая музыка, которая сопровождала опять-таки важные события: «До свиданья, мама, не горюй, не грусти, пожелай нам доброго пути...». И уезжали из города и деревень молодые ребята и девушки на целину. Возможно, это был первый достаточно массовый исход населения из района; в сам же город усилился приток сельского населения: расширялся завод, реконструировался железнодорожный узел, была реорганизована машинно-тракторная станция, из бывшего собора сооружают Дом культуры... Из репродукторов доносится «Марш бригад коммунистического труда»...

Все это на фоне событий, волнующих и заставляющих по-особому биться сердце: взлетел Ту-104, вышел в море атомоход «Ленин», запущен первый спутник Земли, за ним второй, третий... Осенними вечерами мы с учительницей физики Октябриной Григорьевной Разумовой (она преподавала и астрономию) выходили из здания школы и при помощи лучей карманных фонариков, необходимых, чтобы указывать направление обзора, отыскивали быстро перемещавшиеся по небу зеленые звездочки. Чтобы закончить космическую тему, отмечу, что ничего более волнующего и потрясшего до глубины души мы не переживали, чем то, что случилось 12 апреля 1961 г. Шел урок географии, и вдруг около 10 часов совсем неожиданно заработал радиоприемник. К этому времени школа была радиофицирована, радиопередачи шли каждый день, но чтобы во время урока... Услышав сообщение о том, что в космос взлетел гражданин СССР, майор Юрий Гагарин, мы все вскочили, началось невообразимое, но это

не был просто шум, а был восторг, наша учительница Анна Ильинична плакала, еще бы: советский человек в Космосе!

Разумеется, когда начинаешь вспоминать былое, то перед глазами встают замечательные люди, все те, кто меня учил, формировал, помогал выбрать профессию: мои родные, мои учителя, мои друзья... Вот наш первый директор Геннадий Павлович Молчанов. Нам он казался строгим, даже неприступным. Теперь-то я понимаю, он заложил особый стиль поведения в школе. Меня всегда удивляло, когда я приходил в другую школу, почему там шум, гам, беготня... Нет, куда милее, а главное, функциональнее размеренное, по кругу, «движение» на перемене младшеклассников, спортивные разминки старшеклассников в спортзале, весной, летом, осенью – на школьном стадионе. Чистота в школе обеспечивалась целой системой мер, но ядром ее было самообслуживание. Это было святое слово: *сами*. Конечно, организованные, мы трудились летом на пришкольном участке, дававшем образцовые урожаи всех овощных культур, что росли на весьма скудной земле Верхней Волги, а главное... кукурузы, по графику дежурили на метеостанции, разводили кроликов, что приносило школе некий доход, материализовавшийся в ежедневных «завтраках», собирали металлолом.

Когда я учился в старших классах, директором стал Юрий Александрович Куликов. Он сыграл в моей жизни особую роль. Впрочем, это, очевидно, могут сказать очень многие. Юрий Александрович учил физике, но не только. Блестящий организатор, он возбуждал в нас желание участвовать в общественной, спортивной жизни, выслушивал и советовал. Довольно часто возвращаясь вместе из школы после заседаний комитета комсомола, мы беседовали на разные темы. Вспоминаю его слова: «Лучше стать хорошим историком, чем посредственным инженером», он знал, что в числе возможных вариантов я рассматривал план поехать поступать стипендиатом завода. Ю.А. доверил мне школьную фотолaborаторию и радиозел. Случалось печатать до 200 фотографий, когда готовились роскошные альбомы, которые рассказывали о жизни школы. Представленные в Отдел образования Северной железной дороги, эти документальные свидетельства серьезно влияли на решения по поводу места школы в соревновании. Еще бы, мы их оформляли под руководством настоящего художника, учителя рисования Сергея Николаевича Сержпинского.

Вообще в школе работал прекрасный коллектив. Зинаида Александровна Панкина учила меня истории и, кажется, не на-

прасно. Географии – Ася Зиевна (в школе ее звали Ася Павловна) Ханина, Прасковья Арсеньевна все же научила писать грамотно (вот уже два десятка лет решаюсь редактировать тексты учеников и коллег). Я благодарен всем моим учителям. И если я не стал химиком, физиком, биологом, математиком и т.п., то это не значит, что знания, преподаваемые Мирой Сергеевной Полетаевой, Марисей Константиновной Акжигитовой, Федором Николаевичем Гулюкиным, негодились. Нет, нет и нет той системе, которая отказывает вступающему в жизнь человеку в праве получить универсальное общее образование. Все знания нужны. Я благодарен и моим учителям физкультуры Сергею Даниловичу Соколову и Борису Павловичу Кузьмину. С ними были и пионерские лагеря, и секции, и соревнования. Сегодня, обихаживая свой дачный участок, помню уроки Валентины Ивановны Жоховой, на которых мы не только «боролись» с «Вейсманизмом–морганизмом», а узнавали приемы мичуринской науки; когда сажусь за руль, вспоминаю Бориса Павловича Заряшко, нашего школьного шофера, с которым ездили и на сельскохозяйственные работы, и собирали металлолом. И так, по сути, по всем позициям. Но особо низкий поклон моей первой учительнице Валентине Васильевне Григорьевой. Сегодня много говорят о компетенциях... Не принимаю это слово, а особенно те «расшифровки», которые «объясняют» его. Оно изымает из педагогического процесса душу. Не хочу, чтобы моих внуков учили учителя, обладающие компетенциями..., среди которых нет ни любви к детям, ни профессионализма, ни требовательности, ни ответственности за свое дело, ни просто широты взглядов.

Вообще между школами – их было пять – шла здоровая конкурентная борьба, ее ареной в 1960-е годы были и смотры художественной самодеятельности, и спортивные соревнования, особенно по лыжам, и сражения «клубов веселых и находчивых». И конечно, успехи выпускников на вступительных экзаменах в вузы... Пожалуй, это был еще один из путей «исхода» молодежи из города. К сожалению, уже в 1970-е годы практически было невозможно встретить в Данилове выпускников 1960-х годов. В этом сфокусировалось и проявилось множество процессов. Но нельзя отрицать очевидное: нас, мое поколение, хорошо учили, хорошо готовили, мы получали достаточный стартовый «капитал», чтобы отправляться из районной глубинки в Москву, Ленинград, Ярославль, Владимир, Казань, Вологду и поступать в ву-

зы. К сожалению, повторю, возвращались немногие, в родном городе мы были не очень востребованы.

Н.Н.: Итак, школа окончена, проблема выбора профессии, шаг в новую жизнь... Вы уже видели себя историком? Люсьен Февр писал, что история для него «предмет... сердечной склонности и призвания». О сердечной склонности Вы поведали, а вот где встречается призвание и профессия?

Видел ли я себя в момент окончания школы историком? Скорее, учителем истории, без какого-либо иного загляда. Почему учителем? Наверно, потому что делался выбор в пользу гуманитарной профессии, профессии, известной по жизни, «господствовавшей» среди моих родственников. Она позволяла, по моим представлениям, органично сочетать и явно привлекавшую меня общественную деятельность. Наверно, имею право особенно теперь, когда за плечами и немалый опыт педагогической работы и опыт воспитания сына, внуков, сказать, что главную роль в сознательном определении профессии играет семья, главные воспитатели – родители, родственники... Вновь обращусь к семье.

В нашей семье ее настрой, дух, характер отношения к жизни – по детским воспоминаниям – создавался бабушкой Евдокией Федоровной – я и моя сестра Наталия ее звали бабулей. Как себя помню, она мне читала на ночь. Как-то случилось, что я прижал ладошки к тушилке, куда только что засыпали горячие угли... Было нестерпимо больно... Бабушка зовет меня к себе в комнату и из комода достает коробочку, в ней три карандаша, и каждый назван: «Руслан», «Рогдай», «Фарлаф». И я слушаю поэму Пушкина, забыв о своих страданиях... Ну и вот, в моей немалой на сей день библиотеке почетнейшее место занимает книжечка, маленькая такая, «Лисичка со скалочкой», в правом верхнем углу читаю: «№ 1. Герочке от бабушки. 1948 г.». Так родилась традиция, подаренные книги обретали номер, а книги действительно были лучшим подарком. Недавно мои внуки Саша и Алина прочитали «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна, изданную «Молодой гвардией» в 1955 г., – на книге надпись: «№ 210. Гере от папы, 28/V. 56 г.». К сожалению, бабушка рано ушла, когда мне не было и 8 лет. В последний путь ее провожал, как казалось по заполненной людьми улице, весь город. Главным «материальным» наследием ее остался черный книжный шкаф. Но его сразу закрыл на ключик... брат мой мамы, который объявил себя его владельцем, однако он вскоре уехал с семьей на постоянное жительство в Воркуту...

Мой дед Николай Михайлович Милов (1898–1974), опять по линии матери (деда по линии отца, Мягкова Федора Павловича (ок. 1880 – ок. 1939), я не видел, он был краснодеревщиком, в советское время служил бригадиром на топливном складе на железной дороге; в 1937 г., вместе с сыном, моим дядей Павлом Федоровичем, он был осужден «тройкой» по 58-й ст., сослан и умер в одном из лагерей ГУЛАГа в Архангельской области), происходил, как говорили, из мещан, трудился всю жизнь бухгалтером, сводя свои балансы с точностью до копейки. Выпускник классической гимназии, он был неплохим рассказчиком, особо ему удавались пересказы библейских историй – истоки моих знаний и интереса к истории религии и церкви (к тому же он вел бухгалтерию местной церкви, и я часто с ним совершал походы туда, разумеется, не рассказывая об этом приятелям), а также древнегреческих мифов – истоки моих интересов к античности. И лучшей, так сказать, «материализованной» памятью о нем является доставшийся мне по наследству «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, в 3 томах, составленный под редакцию Ф. Толля» (СПб., 1863–1864). Этот уникальный справочник не только по «всем отраслям знания», а по своей эпохе, сколько раз он становился источником уникальных сведений и справок и для меня, и для моих учеников.

Время шло... и года через два забытый всеми шкаф очень меня заинтересовал; найти ключ, тем более что он был «спрятан» в ящике стола деда, труда не представляло. И вот поворот ключа заместил для меня «сезам», открыв не просто шкаф, – теперь я осознаю – а путь в мир, о котором вряд ли мог подозревать паренек провинциального городка, завсегдаятай районной библиотеки. Я брал одну-вторую книгу и закрывал шкаф. На протяжении всех школьных лет я путешествовал по книжным полкам и находил книгу, полезную в данный момент. Собрания сочинений Жуковского, Лермонтова, Добролюбова, Белинского, Писарева, изданные до революции, Шекспир... Была целая библиотечка дореволюционных хрестоматий по литературе. В 10 классе на стол пожаловала книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», приложенная синхронистическая таблица из этой книги – реализация рекомендации В.И. Ленина – была аккуратно извлечена из книги и в последующем отправилась со мной в Казань, сегодня она где-то в моей библиотеке. Родители, как могли, объяснили мне, что есть «запрещенные» книги и имена. Однако чтение книг акад. Н.Я. Марра не произвело впечатления.

Особой страстью была география, копирование карт, составление таблиц о наличии запасов природных богатств по странам, о производстве. Начиная с 1956 года выписывался журнал «Техника – молодежи», каждый номер был ожидаем. Еще бы! Читали и обсуждали материалы «Существовала ли Атлантида», планы «великого скачка», замышленного «коммунистическим» Китаем, фантастику. В начале 60-х годов популярным стал журнал «Наука и жизнь». Особенно востребованной оказалась «Комсомольская правда», поскольку в старших классах – вот, пожалуй, точка отсчета в моем движении к истории как профессии – я оказался связан с формировавшейся в школе практикой подготовки политинформаций. С нетерпением ждал каждого субботнего номера газеты, в котором размещалась колонка Ярослава Голованова с замечательными очерками об ученых. Эти «колонки» вырезались и сохранялись (моя мама сберегла все такие «материалы»).

При весьма скромных материальных возможностях родители старались меня и сестру познакомить с Ярославом, со столицами. Поездки в Москву и Ленинград вспоминаются как яркие события детства. Они же были – можно здесь и потеоретизировать – средством формирования исторического сознания. Так, в сентябре 1952 года мы были в Москве. Может ли что-либо помнить ребенок 6 лет, кроме того, что впервые увидел телевизор? Так вот в памяти и посещение ГУМа – еще бы, была куплена великоколесная игрушка, мечта всех ребят – деревянная модель крейсера «Марат» (тут же испытанная на плавучесть в Москве-реке). Но не это было главное. Музеи! Вот что поразило. Помню посещение Мавзолея, выставки подарков И.В. Сталину к его 70-летию. А еще был поход в Малый театр. Всю жизнь ищу ответ на вопрос, что за спектакль мы смотрели. В памяти до сих пор встают картины: Москва, очевидно, конец 50-х гг. XVI в. Красная площадь заполнена народом, приветствующим выезд царя из Кремля... Ситуация, как описывает ее сам Иван Грозный в своих страстных монологах, трагическая – со всех сторон наступают враги, отравлена царица, кругом заговоры... Вот и в пьесе в царя стреляют, от стрелы его спасает юродивый, в честь которого потом называется храм... Не меньший вклад в мою историческую подготовку внесли поездки в Ленинград. Первая, в году 55-м, запомнилась посещением футбольного матча, когда в солидарность с отцом я стал болельщиком «Спартака», противостоявшим «Зениту», за который болел его друг, глава семьи, у которой мы гостили, Павел Иванович Виноградов. Прошедший всю войну моря-

ком на Черноморском флоте, он водил меня и своего сына, моего сверстника Геннадия в Военно-морской музей, в Домик Петра Великого, в музей А.В. Суворова. А еще он был книжником, передавшим любовь к книгам сыну, который стал реставратором, работал в Петергофе и в свою очередь собрал библиотеку по истории Ленинграда.

Но особенно интересным было почти месячное пребывание в Ленинграде летом 1961 года. Гидом в путешествиях по городу и музеям тогда стал мой двоюродный дед (двоюродный брат моего деда Николая) Василий Трофимович Иванов (1901–1978), отец которого был питерским фабрикантом средней руки, поставлявшим монпансье ко двору Его Императорского Величества. В годы революции он отказался от собственности и работал бухгалтером, строил Комсомольск-на-Амуре... Василий Трофимович обладал колоритной внешностью, был большим поклонником и знатоком балета, владел кулинарным искусством, имел значительную библиотеку, особенно гордился собранием книг по истории славян и Древней Руси (мне он подарил книгу акад. Б.Д. Грекова «Киевская Русь» (М., 1953). Главное – он был патриотом и знатоком истории Питера. Путешествие по городу запомнилось тем, что, указывая тот или иной дом, памятник, Василий Трофимович сопровождал рассказ анекдотами, героями которых были и императоры, и полководцы, вельможи и простые люди. Посещение Эрмитажа (оно длилось два дня) произвело неизгладимое впечатление. И среди отразившегося в памяти осталась такая картинка. Василия Трофимовича приветствует какой-то человек, он представляет ему меня и маму (мама мне шепчет – это директор), слышу разговор, мол, почему Василий Трофимович реже стал ходить в Эрмитаж, и тот отвечает, что напрасно цены на билеты подняли, вот раньше платил 1 рубль, а теперь надо платить аж 30 копеек! Потому и вынужден сократить посещения в три раза. Оба смеются и еще долго о чем-то беседуют... Также запомнилось посещение некрополя Александро-Невской лавры, Петергофа и Павловска. Уже будучи студентом КГУ, я каждый год во время весенних каникул посещал Ленинград, открывая для себя все новые и новые страницы истории великого города.

Выбор места учебы после школы был не простым делом. В Ярославле был педагогический институт, за него агитировал мой двоюродный брат Юрий Александрович Казанский, сын моей тети Ольги Федоровны, сельской учительницы. Он сам многие годы успешно руководил школой, все его дети стали учителями –

это к вопросу о педагогических династиях и генах... Но в мечтах было обучение в университете. Конечно, рассматривался Московский университет. В течение учебного года я прошел заочные подготовительные курсы для поступления в него, получая и отправляя выполненные задания по истории и литературе. Рассматривался и вариант поступления в Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской, оттуда пришли самые информативные материалы, в симпатии к которым проявлялась моя любовь рыться в книгах. Примечательно, что через семь лет я мог считаться ассистентом это замечательного вуза, ибо первым местом моей работы после окончания аспирантуры стал его Казанский филиал.

И все же выбор был сделан в пользу Казанского университета. Еще не было интернета, но информация собиралась и обсуждалась, взвешивались все за и против. Слушал рассказы о Казани. Особые чувства к городу порождал рассказ отца из своей биографии военного лихолетья. В 1944 году его, не могущего передвигаться, в г. Энгельсе, где он руководил строительством объекта военного назначения, внесли на пароход, идущий вверх по Волге. В Казани на пароход сел врач, который не только поставил диагноз – цинга, но и, достав из своих запасов бутылку какого-то снадобья, велел его регулярно принимать, чем – в этом отец был уверен – спас ему жизнь. К сожалению, имя этого человека в том полусознательном состоянии, в котором он находился, не запомнил. И все же сегодня, очевидно, могу сказать, что перевесило то обстоятельство, что в перечне вступительных экзаменов на историко-филологический факультет КГУ не было иностранного языка. Я реально оценивал свои знания и возможности. Вот если бы я знал ситуацию с конкурсом, которая сложится по итогам приема документов... Потом встал вопрос о том, как добраться до Казани. Ответ был найден: по Волге.

26 июля 1964 г. с минимумом вещей (лето, однако), несколькими книгами, среди которых три учебника по истории СССР (но не те, по которым учились, а под редакцией проф. А.М. Панкратовой, изданные в 1953 г.) и незадолго до отъезда приобретенная «История советской литературы», я оказываюсь в речном порту Ярославля. Провожает меня отец, последние напутствия и пожелания. Три дня пути мне предстояло провести на... колесном пароходе «М.В. Ломоносов». Путешествие оказалось предельно полезным и плодотворным. Днем пароход стоял на погрузке-разгрузке, а пассажиры могли изучать город, у которого он приставал. Целый день бродил по Горькому (ныне Нижний Новго-

род), посещая музей великого писателя, особо слышал его слова, о том, что «духовно» он родился в Казани, что ее университет – «любимейший». Долго стоял у памятника Валерию Чкалову, на пьедестале которого четко проступали сбитые слова «Славному сталинскому соколу». Путь продолжался. Была прочитана «Советская литература»...

В 3 часа утра 30-го августа я оказался на казанской земле. Открывалась вторая часть жизни, связанная с Казанью, с Республикой Татарстан. Экзамены были сданы успешно. Помогало, наверное, «везенье». Как потом выяснилось, слушал меня на экзамене по истории замечательный человек, блестящий преподаватель кафедры Истории СССР Рафаил Николаевич Степанов (1923–1975), оставивший в науке немалый след, расшифровав и подготовив к печати текст «Писцовой книги Казанского уезда 1602/1603 г.»; лучшей темы для сочинения – я выбрал из трех предложенных такую: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!» – придумать было нельзя. Опять вспоминаю мою маму: зимними вечерами она приходила ко мне в комнату и терпеливо добивалась, чтобы я прочитал ей наизусть стихи или отрывки, которые, по ее мнению, мне пригодятся при поступлении. В числе прочего были не только выучены стихи о Москве, но и проработаны на предмет расстановки знаков. По русскому языку я получил также высший балл в известном смысле потому, что в сочинении не было ошибок.

И все же домой я уехал, изрядно волнуясь. Несмотря на то что я набрал максимальные 15 баллов, ситуация, как оказалась, была трагикомической. Дело в том, что по «хрущевской» реформе на социально-гуманитарные профессии 80% мест отдавалось тем, кто имел не менее двух лет стажа или отслужил в армии, а выпускникам школ – 20%. Так вот из 300 заявлений на 25 мест 150 было от школьников, которые боролись за попадание в число пяти. Могло ведь найтись пять человек более достойных!

Наконец, в руках долгожданная телеграмма – выписка из приказа ректора, кажется от 23 августа. Я в числе 25 счастливицов (мой номер по списку 21) зачислен на отделение истории историко-филологического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. Чувство радости и неизвестности разделяют мои родные. Закончился даниловский период жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Составление и общая редакция Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 208 с.
- Бухараев В.М., Мягков Г.П. Историк Ю.А. Михайлов: между поколениями «шестидесятников» и «застойных времен» // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 235-239.
- Гуревич А.Я. История историка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 288 с.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Надежда Степановна Талашова: путь историка // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Проблемы истории и историографии античности. Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 5-12.
- Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые»: Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 288 с.
- Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 352 с.
- Королев В.С., Мягков Г.П. Данная Богом высокая честь [вступит. ст. к *мемуарам*: Адо В. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века] // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2000. № 7. С. 32-34.
- Мягков Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 72-98.
- Мягков Г.П. Медиевистика в Казанском университете // История и историки в Казанском университете: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. ред. С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. С. 160-171.
- Мягков Г.П. Первый из «гетайров» профессора Шофмана: Геннадий Атласов о Школе «Анналов» // Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум (Казань, 18–20 октября 2018 г.) / составители и отв. ред. Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 38-44.
- Мягков Г.П. Слово о друге // МННМА. Сб. научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань: Изд. дом «Ритор», 2003. С. 4-10.
- Мягков Г.П., Недашковская Н.И. Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 292-311.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 8. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. С. 292-336.

- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. В.К. Пискорский в Казани // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 86-115.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 259-289.
- Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Б.Г. Могильницкий: «...отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося ученого // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 283-289.
- Мягков Г.П., Юсупов Р.Р. Педагог и ученый [Е.Д. Румянцев] // Румянцев Е.Д. Социально-экономическое положение и быт рабочего класса Поволжья в годы Первой мировой войны. Казань: Изд-во «Гран-Дан», 2002. С. 3-11.
- Попова А.А. «Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 447-467.
- Попова Т.Н. Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. 396 с.
- Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.
- Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні. Київ, 2012. С. 265-292.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
- Репина Л.П. Идеи – концепции люди, или Как писать историю средневековья сегодня? (К 100-летию Е.В. Гутновой) // Средние века. Вып. 76 (3-4). М., 2015. С. 406-422.
- Томпсон, Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 368 с.

Всероссийская научная конференция «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе». Пермь. 22–23 сентября 2007 г.

Международная научно-практическая конференция «Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)».
VII Арсентьевские чтения. Чебоксары. 12–14 октября 2017 г.

Международная научно-образовательная конференция «Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века». Казань. 14–16 ноября 2019 г.

CONTENTS

Слово Юбиляру и о Юбиляре

<i>G. P. Myagkov</i> The Historian in "His" Research School the Problem of "Intra-School" Communication.....	5
<i>G. P. Myagkov</i> General History at Kazan University in the 19th century the Problem of the Formation of a Research School.....	10
<i>G. P. Myagkov</i> Recent Discussion about Postmodernism and the Problem of Continuity of Positivist Ideas in Russian Historiography.....	20
<i>T. N. Ivanova</i> Mentoring and Scientific School of G.P. Myagkov.....	32
<i>N. N. Alevras</i> Going off the tracks of Soviet historiography the transition of historian G.P. Myagkov as seen by one of his contemporaries (essay).....	48

Historians and History

<i>G. G. Píkov</i> Formation of the historical profession in the medieval nomadic society (based on the material of the Chitan Liao Empire, 907–1125).....	62
<i>L. P. Repina</i> William Edward Hartpol Lecky Reflections on the objectives and the use of history at the end of the "Century of Empire".....	74
<i>T. A. Sidorova</i> Scientific reputation of F.W. Maitland in the context of transformations of corporative memory of Anglo-American and Russian historians.....	91
<i>V. V. Kutiavin</i> The letters by a Russian priest from Warsaw in the middle of the XIX c... <i>A. N. Khudoleev</i> The discussion problems of Russian Historical Science on the pages of the journal "The Russian Archive" (1863-1870).....	114
<i>I. R. Chikalova</i> "The British are one of the most original nations..." the tireless researcher of the Anglo-Saxon world P.G. Mizhnev.....	122
<i>K. V. Gersh</i> The Historian Captured by Memories.....	148

<i>T. N. Popova</i>	
Historiographic plateau on the “historian’s territory”. From the heritage of P.M. Bitsilli.....	172
<i>A. L. Litvin, S. Yu. Malysheva, A. A. Salnikova</i>	
“What is science without freedom?” Soviet Marxist historian Vladimir Viktorovich Adoratsky.....	190
<i>L. A. Sychenkova</i>	
The image of Jeremiah Isaevich Joffe in letters and memoirs of relatives and students.....	209
<i>D. E. Martynov</i>	
John King Fairbank and Soviet Chinese Studies.....	234
<i>V. N. Yerokhin</i>	
Arthur Geoffrey Dickens and Contemporary Discussions on English Reformation History.....	250
<i>Z. A. Chekantseva</i>	
French “History of the Present Time” in the context of reflexive turn.....	268
Научные сообщества, школы, университеты	
<i>O. B. Leontieva</i>	
The subjective (Russian sociological) school In search of research optics.....	281
<i>S. I. Posokhov</i>	
M.S. Drinov and Kharkov University: historiographical notes.....	310
<i>N. I. Nedashkovskaya</i>	
Research biographies as part of the professionalization of Slavic studies..	327
<i>V. P. Korzun</i>	
Appointment in idols: classicalisation practices in the Soviet historians community (1920s – mid 1930).....	337
<i>I. G. Vorobyova</i>	
Biographies of Slavists in the researches of scholars of Tver State University.....	365
<i>G. V. Rokina</i>	
“All roads lead to ... Kazan”: from the history of cooperation between academicians of Mari El and Tatarstan.....	380
<i>T. N. Gella</i>	
Scientific Schools of History in Contemporary Russian Universities Personal Factors, Continuity and Innovations.....	393
“The third millennium will be...” (How to choose the profession of a historian?) Interview with Professor G. P. Myagkov (<i>N.I. Nedashkovskaya</i>).....	408
СОДЕРЖАНИЕ.....	430

СОДЕРЖАНИЕ

Слово Юбиляру и о Юбиляре

Г. П. Мягков

Историк в «своей» научной школе
проблема «внутришкольной» коммуникации..... 5

Г. П. Мягков

Всеобщая история в Казанском университете в XIX в.
проблема формирования научной школы..... 10

Г. П. Мягков

Современная дискуссия о постмодернизме и проблема
преемственности позитивистских идей
в отечественной историографии..... 20

Т. Н. Иванова

Наставничество и научная школа Г. П. Мягкова..... 32

Н. Н. Алеврас

Как выйти из «шинели» советской историографии
опыт перехода историка Г. П. Мягкова
глазами его современницы (в стиле эссе)..... 48

Историки и история

Г. Г. Пиков

Формирование исторической профессии
в средневековом кочевом обществе
(на материале Киданьской империи Ляо, 907–1125)..... 62

Л. П. Репина

Уильям Эдвард Хартпол Лекки
размышления о задачах и пользе истории
на исходе «Века Империи»..... 74

Т. А. Сидорова

Научная репутация Ф. У. Мейтленда
в контексте трансформации коллективной памяти
англо-американских и российских историков..... 91

В. В. Кутявин

Письма русского священника из Варшавы середины XIX века..... 114

А. Н. Худолеев

Дискуссионные проблемы отечественной исторической науки
на страницах журнала «Русский архив» (1863–1870)..... 122

И. Р. Чикалова

«Англичане – один из самых оригинальных народов...»
неутомимый исследователь англосаксонского мира П. Г. Мижуев.... 131

К. В. Герш

Историк в плену воспоминаний..... 148

<i>Т. Н. Попова</i>	
Историографическое плато на «территории историка»	
Из наследия П. М. Бицилли.....	172
<i>А. Л. Литвин, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова</i>	
«Что же наука без свободы?»: советский историк-марксист	
Владимир Викторович Адоратский.....	190
<i>Л. А. Сыченкова</i>	
Образ Иеремии Исаевича Иоффе	
в письмах и воспоминаниях родственников и учеников.....	209
<i>Д. Е. Мартынов</i>	
Джон Кинг Фэрбэнк и советские китаеведы.....	234
<i>В. Н. Ерохин</i>	
Артур Джеффри Диккенс и современные дискуссии	
об истории Английской Реформации.....	250
<i>З. А. Чеканцева</i>	
«История настоящего времени» во Франции	
в контексте рефлексивного поворота.....	268
Научные сообщества, школы, университеты	
<i>О. Б. Леонтьева</i>	
Субъективная (русская социологическая) школа	
в поисках исследовательской оптики.....	281
<i>С. И. Посохов</i>	
М. С. Дринов и Харьковский университет	
историографические заметки.....	310
<i>Н. И. Недашковская</i>	
Научные биографии как часть	
профессионализации славистики.....	327
<i>В. П. Корзун</i>	
Назначение в кумиры: практики классикализации	
в научном сообществе историков (1920 – середина 1930-х годов).....	337
<i>И. Г. Воробьева</i>	
Биографии славистов	
в исследованиях ученых Тверского университета.....	365
<i>Г. В. Рокина</i>	
«Все дороги ведут в... Казань»	
из истории сотрудничества Мари Эл и Татарстана.....	380
<i>Т. Н. Гелла</i>	
Научные исторические школы в современных	
российских университетах: личностный фактор,	
преемственность и инновационность.....	393
«Третье тысячелетие будет...» (Как избрать профессию историка?)	
Интервью с профессором Г. П. Мягковым (<i>Н.И. Недашковская</i>).....	408
CONTENTS.....	428

ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Г. П. МЯГКОВА

Под общей редакцией
Лорины Петровны Репиной и
Надежды Игоревны Недашковской

Рецензенты

Олег Владимирович СИНИЦЫН
доктор исторических наук,
профессор Казанского федерального университета

Андрей Александрович КУЗНЕЦОВ
доктор исторических наук, профессор
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Дизайн обложки *И.Г. Граве*

Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 01.03.2022

Формат 60 x 90/16. Гарнитура Times. Печать цифровая

Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон» (Москва)

Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Сайт: aquilopress.com

Отпечатано в типографии Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»

Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА

Тел. +7 (495) 545-37-10

Электронная почта: info@onebook.ru

Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-83-9

9 785906 578839